

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

ПРИКЛАДНАЯ
ДЕМОНОЛОГИЯ

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

ПРИКЛАДНАЯ
ДЕМОНОЛОГИЯ

РОБЕРТ ШЕКЛИ

WORLDS OF ROBERT SHECKLEY

APPLIED DEMONOLOGY

**«POLARIS» PUBLISHERS
1997**

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

ПРИКЛАДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛИРИС»
1997**

Миры Роберта Шекли. Прикладная демонология ✓
Пер. с англ. — Полярис, 1997. — 394 с.

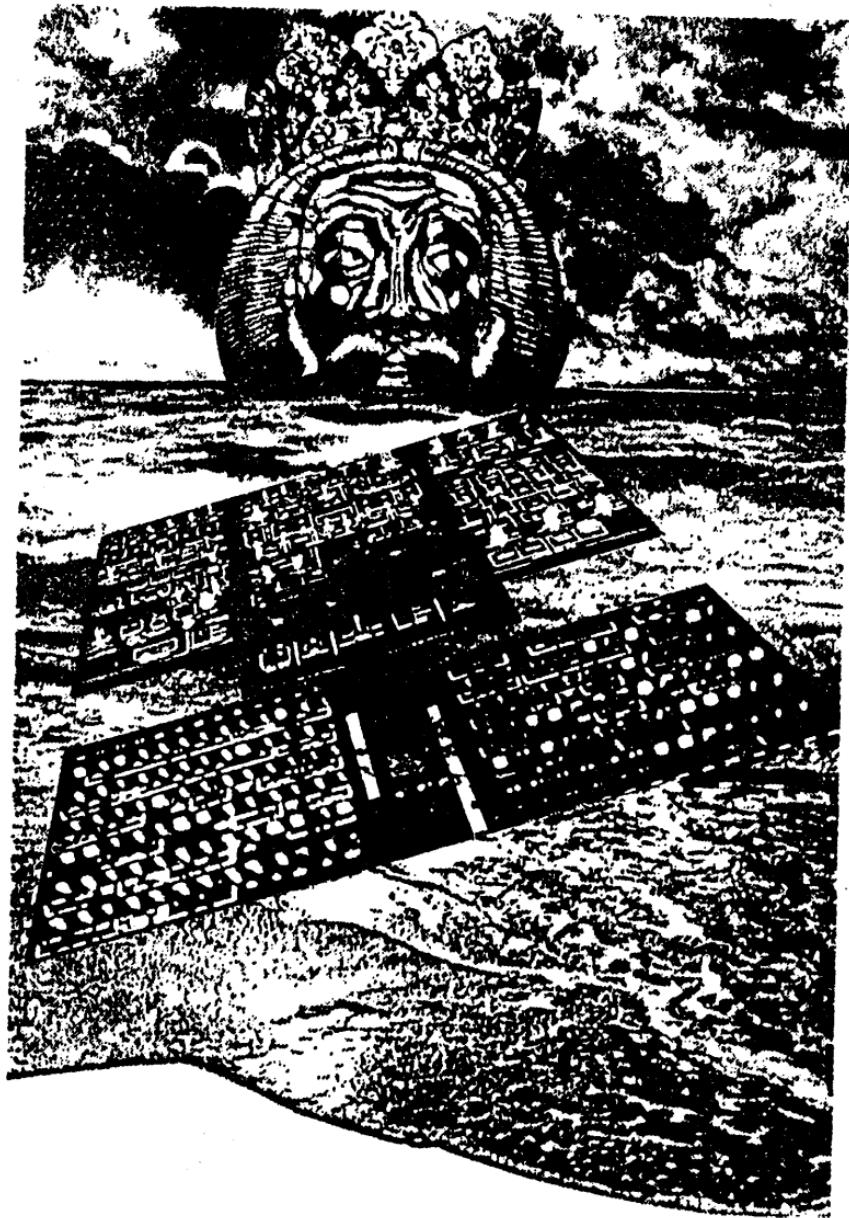
В эту книгу вошли лучшие рассказы одного из самых блестящих юмористов в научной фантастике, посвященные столкновению человека с необычайным и нелепым, ужасным и смешным.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных рассказов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Иллюстрации на обложку и форзац печатаются с разрешения художника Michael Whelan и его агентов: Glassonion Ltd. (США) и Александра Корженевского (Россия).

ISBN 5-88132-326-2

© Издательство «Полярис»,
оформление, составление,
название серии, 1997

ПРИКЛАДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ

ЦАРСКАЯ ВОЛЯ

Просидев два часа на корточках под прилавком с посудой, Боб Грейнджер почувствовал, что у него затекли ноги. Он шевельнулся, желая неприметно изменить позу, и увесистая клюшка для гольфа с грохотом скатилась на пол с его колен.

— Тсс, — шепнула Джейнис; она крепко сжимала железную дубинку.

— Не думаю, чтобы он появился, — сказал Боб.

— Сиди тихонько, милый, — по-прежнему шепотом ответила Джейнис, напряженно вглядываясь в темноту.

Пока еще ничто не предвещало появления вора. Но вот уже целую неделю он приходил сюда каждую ночь, таинственно похищая генераторы, холодильники и кондиционеры. Таинственно — ибо не взламывал замков, не вырезал оконных стекол и не оставлял следов. Тем не менее каким-то чудом он забирался в магазин и каждый раз наносил изрядный урон их добру.

— Вряд ли из нашей затеи что-нибудь выйдет, — зашептал Боб. — В конце концов, если человек способен унести на спине генератор весом в несколько сот фунтов...

— Ничего, управимся, — возразила Джейнис с уверенностью, благодаря которой в свое время получила звание старшего сержанта Женского мотопехотного корпуса. — Кроме того, должны же мы как-то унять его: ведь из-за этого откладывается наша свадьба.

Боб кивнул. На свои армейские сбережения они с Джейнис открыли в родном городке универсальный магазин и

Царская воля

© Н. Евдокимова, перевод, 1965

The King's Wishes

Copyright © 1953 by Fantasy House, Inc.

собирались пожениться, как только позволит доход. Однако если пропадают холодильники и кондиционеры воздуха...

— Кажется, я что-то слышу, — заметила Джейнис и перехватила дубинку поудобнее.

Где-то в магазине раздался едва уловимый шорох. Они затаили дыхание. Затем послышались приглушенные шаги — кто-то ступал по линолеуму.

— Когда он выйдет на середину зала, — прошептала Джейнис, — включай свет.

Наконец они различили в темном зале какое-то черное пятно. Боб включил свет и крикнул: «Ни с места!»

— Не может быть! — ахнула Джейнис, чуть не выронив дубинку. Боб обернулся и судорожно глотнул воздух.

Перед ними стоял детина ростом добрых три метра. На лбу его явственно проступали рожки, за спиной мотались крохотные крыльшки. Одет он был в шаровары из грубой бумажной ткани индийского производства и белый спортивный свитер с алыми буквами на груди: «Политехнический им. Иблиса». На огромных ножищах красовались поношенные белые башмаки из оленьей кожи, а светлые волосы были подстрижены бобриком.

— Проклятье! — пробормотал незваный гость, увидев Боба и Джейнис. — Так и знал, что надо было прослушать в колледже курс невидимости.

Он обхватил руками живот и надул щеки. Мгновенно ноги его исчезли. Великан продолжал дуть изо всех сил, пока не стал невидимым и живот, однако дальше дело не пошло.

— Не умею, — виновато сказал он и выдохнул весь воздух. Живот и ноги снова обозначились. — Сноровки не хватает. Проклятье!

— Чего тебе надо? — спросила Джейнис, грозно выпрямившись во все свои полтора с небольшим метра.

— Чего надо? Сейчас соображу. Ах да, вентилятор! — Он пересек зал и легко поднял с пола большой вентилятор.

— Постой! — крикнул Боб. Он подошел к гиганту, держа наготове клюшку для гольфа. Джейнис выглядывала из-за его спины. — Интересно, куда это ты с ним собрался?

— К царю Алериану, — ответил гигант. — Он возжелал владеть вентилятором.

— Ах, возжелал, вот оно что! — протянула Джейнис. — Ну-ка, поставь на место. — Она замахнулась дубинкой.

— Но ведь я тут ни при чем, — возразил молодой гигант, нервно подрагивая крыльшками. — Царь его возжелал.

— Пеняй на себя, — сквозь зубы процедила Джейнис.

После службы в армии, где она ремонтировала моторы для джипов, Джейнис была в отличной форме, несмотря на малый рост. Она хватила гиганта дубинкой; при этом ее светлые волосы беспорядочно разметались.

— Ух! — воскликнула Джейнис. Дубинка отскочила от головы странного существа, едва не свалив девушку с ног. В тот же миг Боб замахнулся клюшкой, норовя пересчитать гиганту ребра.

Клюшка прошла сквозь гиганта и, подскочив, упала на пол.

— На ферру сила не действует, — извиняющимся тоном сообщил гигант.

— На кого? — переспросил Боб.

— На ферру. Мы приходимся двоюродными братьями джиннам, а по женской линии состоим в родстве с дэвами. — Он снова направился к центру зала, зажав вентилятор в широченном кулаке. — А теперь, с вашего разрешения...

— Это демон? — От изумления Джейнис разинула рот. В детстве родители запрещали ей слушать сказки о призраках и демонах, и Джейнис выросла трезвой реалисткой. Она ловко чинила любые механизмы — таков был ее пай в деловом товариществе. Все сколько-нибудь более причудливое она предоставляла Бобу.

Боб, воспитанный на щедрых порциях Берроуза и «Волшебника Изумрудного города», оказался более легковерным.

— Вы хотите сказать, что вышли из «Тысячи и одной ночи»? — спросил он.

— Да нет же, — поморщился ферра. — Арабские джинны приходятся мне двоюродными братьями. Все демоны связаны между собою узами родства, но я — ферра, из рода ферр.

— Будьте любезны, скажите, пожалуйста, — почтительно обратился Боб к гостю, — для чего вам понадобился генератор, холодильник и кондиционер воздуха?

— С охотой и удовольствием, — ответил ферра, ставя вентилятор на пол. Он пошарил рукой в воздухе, нашел то, что искал, и уселся на пустоту. Затем скрестил под собой ноги и зашнуровал потуже один башмак. — Недельки три назад я окончил Политехнический колледж имени Иблиса, — приступил он к своему повествованию. — И, конечно, тотчас же подал заявление на государственную гражданскую службу. Испокон веков мои предки были государственными чиновниками,

так уж у нас в роду повелось. Ну и вот, заявлений, как всегда, была целая куча, так что я...

— На государственную гражданскую службу? — повторил Боб.

— Ну да. Это ведь все государственные посты — даже джинн волшебной лампы Аладдина был правительственным чиновником. Надо, видите ли, пройти специальные испытания...

— Не отвлекайся, — попросил Боб.

— Так вот... Поклянитесь, что это останется между нами... я получил работу по знакомству. — Гость вспыхнул от смущения, и щеки его стали оранжевыми. — Мой отец — член Совета преисподней — пустил в ход все свое влияние. Меня назначили феррой Царского кубка, обойдя 4000 ферр с ученой степенью. Это большая честь, знаете ли.

Все помолчали, и ферра заговорил вновь.

— Надо признаться, я не был как следует подготовлен, — промолвил он печально. — Ферра кубка должен быть искусствником во всех областях демонологии. А я только-только со студенческой скамьи, да еще с посредственными отметками. Но мне, разумеется, казалось, будто я с чем угодно справлюсь.

Ферра на мгновение умолк и уселся в воздухе поудобнее.

— Однако не стоит морочить вам голову своими заботами, — опомнился он, соскакивая с воздуха на пол. — Еще раз прошу прощения...

Он поднял с пола вентилятор.

— Минуточку, — сказала Джейнис. — Это царь приказал тебе взять именно наш вентилятор?

— Отчасти, — ответил ферра, вновь окрашиваясь в оранжевый цвет.

— Скажи-ка, — поинтересовалась Джейнис, — а твой царь богат? — Пока что она решила обращаться с этим сверхъестественным явлением как с обычновенным человеком.

— Он весьма состоятельный монарх.

— В таком случае почему он не платит за это барахло деньги? — осведомилась Джейнис. — Для чего ему обязательно нужно краденое?

— Ну, — промямлил ферра, — ему просто негде купить.

«Какая-нибудь отсталая восточная страна», — подумала Джейнис.

— Отчего бы ему не ввозить электротовары из-за границы? Любая фирма с радостью пойдет ему навстречу, — произнесла она вслух.

— Все это страшно неудобно, — уклонился от ответа ферра и потер один башмак о другой. — Жаль, что я не могу стать невидимкой.

— Выкладывай, — не отставал Боб.

— Если хотите знать, — угрюмо ответил ферра, — царь Алериан живет в том времени, которое вы называете двухтысячным годом до вашей эры.

— Тогда каким же...

— Да погодите, — сердито сказал молодой ферра. — Я вам все объясню. — Он вытер вспотевшие руки о белый свитер. — Как я уже рассказывал, мне досталась должность ферры Царского кубка. Я, естественно, ожидал, что царь потребует драгоценных камней или прекрасных женщин, — то и другое я доставил бы без труда. Этот раздел колдовства входит в программу первого семестра. Однако драгоценных камней у царя было достаточно, а жен больше чем достаточно — он совершенно не знал, что с ними делать. И вот он приказал мне — что бы вы думали? «Ферра, летом в моем дворце жарко. Створи нечто такое, что принесло бы во дворец прохладу».

Я тут же понял, что попался. Ферры учатся изменять климат лишь на специальных семинарах. Наверное, я слишком много времени убивал на беговой дорожке. Что называется, влип.

Я поспешил обратиться к Большой магической энциклопедии и посмотрел статью «Климат». Заклинания оказались для меня чересчур сложными. О том, чтобы просить помощи, не могло быть и речи. Это означало бы расписаться в собственной непригодности. Однако я вычитал, что в двадцатом веке существует искусственное управление климатом. Тогда я проник в будущее по узенькой тропинке и взял один из ваших кондиционеров. Потом царь повелел сделать так, чтобы его яства не портились, и я вернулся за холодильником. Потом...

— И все это ты подключил к генератору? — спросила Джейнис, которую занимала техническая сторона вопроса.

— Да. Я, может, не так уж силен в заклинаниях, зато в технике кое-что смыслю.

«А ведь у него концы с концами сходятся», — подумал Боб. Действительно, кто умел за 2000 лет до нашей эры создавать во дворце прохладу? За все сокровища мира нельзя было купить струю ледяного воздуха из кондиционера или холодильник, гарантирующий свежесть пищи. Однако Бобу не давала покоя мысль: что же это за демон? На ассирийского не похож. Что не египетский — ясно...

— Нет, не понимаю, — сказала Джейнис. — В прошлом? Ты имеешь в виду путешествие во времени?

— Именно. В колледже я специализировался в путешествиях во времени, — подтвердил ферра с мальчишечьим горделивой ухмылкой.

«Может быть, ацтекский, — думал тем временем Боб, — хотя это маловероятно...»

— Что ж, — посоветовала Джейнис, — обратись еще куданибудь. Почему бы тебе, например, не ограбить крупный универсальный магазин в столице?

— Ваш магазин — единственный, куда приводит тропинка во времени, — пояснил ферра.

Он поднял вентилятор.

— Мне, право же, неприятно, но если я не выдвинусь у царя Алериана, то никогда уже не получу другого назначения. Имя мое будет предано забвению.

И он исчез.

Полчаса спустя Боб и Джейнис сидели в угловой кабинке кафе, работающего круглосуточно. Они пили черный кофе и вполголоса переговаривались.

— Не верю ни единому слову! — горячилась Джейнис, к которой вернулся весь природный скепсис. — Демоны! Ферры!

— Придется тебе поверить, — устало отозвался Боб. — Ты ведь видела своими глазами.

— Не следует верить всему, что видишь, — стойко ответила Джейнис. Однако тут же вспомнила об утраченных товарах, улетучившихся доходах и о свадьбе, отодвигающейся все дальше и дальше. — Ну да ладно, — сказала она. — Ох, милый, что же нам делать?

— С магией надо бороться при помощи магии, — назидательно изрек Боб. — Завтра ночью он вернется. Уж тут-то мы подготовимся.

— Я тоже так считаю, — поддержала его Джейнис. — Я знаю, где можно одолжить винчестер...

Боб покачал головой:

— Пули отскочат от него или пройдут насквозь, не причинив вреда. Добрая, испытанная магия — вот что нам нужно. Клин клином вышибают.

— А какая именно магия? — спросила Джейнис.

— Чтобы действовать наверняка, — ответил Боб, — мы уж лучше прибегнем ко всем известным видам магии. Как жаль,

что я не знаю, откуда он родом. Чтобы мы получили желанный эффект, магия должна...

— Еще кофе? — спросил внезапно выросший перед ними буфетчик.

Боб виновато взглянул на него, а Джейнис покраснела.

— Пойдем отсюда, — предложила она. — Если кто-нибудь нас подслушает, мы станем всеобщим посмешищем — хоть беги из городка.

Вечером они встретились в магазине. Весь день Боб провел в библиотеке, подбирая материал. Плодом его стараний были 25 листов, с обеих сторон покрытых неуклюжими каракулями.

— А все-таки жаль, что у нас нет винчестера, — сказала Джейнис, захватившая из секции металлических изделий шоферский домкрат.

В 23.45 появился ферра.

— Привет, — заявил он. — Где вы держите электрокамины? Царю угодно что-нибудь на зиму. Открытые очаги ему надоели. Слишком сильный сквозняк.

— Изыди во имя креста! — торжественно начал Боб и показал ферре крест.

— Прошу прощения, — любезно откликнулся гость. — Ферры с христианством не связаны.

— Изыди во имя Намтару и Тиамат! — продолжал Боб, ибо в его конспектах первой значилась Месопотамия. — Во имя обитателя пустынь Шамаша, во имя Телаля и Энлиля...

— Ага, вот они, — пробормотал ферра. — Отчего я вечно ввязываюсь в какие-то неприятности? Это электрическая модель, не газовая? Камин, похоже, малость подержанный.

— Призываю создателя лодок Рату, — нараспев затянул Боб, переключаясь на Полинезию, — и покровителя травяных передников Хину.

— Еще чего, подержанный, — обозлилась Джейнис, в душе которой деловые инстинкты взяли верх. — Гарантия на год. Безоговорочная.

— Взываю к Небесному Волку, — перешел Боб к Китаю, когда Полинезия не подействовала. — К Волку, стерегущему врата Верховного божества Шан Ди. Призываю бога грома Ли Куна...

— Постойте, ведь это инфракрасная духовка, — сказал ферра как ни в чем не бывало. — Ее-то мне и надо. И еще ванну. У вас есть ванны?

— Зову Баала, Буэра, Форкия, Мархоция, Астарту..

— Ванны здесь, не так ли? — спросил ферра у Джейнис, и та непроизвольно кивнула. — Возьму, пожалуй, самую большую. Царь довольно крупный мужчина.

— Единорога, Фетида, Асмодея и Инкуба! — закончил Боб. Ферра покосился на него не без уважения.

Боб гневно призывал персидского владыку света — Ормузда, а за ним — божество аммонов Молоха и божество древних филистимлян Дагона.

— Больше я, наверное, не унесу, — размышлял ферра вслух.

Боб помянул Дамбаллу, потом взмолился аравийским богам. Он испробовал фессалийскую магию и заклинания Малой Азии. Он пытался растрогать малайских духов и расшевелить ацтекских идолов. Он двинул в бой Африку, Мадагаскар, Индию, Ирландию, Малайю, Скандинавию и Японию.

— Это внушительно, — признал ферра, — но все равно ни к чему не приведет. — Он взвалил на себя ванну, духовку и камин.

— А почему? — задохнулся от изумления Боб, который совершенно выбился из сил.

— Видишь ли, на ферр действуют только заклинания родной страны. Точно так же джинны подчиняются лишь магическим законам Аравии. Кроме того, ты не знаешь, как меня зовут; уверяю тебя, немногого добьешься, изгоняя демона, имя которого тебе неизвестно.

— Из какой же ты страны? — спросил Боб, вытирая пот со лба.

— Э, нет! — спохватился ферра. — Зная страну, ты можешь отыскать против меня верное заклинание. А у меня и так хлопот полон рот.

— Послушай, — вмешалась Джейнис. — Если царь так богат, отчего бы ему не расплатиться с нами?

— Царь никогда не платит за то, что может получить даром, — ответил ферра. — Поэтому он и богат.

Боб и Джейнис пронзили его яростным взглядом, поняв, что свадьба упливает в неопределенное будущее.

— Завтра ночью увидимся. — С этими словами ферра дружелюбно помахал рукой и исчез.

— Ну и ну, — сказала Джейнис, когда ферра скрылся. — Что же теперь делать? У тебя есть еще какие-нибудь блестящие идеи?

— Решительно никаких, — ответил Боб, тяжело опускаясь на тахту.

— Может, еще нажмем на магию? — спросила Джейнис с легчайшей примесью иронии.

— Ничего не выйдет, — отрезал Боб. — Ни в одной энциклопедии я не нашел слов «ферра» и «царь Алериан». Он, наверное, из тех краев, о каких мы и слыхом не слыхивали. Возможно, из какого-нибудь карликового княжества в Индии.

— Везет как утопленникам, — пожаловалась Джейнис, отбросив иронический тон. — Что же нам делать? В следующий раз ему, я думаю, понадобится пылесос, а потом магнитофон.

Она закрыла глаза и стала сосредоточенно думать.

— Он и впрямь лезет из кожи вон, лишь бы только выдвинуться, — заметил Боб.

— Я, кажется, придумала, — объявила Джейнис, открывая глаза.

— Что именно?

— На первом месте для нас должна быть наша торговля и наша свадьба. Правильно?

— Правильно, — ответил Боб.

— Ладно. Пусть я не Бог весть какой мастак в заклинаниях, — подытожила Джейнис, засучив рукава, — зато в технике я разбираюсь. Живо за работу.

На следующие сутки ферра нанес им визит без четверти одиннадцать. На госте был все тот же белый свитер, но башмаки из оленьей кожи он сменил на рыжевато-коричневые мокасины.

— Нынче царь меня торопит, как никогда, — сказал он. — Новая жена всю душу из него вымотала. Оказывается, ее наряды выдерживают только одну стирку. Рабы колотят их о камень.

— Понятно, — сочувственно произнес Боб.

— Бери, пожалуйста, не стесняйся, — предложила Джейнис.

— Это страшно любезно с вашей стороны, — с признательностью вымолвил ферра. — Поверьте, я способен это оценить. — Он выбрал стиральную машину. — Царица ждет. — И ферра скрылся.

Боб предложил Джейнис сигаретку. Они уселись на кушетку и стали ждать. Через полчаса ферра появился вновь.

— Что вы натворили? — спросил он.

— А что случилось? — невинно откликнулась Джейнис.

— Стиральная машина! Когда царица ее включила, оттуда вырвалось облако зловонного дыма. Затем раздался какой-то чудной звук, и машина остановилась.

— На нашем языке, — прокомментировала Джейнис, пустив кольцо дыма, — это называется «машинка с фокусом».

— С фокусом?

— С «покупкой». С сюрпризом. С изъянцем. Как и все остальное в нашем магазине.

— Но вы же не имеете права! — воскликнул ферра. — Это нечестно!

— Ты такой способный, — ядовито ответила Джейнис. — Валяй, чини.

— Я похвастал, — смиренно промолвил ферра. — Вообще-то я гораздо сильнее в спорте.

Джейнис улыбнулась и зевнула.

— Да полноте, — умолял ферра, нервно подрагивая крыльшками.

— Очень жаль, но я ничем не могу помочь, — сказал Боб.

— Вы ставите меня в ужасное положение, — не унималася ферра, — меня понизят в должности. Вышвырнут с государственной службы.

— Но мы ведь не можем допустить своего разорения, правда? — спросила Джейнис.

С минуту Боб размышлял.

— Послушай-ка, — предложил он. — Почему бы тебе не дложить царю, что ты столкнулся с мощной антимагией? Скажи, что, если ему нужны эти товары, *пусть платит пошлину демонам преисподней*.

— Ему это придется не по нраву, — с сомнением произнес ферра.

— Во всяком случае, попытайся, — предложил Боб.

— Попытаюсь, — сказал ферра и исчез.

— Как по-твоему, сколько можно запросить? — нарушила молчание Джейнис.

— Да посчитай ему по стандартным розничным ценам. В конце концов, мы создавали магазин в расчете на честную торговлю. Мы ведь не собирались проводить дискриминацию. А все же хотел бы я знать, откуда он родом.

— Царь так богат, — мечтательно проговорила Джейнис. — По-моему, просто грех не...

— Постой! — вскричал Боб. — Это невозможно! Разве в 2000 году до нашей эры мыслимы холодильники? Или кондиционеры?

— Что ты имеешь в виду?

— Это изменило бы весь ход истории! — объяснил Боб. — Посмотрит какой-нибудь умник на эти штуки и смекнет, как они действуют. И тогда изменится весь ход истории!

— Ну и что? — спросила практичная Джейнис.

— Что? Да то, что научный поиск пойдет по другому пути. Изменится настоящее.

— Ты хочешь сказать, что это невозможно?

— Да!

— Именно это я все время и говорила, — торжествующе заметила Джейнис.

— Да перестань, — обиделся Боб. — Надо было подумать обо всем раньше. Из какой бы страны этот ферра ни происходил, она обязательно окажет влияние на будущее. Мы не вправе создавать парадокс.

— Почему? — спросила Джейнис, но в это мгновение появился ферра.

— Царь изъявил согласие, — сообщил он. — Хватит ли этого в уплату за все, что я у вас брал? — Он протянул маленький мешочек.

Высыпав содержимое из мешочка, Боб обнаружил две дюжины крупных рубинов, изумрудов и бриллиантов.

— Мы не можем их принять, — заявил Боб. — Мы не можем вести с тобой дела.

— Не будь суеверным! — вскричала Джейнис, видя, что свадьба вновь ускользает.

— А, собственно, почему? — спросил ферра.

— Нельзя отправлять современные вещи в прошлое, — пояснил Боб. — Иначе изменится настоящее. Или перевернется мир, или еще какая-нибудь напасть приключится.

— Да ты об этом не беспокойся, — примирительно сказал ферра. — Ничего не случится, я гарантирую.

— Как знать? Ведь если бы ты привез стиральную машину в Древний Рим...

— К несчастью, — вставил ферра, — государство царя Алерiana лишено будущего.

— Не можешь ли ты разъяснить свою мысль?

— Запросто. — Ферра уселся в воздухе. — Через три года царь Алериан и его страна будут совершенно и безвозвратно стерты с лица земли силами природы. Не уцелеет ни один человек. Не сохранится ни единого глиняного черепка.

— Отлично, — заключила Джейнис, поднеся рубин к свету. — Нам бы лучше разгрузиться, пока он еще заключает сделки.

— Тогда, пожалуй, другое дело, — сказал Боб. Их магазин был спасен. Пожениться они могли хоть завтра. — А что же станет с тобой? — спросил он ферру.

— Ну что ж, я недурно показал себя на этой работе, — ответил ферра. — Скорее всего попрошу в заграничную командировку. Я слыхал, что перед арабским колдовством открываются необозримые перспективы.

Он благодушно провел рукой по светлым, коротко подстриженным волосам.

— Я буду наведываться, — предупредил он и начал исчезать.

— Минуточку, — вскочил Боб. — Не скажешь ли ты, из какой страны ты явился? И где правит царь Алериан?

— Пожалуйста, — ответил ферра, у которого была видна только голова. — Я думал, вы догадались. Ферры — это демоны Атлантиды.

С этими словами он исчез.

БУХГАЛТЕР

Мистер Дии сидел в большом кресле. Его пояс был ослаблен, на коленях лежали вечерние газеты. Он мирно покуривал трубку и наслаждался жизнью. Сегодня ему удалось продать два амулета и бутылочку приворотного зелья; жена домовито хозяйничала на кухне, откуда шли чудесные ароматы; да и трубка курилась легко... Удовлетворенно вздохнув, мистер Дии зевнул и потянулся.

Через комнату прошмыгнулся Мортон, его девятилетний сын, нагруженный книгами.

— Как дела в школе? — окликнул мистер Дии.

— Нормально, — ответил мальчик, замедлив шаги, но не останавливаясь.

— Что там у тебя? — спросил мистер Дии, махнув на охапку книг в руках сына.

— Так, еще кое-что по бухгалтерскому учету, — невнятно проговорил Мортон, не глядя на отца. Он исчез в своей комнате.

Мистер Дии покачал головой. Парень ухитрился втиснуть в башку, что хочет стать бухгалтером. Бухгалтером!.. Спору нет, Мортон действительно здорово считает; и все же эту блажь надо забыть. Его ждет иная, лучшая судьба.

Раздался звонок.

Мистер Дии подтянул ремень, торопливо набросил рубашку и открыл дверь. На пороге стояла мисс Грииб, классная руководительница сына.

— Пожалуйста, заходите, мисс Грииб, — пригласил Дии. — Позволите вас чем-нибудь угостить?

Бухгалтер

© В. Баканов, перевод, 1990

The Accountant

Copyright © 1954 by Fantasy House, Inc.

— Мне некогда, — сказала мисс Грииб и, подбоченясь, застыла на пороге. Серые растрепанные волосы, узкое длинноносое лицо и красные слезящиеся глаза делали ее удивительно похожей на ведьму. Да и немудрено, ведь мисс Грииб и впрямь была ведьмой.

— Я должна поговорить о вашем сыне, — заявила учительница.

В этот момент, вытирая руки о передник, из кухни вышла миссис Дии.

— Надеюсь, он не шалит? — с тревогой произнесла она.

Мисс Грииб зловеще хмыкнула:

— Сегодня я дала годовую контрольную. Ваш сын с позором провалился.

— О Боже, — запричитала миссис Дии. — Четвертый класс, весна, может быть...

— Весна тут ни при чем, — оборвала мисс Грииб. — На прошлой неделе я задала Великие Заклинания Кордуса, первую часть. Вы же знаете, проще некуда. Он не выучил ни одного.

— Хм-м, — протянул мистер Дии.

— По биологии — не имеет ни малейшего представления об основных магических травах. Ни малейшего.

— Немыслимо! — сказал мистер Дии.

Мисс Грииб коротко и зло рассмеялась:

— Более того, он забыл Тайный алфавит, который учили в третьем классе. Забыл Защитную Формулу, забыл имена девяноста девяти младших бесов Третьего круга, забыл то немногое, что знал по географии Ада. Но хуже всего — он просто не желает учиться.

Мистер и миссис Дии молча переглянулись. Все это было очень серьезно. Какая-то толика мальчишеского небрежения дозволялась, даже поощрялась, ибо свидетельствовала о силе характера. Но ребенок должен знать азы, если надеется когда-нибудь стать настоящим чародеем.

— Скажу прямо, — продолжала мисс Грииб, — в былье времена я бы его отчислила и глазом не моргнув. Но нас так мало...

Мистер Дии печально кивнул. Ведовство в последние столетия хирело. Старые семьи вымирали, становились жертвами демонических сил или учеными. А непостоянная публика утратила всякий интерес к дедовским чарам и заклятиям.

Теперь лишь буквально считанные владели Древним Искусством, хранили его, преподавали детям в таких местах,

как частная школа мисс Грииб. Священное наследие и сокровище.

— Надо же — стать бухгалтером! — воскликнула учительница. — Я не понимаю, где он этого набрался. — Она обвиняюще посмотрела на отца. — И не понимаю, почему эти глупые бредни не раздавили в зародыше.

Мистер Дии почувствовал, как к лицу прилила кровь.

— Но учтите — пока у Мортона голова занята этим, толку не будет!

Мистер Дии не выдержал взгляда красных глаз ведьмы. Да, он виноват. Нельзя было приносить домой тот игрушечный арифмометр. А когда он впервые застал Мортону за игрой в двойной бухгалтерский учет, надо было сжечь гроссбух!

Но кто мог подумать, что невинная шалость перейдет в навязчивую идею?

Миссис Дии разгладила руками передник и сказала:

— Мисс Грииб, вся надежда на вас. Что вы посоветуете?

— Что могла, я сделала, — ответила учительница. — Остается лишь вызвать Борбаса, Демона Детей. Тут, естественно, решать вам.

— О, вряд ли все так уж страшно, — быстро проговорил мистер Дии. — Вызов Борбаса — серьезная мера.

— Повторяю, решать вам, — сказала мисс Грииб. — Хотите, вызывайте, хотите, нет. При нынешнем положении дел, однако, вашему сыну никогда не стать чародеем.

Она повернулась.

— Может быть, чашечку чаю? — поспешила предложила миссис Дии.

— Нет, я опаздываю на шабаш ведьм в Цинциннати, — бросила мисс Грииб и исчезла в клубах оранжевого дыма.

Мистер Дии отогнал рукой дым и закрыл дверь.

— Хм. — Он пожал плечами. — Могла бы и ароматизировать...

— Старомодна, — пробормотала миссис Дии.

Они молча стояли у двери. Мистер Дии только сейчас начал осознавать смысл происходящего. Трудно было себе представить, что его сын, его собственная кровь и плоть, не хочет продолжать семейную традицию. Не может такого быть!

— После ужина, — наконец решил мистер Дии, — я с ним поговорю. По-мужски. Уверен, что мы обойдемся без всяких демонов.

— Хорошо, — сказала миссис Дии. — Надеюсь, тебе удастся его вразумить.

Она улыбнулась, и ее муж увидел, как в глазах сверкнули знакомые ведьмовские огоньки.

— Боже, жаркое! — вдруг опомнилась миссис Дии, и огоньки потухли. Она заспешила на кухню.

Ужин прошел тихо. Мортон знал, что приходила учительница, и ел, словно чувствуя вину, молча. Мистер Дии резал мясо, сурово нахмурив брови. Миссис Дии не пытаялась заговаривать даже на отвлеченные темы.

Проглотив десерт, мальчик скрылся в своей комнате.

— Пожалуй, начнем. — Мистер Дии допил кофе, вытер рот и встал. — Иду. Где мой Амулет Убеждения?

Супруга на миг задумалась, потом подошла к книжному шкафу.

— Вот, — сказала она, вытаскивая его из книги в яркой обложке. — Я им пользовалась вместо закладки.

Мистер Дии сунул амулет в карман, глубоко вздохнул и направился в комнату сына.

Мортон сидел за своим столом. Перед ним лежал блокнот, испещренный цифрами и мелкими аккуратными записями; также шесть остро заточенных карандашей, ластик, абак и игрушечный арифмометр. Над краем стола угрожающе нависла стопка книг: «Деньги» Римраамера, «Практика ведения банковских счетов» Джонсона и Кэлоуна, «Курс лекций для финансистов» и десяток других.

Мистер Дии сдвинул в сторону разбросанную одежду и освободил себе место на кровати.

— Как дела, сынок? — спросил он самым добрым голосом, на какой был способен.

— Отлично, пап! — затараторил Мортон. — Я дошел до четвертой главы «Основ счетоводства», ответил на все вопросы...

— Сынок, — мягко перебил Дии, — я имею в виду занятия в школе.

Мортон смутился и заелозил ногами по полу.

— Ты же знаешь, в наше время мало кто из мальчиков имеет возможность стать чародеем...

— Да, сэр, знаю. — Мортон внезапно отвернулся и высоким срывающимся голосом произнес: — Но, пап, я хочу быть бухгалтером. Очень хочу. А, пап?

Мистер Дии покачал головой:

— Наша семья, Мортон, всегда славилась чародеями. Вот уж одиннадцать веков фамилия Дии известна в сферах сверхъестественного.

Мортон продолжал смотреть в окно и елозить ногами.

— Ты ведь не хочешь меня огорчать, да, мальчик? — Мистер Дии печально улыбнулся. — Знаешь, бухгалтером может стать каждый. Но лишь считанным единицам подвластно искусство Черной Магии.

Мортон отвернулся от окна, взял со стола карандаш, попробовал острие пальцем, завертел в руках.

— Ну что, малыш? Неужели нельзя заниматься так, чтобы мисс Грииб была довольна?

Мортон затряс головой:

— Я хочу стать бухгалтером.

Мистер Дии с трудом подавил злость. Что случилось с Амулетом Убеждения? Может, заклинание ослабло? Надо было подзарядить...

— Мортон, — продолжил он сухим голосом. — Я всегда навсего Адепт Третьей степени. Мои родители были очень бедны, они не могли послать меня учиться в университет.

— Знаю, — прошептал мальчик.

— Я хочу, чтобы у тебя было все то, о чем я лишь мечтал. Мортон, ты можешь стать Адептом Первой степени. — Мистер Дии задумчиво покачал головой. — Это будет трудно. Но мы с твоей мамой сумели немного отложить и кое-как наскребем необходимую сумму.

Мортон покусывал губы и вертел карандаш.

— Сынок, Адепту Первой степени не придется работать в магазине. Ты можешь стать Прямым Исполнителем Воли Дьявола. Прямым Исполнителем! Ну, что скажешь, малыш?

На секунду Дии показалось, что его сын тронут, — губы Мортона разлепились, глаза подозрительно заблестели. Потом мальчик взглянул на свои книги, на маленький абак, на игрушечный арифмометр.

— Я буду бухгалтером, — сказал он.

— Посмотрим! — Мистер Дии сорвался на крик, его терпение лопнуло. — Нет, молодой человек, ты не будешь бухгалтером, ты будешь чародеем. Что было хорошо для твоих родных, будет хорошо и для тебя, клянусь всем, что есть проклятого на свете! Ты еще припомнишь мои слова.

И он выскочил из комнаты.

Как только хлопнула дверь, Мортон сразу же склонился над книгами.

Мистер и миссис Дии молча сидели на диване. Миссис Дии вязала, но мысли ее были заняты другим. Мистер Дии угрюмо смотрел на вытертый ковер гостиной.

— Мы его испортили, — наконец произнес мистер Дии. — Надежда только на Борбаса.

— О нет! — испуганно воскликнула миссис Дии. — Мортон совсем еще ребенок.

— Хочешь, чтобы твой сын стал бухгалтером? — горько спросил мистер Дии. — Хочешь, чтобы он корпел над цифрами, вместо того чтобы заниматься важной работой Дьявола?

— Разумеется, нет, — сказала жена. — Но Борбас...

— Знаю. Я сам чувствую себя убийцей.

Они погрузились в молчание. Потом миссис Дии заметила:

— Может, дедушка?.. Он всегда любил мальчика.

— Пожалуй, — задумчиво произнес мистер Дии. — Но стоит ли его беспокоить? В конце концов, старик уже три года мертв.

— Понимаю. Однако третьего не дано: либо это, либо Борбас.

Мистер Дии согласился. Неприятно, конечно, нарушать покой дедушки Мортону, но прибегать к Борбасу неизмеримо хуже. Мистер Дии решил немедленно начать приготовления и вызвать своего отца.

Он смешал белену, размолотый рог единорога, болиголов, добавил кусочек драконьего зуба и все это поместил на ковре.

— Где мой магический жезл? — спросил он жену.

— Я сунула его в сумку вместе с твоими клюшками для гольфа, — ответила она.

Мистер Дии достал жезл и взмахнул им над смесью. Затем пробормотал три слова Высвобождения и громко назвал имя отца.

От ковра сразу же поднялась струйка дыма.

— Здравствуйте, дедушка. — Миссис Дии поклонилась.

— Извини за беспокойство, папа, — начал мистер Дии. — Дело в том, что мой сын — твой внук — отказывается стать чародеем. Он хочет быть... счетоводом.

Струйка дыма затрепетала, затем расправилась и изобразила знак Старого Языка.

— Да, — ответил мистер Дии. — Мы пробовали убеждать. Он непоколебим.

Дымок снова задрожал и сложился в иной знак.

— Думаю, это лучше всего, — согласился мистер Дии. — Если испугать его до полусмерти, он раз и навсегда забудет свои бухгалтерские бредни. Да, жестоко — но лучше, чем Борбас.

Струйка дыма отчетливо кивнула и потекла к комнате мальчика. Мистер и миссис Дии сели на диван.

Дверь в комнату Мортона распахнулась и, будто на чудовищном сквозняке, с треском захлопнулась. Мортон поднял взгляд, нахмурился и вновь склонился над книгами.

Дым принял форму крылатого льва с хвостом акулы. Страшилище взревело угрожающе, оскалило клыки и приготовилось к прыжку.

Мортон взглянул на него, поднял брови и стал записывать в тетрадь колонку цифр.

Лев превратился в трехглавого ящера, от которого несло отвратительным запахом крови. Выдыхая языки пламени, ящер двинулся на мальчика.

Мортон закончил складывать, проверил результат на абаке и посмотрел на ящера.

С душераздирающим криком ящер обернулся гигантской летучей мышью, испускающей пронзительные невнятные звуки. Она стала носиться вокруг головы мальчика, испуская стоны и пронзительные невнятные звуки.

Мортон улыбнулся и вновь перевел взгляд на книги.

Мистер Дии не выдержал.

— Черт побери! — воскликнул он. — Ты не испуган?!

— А чего мне пугаться? — удивился Мортон. — Это же дедушка!

Летучая мышь тут же растворилась в воздухе, а образовавшаяся на ее месте струйка дыма печально кивнула мистеру Дии, поклонилась миссис Дии и исчезла.

— До свиданья, дедушка! — попрощался Мортон. Потом встал и закрыл дверь в свою комнату.

— Все ясно, — сказал мистер Дии. — Парень чертовски самоуверен. Придется звать Борбаса.

— Нет! — вскричала жена.

— А что ты предлагаешь?

— Не знаю, — проговорила миссис Дии, едва не рыдая. — Но Борбас... После встречи с ним дети сами на себя не похожи.

Мистер Дии был тверд как кремень.

— И все же ничего не поделаешь.

— Он еще такой маленький! — взмолилась супруга. — Это... это травма для ребенка!

— Ну что ж, используем для лечения все средства современной медицины, — успокаивающе произнес мистер Дии. — Найдем лучшего психоаналитика, денег не пожалеем... Мальчик должен быть чародеем.

— Тогда начинай, — не стесняясь своих слез, выдавила миссис Дии. — Но на мою помощь не рассчитывай.

Все женщины одинаковые, подумал мистер Дии, когда надо проявить твердость, разносятся... Скрепя сердце он подготовился вызывать Борбаса, Демона Детей.

Сперва понадобилось тщательно вычертить пентаграмму вокруг двенадцатиконечной звезды, в которую была вписана бесконечная спираль. Затем настала очередь трав и экстрактов — дорогих, но совершенно необходимых. Оставалось лишь начертать Зашитное Заклинание, чтобы Борбас не мог вырваться и уничтожить всех, и тремя каплями крови гиппогрифа...

— Где у меня кровь гиппогрифа?! — раздраженно спросил мистер Дии, роясь в серванте.

— На кухне, в бутылочке из-под аспирина, — ответила миссис Дии, вытирая слезы.

Наконец все было готово. Мистер Дии зажег черные свечи и произнес слова Снятия Оков.

В комнате заметно потеплело; дело было только за Прочтением Имени.

— Мортон, — позвал отец. — Подойди сюда.

Мальчик вышел из комнаты и остановился на пороге, крепко сжимая одну из своих бухгалтерских книг. Он выглядел совсем юным и беззащитным.

— Мортон, сейчас я призову Демона Детей. Не толкай меня на этот шаг, Мортон.

Мальчик побледнел и прижался к двери, но упрямо замотал головой.

— Что ж, хорошо, — проговорил мистер Дии. — БОРБАС!

Раздался грохот, полыхнуло жаром, и появился Борбас, головой подпирая потолок. Он зловеще ухмылялся.

— А! — вскричал демон громовым голосом. — Маленький мальчик!

Челюсть Мортона отвисла, глаза выкатились на лоб.

— Непослушный маленький мальчик, — просююкал Борбас и, рассмеявшись, двинулся вперед; от каждого шага сотрясался весь дом.

— Прогони его! — воскликнула миссис Дии.

— Не могу, — срывающимся голосом произнес ее муж. — Пока он не сделает свое дело, это невозможно.

Огромные лапы демона потянулись к Мортону; но мальчик быстро открыл книгу.

— Спаси меня! — закричал он.

В то же мгновение в комнате возник высокий, ужасно худой старик, с головы до пят покрытый кляксами и бухгалтерскими ведомостями. Его глаза зияли двумя пустыми нулями.

— Зико-пико-рил! — взвыл демон, повернувшись к неизвестному. Однако худой старик засмеялся и сказал:

— Контракт, заключенный с Высшими Силами, может быть не только оспорен, но и аннулирован как недействительный.

Демона швырнуло назад; падая, он сломал стул. Борбас поднялся на ноги (от ярости кожа его раскалилась докрасна) и прочитал Главное Демоническое Заклинание:

— ВРАТ ХЭТ ХО!

Но худой старик заслонил собой мальчика и выкрикнул слова Изживания:

— Отмена, Истечение, Запрет, Немощность, Отчаяние и Смерть!

Борбас жалобно взвизгнул, попятился, нашаривая в воздухе лаз; сиганул туда и был таков.

Худой старик повернулся к мистеру и миссис Дии, забившимся в угол гостиной, и сказал:

— Знайте, что я — Бухгалтер. Знайте также, что это Дитя подписало со мной Договор, став Подмастерьем и Слугой моим. В свою очередь я, БУХГАЛТЕР, обязуюсь обучить его Проклятию Душ путем заманивания в коварную сеть Цифр, Форм, Исков и Репрессалий. Вот мое Клеймо!

Бухгалтер поднял правую руку Мортона и продемонстрировал чернильное пятно на среднем пальце. Потом повернулся к мальчику и мягким голосом добавил:

— Завтра, малыш, мы займемся темой «Уклонение от Налогов как Путь к Проклятью».

— Да, сэр, — восторженно просиял Мортон.

Напоследок строго взглянув на чету Дии, Бухгалтер исчез.

Наступила долгая тишина. Затем мистер Дии обернулся к жене.

— Что ж, — сказал он. — Если парень так хочет быть бухгалтером, то лично я ему мешать не стану.

ДЕМОНЫ

Проходя по Второй авеню, Артур Гаммет решил, что денек выдался пригожий, по-настоящему весенний — не слишком холодный, но свежий и бодрящий. Идеальный день для заключения страховых договоров, сказал он себе. На углу Девятой стрит он сошел с тротуара.

И исчез.

— Видали? — спросил мясника подручный. Оба стояли в дверях мясной лавки, праздно глазея на прохожих.

— Что «видали»? — отозвался тучный краснолицый мясник.

— Вон того малого в пальто. Он исчез.

— Просто свернул на Девятую, — буркнул мясник, — ну и что с того?

Подручный мясника не заметил, чтобы Артур сворачивал на Девятую или пересекал Вторую. Он видел, как тот мгновенно пропал. Но какой смысл упорствовать? Скажешь хозяину: «Вы ошибаетесь», а дальше что? Может статься, парень в пальто и вправду свернул на Девятую. Куда еще он мог деться? Однако Артура Гаммета уже не было в Нью-Йорке. Он пропал без следа.

Совсем в другом месте, может быть даже не на Земле, существо, именующее себя Нельзевулом, уставилось на пятиугольник. Внутри пятиугольника возникло нечто отнюдь не входящее в его расчеты. Гневным взглядом сверлил Нельзевул это «нечто», да и было отчего выйти из себя. Долгие годы он выискивал магические формулы, экспериментировал с травами и эликсирями, штудировал лучшие книги по

Демоны

© Н. Евдокимова, перевод, 1966

The Demons

Copyright © 1953 by Future Publishers, Inc.

магии и ведовству. Все, что усвоил, он вложил в одно титаническое усилие, и что же получилось? Явился не тот демон.

Разумеется, здесь возможны всяческие неполадки. Взять хотя бы руку, отрубленную у мертвеца: вовсе не исключено, что труп принадлежал самоубийце, — разве можно верить даже лучшим из торговцев? А может быть, одна из линий, образующих стороны пятиугольника, проведена чуть-чуть криво — это ведь очень важно. Или слова заклинания произнесены не в должном порядке. Одна фальшивая нота — и все погибло! Так или иначе, сделанного не вернешь. Нельзевул прислонился к исполинской бутыли плечом, покрытым красной чешуей, и почесал другое плечо кинжалообразным ногтем. Как всегда в минуты замешательства, усеянный колючками хвост нерешительно постукивал по полу.

Но какого-то демона он все же изловил.

Правда, создание, заключенное внутри пятиугольника, ничуть не походило ни на одного из известных демонов. Взять хотя бы эти болтающиеся складки серой плоти... Впрочем, все исторические сведения славятся своей неточностью. Как бы там ни выглядело сверхъестественное существо, придется ему раскошелиться. В чем, в чем, а в этом он уверен. Нельзевул поудобнее скрестил копыта и стал ждать, когда чудное существо заговорит.

Артур Гаммет был слишком ошеломлен, чтобы разговаривать. Только что он шел в страховую контору, никого не трогал, наслаждался чудесным воздухом раннего весеннего утра. Он ступил на мостовую на перекрестке Второй и Девятой — и... внезапно очутился здесь. Непонятно, где именно.

Чуть покачиваясь, он стал вглядываться в густой туман, застилающий комнату, и различил огромное чудище в красной чешуе; чудище сидело на корточках. Рядом с ним возвышалось что-то вроде бутыли — прозрачное сооружение высотой добрых три метра. У чудища был усыпанный шипами хвост — им оно теперь почесывало голову — и поросячие глазки, которые уставились на Артура. Тот пытался поспешно отступить назад, но ему удалось сделать лишь один шаг. Он заметил, что стоит внутри очерченной мелом фигуры и по неведомой причине не может перешагнуть через белые линии.

— Ну вот, — заметило красное страшилище, нарушив на конец молчание, — теперь-то ты попался.

Оно проговорило совсем другие слова, звуки которых были совершенно незнакомы Артуру. Однако каким-то образом он понял смысл сказанного. То была не телепатия: словно

Артур автоматически, без напряжения переводил с чужого языка.

— По правде говоря, я немножко разочарован, — продолжал Нельзевул, не дождавшись ответа от демона, плененного в пятиугольнике. — Во всех легендах говорится, что демоны — это устрашающие создания пяти метров росту, крылатые, с крохотными головами, и будто в груди у них дыры, из которой извергаются струи холодной воды.

Артур Гаммет стянул с себя пальто: оно бесформенным промокшим комом упало ему под ноги. В голове мелькнула смутная мысль, что идея извержения холодных струй не так уж плоха. Комната напоминала раскаленную печь. Его серый костюм из твида успел уже превратиться в серую измятую мешанину из материи и пота.

Вместе с этой мыслью пришла примиренность с красным чудищем, с проведенными мелом линиями, которых не переступишь, с жаркой комнатой — словом, решительно со всем.

Раньше он замечал, что в книгах, журналах и кинофильмах герой, попавший в необычное положение, всегда произносит: «Ущипните меня, наяву такого не бывает!» или: «Боже, мне снится сон, либо я напился, либо сошел с ума». Артур вовсе не собирался изрекать столь явную бессмыслицу. Во-первых, он был убежден, что огромное красное чудище этого не оценит, во-вторых, знал, что не спит, не пьян и не сошел с ума. В лексиконе Артура Гаммета отсутствовали нужные слова, но он понимал: сон — это одно, а то, что он сейчас видит, — совершенно другое.

— Что-то я не слыхал, чтобы в легендах упоминалось об умении сдирать с себя кожу, — задумчиво пробормотал Нельзевул, глядя на пальто, валяющееся у ног Артура. — Занятно.

— Это ошибка, — твердо ответил Артур. Опыт работы страховым агентом сослужил ему сейчас хорошую службу. Артуру приходилось сталкиваться со всякими людьми и разбираться во всевозможных запутанных ситуациях. Очевидно, чудище пыталось вызвать демона. Не по своей вине оно наткнулось на Артура Гаммета и находится под впечатлением, будто Артур и есть демон. Ошибку следует исправить как можно скорее.

— Я страховой агент, — заявил он. Чудище покачало огромной рогатой головой. Оно хлестало себя по бокам, с неприятным свистом рассекая воздух.

— Твоя потусторонняя деятельность нисколько меня не интересует, — зарычал Нельзевул. — В сущности, мне даже безразлично, к какой породе демонов ты относишься.

— Но я же объясняю вам, что я не...

— Ничего не выйдет! — прорычал Нельзевул, подойдя к самому краю пятиугольника и свирепо сверкая глазами. — Я знаю, что ты демон. И мне нужен крутяк.

— Крутяк? Что-то я не...

— Я все ваши демонские увертки насквозь вижу, — заявил Нельзевул, успокаиваясь с видимым усилием. — Я знаю, так же как и ты, что демон, вызванный заклинанием, должен исполнить одно желание заклинателя. Я тебя вызвал, и мне нужен крутяк. Десять тысяч фунтов крутяка.

— Крутяк... — растерянно начал Артур, стараясь держаться в самом дальнем углу пятиугольника, подальше от чудища, которое ожесточенно размахивало хвостом.

— Крутяк, или шмар, или волхолово, или фон-дер-пшик. Это все одно и то же.

«Да ведь оно говорит о деньгах», — вдруг дошло до Артура. Жаргонные словечки были незнакомы, но интонацию, с какой они выговаривались, ни с чем не спутаешь. Крутяком, несомненно, называется то, что служит местной валютой.

— Десять тысяч фунтов не так уж много, — продолжал Нельзевул с хитрой ухмылкой. — Во всяком случае, для тебя. Ты должен радоваться, что я не из тех кретинов, кто клянчит бессмертия.

Артур обрадовался.

— А если я не соглашусь? — спросил он.

— В таком случае, — ответил Нельзевул, и ухмылка его сменилась хмурой гримасой, — мне придется заколдовать тебя. Заключить в эту бутыль.

Артур покосился на прозрачную зеленую машину, возвышающуюся над головой Нельзевула. Широкая у основания бутыль постепенно сужалась кверху. Если только чудище способно затолкать Артура внутрь, он никогда в жизни не протиснется обратно через узкое горлышко. А что чудище способно, в этом Артур не сомневался.

— Ну же, — сказал Нельзевул, снова расплываясь в ухмылке, еще более хитрой, чем была раньше, — нет никакого смысла становиться в позу героя. Что для тебя десять тысяч фунтов старого доброго фон-дер-пшика? Меня они осчастливили, а ты это сделаешь одним мановением руки.

Он умолк, и его улыбка стала заискивающей.

— Знаешь, — продолжал он тихо, — ведь я потратил на это уйму времени. Прочитал массу книг, извел кучу шамара. — Внезапно хвост его хлестнул по полу, словно пуля, рикошетом

отскочившая от гранита. — Не пытайся обвести меня вокруг пальца! — взревел он.

Артур обнаружил, что магическая сила меловых линий распространяется, по меньшей мере, на высоту его роста. Он осторожно прислонился к невидимой стене и, установив, что она выдерживает тяжесть, комфортабельно оперся на нее.

Десять тысяч фунтов крутяка, размышлял он. Очевидно, это чудище — волшебник из Бог весть какой страны. Быть может, с другой планеты. Своими заклинаниями оно пытается вызвать демона, исполняющего любые желания, а вызвало его, Артура Гаммета. Теперь оно чего-то хочет от него и в случае неповиновения угрожает бутылкой. Все это страшно нелогично, но Артур Гаммет заподозрил, что колдуны по большей части народ алогичный.

— Я постараюсь достать тебе крутяк, — промямлил Артур, почувствовав, что надо сказать хоть слово. — Но мне надо вернуться за ним в... э-э... преисподнюю. Весь этот вздор с мановением руки вышел из моды.

— Ладно, — согласилось чудище, стоя на краю пятиугольника и плотоядно поглядывая на Артура. — Я тебе доверяю. Но помни, я могу тебя вызвать в любое время. Ты никуда не денешься, сам понимаешь, так что лучше и не пытайся. Между прочим, меня зовут Нельзевул.

— А Нельзевул вам случайно не родственник?

— Это мой прадед, — ответил Нельзевул, подозрительно косясь на Артура. — Он был военным. К сожалению, он... — Нельзевул оборвал себя на полуслове и метнул на Артура злобный взгляд. — Впрочем, вам, демонам, все это известно! Сгинь! И принеси крутяк.

Артур Гаммет исчез.

Он материализовался на углу Второй авеню и Девятой стрит — там же, где исчез. Пальто валялось у его ног, одежда была пропитана потом. Он пошатнулся — ведь в тот миг когда Нельзевул его отпустил, он опирался на магическую силовую стену, — но удержал равновесие, поднял с земли пальто и поспешил домой. К счастью, народу вокруг было не много. Две женщины с хозяйственными сумками, ахнув, быстро зашагали прочь. Какой-то щеголевато одетый господин моргнул раз пять-шесть, сделал шаг в сторону, словно намереваясь что-то спросить, передумал и торопливо пошел к Восьмой стрит. Остальные то ли не заметили Артура, то ли им было наплевать.

Придя в свою двухкомнатную квартиру, Артур сделал слабую попытку забыть все происшедшее, как забывают дурной сон. Это не удалось, и он стал перебирать в уме свои возможности.

Он мог бы достать крутяк. То есть не исключено, что мог бы, если бы выяснил, что это такое. Вещество, которое Нельзевул считает ценным, может оказаться чем угодно. Свинцом, например, или железом. Но даже в этом случае Артур, живущий на скромный доход, совершенно вылетит в трубу.

Он мог бы заявить в полицию. И попасть в сумасшедший дом. Не годится.

Наконец, можно не доставать крутяк — и провести остаток дней в бутылке. Тоже не годится.

Остается одно — ждать, пока Нельзевул не вызовет его снова, и тогда уж выяснить, что такое крутяк. А вдруг окажется, что это обыкновенный навоз? Артур может взять его на дядюшкиной ферме в Нью-Джерси, но пусть уж Нельзевул сам позаботится о доставке.

Артур Гаммет позвонил в контору и сообщил, что болен и проболеет еще несколько дней. После этого он приготовил на кухоньке обильный завтрак, в глубине души гордясь своим аппетитом. Не каждый способен умять такую порцию, если ему лезть в бутылку. Он привел все в порядок и переоделся в плавки. Часы показывали половину пятого пополудни. Артур растянулся на кровати и стал ждать. Около половины десятого он исчез.

— Опять переменил кожу, — заметил Нельзевул. — Где же крутяк? — нетерпеливо подергивая хвостом, он забегал вокруг пятиугольника.

— У меня за спиной его нет, — ответил Артур, поворачиваясь так, чтобы стать лицом к Нельзевулу. — Мне нужна дополнительная информация. — Он принял непринужденную позу, опершись о невидимую стену, излучаемую меловыми линиями. — И ваше обещание, что, как только я отдаю крутяк, вы оставите меня в покое.

— Конечно, — с радостью согласился Нельзевул. — Так или иначе, я имею право выразить только одно желание. Вот что, давай-ка я поклянусь великой клятвой Сатаны. Она, знаешь ли, абсолютно нерушима.

— Сатаны?

— Это один из первых наших президентов, — пояснил Нельзевул с благоговейным видом. — У него служил мой прадед Вельзевул. К несчастью... Впрочем, ты все и так знаешь.

Нельзевул произнес великую клятву Сатаны, и она оказалась необычайно внушительной. Когда он умолк, голубые клубы тумана в комнате окаймились красными полосами, а контуры гигантской бутыли зловеще заколыхались в тусклом освещении. Даже в своей более чем легкой одежде Артур обливался потом. Он пожалел, что не родился холодильным демоном.

— Вот так, — заключил Нельзевул, распрямляясь во весь рост посреди комнаты и обвивая хвостом запястье. Глаза его мерцали странным огнем — отблеском воспоминаний о былой славе.

— Так какая тебе нужна информация? — осведомился Нельзевул, вышагивая взад и вперед около пятиугольника и волоча за собой хвост.

— Опиши мне этот крутяк.

— Ну, он такой тяжелый, не очень твердый...

— Быть может, свинец?

— ... и желтый.

Золото...

— Гм, — пробормотал Артур, внимательно разглядывая бутыль. — А он никогда не бывает серым, а? Или темно-коричневым?

— Нет. Он всегда желтый. Иногда с красноватым отливом.

Все-таки золото. Артур стал задумчиво созерцать чешуйчатое чудище, которое с плохо скрытым нетерпением расхаживало по комнате. Десять тысяч фунтов золота. Это обойдется в... Нет, лучше над этим не задумываться. Немыслимо.

— Мне понадобится некоторое время, — сказал Артур. — Лет шестьдесят—семьдесят. Давайте вот как условимся: я сообщу вам сразу же, когда...

Нельзевул прервал его раскатом гомерического хохота. Очевидно, Артур пощекотал его остаточное чувство юмора, ибо Нельзевул, обхватив колени передними лапами, повизгивал от веселья.

— Лет шестьдесят—семьдесят! — проревел, захлебываясь, Нельзевул, и задрожала бутыль, и даже стороны пятиугольника как будто заколебались. — Я дам тебе минут шестьдесят—семьдесят! Иначе — крышка!

— Минуточку, — проговорил Артур из дальнего угла пятиугольника. — Мне понадобится чуть-чуть... Погодите! — У него только что мелькнула спасительная мысль. То была, несомненно, лучшая мысль в его жизни. Более того, это была его собственная мысль.

— Мне нужна точная формула заклинания, при помощи которого вы меня вызываете, — заявил Артур. — Я должен удостовериться в центральной конторе, что все в порядке.

Чудище пришло в неистовство и принялось сыпать проклятиями. Воздух почернел, и в нем появились красные разводы; в тон голосу Нельзевула сочувственно зазвенела бутыль, а сама комната, казалось, пошла кругом. Однако Артур Гаммет твердо стоял на своем. Он терпеливо, раз семь или восемь, объяснял, что заточать его в бутыль бесполезно — тогда уж Нельзевул наверняка не получит золота. Все, что от того требуется, — это формула; и она, безусловно, не...

Наконец Артур добился формулы.

— И чтобы у меня без штучек! — прогремел на прощание Нельзевул, обеими руками и хвостом указывая на бутылку. Артур слабо кивнул и вновь очутился в своей комнате.

Следующие несколько дней прошли в бешеных поисках по всему Нью-Йорку. Некоторые из ингредиентов магической формулы было легко отыскать, например веточку омелы в цветочном магазине, а также серу. Хуже обстояло с могильной землей и с левым крылом летучей мыши. Понастоящему в тупик Артура поставила рука, отрубленная у убитого. В конце концов бедняге удалось добыть и ее в специализированном магазине, обслуживающем студентов-медиков. Продавец уверял, будто покойник, которому принадлежала рука, погиб насильственной смертью. Артур подозревал, что продавец безответственно поддакивает ему, считая требование покупателя просто-напросто блажью, но тут уж ничего нельзя было поделать.

В числе прочих ингредиентов он приобрел большую стеклянную бутыль, и поразительно дешево. Все же у жителей Нью-Йорка есть кое-какие преимущества, заключил Артур. Не существует ничего — буквально ничего, — что не продавалось бы за деньги.

Через три дня все необходимые материалы были закуплены, и в полночь на третий сутки он разложил их на полу в своей квартире. В окно светила луна во второй фазе; насчет лунной фазы магическая формула не давала ясных инструкций. Казалось, все на мази. Артур очертил пятиугольник, зажег свечи, воскурил благовония и затянул слова заклинания. Он надеялся, что, пунктуально следуя полученным указаниям, ухитрится заколдовать Нельзевула. Его единственным

желанием будет, чтобы Нельзевул оставил его в покое отныне и навсегда. План казался безупречным.

Он приступил к заклинаниям; по комнате голубой дымкой расползся туман, и вскоре Артур увидел нечто, вырастающее в центре пятиугольника.

— Нельзевул! — воскликнул он. Однако то был не Нельзевул.

Когда Артур кончил читать заклинание, существо внутри пятиугольника достигло без малого пяти метров в высоту. Ему пришлось склониться почти до полу, чтобы уместиться под потолком комнаты Артура. То было создание ужасающее го вида, крылатое, с крохотной головой и с дырой в груди.

Артур Гаммет вызвал не того демона.

— Что все это значит? — удивился демон и выбросил из груди струю холодной воды. Вода плеснула о невидимые стены пятиугольника и скатилась на пол. Должно быть, у демона сработал обычный рефлекс: в комнате Артура и так царила приятная прохлада.

— Я хочу, чтобы ты исполнил мое единственное желание, — отчеканил Артур. Демон был голубого цвета и невероятно худой: вместо крыльев торчалиrudиментарные отростки. Прежде чем ответить, он два раза похлопал ими себя по костлявой груди.

— Я не знаю, кто ты такой и как тебе удалось поймать меня, — сказал демон, — но это хитроумно. Это, бесспорно, хитроумно.

— Не будем болтать попусту, — нервно ответил Артур, про себя соображая, когда именно вздумается Нельзевулу вызвать его снова. — Мне нужно десять тысяч фунтов золота. Известного также под названиями крутяк, волхолово и фон-дер-пшик. — «С минуты на минуту, — подумал он, — могу оказаться в бутылке».

— Ну, — пробормотал холодильный демон, — ты, кажется, исходишь из ложной предпосылки, будто я...

— Даю тебе двадцать четыре часа...

— Я не богат, — сообщил холодильный демон. — Я всего лишь мелкий делец. Но, может быть, если ты дашь мне срок...

— Иначе — крышка, — докончил Артур. Он указал на большую бутыль, стоящую в углу, и тут же понял, что в ней никак не поместится пятиметровый холодильный демон.

— Когда я вызову тебя в следующий раз, бутыль будет достаточно велика, — прибавил Артур. — Я не думал, что ты окажешься таким рослым.

— У нас есть легенды о таинственных исчезновениях, — раздумывал демон вслух. — Так вот что тогда случается! Преисподня... Впрочем, вряд ли мне кто-нибудь поверит.

— Принеси крутяк, — распорядился Артур. — Сгинь! И холодильного демона не стало.

Артур Гаммет знал, что медлить больше суток нельзя. Возможно, и это слишком много, ибо никому неведомо, когда же Нельзевул решит, что время истекло. И уж вовсе не известно, что предпримет багрово-чешуйчатая тварь, если будет разочарована в третий раз. К концу дня Артур заметил, что судорожно сжимает трубу парового отопления. Много ли она поможет против заклинаний?! Просто приятно ухватиться за что-нибудь основательное.

Артур подумал, что стыдно приставать к холодильному демону и злоупотреблять его возможностями. Совершенно ясно, что это не настоящий демон — не более настоящий, чем сам Артур. Что ж, он никогда не засадит голубого демона в бутылку. Все равно это не поможет, если желание Нельзевула не осуществится.

Наконец Артур снова пробормотал слова заклинания.

— Ты бы сделал пятиугольник пошире, — попросил холодильный демон, съеживаясь в неудобной позе внутри магической зоны. — Мне не хватает места для...

— Сгинь, — воскликнул Артур и лихорадочно стер пятиугольник. Он очертил его заново, использовав на этот раз площадь всей комнаты. Он оттащил на кухню бутыль (все тоже, поскольку пятиметровой не нашлось), забрался в стенной шкаф и повторил формулу с самого начала. Снова навис густой, колышущийся синий туман.

— Ты только не горячись, — заговорил в пятиугольнике холодильный демон. — Фон-дер-пшика еще нет. Заминка вышла. Сейчас я тебе все объясню. — Он похлопал крыльями, чтобы развеять туман. Рядом с ним стояла бутыль высотой в три метра. Внутри, позеленевший от ярости, сидел Нельзевул. Он что-то кричал, но крышка была плотно завинчена и ни один звук не проникал наружу.

— Выписал формулу в библиотеке, — пояснил демон. — Чуть не ошалел, когда она подействовала. Всегда, знаешь ли, был трезвым дельцом. Не признаю всей этой сверхъестественной муты. Однако надо смотреть фактам в лицо. Как бы там ни было, я заколдовал вон того демона. — Он ткнул

костлявой рукой в сторону бутыли. — Но он ни за что не хочет раскошевливаться. Вот я и заключил его в бутылку.

Холодильный демон испустил глубокий вздох облегчения, заметив улыбку Артура. Она была равносильна отсрочке смертного приговора.

— Мне в общем-то бутылка ни к чему, — продолжал холодильный демон, — у меня жена и трое детишек. Ты ведь знаешь, как это бывает. У нас сейчас кризис в страховом деле и все такое; я не наберу десять тысяч фунтов крутяка, даже если мне дадут в подмогу целую армию. Но как только я уговорю вон того демона...

— О крутяке не беспокойся, — прервал его Артур. — Возьми только этого демона себе. Храни его хорошенько. Разумеется, в упаковке.

— Я это сделаю, — заверил синекрылый страховой агент. — Что же касается крутяка...

— Да Бог с ним, — сердечно отозвался Артур. В конце концов, страховые агенты должны стоять друг за друга. — А ты тоже занимаешься пожарами и кражами?

— Я больше по несчастным случаям, — ответил страховой агент. — Но знаешь, я вот все думаю...

Внутри бутылки ярился, бушевал и сыпал ужасными проклятиями Нельзевул, а два страховых агента безмятежно обсуждали тонкости своей профессии.

ДОКТОР ВАМПИР И ЕГО МОХНАТЫЕ ДРУЗЬЯ

Думается, здесь я в безопасности. Живу теперь в небольшой квартире северо-восточнее Сокало, в одном из самых старых кварталов Мехико-Сити. Как всякого иностранца меня вначале поразило, до чего страна эта на первый взгляд напоминает Испанию, а на самом деле совсем другая. В Мадриде улицы — лабиринт, который затягивает тебя все глубже, к потаенной сердцевине, тщательно оберегающей свои скучные секреты. Привычка скрывать обыденное, несомненно, унаследована от мавров. А вот улицы Мехико — это лабиринт наизнанку, они ведут изнутри к горам, на простор, к откровениям, которые, однако же, навсегда остаются неприметными. Мехико словно ничего не скрывает, но все в нем непостижимо. Так повелось у индейцев в прошлом, так остается и ныне; самозащита их — в кажущейся открытости — так защищена прозрачностью актиния, морской анемон.

На мой взгляд, это способ очень тонкий, он применим везде и всюду. Я перенимаю мудрость, рожденную в Теночтитлане или Тласкале; я ничего не прячу и таким образом ухитряюсь все утаить.

Как часто я завидовал воришке, которому только и надо, что прятать украденные крохи! Иные из нас не столь удачливы, наши секреты не засунешь ни в карман, ни в чулан; их не уместишь даже в гостиной и не закопаешь на задворках. Жилю де Ресу понадобилось собственное тайное кладбище

Доктор Вампир и его мохнатые друзья

© Нора Галь, перевод, 1979

Doctor Zombie and His Little Furry Friends

Copyright © 1971 by Robert Sheckley

чуть поменьше Пер-Лашез. Мои потребности скромнее; впрочем, ненамного.

Я человек не слишком общительный. Моя мечта — домик где-нибудь в глухи, на голых склонах Ихтаксихуатля, где на многие мили кругом не сыщешь людского жилья. Но поселиться в таком месте было бы чистейшим безумием. Полиция рассуждает просто: раз ты держишься особняком, значит, тебе есть что скрывать — вывод далеко не новый, но почти безошибочный. Ох уж эта мексиканская полиция — как она учтива и как безжалостна! Как недоверчиво смотрит на всякого иностранца и как при этом права! Она бы тут же нашла предлог обыскать мое уединенное жилище, и, конечно, истина сразу бы вышла наружу... Было бы о чем три дня трубить газетам.

Всего этого я избежал, по крайней мере на время, выбрав для себя мое теперешнее жилище. Даже Гарсия, самый рьяный полицейский во всей округе, не в силах себе представить, что я проделываю в этой тесной, доступной всем взорам квартире **ТАЙНЫЕ НЕЧЕСТИВЫЕ, ЧУДОВИЩНЫЕ ОПЫТЫ**. Так гласит молва.

Входная дверь у меня обычно приотворена. Когда лавочники доставляют мне провизию, я предлагаю им войти. Они никогда не пользуются приглашением — скромность и ненавязчивость у них в крови. Но на всякий случай я всегда их приглашаю.

У меня три комнаты, небольшая анфилада. Вход через кухню. За нею кабинет, дальше спальня. Ни в одной комнате я не затворяю плотно дверь. Быть может, стараясь всем доказать, как открыто я живу, я немного пересаливаю. Ведь если кто-нибудь пройдет до самой спальни, распахнет дверь настежь и заглянет внутрь, мне, наверно, придется покончить с собой.

Пока еще никто из моих посетителей не заглядывал дальше кухни. Должно быть, они меня боятся.

А почему бы и нет? Я и сам себя боюсь.

Моя работа навязывает мне очень неудобный образ жизни. Завтракать, обедать и ужинать приходится дома. Стряпаю я прескверно — в самом дрянном ресторанчике по соседству кормят лучше. Даже всякая пережаренная дрянь, которой торгуют на улицах с лотков, и та вкуснее несъедобной бурды, которую я себе готовлю.

И что еще хуже, приходится изобретать нелепейшие объяснения: почему я всегда ем дома? Доктор запретил мне все острое, — говорю я соседям, — мне нельзя никаких пряностей и приправ — ни перца, ни томатного соуса, ни даже соли... Отчего так? Всему виной редкостная болезнь печени. Где я ее подхватил? Да вот много лет назад в Джакарте поел несвежего мяса...

Вам покажется, что наговорить такое нетрудно. А мне не так-то легко упомянуть все подробности. Всякий враль вынужден строить свою жизнь по законам ненавистного, противоестественного постоянства. Играешь свою роль — и она становится твоим мучением и карой.

Соседи с легкостью приняли мои корявые объяснения. Тут есть некоторая несообразность? Что ж, в жизни всегда так бывает, полагают они, считая себя непогрешимыми судьями и знатоками истины, а на самом деле они судят обо всем, основываясь только на правдоподобии.

И все же соседи поневоле чуют во мне чудовище. Эдуардо, мясник, однажды сказал:

— А знаете, доктор, вампирам ведь нельзя есть соленого. Может, вы тоже вампир, а?

Откуда он узнал про вампиров? Вероятно, из кино или комиксов. Я не раз видел, как старухи делают магические знаки, когда я прохожу мимо — спешат оберечь себя от дурного глаза. Я слышал, как детишки шепчут за моей спиной: «Доктор Вампир, доктор Вампир...»

Старухи и дети! Вот хранители скучной мудрости, которой обладает этот народ. Да и мясникам тоже кое-что известно.

Я не доктор и не вампир. И все же старухи и дети совершенно правы, что меня осторегаются. По счастью, их никто не слушает.

Итак, я по-прежнему питаюсь у себя в кухне — покупаю молодого барашка, козленка, поросенка, крольчатину, говядину, телятину, кур, изредка дичь. Это единственный способ принести в дом достаточно мяса, чтобы накормить моих зверей.

В последнее время еще один человек начал смотреть на меня с подозрением. К несчастью, это не кто иной, как Диего Хуан Гарсия, полицейский.

Гарсия коренаст, широколиц, осторожен, это примерный служака. Здесь, в Сокало, он слывет неподкупным — своего

рода Катон из племени ацтеков, разве что не столь крутого нрава. Если верить торговке овощами — а она, кажется, в меня влюблена, — Гарсия полагает, что я, по всей вероятности, немец, военный преступник, ускользнувший от суда.

Поразительный домысел, по существу это неверно, и, однако, чутье Гарсию не обманывает. А он убежден, что попал в самую точку. Он бы уже принял меры, если бы не заступничество моих соседей. Сапожник, мясник, мальчишка — чистильщик обуви и особенно торговка овощами — все за меня горой. Всем им присущ обыкновенный здравый смысл, и они верят, что я таков, каким они меня представляют. Они подразнивают Гарсию:

— Да неужто ты не видишь, этот иностранец тихий, добродушный, просто ученый чудак, никакого вреда от него нет.

Нелепость в том, что и это, по существу, неверно, однако чутье их не обманывает.

Бесценные мои соседи величают меня доктором, а иногда и профессором. Столь почетными званиями меня наградили так, словно это само собой разумелось, как бы за мой внешний облик. Никаких таких титулов я не добивался, но и отвергать их не стал. «Сеньор доктор» — это тоже маска, которой можно прикрыться.

А почему бы им и не принимать меня за ученого! У меня непомерно высокий из-за залысин лоб, а щетина волос на висках и на темени изрядно тронута сединой, и сурое квадратное лицо изрезано морщинами. Да еще по выговору сразу ясно, что я из Европы, поскольку старательно строю фразу по-испански... И очки у меня в золотой оправе! Кто же я, как не ученый, и откуда, если не из Германии? Такое звание обязывает к определенному роду занятий, и я выдаю себя за профессора университета. Мне, мол, предоставлен длительный отпуск, ибо я пишу книгу о тольтеках — собираюсь доказать, что культура этого загадочного племени родственна культуре инков.

— Да, господа, полагаю, что книга моя вызовет переполох в Бонне и Гейдельберге. Поколеблены будут кое-какие признанные авторитеты. Кое-кто наверняка попытается объявить меня фантазером и маньяком. Видите ли, моя теория чревата переворотом в науке о доколумбовой Америке.

Вот такой личностью я задумал изобразить себя еще до того, как отправился в Мексику. Я читал Стефенса, Прескотта, Вайяна, Альфонсо Касо. Я даже не поленился пере-

писать первую треть диссертации Драйера о взаимопроникновении культур — он пытался доказать, что культуры майя и тольтеков взаимосвязаны — оппоненты разнесли его в пух и прах. Итак, на стол мой легло около восьмидесяти рукописных страниц, я вполне мог их выдать за свой собственный труд. Эта незаконченная рукопись оправдывает мое пребывание в Мексике. Всякий может поглядеть на полные премудрости страницы, раскиданные по столу, и воочию убедиться, что я за человек.

Мне казалось, этого хватит; но я упустил из виду, что разыгрываемая мною роль не может не воздействовать на окружающих. Сеньор Ортега, бакалейщик, тоже интересуется доколумбовой историей и, на мою беду, обладает довольно широкими познаниями по этой части. Сеньор Андrade, парикмахер, как выяснилось, родом из небольшого городка всего в пяти милях от развалин Теотиуакана. А малыш Хорхе Сильверио, чистильщик обуви (его мать служит в закусочной), мечтает поступить в какой-нибудь знаменитый университет и смиленно спрашивает, не могу ли я замолвить за него словечко в Бонне...

Я — жертва надежд и ожиданий моих соседей. Я сделался профессором не на свой, а на их образец. По их милости я долгими часами торчу в Национальном музее антропологии, убиваю целые дни, осматривая Теотиуакан, Тулу, Шочикалько. Соседи вынуждают меня без устали трудиться над научными изысканиями. И я в самом деле становлюсь тем, кем прикидывался, — ученым мужем, обладателем необъятных познаний и в придачу помешанным.

Я проникся этой ролью, она неотделима от меня, она меня преобразила; я уже и вправду верю, что между инками и тольтеками могла существовать связь, у меня есть неопровергимые доказательства, я всерьез подумываю предать гласности свои находки и открытия...

Все это довольно утомительно и совсем некстати.

В прошлом месяце я изрядно перепугался. Сеньора Эльвира Масиас, у которой я снимаю квартиру, остановила меня на улице и потребовала, чтобы я выбросил свою собаку.

— Но у меня нет никакой собаки, сеньора!

— Прошу прощения, сеньор, но у вас есть собака. Вчера вечером она скнуила и скреблась в дверь, я сама слышала. А мой покойный муж собак в доме не терпел, такие у него были правила, и я всегда соблюдаю.

— Дорогая сеньора, вы ошибаетесь. Уверяю вас...

И тут, откуда ни возьмись, Гарсия, неотвратимый, как сама смерть, в наглаженной форме хаки, подкатил, пыхтя, на велосипеде и прислушивается к нашему разговору.

— Что-то скреблось, сеньора? Термиты или тараканы?

Она покачала головой:

— Совсем не такой звук.

— Значит, крысы. К сожалению, должен вам сказать, в вашем доме полно крыс.

— Я прекрасно знаю, как скребутся крысы, — с глубокой, непобедимой убежденностью возразила сеньора Эльвира. — А это было совсем другое, так только собака скребется, и слышно было, что это у вас в комнатах. Я уже вам сказала, у меня правило строгое — никаких животных в доме держать не разрешается.

Гарсия не сводил с меня глаз, и во взгляде этом я видел отражение всех моих злодеяний в Дахau, Берген-Бельзене и Терезиенштадте. И очень хотелось сказать ему, что он ошибается, что я не палач, а жертва, и годы войны провел за колючей проволокой в концлагере на Яве.

Но я понимал: все это не в счет. Мои преступления против человечества отнюдь не выдумка, просто Гарсия учудил не те ужасы, что свершились год назад, а те, что свершатся через год.

Быть может, в ту минуту я бы во всем признался, не обернись сеньора Эльвира к Гарсии со словами:

— Ну, что будете делать? Он держит в квартире собаку, а может, и двух, Бог знает, какую еще тварь он у себя держит. Что будете делать?

Гарсия молчал, его неподвижное лицо напоминало каменную маску Тлалока в Чолулском музее. А я вновь прибегнул к обычному способу прозрачной самозащиты, который до сих пор помогал мне хранить мои секреты. Скрипнул зубами, раздул ноздри, словом, постарался изобразить «свирепого испанца».

— Собаки?! — заорал я. — Сейчас я вам покажу собак! Идите обывщите мои комнаты! Плачу по сотне песо за каждую собаку, которую вы у меня найдете! За каждого породистого пса — по двести! Идите и вы, Гарсия, зовите друзей и знакомых! Может, я у себя и лошадь держу, а? Может, еще и свинью? Зовите свидетелей, зовите газетчиков, репортёров, пускай в точности опишут мой зверинец!

— Зря вы кипятитесь, — равнодушно сказал Гарсия.

— Вот избавимся от собак, тогда не стану кипятиться! — горланил я. — Идемте, сеньора, войдите ко мне в комнаты,

загляните под кровать, может, там сидит то, что вам примечилось. А когда наглядитесь, будьте любезны вернуть мне, что останется от платы за месяц, и задаток тоже, и я перееду со своими невидимыми собаками на другую квартиру.

Гарсия как-то странно на меня посмотрел. Должно быть, на своем веку он видел немало крикунов. Говорят, вот так лезут на рожон преступники определенного склада.

— Что ж, пойдем поглядим, — сказал он сеньоре Эльвире.

И тут, к моему изумлению, — не ослышался ли я? — она заявила:

— Ну уж нет! Благородному человеку я верю на слово.

Повернулась и пошла прочь.

Я хотел было для полноты картины сказать Гарсии — может, он еще сомневается, так пускай сам осмотрит мою квартиру. По счастью, я вовремя прикусил язык. Гарсии нет дела до приличий. Он бы не побоялся остаться в дураках.

— Устал, — сказал я. — Пойду прилягу.

Тем и кончилось.

На этот раз я запер входную дверь. Оказалось, все висело на волоске. Пока мы препирались, несчастная зверюга перегрызла ремень, который удерживал ее на привязи, вылезла в кухню и здесь на полу издохла.

От трупа я избавился обычным способом — скормил остального. И после этого удвоил меры предосторожности. Купил радиоприемник, чтобы заглушать голоса моих зверей, как ни мало от них было шума. Подстелил под клетки толстые циновки. А запахи отбивал крепким табаком — ведь курить ладаном было бы слишком дерзко и пошло. А какая странная насмешка — заподозрить, что я держу собак! Собаки — мои злейшие враги. Они-то знают, что у меня творится. Они издавна верные союзники людей. Они предатели животного мира, как я — предатель человечества. Умей собаки говорить, они немедля бросились бы в полицию и разоблачили бы меня.

Когда битва с человечеством наконец разразится, собакам придется разделить судьбу своих господ — выстоять или пасть вместе с ними.

Проблеск боязливой надежды: детеныши последнего помета обещают многое. Из двенадцати выжили четверо — и растут гладкие, сильные, смышеные. Но вот свирепости им не хватает. Видно, как раз им с генами по наследству не передалось. Кажется, они даже привязались ко мне — как собаки! Но, конечно, в следующих поколениях можно будет постепенно исправить дело.

Человечество хранит в памяти зловещие предания о **помесях**, созданных скрещиванием различных видов. Таковы, среди прочих, химера, грифон и сфинкс. Мне кажется, эти устрашающие видения античного мира — своеобразное воспоминание о будущем, так Гарсия предошущает еще не содеянные мною преступления.

Плиний и Диодор повествуют о чудовищных полуверблюдах-полустраусах, полульвах-полуорлах, о созданиях, рожденных лошадью от дракона или тигра. Что подумали бы эти древние летописцы про помесь росомахи с крысой? Что подумает о таком чуде современный биолог?

Нынешние ученые нипочем не признают, что такая помесь возможна, даже когда мои геральдические звери станут кишмя кишеть в городах и селах. Ни один здравомыслящий человек не поверит, что существует тварь величиной с волка, свирепая и коварная, как росомаха, и притом такая же общественная, легко осваивающаяся в любых условиях и плодовитая, как крыса. Завзятый рационалист будет отрицать столь невероятный вымысел даже в ту минуту, когда зверь вцепится ему в глотку. И он будет почти прав. Такой продукт скрещивания всегда был явно невозможен... до тех самых пор, пока в прошлом году я его не получил.

Скрытность, вызванная необходимостью, иногда перерождается в привычку. Вот и в этом дневнике, где я намеревался сказать все до конца, я до сих пор не объяснил, чего ради надумал выводить чудовищ и к чему их готовлю.

Они возьмутся за работу примерно через три месяца, в начале июля. К тому времени здешние жители заметят, что в трущобах по окраинам Сокало появилось множество неизвестных животных. Внешность их будут описывать туманно и неточно, но станут дружно уверять, что твари эти — крупные, свирепые и неуловимые. Новость доведут до сведения властей, промелькнут сообщения в газетах. Поначалу разбой припишут волкам или одичавшим псам, хотя незванные гости с виду на собак ничуть не похожи.

Попробуют истребить их обычными способами — но безуспешно. Загадочные твари рассеются по всей столице, проникнут в богатые пригороды — Педрегал и Койсокан. К тому времени станет известно, что они, как люди, всеядны. И уже возникнет подозрение (вполне справедливое), что размножаются они с необычайной быстротой.

Вероятно, только позже оценят, насколько они разумны.

На борьбу с нашествием будут направлены воинские части — но тщетно. Над полями и селениями загудят самолеты — но что им бомбить? Эти твари не мишень для обычного оружия, они не ходят стаями. Они прячутся по углам, под диванами, в чуланах, они все время тут, подле вас, но ускользают от взгляда... Пустить в ход отраву? Но они жрут то, что вы им подсовываете.

И вот настает август, и люди уже совсем бессильны повлиять на ход событий. Мехико занят войсками, но это одна видимость: орды зверей захлестнули Толуку, Икстапан, Тепальсинго, Куэрнаваку, и, как сообщают, их уже видели в Сан-Луис Потоси, в Оахаке и Вера-Крусе.

Совещаются ученые; предложены чрезвычайные меры, в Мексику съезжаются специалисты со всего света. Зверье не созывает совещаний и не публикует манифестов. Оно попросту плодится и множится, оно уже распространилось к северу до самого Дуранго и к югу вплоть до Вильярмосы.

Соединенные Штаты закрывают свои границы — еще один символический жест. Звери достигают Пьедрас Неграс, не спросясь переходят Игл Пасс, без разрешения появляются в Эль Пасо, Ларедо, Браунзвиле. Как смерч, проносятся по равнинам и пустыням, как прибой, захлестывают города. Это пришли мохнатые друзья доктора Вампира, и они уже не уйдут.

И, наконец, человечество понимает: задача не в том, чтобы уничтожить загадочное зверье. Нет, задача — не дать зверю уничтожить человека.

Я нимало не сомневаюсь: это возможно. Но тут потребуются объединенные усилия и изобретательность всего человечества.

Вот чего хочу я достичь, выводя породу чудовищ.

Видите ли, надо что-то делать. Я задумал своих зверей как противовес, как силу, способную сдерживать неуправляемую машину — человечество, которое, обезумев, губит и себя, и всю нашу планету. В конце концов, какое у человека право истреблять неугодные ему виды жизни? Неужели все живое на Земле должно либо служить его так плохо продуманным планам, либо сгинуть? Разве каждый вид, каждая форма жизни не имеет права на существование — права бесспорного и неопровергимого?

Хоть я и решился на самые крайние меры, они небесполезны для рода людского. Никого больше не будут тревожить водородная бомба, бактериологическая война, гибель лесов, загрязнение водоемов и атмосферы, парниковый

эффект и прочее. В одно прекрасное утро все эти страхи покажутся далеким прошлым. Человек вновь будет зависеть от природы. Он останется единственным в своем роде разумным существом, хищником; но отныне он вновь будет подвластен сдерживающим, ограничивающим силам, которых так долго избегал.

Он сохранит ту свободу, которую ценит превыше всего, — он все еще волен будет убивать; он только потеряет возможность истреблять дотла.

Пневмония — великий мастер сокрушать надежды. Она убила моих зверей. Вчера последний поднял голову и поглядел на меня. Большие светлые глаза его потускнели. Он поднял лапу, выпустил когти и легонько царапнул мою руку.

И я не удержался от слез, потому что понял: несчастная тварь старалась доставить мне удовольствие, она знала, как жаждал я сделать ее свирепой, беспощадной — бичом рода людского.

Усилие оказалось непомерным. Великолепные глаза закрылись. Зверь чуть заметно содрогнулся и испустил дух.

Конечно, пневмонией можно объяснить все. Помимо того, просто не хватило воли к жизни. С тех пор как Землею завладел человек, все другие виды утратили жизнестойкость. Порабощенные еноты еще резвятся в передевших Адирондакских лесах, и порабощенные львы обнюхивают жестянки из-под пива в Крюгер-парке. Они, как и все остальное, существуют только потому, что мы их терпим, ютятся в наших владениях, словно временные поселенцы. И они это знают.

Вот почему трудно найти в животном мире жизнелюбие, стойкость и силу духа. Сила духа — достояние победителей.

Со смертью последнего зверя пришел конец и мне. Я слишком устал, слишком подавлен, чтобы начать сызнова. Мне горько, что я подвел человечество. Горько, что подвел львов, страусов, тигров, китов и всех, кому грозит вымирание. Но еще горше, что я подвел воробьев, ворон, крыс, гиен — всю эту нечисть, отребье, которое только для того и существует, чтобы человек его уничтожал. Самое искреннее мое сочувствие всегда было на стороне изгнанников, на стороне отверженных, заброшенных, никчемных — я сам из их числа.

Разве оттого только, что они не служат человеку, они — нечисть и отребье? Да разве не все формы жизни имеют

право на существование — право полное и неограниченное? Неужели всякая земная тварь обязана служить одному-единственному виду, иначе ее сотрут с лица земли?

Должно быть, найдется еще человек, который думает и чувствует, как я. Прошу его: пусть продолжает борьбу, которую начал я, единоличную войну против наших сородичей, пусть сражается с ними, как сражался бы с бушующим пламенем пожара.

Страницы эти написаны для моего предполагаемого преемника.

Что до меня, то недавно Гарсия и еще какой-то чин явились ко мне на квартиру для «обычного» санитарного осмотра. И обнаружили трупы нескольких выведенных мною тварей, которые я еще не успел уничтожить. Меня арестовали, обвинили в жестоком обращении с животными и в том, что я устроил у себя на дому бойню без соответствующего разрешения.

Я собираюсь признать себя виновным по всем пунктам. Обвинения эти ложны, но — согласен — по сути своей они безусловно справедливы.

ЗАКАЗ

Если бы дела не шли так вяло, Слобольд, может, и не взялся бы за эту работу. Но дела шли еле-еле, и, казалось, никто больше не нуждается в услугах дамского портного. В прошлом месяце ему пришлось уволить помощника, а в следующем, видимо, придется увольнять себя самого.

Слобольд предавался этим невеселым думам в окружении рулонов хлопчатобумажной ткани, шерсти, габардина, покрытых пылью журналов мод и разодетых манекенов.

Но тут его размышления прервал вошедший в ателье мужчина.

— Вы — Слобольд? — поинтересовался он.

— Совершенно верно, сэр, — подтвердил Слобольд, вскакивая с места и заправляя рубашку.

— Меня зовут Беллис. Полагаю, Клиш уже связывался с вами? Насчет пошива платьев?

Разглядывая лысого расфуфыренного коротышку, Слобольд лихорадочно соображал. Он не знал никакого Клиша, и, по-видимому, мистер Беллис ошибся. Он уже было открыл рот, чтобы сообщить об этом незнакомцу, но вовремя одумался — ведь дела шли так вяло.

— Клиш, — задумчиво пробормотал он. — Да-да, как же, помню-помню.

— Могу вас заверить, что за платья мы платим *очень* хорошо, — строго проговорил мистер Беллис. — Однако мы требовательны. Чрезвычайно требовательны.

— Естественно, мистер Беллис, — испытывая легкий укол совести, но стараясь не обращать на это внимания, произнес Слобольд.

Заказ

© Издательство «Полярис», перевод, 1994

The Slow Season

Copyright © 1962 by Robert Sheckley

Он и так делает мистеру Беллису одолжение, решил он, поскольку из всех живущих в городе Слобольдов-портных он, несомненно, самый лучший. А уж если потом выяснится, что он не тот Слобольд, то он просто сошлеется на знакомство с неким другим Клишем, отчего, видимо, и произошла ошибка.

— Отлично, — стягивая замшевые перчатки, заявил мистер Беллис. — Клиш, конечно, объяснил вам подробности?

Слобольд не ответил, но всем своим видом показал, что да, конечно, объяснил и что он, Слобольд, был весьма удивлен услышанным.

— Смею вас заверить, — продолжал мистер Беллис, — что для меня это было настоящим откровением.

Слобольд пожал плечами.

— А вы такой невозмутимый человек, — восхищенно проговорил мистер Беллис. — Видимо, поэтому Клиш и выбрал именно вас.

Слобольд принялся раскуривать сигару, поскольку не имел ни малейшего понятия, какое следует принять выражение лица.

— Теперь о заказе, — весело произнес мистер Беллис и запустил руку в нагрудный карман серого габардинового пиджака.

— Вот полный список размеров для первого платья. Но, как понимаете, никаких примерок, естественно.

— Естественно, — согласился Слобольд.

— Заказ надлежит выполнить через три дня. Эгриш не может ждать дольше.

— Понятное дело, — снова согласился Слобольд.

Мистер Беллис вручил ему сложенный листок бумаги.

— Клиш, вероятно, уже предупредил вас, что дело требует строжайшей тайны, но позвольте мне еще раз напомнить об этом. Никому ни слова, пока семейство как следует не акклиматизируется. А вот ваш задаток.

Слобольд так хорошо держал себя в руках, что даже не вздрогнул при виде пяти стодолларовых банкнот.

— Значит, через три дня, — сказал он, пряча в карман деньги.

Мистер Беллис, размышляя о чем-то, постоял еще немножко, потом пожал плечами и вышел.

Едва он скрылся за дверью, Слобольд развернул листок. И поскольку теперь за ним никто не наблюдал, изумленно разинул рот.

Ничего подобного он прежде не видел. Платье нужно было сшить на особу восьми футов ростом, да еще учесть при этом определенные модификации фигуры. Но какие модификации!

Пробежав взглядом по списку, содержавшему свыше пятидесяти размеров и указаний, Слобольд понял, что у дамы, которой предназначалось платье, на животе три груди, причем каждая своей величины и формы. Помимо того, на спине у нее несколько больших горбов. На талию отводилось всего восемь дюймов, зато четыре руки, судя по проймам рукавов, по толщине не уступят стволу молодого дуба. О ягодицах не упоминалось вообще, однако величина клеша подразумевала чудовищные вещи.

Материал платья — кашемир; цвет — блестяще-черный.

Слобольд понял, почему не должно быть примерок. Глядя на записи, он нервно теребил нижнюю губу.

— Вот так платьице! — вслух произнес он и покачал головой. Свыше пятидесяти мерок — это уж чересчур, да и кашемир никогда не считался подходящим материалом для платья. Нахмутившись, он еще раз перечитал бумагу. Что же это такое? Дорогостоящая игрушка? Сомнительно. Мистер Беллис отнюдь не выглядел шутником. Портновский инстинкт подсказывал Слобольду, что платье наверняка предназначено для персоны, имеющей именно такую деформированную фигуру.

Его бросило в дрожь; хотя и стоял великолепный солнечный день, Слобольд включил свет.

По-видимому, решил Слобольд, платье предназначено для очень богатой, но обладающей чрезвычайно уродливой фигурой женщины. А еще он подумал, что со дня сотворения мира вряд ли встречались подобные уродства.

Однако дела шли еле-еле, а цена была подходящей, он готов шить и юбочки для слоних и переднички для гиппопотамш.

Слобольд отправился в мастерскую. Включив весь свет, он принялся чертить выкройки.

Мистер Беллис появился ровно через три дня.

— Великолепно, — разглядывая платье, восхитился он. Вытащив из кармана мерку, он принялся проверять размеры.

— Нисколько не сомневаюсь в вашем мастерстве, — пояснил он, — но платье должно быть сшито тютелька в тютельку.

— Естественно, — согласился Слобольд.

Закончив промеры, мистер Беллис спрятал мерку в карман.

— Просто замечательно, — заметил он. — Думаю, Эгриш останется довольна. Свет все еще беспокоит ее. Вы же знаете, свет для них непривычен.

Слобольд в ответ лишь хмыкнул.

— После жизни во тьме это трудно, но они приспособятся, — заявил мистер Беллис.

— Я тоже так считаю, — согласился Слобольд.

— Так что вскоре они приступят к работе, — с любезной улыбкой сообщил мистер Беллис.

Слобольд приняллся упаковывать платье, пытаясь уловить хоть какой-то смысл в словах мистера Беллиса.

«*После жизни во тьме*», — повторял он про себя, заворачивая платье в бумагу. «*Приспособятся*», — думал он, укладывая сверток в коробку.

Значит, Эгриш такая не одна. Беллис имел в виду многих. И впервые Слобольду пришла мысль, что заказчики не земляне. Тогда откуда? С Марса? Вряд ли, там света тоже хватает. А как насчет обратной стороны Луны?

— А вот списки размеров еще для трех платьев, — прервал его размышления мистер Беллис.

— Да я могу работать по тем, что вы мне уже дали, — все еще думая о других планетах, ляпнул Слобольд.

— То есть как это? — удивился мистер Беллис. — То, что впору Эгриш, другим не годится.

— Ох да, запамятаю, — с трудом отрываясь от размышлений, сказал Слобольд. — Но, может, сама Эгриш пожелает сшить еще несколько платьев по той же выкройке?

— Нет. Для чего?

Слобольд решил воздержаться от дальнейших вопросов из опасения, что возможные ошибки наведут мистера Беллиса на определенные подозрения.

Он просмотрел списки новых размеров. При этом ему пришлось проявить все свое самообладание, ибо будущие заказчики настолько же отличались от Эгриш, насколько та отличалась от нормальных людей.

— Управитесь за неделю? — поинтересовался мистер Беллис. — Не хочется вас подгонять, но дело не терпит отлагательства.

— За неделю? Думаю, да, — произнес Слобольд, разглядывая стодолларовые купюры, которые мистер Беллис разложил на прилавке. — Да, уверен, конечно управлюсь.

— Вот и отлично, — сказал мистер Беллис. — А то бедняги просто не переносят света.

— А почему же они не взяли с собой свою одежду? — вырвалось у Слобольда, и он тут же пожалел о проявленном любопытстве.

— Какую еще одежду? — строго уставившись на Слобольда, спросил мистер Беллис. — У них нет никакой одежды. Никогда не было и очень скоро не будет опять.

— Я запамятовал, — покрываясь обильным потом, промямлил Слобольд.

— Хорошо. Значит, неделя. — Мистер Беллис направился к выходу. — Да, кстати, через пару дней с Темной стороны вернется Клиш.

И с этими словами он вышел.

Всю неделю Слобольд трудился не покладая рук. Он вовсе перестал выключать свет и начал бояться темных углов. По форме платьев он догадывался, как выглядят их будущие владельцы, что отнюдь не способствовало крепкому сну по ночам. Ему очень хотелось, чтобы мистер Беллис больше не упоминал о своих знакомцах. Слобольд и так уже знал достаточно, чтобы опасаться за свой рассудок.

Он знал, что Эгриш и ее друзья-приятели всю жизнь жили во тьме. Следовательно, они прибыли из мира, лишенного света.

Какого мира?

Там, у себя, они не носят никакой одежды. Так зачем же им сейчас понадобились платья?

Кто они такие? Зачем они прибыли сюда? И что, интересно, подразумевает мистер Беллис, говоря об их предстоящей работе?

За неделю Слобольд пришел к выводу, что честное голодание куда лучше такой постоянной работы.

— Эгриш осталась очень довольна, — спустя неделю заявил мистер Беллис, закончив примерку размеров. — Другим тоже понравится, нисколько не сомневаюсь.

— Рад слышать, — ответил Слобольд.

— Они казались более адаптабельны, чем я смел надеяться, — сообщил мистер Беллис. — Они уже понемногу акклиматизируются. Ну и, конечно, ваша работа очень поможет.

— Весьма рад, — машинально улыбаясь, произнес Слобольд, испытывавший лишь одно желание: чтобы мистер Беллис поскорее ушел.

Однако мистер Беллис был не прочь побеседовать. Он перегнулся через прилавок и проговорил:

— Не вижу никаких причин, почему они должны функционировать только во тьме. Это сильно ограничивает их действия. Вот я забрал и их с Темной стороны.

Слобольд кивнул.

— Думаю, это все. — Мистер Беллис с коробкой под мышкой направился к выходу. — Кстати, вам бы следовало сообщить мне, что вы не тот Слобольд.

Слобольд сумел лишь выдавить жалкое подобие улыбки.

— Однако ничего страшного не произошло, — добавил мистер Беллис, — поскольку Эгриш выразила желание лично поблагодарить вас.

И он вежливо закрыл за собой дверь.

Слобольд долго не мог сдвинуться с места и лишь тупо глядел на дверь. Потом пощупал засунутые в карман долларовые банкноты.

— Бред какой-то, — произнес он и быстро запер входную дверь на засов. После чего закурил сигару. — Совершеннейший бред, — повторил он.

Стоял ясный солнечный день, и Слобольд, улыбнувшись своим страхам, верхний свет все же включил.

И вдруг услышал сзади легкий шорох.

Сигара выпала из пальцев Слобольда, но сам он даже не шелохнулся. Он не издал ни единого звука, хотя его нервы были натянуты до предела.

— Привет, мистер Слобольд, — поздоровался чей-то голос.

Слобольд стоял в залитом ярким светом ателье и не мог сдвинуться с места.

— Мы хотим поблагодарить вас за прекрасную работу, — продолжал голос. — Все мы.

Слобольд понял, что если он не посмотрит на говорящего, то тут же сойдет с ума. Нет ничего хуже неизвестности. И он начал медленно оборачиваться.

— Клиш сказал, что мы должны прийти, — пояснил голос. — Он считает, что нам следует показаться вам первому. Я имею в виду, в дневное время.

Тут Слобольд завершил поворот и увидел и Эгриш и остальных троих. Однако они не были одеты в платья.

В платья они одеты не были. Да и о каких платьях может идти речь, если посетители просто не имели тел?

Перед ним прямо в воздухе висели четыре огромные головы. Головы ли? Да, решил Слобольд, иначе чем же еще считать эти бугристые уродства.

Слобольд отчаянно пытался себя убедить, что у него галлюцинации. «Да я просто не мог встречать их раньше», — твердил он себе. Мистер Беллис обмолвился, будто они прибыли с Темной стороны. Они жили во тьме. Они даже никогда не носили одежды и вскоре не будут носить снова...

И тут Слобольд вспомнил. Он действительно видел их раньше, в особенно скверных и тяжких кошмарах.

Именно кошмарами они и были.

Теперь все стало на свои места. Они являются тем, кто о них думает. А почему кошмары должны ограничивать себя ночью? Дневное время — огромная неосвоенная территория, уже созревшая для эксплуатации.

Мистер Беллис создал семейство дневных кошмаров. И вот они здесь.

Но зачем им платья? Слобольд понял зачем, но это оказалось слишком много для его рассудка. Единственное, чего он страстно желал, так это тихо и благопристойно сойти с ума.

— Мы сейчас подойдем, — проговорила Эгриш. — Хотя свет нас все еще беспокоит.

И Слобольд увидел, как четыре фантастические головы медленно начали приближаться к нему.

— Благодарим за маски-пижамы. Сидят они превосходно. Слобольд рухнул на пол.

— Но ты нас обязательно увидишь, — были последние слова Эгриш.

ВЕРНЫЙ ВОПРОС

Ответчик был построен, чтобы действовать столько, сколько необходимо, — что очень большой срок для одних и совсем ерунда для других. Но для Ответчика этого было вполне достаточно.

Если говорить о размерах, одним Ответчик казался исполнинским, а другим — крошечным. Это было сложнейшее устройство, хотя кое-кто считал, что проще штуки не сыскать.

Ответчик же знал, что именно таким должен быть. Ведь он — Ответчик. Он знал.

Кто его создал? Чем меньше о них сказано, тем лучше. Они тоже знали.

Итак, они построили Ответчик — в помощь менее искушенным расам — и отбыли своим особым образом. Куда — одному Ответчику известно.

Потому что Ответчику известно все.

На некоей планете, вращающейся вокруг некоей звезды, находился Ответчик. Шло время: бесконечное для одних, малое для других, но для Ответчика — в самый раз.

Внутри его находились ответы. Он знал природу вещей, и почему они такие, какие есть, и зачем они есть, и что все это значит.

Ответчик мог ответить на любой вопрос, будь тот поставлен правильно. И он хотел. Страстно хотел отвечать!

Что же еще делать Ответчику?

И вот он ждал, чтобы к нему пришли и спросили.

— Как вы себя чувствуете, сэр? — участливо произнес Морран, повиснув над стариком.

Верный вопрос

© В. Баканов, перевод, 1984

Ask a Foolish Question

Copyright © 1953 by Columbia Publications, Inc.

— Лучше, — со слабой улыбкой отозвался Лингман.

Хотя Морран извел огромное количество топлива, чтобы выйти в космос с минимальным ускорением, немощному сердцу Лингмана маневр не понравился. Сердце Лингмана то артачилось и упиралось, не желая трудиться, то вдруг пускалось вприпрыжку и яростно молотило в грудную клетку. В какой-то момент казалось даже, что оно вот-вот остановится, просто назло.

Но пришла невесомость — и сердце заработало.

У Моррана не было подобных проблем. Его крепкое тело свободно выдерживало любые нагрузки. Однако в этом полете ему не придется их испытывать, если он хочет, чтобы старый Лингман остался в живых.

— Я еще протяну, — пробормотал Лингман, словно в ответ на невысказанный вопрос. — Протяну, сколько понадобится, чтобы узнать.

Морран прикоснулся к пульту, и корабль скользнул в подпространство, как угорь в масло.

— Мы узнаем. — Морран помог старику освободиться от привязных ремней. — Мы найдем Ответчик!

Лингман уверенно кивнул своему молодому товарищу. Долгие годы они утешали и ободряли друг друга. Идея принадлежала Лингману. Потом Морран, закончив институт, присоединился к нему. По всей Солнечной системе они выискивали и собирали по крупицам легенды о древней гуманоидной расе, которая знала ответы на все вопросы, которая построила Ответчик и отбыла в освояси.

— Подумать только! Ответ на любой вопрос! — Морран был физиком и не испытывал недостатка в вопросах: расширяющаяся Вселенная, ядерные силы, «новые... звезды».

— Да, — согласился Лингман.

Он подплыл к видеоэкрану и посмотрел в иллюзорную даль подпространства. Лингман был биологом и старым человеком. Он хотел задать только два вопроса.

Что такое жизнь?

Что такое смерть?

После особённо долгого периода сбора багрянца Лек и его друзья решили отдохнуть. В окрестностях густо расположенных звезд багрянец всегда редел — почему, никто не ведал, — так что вполне можно было поболтать.

— А знаете, — сказал Лек, — поищу-ка я, пожалуй, этот Ответчик.

Лек говорил на языке оллграт, языке твердого решения.

— Зачем? — спросил Илм на языке звест, языке добродушного подтрунивания. — Тебе что, мало сбора багрянца?

— Да, — отозвался Лек, все еще на языке твердого решения. — Мало.

Великий труд Лека и его народа заключался в сборе багрянца. Тщательно, по крохам, выискивали они вкрапленный в материю пространства багрянец и сгребали в колоссальную кучу. Для чего — никто не знал.

— Полагаю, ты спросишь у него, что такое багрянец? — предположил Илм, откинув звезду и ложась на ее место.

— Непременно, — сказал Лек. — Мы слишком долго жили в неведении. Нам необходимо осознать истинную природу багрянца и его место в мироздании. Мы должны понять, почему он правит нашей жизнью. — Для этой речи Лек воспользовался илгретом, языком зарождающегося знания.

Илм и остальные не пытались спорить, даже на языке спора. С начала времен Лек, Илм и все прочие собирали багрянец. Наступила пора узнать самое главное: что такое багрянец и зачем сгребать его в кучу?

И, конечно, Ответчик мог поведать им об этом. Каждый слыхал об Ответчике, созданном давно отбывшей расой, схожей с ними.

— Спросишь у него еще что-нибудь? — поинтересовался Илм.

— Пожалуй, я спрошу его о звездах, — пожал плечами Лек. — В сущности, больше ничего важного нет.

Лек и его братья жили с начала времен, потому они не думали о смерти. Число их всегда было неизменно, так что они не думали и о жизни.

Но багрянец? И куча?

— Я иду! — крикнул Лек на диалекте решения-на-границе-поступка.

— Удачи тебе! — дружно пожелали ему братья на языке величайшей привязанности.

И Лек удалился, прыгая от звезды к звезде.

Одн на маленькой планете, Ответчик ожидал прихода Задающих вопросы. Порой он сам себе нашептывал ответы. То была его привилегия. Он знал.

Итак, ожидание. И было не слишком поздно и не слишком рано для любых порождений космоса прийти и спросить.

Все восемнадцать собрались в одном месте.

— Язываю к Закону восемнадцати! — воскликнул один. И тут же появился другой, которого еще никогда не было, порожденный Законом восемнадцати.

— Мы должны обратиться к Ответчику! — вскричал один. — Нашиими жизнями правит Закон восемнадцати. Где собираются восемнадцать, там появляется девятнадцатый. Почему так?

Никто не мог ответить.

— Где я? — спросил новорожденный девятнадцатый. Один отвел его в сторону, чтобы все рассказать.

Осталось семнадцать. Стабильное число.

— Мы обязаны выяснить, — заявил другой, — почему все места разные, хотя между ними нет никакого расстояния.

Ты здесь. Потом ты там. И все. Никакого передвижения, никакой причины. Ты просто в другом месте.

— Звезды холодные, — пожаловался один.

— Почему?

— Нужно идти к Ответчику.

Они слышали легенды, знали сказания. «Некогда здесь был народ — выпитые мы! — который знал. И построил Ответчик. Потом они ушли туда, где нет места, но много расстояния».

— Как туда попасть? — закричал новорожденный девятнадцатый, уже исполненный знания.

— Как обычно.

И восемнадцать исчезли. А один остался, подавленно глядя на бесконечную протяженность ледяной звезды. Потом исчез и он.

— Древние предания не врут, — прошептал Морран. — Вот Ответчик.

Они вышли из подпространства в указанном легендами месте и оказались перед звездой, которой не было подобных. Морран придумал, как включить ее в классификацию, но это не играло никакой роли. Просто ей не было подобных.

Вокруг звезды вращалась планета, тоже не похожая на другие. Морран нашел тому причины, но они не играли никакой роли. Это была единственная в своем роде планета.

— Пристегнитесь, сэр, — сказал Морран. — Я постараюсь приземлиться как можно мягче.

Шагая от звезды к звезде, Лек подошел к Ответчику, положил его на ладонь и поднес к глазам.

— Значит, ты Ответчик? — проговорил он.

— Да, — отозвался Ответчик.

— Тогда скажи мне, — попросил Лек, устраиваясь поудобнее в промежутке между звездами. — Скажи мне, что я есть?

— Частность, — сказал Ответчик. — Проявление.

— Брось, — обиженно проворчал Лек. — Мог бы ответить и получше... Теперь слушай. Задача мне подобных — собирать багрянец и сгребать его в кучу. Каково истинное значение этого?

— Вопрос бессмысленный, — сообщил Ответчик. Он знал, что такое багрянец и для чего предназначена куча. Но объяснение таилось в большем объяснении. Лек не сумел правильно поставить вопрос.

Лек задавал другие вопросы, но Ответчик не мог ответить на них. Лек смотрел на все по-своему узко, он видел лишь часть правды и отказывался видеть остальное. Как объяснить слепому ощущение зеленого?

Ответчик и не пытался. Он не был для этого предназначен. Наконец Лек презрительно усмехнулся и ушел, стремительно шагая в межзвездном пространстве.

Ответчик знал. Но ему требовался верно сформулированный вопрос. Ответчик размышлял над этим ограничением, глядя на звезды — не большие и не малые, а как раз подходящего размера.

«Правильные вопросы... Тем, кто построил Ответчик, следовало принять это во внимание, — думал Ответчик. — Им следовало предоставить мне свободу, позволить выходить за рамки узкого вопроса».

Восемнадцать созданий возникли перед Ответчиком — они не пришли и не прилетели, а просто появились. Поеживаясь в холодном блеске звезд, они ошеломленно смотрели на подавляющую громаду Ответчика.

— Если нет расстояния, — спросил один, — то как можно оказаться в других местах?

Ответчик знал, что такое расстояние и что такое другие места, но не мог ответить на вопрос. Вот суть расстояния, но она не такая, какой представляется этим существам. Вот суть мест, но она совершенно отлична от их ожиданий.

— Перефразируйте вопрос, — с затаенной надеждой посоветовал Ответчик.

— Почему здесь мы короткие, — спросил один, — а там длинные? Почему там мы толстые, а здесь худые? Почему звезды холодные?

Ответчик все это знал. Он понимал, почему звезды холодные, но не мог объяснить это в рамках понятий звезд или холода.

— Почему, — поинтересовался другой, — есть Закон восемнадцати? Почему, когда собираются восемнадцать, появляется девятнадцатый?

Но, разумеется, ответ был частью другого, большего вопроса, а его-то они и не задали.

Закон восемнадцати породил девятнадцатого, и все девятнадцать пропали.

Ответчик продолжал тихо бубнить себе вопросы и сам на них отвечал.

— Ну вот, — вздохнул Морран. — Теперь все позади.

Он похлопал Лингмана по плечу — легонько, словно опасаясь, что тот рассыплется.

Старый биолог обессилел.

— Пойдем, — сказал Лингман. Он не хотел терять времени. В сущности, терять было нечего.

Надев скафандры, они зашагали по узкой тропинке.

— Не так быстро, — попросил Лингман.

— Хорошо, — согласился Морран.

Они шли плечом к плечу по планете, отличной от всех других планет, летящей вокруг звезды, отличной от всех других звезд.

— Сюда, — указал Морран. — Легенды были верны. Тропинка, ведущая к каменным ступеням, каменные ступени — во внутренний дворик... И — Ответчик!

Ответчик представился им белым экраном в стене. На их взгляд, он был крайне прост.

Лингман сцепил задрожавшие руки. Наступила решающая минута его жизни, всех его трудов, споров...

— Помни, — сказал он Моррану, — мы и представить не в состоянии, какой может оказаться правда.

— Я готов! — восторженно воскликнул Морран.

— Очень хорошо. Ответчик, — обратился Лингман высоким слабым голосом, — что такая жизнь?

Голос раздался в их головах.

— Вопрос лишен смысла. Под «жизнью» Спрашивающий подразумевает частный феномен, объяснимый лишь в терминах целого.

— Частью какого целого является жизнь? — спросил Лингман.

— Данный вопрос в настоящей форме не может разрешиться. Спрашивающий все еще рассматривает «жизнь» субъективно, со своей ограниченной точки зрения.

— Ответь же в собственных терминах, — сказал Морран.

— Я лишь отвечаю на вопросы, — грустно произнес Ответчик.

Наступило молчание.

— Расширяется ли Вселенная? — спросил Морран.

— Термин «расширение» неприменим к данной ситуации. Спрашивающий оперирует ложной концепцией Вселенной.

— Ты можешь нам сказать хоть что-нибудь?

— Я могу ответить на любой правильно поставленный вопрос, касающийся природы вещей.

Физик и биолог обменились взглядами.

— Кажется, я понимаю, что он имеет в виду, — печально проговорил Лингман. — Наши основные допущения неверны. Все до единого.

— Невозможно! — возразил Морран. — Наука...

— Частные истины, — бесконечно усталым голосом заметил Лингман. — По крайней мере, мы выяснили, что наши заключения относительно наблюдаемых феноменов ложны.

— А закон простейшего предположения?

— Всего лишь теория.

— Но жизнь... безусловно, он может сказать, что такое жизнь?

— Взгляни на это дело так, — задумчиво проговорил Лингман. — Положим, ты спрашиваешь: «Почему я родился под созвездием Скорпиона при проходе через Сатурн?» Я не сумею ответить на твой вопрос в терминах зодиака, потому что зодиак тут совершенно ни при чем.

— Ясно, — медленно выговорил Морран. — Он не в состоянии ответить на наши вопросы, оперируя нашими понятиями и предположениями.

— Думаю, именно так. Он связан корректно поставленными вопросами, а вопросы требуют знаний, которыми мы не располагаем.

— Значит, мы даже не можем задать верный вопрос? — возмутился Морран. — Не верю. Хоть что-то мы должны знать. — Он повернулся к Ответчику. — Что есть смерть?

— Я не могу определить антропоморфизм.

— Смерть — антропоморфизм! — воскликнул Морран, и Лингман быстро обернулся. — Ну наконец-то сдвинулись с места.

— Реален ли антропоморфизм?

— Антропоморфизм можно классифицировать экспериментально как А — ложные истины или В — частные истины — в терминах частной ситуации.

— Что здесь применимо?

— И то и другое.

Ничего более конкретного они не добились. Долгие часы они мучили Ответчика, мучили себя, но правда ускользала все дальше и дальше.

— Я скоро сойду с ума, — не выдержал Морран. — Перед нами разгадки всей Вселенной, но они откроются лишь при верном вопросе. А откуда нам взять эти верные вопросы?!

Лингман опустился на землю, привалился к каменной стене и закрыл глаза.

— Дикари — вот мы кто, — продолжал Морран, нервно расхаживая перед Ответчиком. — Представьте себе бушмена, требующего у физика, чтобы тот объяснил, почему нельзя пустить стрелу в Солнце. Ученый может объяснить это только своими терминами. Как иначе?

— Ученый и пытаться не станет, — едва слышно проговорил Лингман. — Он сразу поймет тщетность объяснения.

— Или вот как вы разъясните дикарю вращение Земли вокруг собственной оси, не погрешив научной точностью?

Лингман молчал.

— А, ладно... Пойдемте, сэр?

Пальцы Лингмана были судорожно сжаты, щеки впали, глаза остекленели.

— Сэр! Сэр! — затряс его Морран.

Ответчик знал, что ответа не будет.

Один на планете — не большой и не малой, а как раз подходящего размера — ждал Ответчик. Он не может помочь тем, кто приходит к нему, ибо даже Ответчик не всесилен.

Вселенная? Жизнь? Смерть? Багрянец? Восемнадцать?

Частные истины, полуистины, крохи великого вопроса.

И бормочет Ответчик вопросы сам себе, верные вопросы, которые никто не может понять.

И как их понять?

Чтобы правильно задать вопрос, нужно знать большую часть ответа.

РЕГУЛЯРНОСТЬ КОРМЛЕНИЯ

Трэггис почувствовал облегчение: наконец-то! Владелец магазина направился к входной двери, чтобы встретить очередного покупателя. Трэггису здорово действовал на нервы этот раболепно согнувшийся старик, который все время торчал у него за спиной, заглядывал сквозь очки на каждую страницу, которую он открывал, совал повсюду свой грязный узловатый палец и подобострастно вытирал пыль с полок несвежим носовым платком с пятнами от табака. А когда старик начинал предаваться воспоминаниям и тонким голоском рассказывал разные истории, Трэггису просто сводило скулы от скуки.

Конечно, старик хотел угодить, но ведь во всем нужно знать меру. Трэггис вежливо улыбался, надеясь, что рано или поздно звякнет колокольчик над входной дверью. И колокольчик звякнул...

Трэггис поспешил в глубь магазина, надеясь, что противный старик не последует за ним. Он прошел мимо полки с несколькими десятками книг с греческими названиями. За ней была секция популярных изданий. Странная путаница имен и названий... Эдгар Райс Берроуз, Энтони Троллоп, теософские трактаты, поэмы Лонгфелло. Чем дальше он забирался, тем толще становился слой пыли на полках, тем реже в проходах попадались электрические лампочки без абажуров, тем выше становились кипы тронутых плесенью книг со скрученными уголками, напоминавшими собачьи уши.

Это был прелестный уголок, словно специально для него созданный, и Трэггис удивлялся, что раньше сюда не забредал.

Регулярность кормления

© А. Мельников, перевод, 1991

Feeding Time

Copyright © 1953 by Robert Sheckley

Книжные магазины были его единственной страстью. Он проводил в них все свободное время, бродил по книгохранилищам и чувствовал себя счастливым.

Разумеется, его интересовали книги определенного толка.

...Стена, сложенная из книг, кончилась, и за нею оказались три коридора, расходившиеся под немыслимыми углами. Трэггис выбрал средний, отметив про себя, что снаружи книгохранилище не казалось ему таким просторным. Дверь, которая вела в магазин, была едва заметна между двумя другими домами. Над входом висела вывеска, имитирующая старинную надпись от руки. Впрочем, с улицы эти старые книжные лавки подчас выглядели обманчиво: иногда они тянулись почти на полквартала.

В конце коридора оказалось еще два ответвления, набитых книгами. Выбрав то, которое вело налево, Трэггис принялся читать названия, выхватывая их натренированным взглядом. Теперь он не спешил. При желании он мог оставаться здесь на весь день, не говоря уже о ночи.

Одно название вдруг поразило его. Он уже прошел по инерции восемь или десять шагов, но вернулся.

Книга была небольшая, в черном переплете, на вид старая, но скорее неопределенного возраста. Это свойственно некоторым книгам. Края ее были потрепаны, и заглавие на обложке потускнело.

— Что же это такое? — чуть слышно пробормотал Трэггис.

На обложке значилось:

«ГРИФОН — УХОД И КОРМЛЕНИЕ».

А ниже — более мелким шрифтом:

«Советы владельцу».

Трэггис знал, что грифон — мифологическое чудовище, наполовину — лев, наполовину — орел.

— Ну что же, — сказал сам себе Трэггис. — Взглянем.

Он открыл книгу и начал просматривать содержание.

Главы носили следующие названия:

1. Виды грифонов.
2. Краткая история грифонологии.
3. Подвиды грифонов.
4. Пища для грифонов.
5. Создание для грифона естественной среды обитания.
6. Грифон во время линьки.
7. Грифон и...

Трэггис закрыл книгу.

— Несомненно, — сказал он вслух, — это очень необычно. Он принял торопливо перелистывать книгу, выхватывая из текста случайные фразы. Вначале он подумал, что книга — своего рода мистификация, в которой были использованы естественнонаучные источники. Таково было любимое развлечение в елизаветинские времена. Но в данном случае вряд ли. Книга была не такой уж старой. Кроме того, в манере письма не ощущалось напыщенности, синтаксическая структура не была должным образом сбалансирована, не хватало оригинальных антитез и так далее. Изложение мысли стройное, предложения краткие и доходчивые. Трэггис перелистал еще несколько страниц и наткнулся на следующий абзац:

«Единственная пища грифонов — юные девственницы. Регулярность кормления — один раз в месяц, при этом нужно принимать во внимание...»

Трэггис захлопнул книгу. Эти слова внезапно смущили его, породив бурный поток воспоминаний интимного свойства. Покраснев, он отогнал эти мысли и снова взглянул на полку в надежде найти еще что-нибудь в том же роде. Скажем, «Краткую историю сирен» или «Как правильно кормить Минотавра». Но на полке не оказалось ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего найденную книгу о грифоне. Ни на этой, ни на других.

— Нашли что-нибудь? — раздался голос у него за спиной.

Трэггис вздрогнул, улыбнулся и протянул продавцу книгу в черной обложке.

— О да, — сказал старик, вытирая с нее пыль. — Это довольно редкая книга.

— В самом деле? — пробормотал Трэггис.

— Грифоны, — задумчиво сказал старик, перелистывая книгу, — встречаются довольно редко. Это, в общем, необычная разновидность... животных, — закончил он, мгновение подумав. — С вас один доллар пятьдесят центов, сэр... За эту книгу.

Трэггис покинул магазин, зажав свое приобретение под мышкой. Он отправился прямо домой. Не каждый день случается купить книгу под названием:

«ГРИФОН — УХОД И КОРМЛЕНИЕ».

Комната, в которой обитал Трэггис, смахивала на букинистический магазин. Та же теснота, такой же слой вездесущей пыли, тот же более или менее упорядоченный хаос

названий, авторов и шрифтов. На этот раз Трэггис даже не остановился, чтобы полюбоваться своими сокровищами. Он прошел мимо сборника «Сладострастные стихи». Бесцеремонно сбросил с кресла том под названием «Сексуальная психопатология». Уселся и принялся читать.

В черной книге содержалось многое из того, что имело прямое отношение к уходу за грифоном. В голове не укладывалось, что существо — наполовину лев, наполовину орел — могло быть таким чувствительным. Подробно говорилось о том, какую пищу предпочитает грифон... Чтение книги о грифоне доставляло такое же удовольствие, как и лекции небезызвестного Хэвлока Элиса о сексе, которыми прежде увлекался Трэггис.

В приложении содержались подробные указания относительно того, как попасть в зоопарк. Указания эти, мягко выражаясь, были уникальными...

Было далеко за полночь, когда Трэггис закрыл книгу. Сколько же необычной информации заключалось в ней!

Из головы Трэггиса не выходила одна фраза:

«Единственная пища грифонов — юные девственницы».

Она почему-то беспокоила Трэггиса. В этом была какая-то несправедливость...

Некоторое время спустя он снова раскрыл книгу в том месте, где были «Указания: как попасть в зоопарк». Содержавшаяся в них информация была, несомненно, странной. Но не слишком сложной. Все это не требовало излишнего физического напряжения. Там было напечатано всего несколько слов, точнее, наставлений. Трэггис вдруг понял, сколь унизительна была для него работа в качестве банковского служащего. Бессмысленная траты восьми полноценных часов в день независимо от того, как это воспринимать. Намного интереснее быть человеком, отвечающим за содержание грифона. Использовать специальные мази в период линьки, отвечать на вопросы по грифонологии. Быть ответственным за кормление.

«Единственная пища... Да, да, да, — торопливо бормотал Трэггис, прохаживаясь по своей узкой комнате. — Ерунда, конечно, мистификация, но, может быть, попробовать? Ради шутки!»

И он глухо рассмеялся.

Не было ни ослепительной вспышки, ни удара грома, но тем не менее какая-то сила мгновенно перенесла Трэггиса в нужное место. От неожиданности он зашатался, но через секунду обрел равновесие и открыл глаза.

Ярко светило солнце. Оглядевшись по сторонам, Трэггис убедился, что кто-то хорошенъко потрудился, чтобы создать «естественную среду обитания для грифона».

Трэггис двинулся вперед, стараясь сохранять самообладание, несмотря на дрожь в коленях и противное ощущение в желудке. И вдруг увидел грифона.

В то же мгновение грифон заметил его.

Вначале неторопливо, затем все быстрее грифон начал к нему приближаться. Раскрылись огромные орлиные крылья, обнажились когти — и грифон плавно ринулся вперед.

Трэггис инстинктивно рванулся в сторону. Огромный, отливающий на солнце золотом грифон обрушился на него.

Трэггис в отчаянии закричал:

— Нет, нет! Единственная пища грифонов — юные...

И издал вопль, сообразив, что очутился в когтях грифона.

О ВЫСОКИХ МАТЕРИЯХ

Мортонсон прогуливался тихо-мирно по безлюдным предгорьям Анд, никого не трогал, как вдруг его ошарашил громоподобный голос, исходивший, казалось, отовсюду и в то же время ниоткуда:

— Эй, ты! Ответь-ка, что в жизни главное?

Мортонсон замер на ходу, буквально оцепенел, его аж в испарину бросило: редкостная удача — общение с гостем из космоса, и теперь многое зависит от того, удачно ли ответит он на вопрос.

Присев на первый же подвернувшийся валун, Мортонсон проанализировал ситуацию. Задавший вопрос — кем бы он ни был, этот космический гость, — наверняка догадывается, что Мортонсон — простой американец, понятия не имеет о главном в жизни. Поэтому в своем ответе надо скорее всего проявить понимание ограниченности земных возможностей, но следует отразить и осознание того, что со стороны гостя вполне естественно задавать такой вопрос разумным существам, в данном случае — человечеству, представителем которого случайно выступает Мортонсон, хоть плечи у него сутулые, нос шелушится от загара, рюкзак оранжевый, а пачка сигарет смята. С другой стороны, не исключено, что подоплека у вопроса совсем иная: вдруг, по мнению Пришельца, самому Мортонсону и впрямь кое-что известно насчет главного в жизни, и это свое прозрение он, Мортонсон, способен экспромтом изложить в лаконичной отточенной фразе. Впрочем, для экспромта вроде бы уж и время миновало. Привнести в ответ шутливую нотку? Объявить голосу:

О высоких материях

© Н. Евдокимова, перевод, 1983

What is Life?

Copyright © 1976 by Robert Sheckley

«Главное в жизни — это когда голос с неба допрашивает тебя о главном в жизни!» И разразиться космическим хохотом. А вдруг тот скажет: «Да, такова сиюминутная действительность, но что же все-таки в жизни главное?» Так и останешься стоять с разинутым ртом, и в морду тебе шлепнется тухлое эктоплазменное яйцо: вопросивший подымет на смех твою самооценку, самомнение, самодовольство, бахвальство.

— Ну как там у тебя идут дела? — поинтересовался Голос.

— Да вот работаю над вашей задачкой, — доложил Мортонсон. — Вопросик-то трудный.

— Это уж точно, — поддержал Голос.

Ну что же в этой поганой жизни главное? Мортонсон перебрал в уме кое-какие варианты. Главное в жизни — Его Величество Случай. Главное в жизни — хаос вперемежку с роком (недурно пущено, стоит запомнить). Главное в жизни — птичий щебет да ветра свист (очень мило). Главное в жизни — это когда материя проявляет любознательность (чью это слова? Не Виктора ли Гюго?). Главное в жизни — то, что тебе вздумалось считать главным.

— Почти расщелкал, — обнадежил Мортонсон.

Досаднее всего сознавать, что можешь выдать неправильный ответ. Никого еще ни один колледж ничему не научил: нахватавшись только разных философских изречений. Беда лишь, стоит закрыть книгу — пиши пропало: сидишь ковыряешь в носу и мечтаешь невесть о чем.

А как отзовется пресса?

«Желторотый американец черпал из бездонного кладезя премудрости и после всего проявил позорную несамостоятельность».

Лопух! Любому неприятно было бы угодить в подобный переплет. Но что же в жизни главное?

Мортонсон загасил сигарету и вспомнил, что она у него последняя. Тьфу! Только не отвлекаться! Главное в жизни — сомнение? Желание? Стремление к цели? Наслаждение?

Потерев лоб, Мортонсон громко, хоть и слегка дрожащим голосом, выговорил:

— Главное в жизни — воспламенение!

Воцарилась зловещая тишина. Выждав пристойный, по своим понятиям срок, Мортонсон спросил:

— Э-э, угадал я или нет?

— Воспламенение, — пророкотал возвышенный и могущественный Глас. — Чересчур длинно. Горение? Тоже длинновато. Огонь? Главное в жизни — огонь! Подходит!

— Я и имел в виду огонь, — вывернулся Мортонсон.

— Ты меня действительно выручил, — заверил Голос. — Ведь я прямо завяз на этом слове! А теперь помоги разобраться с 78-м по горизонтали. Отчество изобретателя бесфрикционного привода для звездолетов, четвертая буква Д. Вертится на языке, да вот никак не поймаю.

По словам Мортонсона, тут он повернулся кругом и пошел себе восвояси, подальше от неземного Гласа и от высоких материй.

ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

РАЗДВОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Эверетт Бартолд застраховал свою жизнь. Но сперва он поднатаскался в страховом деле, уделив особое внимание разделам: «Нарушение договорных обязательств», «Умышленное искажение фактов», «Мошенничество во времени» и «Выплата страховых премий».

Прежде чем оформлять полис, Бартолд посоветовался с женой. У Мэвис Бартолд — худощавой, красивой, нервной женщины — повадки были вкрадчивые, кошачьи.

— Ничего не выйдет, — тотчас же заявила она.

— Дело верное, — возразил Бартолд.

— Тебя упрут под замок, а ключ забросят подальше.

— Никогда в жизни. Все будет разыграно как по нотам, лишь бы ты не подвела.

— Меня привлекут как соучастницу, — сообразила жена. — Нет уж, уволь.

— Дорогая, насколько мне помнится, тебе давно нужно манто из натурального мексиканского эскарта.

Глаза Мэвис блеснули, супруг нашупал уязвимое место.

— И мне пришло в голову, — без нажима продолжал Бартолд, — что ты бы получила удовольствие от гардероба «Летти Дет», ожерелья из руумов, виллы на Венерианской Ривьере и.

— Хватит, дорогой!

Миссис Бартолд давно подозревала, что в этом тщедушном теле бьется отважное сердце. Бартолд был приземист, начинал лысеть, отнюдь не поражал красотой, глаза его кротко

Раздвоение личности

© Н. Евдокимова, перевод, 1969

Double Indemnity

Copyright © 1957 by Robert Sheckley

смотрели из-под роговых очков. Однако душе его впору было обитать в мускулистом теле какого-нибудь пирата.

Бартолд занялся последними приготовлениями. Он пошел в лавочку, где рекламировались одни товары, а продавались другие. Он оставил там несколько тысяч долларов и ушел, крепко сжимая в руке коричневый чемоданчик.

Бартолд сдал чемоданчик в камеру хранения, собрался с духом и предстал перед служащими корпорации «Межвременная Страховка».

Целый день его выстукивали и выслушивали врачи. Он заполнил кучу бланков, и, наконец, его привели в кабинет окружного директора мистера Гринза.

Гринз оказался рослым приветливым человеком. Он быстро прочел заявление Бартолда и кивнул.

— Отлично, отлично, — сказал он. — Все как будто в порядке.

— Кажется, да, — ответил Бартолд, несколько месяцев подряд изучавший стандартный бланк фирмы.

— Выписываем полис на страхование жизни, — пояснил мистер Гринз. — Длительность жизни измеряется исключительно в единицах субъективного физиологического времени. Полис служит гарантией на протяжении 1000 лет по обе стороны Настоящего. Но не дальше.

— Мне и в голову не пришло бы забраться дальше, — вставил Бартолд.

— И в полисе имеется известная статья о раздвоении личности. Понятны ли вам ее условия и смысл?

— Пожалуй, — ответил Бартолд, затвердивший эту статью слово в слово.

— Значит, все в порядке. Распишитесь вот здесь. И здесь. Спасибо, сэр.

Бартолд вернулся на службу — он заведовал сбытом в компании «Алпро Мэньюфэкчering» (игрушки для детей любого возраста) — и тут же во всеуслышание заявил, что намерен незамедлительно заняться сбытом в Прошлом.

— Слабовато у нас с реализацией во времени, — сказал он. — Поеду-ка я сам в Прошлое, лично наложу там сбыт.

— Чудесно! — вскричал директор компании «Алпро», мистер Карлайл. — Я уже давненько об этом подумываю, Эверетт.

— Знаю, что подумываете, мистер Карлайл. Ну а я, сэр, принял решение совсем недавно. «Поезжай-ка сам, — ска-

зал я себе, — да погляди, что там происходит». Я все приготовил и готов ехать хоть сейчас.

Мистер Карлайл похлопал его по плечу:

— Вы лучший заведующий сбытом из всех, кто служил когда-либо в «Алпро», Эверетт. Очень рад, что вы приняли такое решение. Да, между прочим, — мистер Карлайл лукаво усмехнулся. — Есть у меня адресок в Канзас-Сити 1895 года, может быть, он вас заинтересует. Нынче таких уже не повстречаешь. А в Сан-Франциско 1850 года я знаю одну...

— Нет, спасибо, сэр.

— Чисто по-деловому, а, Эверетт?

— Да, сэр, — ответил Бартолд с добродетельной улыбкой. — Чисто по-деловому.

Вертолетом Бартолд добрался до центрального выставочного зала фирмы «Темпорал Моторс» и приобрел флипер класса «А».

— Вы не пожалеете, сэр, — говорил продавец, снимая ярлык с поблескивающей машины. — Мощная штучка! Двойной импеллер, регулируемая прицельная высадка в любом году. Никакой опасности стазиса.

— Прекрасно, — сказал Бартолд. — Значит, можно садиться.

— Конечно, сэр. Темпорометр стоит на нуле, он будет регистрировать ваши маршруты во времени. Вот список запретных временных зон. Проникновение в запретную зону карается по всей строгости федерального закона. На темпорометре будет зафиксировано даже самое кратковременное пребывание в запретной зоне.

Бартолд забеспокоился. Продавец, конечно, ничего не подозревает. Но с какой стати он все время разглагольствует о запретах и нарушениях?

— По инструкции, я должен разъяснить вам закон, — жизнерадостно продолжал продавец. — А еще, сэр, предельная дальность путешествия во времени — тысяча лет. Путешествия на большее расстояние дозволяются лишь с письменного разрешения Государственного Департамента.

Бартолд принужденно улыбнулся, пожал продавцу руку, сел в машину и нажал кнопку «старт».

Его окутало серое небытие. Бартолд думал о мелькающих мимо годах — бесформенных и бесконечных, о серых мирах, о серой Вселенной...

Однако философствовать было некогда. Бартолд открыл коричневый чемоданчик и вынул оттуда стопку бумажных листов с машинописным текстом. Бумаги, составленные неким

агентством частного сыска времени, содержали всеобщую историю рода Бартолдов вплоть до родоначальника.

Бартолду нужен был Бартолд. Но не всякий. Нужен был мужчина лет 38, холостой, не поддерживающий связи с родней, не имеющий ни близких друзей, ни ответственной работы. А самое лучшее — вовсе никакой работы.

Нужен был такой Бартолд, которого никто бы не хватился и не стал разыскивать, если бы он вдруг исчез.

В роду Бартолдов почти все мужчины в возрасте 38 лет были женаты. Некоторые не дожили до этих лет. У тех немногих, что остались живыми и холостыми, были добрые друзья и любящие родственники.

Оставшиеся после отбора кандидатуры можно было пересчитать по пальцам. Бартолд ехал проверить эти кандидатуры в надежде отыскать подходящую...

Серая мгла расступилась. Бартолд увидел булыжную мостовую. Мимо прогромыхал чудной автомобиль на неимоверно высоких колесах; за рулем сидел человек в соломенной шляпе.

Бартолд высадился в Нью-Йорке 1912 года.

Первым в списке значился Джек Бартолд, прозванный друзьями «Джеки-Бык» — бродячий печатник с рыскающими глазами и зудом в ногах. В 1902 году Джек бросил жену с тремя детьми и вернуться к семье не собирался. Бартолд смело мог считать его холостым. Он кочевал из типографии в типографию, нигде не задерживаясь подолгу. Теперь, в 38 лет, он работал где-то в Нью-Йорке.

Бартолд начал с района Бэттери. В одиннадцатой по счету типографии на Уотер-стрит он разыскал нужного человека.

— Вам Джека Бартолда? — переспросил старенький метрополитен. — Конечно, он в цехе. Эй, Джек! К тебе приятель!

У Бартолда зачалил пульс. Из темных закоулков типографии к нему направился человек. Он хмуро подошел вплотную.

— Я Джек Бартолд, — сказал он. — Тебе чего?

Бартолд поглядел на родича и грустно покачал головой. Этот Бартолд явно непригоден.

— Ничего, — ответил он. — Ровным счетом ничего.

Он круто повернулся и ушел из типографии.

Джеки-Бык, который при росте пять футов восемь дюймов весил двести девяносто фунтов, почесал в затылке.

— Какого дьявола, что это значит? — спросил он.

Эверетт Бартолд вернулся в машину и задал ей новый маршрут. «Очень жаль, — подытожил он мысленно, — но разжиревший Бартолд не вписывается в мои планы».

Следующая остановка была сделана в Мемфисе 1869 года. Одетый в подобающий костюм, Бартолд отправился в отель «Дикси Белл» и спросил у дежурного, как повидать Бена Бартолдера.

— Да как вам сказать, сэр, — ответил старик дежурный, — ключ у меня, значит, его, стало быть, нет. Может, найдете его в салуне, тут на углу, в компании таких же никудышных людишек!

Бартолд проглотил оскорбление и двинулся в салун.

Вечер только начинался, но газовый свет уже пылал во всю. Кто-то бренчал на банджо, у бара за стойкой красного дерева не было ни одного свободного места.

Бартолд сразу узнал того, кого искал. Бена Бартолдера он ни с кем не мог бы спутать.

Тот был точной копией Эверетта Бартолда.

А за этой-то жизненно важной особенностью и охотился Бартолд.

— Мистер Бартолдер, — сказал он, — нельзя ли нам перекинуться словечком с глазу на глаз?

— Почему бы нет? — ответил Бен Бартолдер.

Бартолд отвел его к свободному столику. Родственник уселся напротив и устремил на Бартолда внимательный взгляд.

— Сэр, — сказал Бен, — между нами имеется поразительное сходство.

— Воистину, — согласился Бартолд. — Это одна из причин моего появления.

— Есть и другие?

— Сейчас к ним перейдем. Не хотите ли выпить?

Бартолд заказал спиртного и подметил, что Бен держит правую руку под столом, на коленях. Бартолд заподозрил, что рука сжимает пистолет. Время такое, что северянам приходится быть начеку.

Когда подали выпивку, Бартолд сказал:

— Будем говорить без обиняков. Вас не привлекает крупное состояние?

— Кого оно не привлекает?

— Даже если ради него надо совершить долгий и трудный путь?

— Я приехал сюда из Чикаго, — сказал Бен, — и могу прокатиться еще дальше.

— А если дойдет до того, чтобы нарушить кое-какие законы?

— Вы убедитесь, сэр, что Бен Бартолдер готов на все, была бы ему выгода.

— Есть где-нибудь место, где нам наверняка не помешают?

— Мой номер в отеле.

— Так пойдемте.

Собеседники встали. Бартолд посмотрел на правую руку Бена и ахнул.

У Бенджамина Бартолдера не было кисти правой руки.

— Потерял под Виксбургом, — объяснил Бен, перехватив потрясенный взгляд Бартолда. — Но ничего. С любым готов драться, один на один одолею его левой рукой и обрубком правой.

— Ничуть не сомневаюсь, — растерянно откликнулся Бартолд. — Восхищен вашим мужеством, сэр. Подождите меня здесь. Я... я сейчас вернусь.

Бартолд стремительно проскочил сквозь входной турникет салуна и сразу бросился к флиперу.

Калека не вписывался в его планы.

Бартолд перенесся в Пруссию 1676 года. Располагая привитым под гипнозом знанием немецкого языка и одеждой соответствующего фасона, он бродил по пустынным улицам Кенигсберга в поисках Ганса Берталера.

Стоял полдень, но улицы были диковинно, до жути безлюдны. Бартолд все шел да шел, и в конце концов повстречался с монахом.

— Берталер? — призадумался монах. — А-а, вы о старике Отто-портном! Он теперь живет в Равенсбрюке, добрый господин.

— Это, наверное, отец, — возразил Бартолд. — А я ищу сына, Ганса Берталера.

— Ганса... Конечно! — Монах энергично закивал, потом метнул на Бартолда ехидный взгляд. — А вы уверены, что вам нужен именно он?

— Совершенно уверен, — сказал Бартолд.

— Вы найдете его у собора, — ответил монах. — Пойдемте, я и сам туда направляюсь.

Бартолд последовал за монахом. Берталер был наемным солдатом, воевал по всей Европе. Таких у собора не найдешь... Разве что, подумал Бартолд, сгоряча ударился в религию...

— Вот и пришли, господин, — сказал монах, остановившись перед благородным, устремленным ввысь зданием. — А вот и Ганс Берталер.

Бартолд увидел на ступенях собора человека в лохмотьях. Рядом лежала бесформенная шляпа, а в шляпе — два медяка и хлебная корка.

— Нищий, — презрительно пробормотал Бартолд. — Но все же не исключено...

Он пригляделся внимательнее и заметил пустые, бесмысленные глаза, отвисшую челюсть, подергивающиеся губы.

— Душераздирающее зрелище, — сказал монах. — В битве со шведами Ганса Берталера ранило в голову, и с тех пор он так и не пришел в себя.

Бартолд кивнул, оглянулся на пустынную соборную площадь, на безлюдные улицы.

— А где все? — спросил он.

— Да неужто вы не знаете, господин? Все бежали из Кенигсберга, кроме него да меня. Ведь здесь Великая Чума!

Бартолд в ужасе отшатнулся и побежал по пустынным улицам назад, к флиперу, антибиотикам и любому другому году.

Предчувствуя неотвратимый крах, промчался Бартолд сквозь годы в Лондон конца XVI века. И в таверне «Медвежонок», что близ Грейт-Хертфорд Кросса, осведомился о некоем Томасе Бартале.

— Это зачем же вам понадобился Бартал? — спросил трактирщик на таком варварском наречии, что Бартолд с трудом понял смысл вопроса.

— У меня к нему дело, — ответил Бартолд на гипноусвомленном староанглийском языке.

— Быть того не может! — трактирщик смерил взглядом Бартолда, оценил кружевную пену брыжей. — Да неужели вы не шутите?

Посетители обступили Бартолда, не выпуская из рук оловянных кружек, и на фоне лохмотьев он разглядел блеск смертоносного металла.

— Фискал, а?

— Какого шута здесь делать фискалу?

— Может, слабоумный?

— Безусловно, иначе не пришел бы сюда один.

— И просит, чтобы мы выдали ему беднягу Тома!

Трактирщик с ухмылкой наблюдал за тем, как толпа оборванцев надвигается на Бартолда, как оловянные кружки

вот-вот будут пущены в ход вместо палиц. Бартолда прижали к стене.

— Я не фискал! — воскликнул он.

— Бабушке своей расскажи!

Тяжелая кружка грохнулась о дубовую панель у него над головой.

Бартолда осенило: он сдернул с головы шляпу, разукрашенную перьями.

— Посмотрите на меня!

Оборванцы уставились на него во все глаза.

— Ну вылитый Том Бартал! — охнул кто-то.

— Но Том ведь даже не заикался, что у него есть брат! — заметил другой.

— Мы близнецы, — поспешил разъяснить Бартолд. — Нас разлучили, едва мы появились на свет. Лишь месяц назад я узнал, что у меня есть брат-близнец. И вот я здесь, чтобы познакомиться с ним.

Для Англии XVI века история была вполне правдоподобная, да и сходства не приходилось отрицать. Бартолда усадили за стол и поставили перед ним кружку с элем.

— Ты опоздал, парень, — сказал ему дряхлый одноглазый нищий. — Отменно он работал, лихой был гарцовщик...

Бартолд вспомнил, что так в старину называли конокрадов.

— ...но его схватили в Эйлсбери, и пытали его, и судили вместе с пиратами, и, что еще хуже, признали виновным.

— Какой же у него приговор? — спросил Бартолд.

— Суровый, — сказал коренастый вор. — Сегодня его повесят на Рынке Строптивых.

На мгновение Бартолд замер. Потом спросил:

— А брат действительно похож на меня?

— Как две капли воды! — вскричал трактирщик. — Удивления достойно, прямо глазам не верится. Тот же лик, тот же рост, тот же вес — все одинаковое!

Остальные закивали в знак согласия. И Бартолд, столь близкий к цели, решил идти в банк. Во что бы то ни стало ему нужен был Том Бартал!

— Слушайте меня внимательно, друзья, — сказал он. — Вы ведь не очень-то любите фискалов и законы Лондона, правда? А я во Франции слыву богачом, большим богачом. Хотите отправиться туда вместе со мной и жить, как бароны? Тише,тише, — я не сомневаюсь, что хотите. Что ж, это можно, друзья. Но надо взять и моего брата.

— Это как же? — удивился плечистый лудильщик. — Его же сегодня повесят!

— Разве вы не мужчины? — сказал Бартолд. — Разве вы не вооружены? Разве не пойдете на риск ради богатства и привольной жизни?

...На Рынке Строптивых собралась сравнительно небольшая кучка зевак, ибо казнь была мелкая и незначительная. Но все же хоть какое-то развлечение, и люди азартно улюлюкали, когда повозка с приговоренным прогромыхала по булыжной мостовой и остановилась у подножия виселицы.

Палач уже взошел на помост, уже окинул толпу взглядом сквозь прорези в черной маске и теперь проверял прочность веревки. Два констебля провели Тома Бартала вверх по ступенькам, подвели к палачу, протянули руки к веревке...

Бартолд, разинув рот, смотрел на осужденного. Бартал был похож на Бартолда точь-в-точь, если не считать одной мелочи.

Щеки и лоб у Бартала были изрыты оспинами.

— Самое время нападать, — сказал трактирщик. — Вы готовы, сэр? Сэр! Эй!

Он обернулся через плечо и увидел, что шляпа с перьями скрывается из виду в переулке.

В глубокой меланхолии возвращался Эверетт Бартолд к флиперу. Рябой никак не вписался бы в его планы.

Все понапрасну — ни одного пригодного Бартолда. Теперь он приближался к тысячелетнему барьерау.

Дальше забираться нельзя... Во всяком случае, по закону.

Но не может он вернуться с пустыми руками, да и не желает.

Есть же где-то во времени какой-нибудь Бартолд, пригодный для дела!

Он раскрыл коричневый чемоданчик и вынул оттуда маленький тяжелый аппарат. Там, в Настоящем времени, Бартолд выложил за него несколько тысяч долларов.

Он старательно наладил аппарат и подключил к темпорометру.

Теперь Бартолд волен странствовать во времени, где благорассудится — хоть среди неандертальцев. Темпорометр этого не отметит.

На какой-то миг Бартолду захотелось отказаться от своей затеи, вернуться к безопасности, к жене, к работе. Уж очень это страшно — ринуться через грань тысячелетия...

Он прибыл в Англию 662 года, к окрестностям древней крепости Мейден-Касл. Флипер он спрятал в лесной чаще, а

сам в простом одеянии из грубого холста направился к крепости.

Он обогнал двоих голых по пояс путников, что-то распевающих по-латыни. Тот, что шел сзади, хлестал переднего кожаной плетью. А потом они поменялись местами, даже не сбившись с ритма ударов.

— Прошу прощения, сэры...

Но путники даже не удостоили его взглядом.

Бартолд зашагал дальше, утерев пот со лба. Немного погодя он поравнялся с человеком в накидке, с арфой на одном боку и мечом на другом.

— Сэр, — обратился к нему Бартолд, — не знаете ли, где мне разыскать родича, на днях прибывшего сюда? Звать его Коннор Лох мак Байртр.

— Знаю, — ответил незнакомец.

— Где? — спросил Бартолд.

— Перед тобой, — ответил незнакомец. Он мгновенно отступил на шаг, сбросил арфу на траву и выхватил меч из ножен.

Бартолд смотрел на Байртра как зачарованный. Под длинными волосами он увидел точную и несомненную копию собственной физиономии.

Наконец-то кандидатура найдена!

Однако кандидатура явно не намеревалась вступать в сотрудничество. Медленно наступая с мечом наголо, Байртр приказал:

— Сгинь, демон, иначе разрублю на куски!

— Я не демон! — обиделся Бартолд. — Я твой родич!

— Лжешь, — непреклонно заявил Байртр. — Я долго странствовал по свету, это верно, и давненько не был дома. Однако я наперечет помню всех членов семьи. Ты не из них. Значит, ты демон, а обличье мое принял в колдовских целях.

— Погоди! — взмолился Бартолд. — Ты никогда не задумывался о будущем?

— О будущем?

— Да, о будущем!

— Слыхал я о том чудном времени, хоть сам и живу только сегодняшним днем, — проговорил Байртр и медленно опустил меч. — Знавал я одного чужеземца, трезвый он называл себя корнуэльцем, а пьяный — фоторепортером из «Лайфа». Ходит, бывало, повсюду, щелкает какой-то игрушкой да что-то себе под нос бормочет. Накачаешь его медом — он расскажет тебе про облик грядущего.

— Вот и я оттуда, — сказал Бартолд. — Я твой дальний родич из будущего. А прибыл я для того, чтобы предложить тебе несметное богатство!

Байртр проворно сунул меч в ножны.

— Это весьма любезно с твоей стороны, родич, — сказал он вежливо.

— Иди со мной, — распорядился Бартолд и повел его к флиперу.

В коричневом чемоданчике лежало все необходимое. Бартолд лишил Байртра сознания с помощью микрошприца. Затем, приставив ко лбу Байртра электроды, гипнотически привил ему краткий курс всемирной истории, достаточное знание английского языка и некоторые представления об американских обычаях.

Гипнообучение длилось почти двое суток. Тем временем Бартолд специальным аппаратом пересадил кожу со своих пальцев на пальцы Байртра. Теперь отпечатки у обоих стали идентичны.

Затем, то и дело сверяясь со списком, Бартолд наделил Байртра кое-какими недостающими особыми приметами и избавил его от кое-каких излишних. Процесс электролиза скомпенсировал то обстоятельство, что Бартолд начинал лысеть, а его родич — нет.

Когда все было закончено, Байртр застонал, схватился за свою гипnofаршированную голову и сказал на современном английском языке:

— Ну и ну! Чем это ты меня оглушил?

— Не тревожься, — ответил Бартолд. — Займемся-ка делом.

Он вкратце изложил свой план обогащения за счет корпорации «Межвременная Страховка».

— А там и вправду заплатят? — спросил Байртр.

— Заплатят, если не смогут оспорить претензию.

— И такие огромные деньги?

— Да. Я проверял заранее. Страховая премия за раздвоение личности фантастически высока.

— Этого я по-прежнему не понимаю, — сказал Байртр. — Что такое раздвоение личности?

— Так бывает, — объяснил Бартолд, — если путешественник в Прошлое пересек зеркальную трещину в фактуре времени. Это случается чрезвычайно редко. Но уже когда случается... В Прошлое, сам понимаешь, отправлялся один, а вернулись два абсолютно одинаковых человека. Каждый считает, что он-то и есть подлинный, первоначальный, что только

ему принадлежит право на собственность, службу, жену и так далее. Кто-то один должен отречься от всех прав и отпра- виться жить в Прошлое. Другой остается в родном времени, но живет в вечном страхе, с вечной тревогой и чувством вины.

— Гм, — Байртр задумался. — И часто оно случалось, это самое раздвоение?

— За всю историю путешествий во времени — раз де- сять, не больше. Есть меры предосторожности: принято держаться подальше от Узлов Парадокса и соблюдать тысячелетнее ограничение.

— Ты заехал дальше чем на тысячу лет, — вставил Байртр.

— Я пошел на риск и выиграл.

— С такими деньгами я мог бы стать бароном, — мечта-тельно проговорил Байртр. — А в Ирландии, пожалуй, даже королем! Я к тебе присоединяюсь.

— Прекрасно. Распишись вот здесь.

— А что это? — спросил Байртр, хмуро поглядев на казенного вида бумагу, подсунутую Бартолдом.

— Всего-навсего обязательство: получив с «Межвремен- ной Страховки»енную компенсацию, ты тотчас же вер- нешься в Прошлое, в любую эпоху по собственному усмотре- нию, и откажешься от всех и всяческих прав на Настоящее. Подпишись «Эверетт Бартолд». Дату я проставлю попозже.

— Ты все предусмотрел, а? — вздохнул Байртр.

— Старался уберечь себя от досадных неожиданностей. Мы отправляемся на мою родину, в мою эпоху, и я намерен там и остаться. Пошли. Тебе надо постричься и вообще привести себя в порядок.

Рука об руку двойники зашагали к флиперу.

Открыв дверь, Мэвис пронзительно вскрикнула, всплес- нула руками и упала в обморок.

Позднее, когда мужья привели ее в чувство, она в какой-то степени овладела собой.

— Получилось, Эверетт! — сказала она. — Эверетт!

— Это я, — отозвался Эверетт. — Познакомься с моим родичем Коннором Лох мак Байртром.

— Невероятно! — вскричала миссис Бартолд.

— Значит, мы похожи? — спросил ее супруг.

— Неразличимо! Просто неразличимо!

— Отныне и присно, — повелел Бартолд, — считай нас обоих Эвереттом Бартолдом. За тобой будут следить сыщики и следователи страховой фирмы. Помни: твоим супругом может быть любой из нас или оба вместе. Обращайся с нами совершенно одинаково.

— Как хочешь, дорогой, — с напускной застенчивостью проворковала Мэвис.

— Разумеется, кроме того... то есть кроме как в сфере... сфере... черт возьми, Мэвис, неужели ты сама не разбираешься, кто из нас — я?

— Конечно, разбираюсь, милый, — проворковала Мэвис. — Жена везде узнает своего мужа.

С приходом двух Эвереттов Бартолдов в помещении «Межвременной Страховки» воцарились ужас, смятение, страх и бесполковая лихорадка телефонных звонков.

— Первый случай подобного рода за пятнадцать лет, — сообщил мистер Гринз. — О Господи! Вы, конечно, согласны на детальный осмотр?

Их ощупывали и мяли врачи. Врачи обнаружили расхождения, каковые скрупулезно перечислили, обозначив их длинными латинскими терминами. Однако все эти расхождения не выходили из нормального диапазона отклонений, какие бывают у темпоральных двойников.

Инженерно-технические работники «Межвременной Страховки» выверили темпорометр, установленный на флипере. Они осмотрели приборы управления — на них были заданы эпохи: Настоящее, 1912, 1869, 1676 и 1595. На перфоленте был пробит и 662 год — год запретный, — но, как показывал темпорометр, эта команда не была исполнена. Бартолд объяснил, что случайно задел не те кнопки, а потом счел за благо оставить все как есть.

Подозрительно, но не дает оснований отказать в выплате премии.

Мистер Гринз предложил компромиссное решение, которое оба Бартолда отвергли. Он предложил два других, которые постигла та же участь.

Последняя беседа состоялась в кабинете Гринза. Два Бартолда расселись по обе стороны письменного стола, и вид у них был такой, будто вся эта история им наскучила.

— Хоть убейте, не понимаю, — сказал Гринз. — Для эпох, по которым перемещались вы, сэр, и вы, сэр, вероятность попадания в зеркальную трещину составляет примерно одну миллионную!

— Видимо, эта одна миллионная себя и показала, — заметил Бартолд, а Байртр кивнул.

— Но как-то все кажется не... ну да ладно, чему быть, того не миновать. Вы уладили вопрос о своем дальнейшем существовании?

Бартолд протянул Гринзу документ, подписанный Байртром еще в 662 году.

— Отбудет он незамедлительно после получения компенсации.

— Вас это устраивает, сэр? — обратился Гринз к Байртру.

— Еще бы, — ответил Байртр. — Все равно мне здесь не по нутру.

— То есть как это, сэр?

— Я хочу сказать, — заторопился Байртр, — мне всегда хотелось оторваться от общества, знаете, такая у меня затаенная мечта — жить в укромном месте, на природе, среди простых людей и так далее...

— Понятно, — с сомнением в голосе произнес мистер Гринз. — А вы разделяете эти чувства, сэр? — обратился он к Бартолду.

— Безусловно, — категорически заявил Бартолд. — У меня точно те же затаенные мечты. Но кто-то из нас вынужден остаться — из чувства долга, знаете ли, — так вот, остаться согласился я.

— Понятно, — повторил Гринз, хоть тоном он ясно показывал, что ему решительно ничего не понятно. — Гм. Хорошо. Вам сейчас выписывают чеки — вам, сэр, и вам, сэр. Можете получить завтра же с утра... Конечно, если до тех пор нам не представят доказательств вашей недобросовестности.

Бартолд схватил Байртра за руку и потащил к вертолету-автомату, причем сознательно не сел в первый же свободный.

Он нажал клавишу управления, потом посмотрел назад — нет ли погони. Потом обшарил кабину вертолета, проверяя, нет ли скрытой кинокамеры или звукозаписывающей аппаратуры. И лишь после этого заговорил с Байртром.

— Ты безнадежный кретин! Эта шуточка может обойтись нам в целое состояние! Гринз, несомненно, держит нас теперь под наблюдением. Если заметят хоть что-нибудь — что-нибудь опровергающее наши права на премию, — это будет значить Каторжный Планетоид.

— Нам надо держаться начеку, — здраво рассудил Байртр.

— Рад, что ты это понимаешь, — отозвался Бартолд. — Вечером поиграем в картишки, поболтаем, попьем кофе и вообще все проделаем так, будто мы оба — Бартолды. Утром я поеду за чеками.

— Годится, — согласился Байртр. — С удовольствием вернусь. Не понимаю, как ты тут терпишь вокруг себя сталь и камень. Нет уж, я — в Ирландию. Стану ирландским королем!

— Не загадывай, рано еще.

Бартолд отпер дверь, и они вошли в дом.

— Здравствуй, милый, — произнесла Мэвис, глядя в пространство между ними.

— Ты уверяла, что всегда узнаешь меня, — сухо прокомментировал Бартолд.

— Конечно, узнаю, дорогой! — Мэвис одарила его нежной улыбкой. — Просто мне не хотелось обижать бедного мистера Байртра. Тебе кто-то звонил, милый. И еще позвонят. Котик, я тут проглядывала рекламные объявления о меже эскартов. Полярный марсианский эскарт чуть дороже простого канального, но...

— Кто-то звонил? — перебил ее Бартолд. — Кто же?

— Не назвался. Зато он гораздо прочнее, и мех отличается радужным блеском, исключительно...

— Мэвис! Чем ему было нужно?

— Что-то такое в связи с раздвоением личности, — ответила жена. — Но там ведь все уложено, не правда ли?

— Ничего не уложено, пока у меня на руках нет чека, — обозлился Бартолд. — А теперь повтори слово в слово, что он тебе сказал.

— Да сказал, что звонит насчет твоей так называемой претензии к корпорации «Межвременная Страховка»...

— Так называемой? Прямо сказал «так называемой»?

— Слово в слово. Так называемой претензии к корпорации «Межвременная Страховка». Сказал, что непременно должен переговорить с тобой, и срочно, до наступления утра.

Бартолд покернел.

— И он сказал, что перезвонит попозже?

— Он сказал, что явится лично.

— Что такое? — всполошился Байртр. — Что это значит? Не иначе как страховой сыщик!

— Вот именно, — подхватил Бартолд. — По-видимому, он напал на какой-то след.

В дверь позвонили.

— Открывай, Бартолд! — прогремел чей-то голос. — Не пытайся увильнуть!

— Нельзя ли его умертвить? — осведомился Байртр.

— Слишком сложно! Идем! Через черный ход!

— Но зачем?

— Там стоит флипер. Бежим в Прошлое! Неужто не понимаешь? Будь у него в руках полновесные доказательства, он бы давно передал их корпорации. Значит, он только подозревает. Может быть, надеется расколоть нас своими вопросами. Если не попадаться ему на глаза до утра, то мы в безопасности!

— А как же я? — всхлипнула Мэвис.

— Заморочь ему голову, — отмахнулся от нее Бартолд и поволок Байртра через черный ход к флиперу.

Черт возьми! Инженеры и техники страховой компании изъяли из машины темпорометр.

Все пропало? Без темпорометра флипер недвижим. На какой-то миг Бартолд обезумел от страха, но тут же взял себя в руки и решил, что надо как-то выпутываться.

На приборах оставался фиксированный маршрут. Настоящее время и годы 1912, 1869, 1676, 1595 и 662. Поэтому даже без темпорометра во все эти эпохи можно попасть, управляя флипером вручную.

Бартолд быстро нажал кнопку «1912» и взялся за рычаги управления. До него донесся вопль жены. И крик незнакомца:

— Стой! Стой, тебе говорят! — кричал незнакомец.

И флипер ринулся в путь сквозь годы.

Бартолд с Байртром пошли в салун, заказали по кружке пива (десять центов за кружку) и налегли на бесплатную закуску.

— Чертов сыщик, и надо же ему было совать нос куда не просят, — пробормотал Бартолд. — Ну, теперь-то мы от него оторвались. Придется уплатить солидный штраф за вождение флипера без темпорометра. Но теперь это мне по карману.

— Для меня все это чересчур стремительно, — пожаловался Байртр. Он покачал головой и пожал плечами: — Я только хотел спросить, каким образом бегство в Прошлое поможет нам получить завтра утром чеки в твоем Настоящем. Но теперь я и сам догадался.

— Конечно. Считается-то объективное время. Если скроемся в Прошлом часов на двенадцать, то прибудем в мою эпоху через двенадцать часов после отправления. Так исключ-

чается возможность накладки — прибытия в самый миг от-правления или даже раньше. Обычные правила движения.

— А где мы сейчас?

— В Нью-Йорке 1912 года. Довольно занятная эпоха.

— Я хочу домой. А что это за люди в синем?

— Полисмены, — ответил Бартолд. — Они, по-видимому, кого-то разыскивают.

В салун вошли два усатых полисмена, а за ними следом — необычайно толстый человек в одежде, заляпанной типографской краской.

— Вот они! — взревел Джеки-Бык Бартолд. — Хватайте этих близнецов, начальники!

— В чем дело? — осведомился Эверетт Бартолд.

— Это ваш экипаж стоит на улице?

— Да, сэр, но...

— Все ясно. У меня ордер на арест вас обоих. Так и сказано «в сверкающем новом экипаже». И вознаграждение обещано, кругленькая сумма.

— Этот малый заявился прямехонько ко мне, — сказал Джеки-Бык. — Я ему говорю, дескать, рад буду помочь... а надо бы дать ему раза, интриганувшему, сукину...

— Начальники, — всполошился Бартолд, — мы ни в чем не виноваты!

— В таком случае вам нечего опасаться. А теперь следуйте за мной.

Бартолд увернулся от полисмена, огrel Джеки-Быка по физиономии и выскочил на улицу. Байртр отдавил каблуком ногу одному полисмену, другого стукнул под ложечку, отпихнул в сторону Джеки-Быка и устремился вслед за Бартолдом.

Они прыгнули во флипер, и Бартолд нажал кнопку «1869».

Флипер спрятали на извозчичьем дворе и пошли в близлежащий парк. Расстегнули рубашки и разлеглись на травке.

— Откуда сыщику известен наш маршрут? — спросил Байртр.

— Сыщик знает, что у нас нет темпорометра, поэтому нам доступны только эти годы.

— Значит, и здесь опасно, — заключил Байртр. — Возможно, он нас ищет.

— Возможно, — устало согласился Бартолд. — Но ведь он нас пока не нашел! Еще несколько часов — и мы в безопасности.

— Вы убеждены в этом, джентльмены? — раздался вкрадчивый голос.

Бартолд поднял голову и увидел Бена Бартолдера, а в левой, здоровой руке у него — маленький пистолет.

— Значит, и вам он предлагал вознаграждение! — воскликнул Бартолд.

— Еще как предлагал! И это, смею вас уверить, было весьма заманчивое предложение. Но меня оно не волнует.

— Не волнует? — переспросил Байртр.

— Ничуть. Меня волнует только один вопрос. Я бы хотел знать, кто из вас оставил меня с носом вчера вечером, в салуне?

Бартолд и Байртр посмотрели друг на друга, потом на Бена Бартолдера.

— Никто не смеет безнаказанно оскорблять Бена Бартолдера. Пусть у меня всего одна рука, я потягаюсь с любым двуруким! Так вот, мне нужен тот, вчерашний. А другой пусть уйдет с миром.

Бартолд и Байртр встали. Бартолдер отошел назад, так, чтобы оба оставались под прицелом.

— Который из вас, джентльмены? Я не из терпеливых.

Он стоял перед ними, вызывающе покачиваясь на носках, злобный и ядовитый, как гремучая змея.

Бартолд в отчаянии только удивлялся, отчего Бен Бартолдер еще не выстрелил, отчего просто-напросто не уложил их обоих.

Но потом решил эту загадку и тотчас же разработал единственный возможный план действий.

— Эверетт, — окликнул он Байртра.

— Что, Эверетт? — отозвался тот.

— Сейчас мы повернемся к нему спиной и направимся к флиперу.

— А пистолет?

— Он не станет стрелять. Ты идешь?

— Иду, — процедил Байртр сквозь зубы.

— Стой! — заорал Бен Бартолдер. — Стой, стрелять буду!

— А вот не будешь! — огрызнулся Бартолд на ходу. Они успели выйти в переулок и приближались к цели.

— Не буду? Думаешь, побоюсь?

— Не в этом дело, — разъяснил Бартолд, подходя к флиперу. — Просто у тебя не такой характер, чтобы застрелить совершенно невинного человека. А ведь один из нас невинован!

— Плевать! — взвыл Бартолдер. — Который из вас? Признайся, трус несчастный! Который? Вызываю на честный бой. Признайтесь, иначе обоих пристрелю на месте!

— А что скажут ребята? — парировал Бартолд. — Скажут, что у однорукого сдали нервишки и он убил двух безоружных чужаков!

Они забрались в машину и захлопнули дверцу. Бартолдер спрятал пистолет в карман.

— Ладно же, мистер, — сказал Бен Бартолдер. — Ты был здесь дважды, и, сдается мне, не миновать тебе третьего раза. Я подожду. В следующий раз ты от меня никуда не денешься.

Он повернулся и зашагал прочь.

Надо было уносить ноги из Мемфиса. Но куда податься? Бартолд и думать не желал о Кенигсберге 1676 года и Черной Смерти. Лондон 1595 года кишел преступниками — дружками Тома Бартала, и каждый из них с восторгом перережет глотку Бартолду как предателю.

— Пропадать, так с музыкой, — решил Бартолд. — Поехали в Мэйден-Касл.

— А если он и туда заберется?

— Не заберется. Закон запрещает путешествия на расстояния свыше тысячи лет. А страховому сыщику и в голову не придет нарушить закон.

И вот наконец над зеленеющими полями взошло солнце, теплое и желтое.

— Он не появлялся, — сообщил Байртр.

Бартолд вздрогнул и проснулся.

— Чего?

— Протри глаза! Мы спасены. Ведь в твоем Настоящем уже утро? Значит, мы выиграли, и я буду королем Ирландии!

— Да, мы выиграли, — согласился Бартолд. — Черт!

— Что случилось?

— Сыщик! Гляди, вон он!

— Ничего я не вижу. Тебе не показалось?..

Бартолд ударил Байртра камнем по затылку.

Потом нащупал его пульс. Ирландец остался жив, но несколько часов провалаются без сознания. Когда он придет в себя, у него не будет ни спутника, ни королевства.

«Очень жаль», — подумал Бартолд. Но при сложившихся обстоятельствах возвращаться вместе с Байртром рискованно. Проще одному зайти в «Межвременную» и взять чек, выписанный на имя Эверетта Бартолда! А через полчасика зайти еще раз и взять другой чек, выписанный на имя Эверетта Бартолда.

И выгоднее!

Флипер остановился во дворе дома Бартолдов. Эверетт Бартолд быстро поднялся по ступенькам и забаранил кулаками в дверь.

— Кто там? — отозвалась Мэвис.

— Это я! — закричал Бартолд. — Все в порядке, Мэвис, — все удалось как нельзя лучше!

— Кто? — Мэвис открыла дверь, посмотрела на него и взвизгнула.

— Успокойся, — сказал Бартолд. — Я знаю, ты страшно переволновалась, но теперь все кончено. Схожу за чеком, а потом мы с тобой...

Он осекся. Рядом с Мэвис на пороге появился мужчина — низкорослый, лысеющий, с невзрачным лицом, с глазами, кротко поблескивающими из-под очков в роговой оправе.

Бартолд уставился на Бартолда, возникшего рядом с Мэвис.

— За мной гнался... — начал было он.

— За тобой гнался я, — перебил его двойник. — Разумеется, переодетый, ведь ты нажил во времени кучу врагов. Кретин, почему ты удрал?

— Принял тебя за сыщика. А почему ты за мной гнался?

— По одной-единственной причине.

— По какой же?

— Мы могли бы сказочно разбогатеть, — сказал двойник. — Нас было трое — ты, Байртр и я; мы могли втроем прийти в «Межвременную» и потребовать премии за растроение личности!

— Растроение личности! — ахнул Бартолд. — Такое мне и не снилось!

— Нам бы выплатили чудовищную сумму. Неизмеримо больше, чем за простое раздвоение. Мне на тебя глядеть тошно.

— Что же, — сказал Бартолд, — сделанного не исправишь. По крайней мере, получим премию за простое раздвоение, а там уже решим...

— Я получил оба чека и расписался за тебя. Ты, к сожалению, отсутствовал.

— В таком случае отдай мою долю.

— Не говори глупости, — поморщился двойник.

— Она моя! Я пойду в «Межвременную» и расскажу...

— Там тебя и слушать не станут. Я подписал твой отказ от всех прав. Тебе нельзя даже находиться в Настоящем, Эверетт.

— Не поступай со мной так! — взмолился Бартолд.

— Это почему же? А как ты поступил с Байртром?

— Да не тебе, черт побери, меня судить! — вскричал Бартолд. — Ведь ты — это я!

— Кому же и судить тебя, как не тебе самому?

Бартолду нечем было крыть. Он обратился к Мэвис.

— Дорогая, — сказал он, — ты твердила, что всегда узнаешь своего мужа. Разве сейчас ты меня не узнаешь?

Мэвис попятилась к двери. Бартолд заметил, что на шее у нее сверкает ожерелье из руумов, и больше ничего не стал спрашивать.

Во дворе приземлился полицейский вертолет. Из него выскоцили трое полисменов.

— Этого-то я и опасался, — сказал им двойник. — Мой двойник, как известно, сегодня утром получил свой чек. Он отказался от всех прав и отбыл в Прошлое. Я подозревал, что он вернется и потребует чего-нибудь еще.

— Больше он вас не потревожит, сэр, — пообещал один из полисменов. Он повернулся к Бартолду:

— Эй, ты! Полезай в свой флипер и убирайся прочь из Настоящего. Еще раз увижу — буду стрелять без предупреждения!

Бартолд умел проигрывать.

— Да я бы с радостью отбыл. Но мой флипер нуждается в ремонте. На нем нет темпорометра.

— Об этом надо было думать до того, как ты подписал отказ, — заявил полисмен. — Пошевеливайся!

— Умоляю! — сказал Бартолд.

— Нет, — ответил Бартолд.

И Бартолд знал, что на месте своего двойника он ответил бы точно так же.

Он сел во флипер, захлопнул дверцу. И в оцепенении стал мысленно перебирать возможные варианты (если их позволительно назвать «возможными»).

Нью-Йорк 1912 года? Но там полиция и Джеки-Бык. Мемфис 1869 года? Бартолдер ждет не дождется его третьего визита. Или Кенигсберг 1676 года? Чума! Или Лондон 1595 года? Там головорезы — дружки Тома Бартала. Мэйден-Касл 662 года? А как быть с разъяренным Коннором Лох мак Байртром?

«На сей раз, — подумал Бартолд, — пусть место само меня выбирает».

И, зажмурившись, ткнул кнопку наугад.

ТРАВМИРОВАННЫЙ

Адрес: Центр, Контора 41

Адресат: Ревизор Миглиз

Отправитель: Подрядчик Кариеномен

Предмет: Метагалактика «Аттала»

Дорогой ревизор Миглиз!

Настоящим извещаю Вас, что мною завершены подрядные работы по договору № 13371А. В секторе космоса, известном под шифром «Аттала», я создал 1, (одну) метагалактику, состоящую из 549 миллиардов галактик, со стандартным распределением созвездий, переменных и новых звезд и т. п. См. прилагаемые расчеты.

Внешние пределы метагалактики «Аттала» обозначены на прилагаемой карте.

В качестве главного проектировщика от своего имени, а также от имени всей фирмы выражаю уверенность, что нами создано прочное сооружение, равно как произведение, представляющее незаурядную художественную ценность.

Милости просим произвести инспекцию.

Ввиду выполнения мною в срок договорных обязательств ожидаю условленного вознаграждения.

С уважением Кариеномен

Приложение: Расчеты конструкций — 1.

Карта метагалактики «Аттала» — 1.

* * *

Адрес: Штаб строительства 334132, доб. 12

Адресат: Подрядчик Кариеномен

Травмированный

© Н. Евдокимова, перевод, 1965

The Impacted Man

Copyright © 1952 by Street and Smith Publications, Inc.

Отправитель: Ревизор Миглиз
Предмет: Метагалактика «Аттала»

Дорогой Кариеномен!

Мы осмотрели Вашу работу и соответственно задержали выплату вознаграждения. Художественная ценность! Может быть, и так. Однако не забыли ли Вы о первоочередной задаче строительства?

Могу Вам напомнить — последовательность и еще раз последовательность.

При осмотре наши инспекторы обнаружили значительное количество немотивированных явлений, имеющих место даже вокруг центра метагалактики, то есть в зоне, которую, казалось бы, надлежало застроить наиболее добросовестно. Так продолжаться не может. Хорошо еще, что данная зона необитаема.

Однако это не все. Не будете ли Вы любезны объяснить созданные Вами пространственные феномены? Какого черта Вы встроили в метагалактику красное смещение? Я ознакомился с Вашей объяснительной запиской; и, по-моему, она абсолютно бессмысленна. Как же отнесутся к такому явлению планетарные наблюдатели?

Художественность замысла не может служить оправданием.

Далее, что за атомы Вы применяете? Не пытаетесь ли Вы экономить, подсовывая всякую заваль? Значительный процент атомов неустойчив! Они распадаются при малейшем прикосновении и даже без всякого прикосновения. Потрудитесь изыскать какой-нибудь иной способ зажигания солнц.

Прилагаем документ, где подытожены замечания наших инспекторов. Пока недоделки не будут устранины, о платежах не может быть и речи.

Только что мне доложили о другом серьезном упущении. Очевидно, Вы не слишком тщательно рассчитали силы деформации пространственной ткани. На периферии одной из Ваших галактик обнаружена трещина во времени. В данный момент она невелика, но может увеличиться. Предлагаю заняться ею без промедления, пока Вам не пришлось заново перестраивать одну-две галактики.

Один из обитателей планеты, попавшей в эту трещину, уже получил травму: его там заклинило исключительно по

Вашей небрежности. Предлагаю Вам исправить упущенное, пока этот обитатель еще не выведен из нормальной цепи причин и следствий и не сыплет парадоксами направо и налево.

В случае необходимости свяжитесь с ним лично.

Кроме того, мне стало известно, что на некоторых из Ваших планет имеют место немотивированные явления: летающие коровы, ходячие горы, призраки и т. п.; все эти явления перечислены в протоколе жалоб.

Мы не намерены мириться с подобными безобразиями, Кариеномен. Во вновь создаваемых галактиках парадокс строжайше запрещен, ибо парадокс — это неизбежный предвестник хаоса.

Травмой займитесь безотлагательно. Неясно, успел ли травмированный осознать, что с ним произошло.

Миглиз

Приложение: Заверенная копия протоколов жалоб — 1.

* * *

Кей Масрин уложила в чемодан последнюю блузку и с помощью мужа закрыла его.

— Вот так, — сказал Джек Масрин, прикладывая на руку вес битком набитого чемодана. — Прощайся со своим владением. — Супруги окинули взглядом меблированную комнату, где прожили последний год.

— Прощай, владение, — пробормотала Кей. — Как бы не опоздать на поезд.

— Времени еще много. — Масрин направился к двери. — А со Счастливчиком попрощаемся? — Так они прозвали своего домохозяина, мистера Гарфа, оттого что тот улыбался раз в месяц — получая с них квартирную плату*. Разумеется, сразу же после этого губы хозяина снова сжимались, как обычно, в прямую черту.

— Не надо, — возразила Кей, оправляя сшитый на заказ костюм. — Еще, чего доброго, он пожелает нам удачи, и что же тогда с нами станется?

— Ты совершенно права, — поддержал ее Масрин. — Не стоит начинать новую жизнь с благословений Счастливчика. Пусть уж лучше меня проклянет Эндорская ведьма.

* Английская поговорка гласит, что счастливые люди редко улыбаются. (Примеч. пер.)

Масрин вышел на лестничную площадку; Кей последовала за ним. Он глянул вниз, на площадку первого этажа, занес ногу на ступеньку и внезапно остановился.

— Что случилось? — поинтересовалась Кей.

— Мы ничего не забыли? — нахмутившись, в свою очередь, спросил Масрин.

— Я обшарила все ящики и под кроватью тоже посмотрела. Пойдем, не то опоздаем.

Масрин снова глянул вниз. Что-то его тревожило. Он попытался быстро сообразить, в чем дело. Конечно, денег у них практически не осталось. Однако в прошлом он никогда не волновался из-за таких пустяков. А теперь он наконец-то нашел себе место преподавателя — неважно, что в Айове. После целого года работы в книжном магазине ему повезло. Теперь все будет хорошо. К чему тревожиться?

Он спустился на одну ступеньку и снова остановился. Странное ощущение не проходило, а усиливалось. Будто существует что-то такое, чего не следует делать. Масрин обернулся к жене.

— Неужто тебе так не хочется уезжать? — спросила Кей. — Пойдем же, не то Счастливчик сдерет с нас плату еще за один месяц. А денег у нас, как ни странно, нет.

Масрин все еще колебался. Обогнав мужа, Кей легко сбежала по ступенькам.

— Видишь? — шутливо подзадоривала она его с площадки первого этажа. — Это легко. Решайся. Подойди, деточка, к своей мамочке.

Масрин вполголоса выругался и начал спускаться по лестнице. Странное ощущение усилилось.

Он шагнул на восьмую ступеньку и...

Он стоял на равнине, поросшей травой. Переход свершился именно так, просто и мгновенно.

Масрин ахнул и заморгал. В руке его все еще был чемодан. Но где стены из нештукатуренного песчаника? Где Кей? Где, если на то пошло, Нью-Йорк?

Вдали виднелась невысокая синяя гора. Поблизости был маленький лесок. Под деревьями стояли люди — человек десять или около того.

Потрясенный Масрин впал в странное оцепенение. Он отметил почти нехотя, что люди эти коренасты, смуглые, с развитой мускулатурой. На них были набедренные повязки; они сжимали в руках отполированные дубинки, украшенные затейливой резьбой.

Люди следили за ним, и Масрин пришел к выводу, что неизвестно еще, кто кого больше изумил.

Но вот один из загадочных людей что-то пробормотал, и они стали надвигаться на Масрина. В него полетела дубинка, но попала в чемодан и отскочила.

Оцепенение развеялось. Масрин повернулся, бросил чемодан и побежал как борзая. Кто-то с силой ударил Масрина дубинкой по спине, едва не свалив его с ног. Он оказался перед каким-то холмом и понесся вверх по склону, а вокруг него роились стрелы.

Пробежав несколько метров вверх, он обнаружил, что опять вернулся в Нью-Йорк.

* * *

Он одним духом вбежал на верхнюю площадку лестницы и, не успев вовремя остановиться, с размаху налетел на стену. Кей все еще стояла на площадке первого этажа, запрокинув голову. Увидев мужа, она вздрогнула, но ничего не сказала.

Масрин посмотрел на жену и на знакомые стены из розовато-лилового песчаника.

Дикарей не было.

— Что случилось? — помертвевшими губами прошептала Кей, поднимаясь по лестнице.

— А что ты видела? — спросил Масрин. Он еще не успел полностью прочувствовать случившееся. В голове его бурлили идеи, теории, выводы.

Кей колебалась, покусывая нижнюю губу. «Ты спустился на несколько ступенек и вдруг исчез. Я перестала тебя видеть. Стояла там и все смотрела, смотрела... А потом я услышала шум, и ты снова появился на лестнице. Бегом».

Супруги вернулись домой, оставив дверь открытой. Кей сразу же села на кровать. Масрин бродил по комнате, переводя дыхание. Ему приходили на ум все новые и новые идеи, и он с трудом успевал их анализировать.

— Ты мне не поверишь, — произнес он наконец.

— Почему же? Попробуй объяснить мне!

Он рассказал ей про дикарей.

— Мог бы сказать, что побывал на Марсе, — отозвалась Кей. — Я бы и этому поверила. Я ведь своими глазами видела, как ты исчез!

— А чемодан! — внезапно воскликнул Масрин, вспомнив, как бросил его на бегу.

— Да Бог с ним, с чемоданом, — отмахнулась Кей.

— Надо вернуться, — настаивал Масрин.

— Нет!

— Во что бы то ни стало. Послушай, дорогая, совершенно ясно, что произошло. Я провалился в какую-то трещину во времени, которая отбросила меня в прошлое. Судя по тому какой комитет организовал мне торжественную встречу, я, должно быть, приземлился где-то в доисторической эпохе. Мне непременно нужно вернуться за чемоданом.

— Почему? — спросила Кей.

— Потому что я не могу допустить, чтобы случился парадокс. — Масрина даже не удивило, откуда он это знает. Свойственное ему самомнение избавило его от раздумий над тем, как у него могла зародиться столь причудливая идея.

— Сама посуди, — продолжал он, — мой чемодан попадает в прошлое. В этот чемодан я уложил электрическую бритву, несколько пар брюк на молниях, пластиковую щетку для волос, нейлоновую рубашку и десять—пятнадцать книг — некоторые из них изданы в 1951 году. Там лежат даже «Обычаи Запада» — монография Эттисона о западной цивилизации с 1490 года до наших дней.

Содержимое этого чемодана может дать дикарям толчок к изменению хода истории. А теперь предположим, что какие-то предметы попадут в руки к европеизмам, после того как те откроют Америку. Как это повлияет на настоящее?

— Не знаю, — откликнулась Кей. — Да и тебе это неизвестно.

— Мне-то, положим, известно, — сказал Масрин. Все было кристально ясно. Его поразила неспособность жены к логическому мышлению.

— Будем рассуждать так, — снова заговорил Масрин. — Историю делают мелочи. Настоящее состоит из огромного числа ничтожно малых факторов, которые сформировались в прошлом. Если ввести в прошлое еще один фактор, то в настоящем неминуемо будет получен иной результат. Однако настоящее есть настоящее, изменить его невозможно. Вот тебе и парадокс. А никаких парадоксов быть не должно!

— Почему не должно? — спросила Кей.

Масрин нахмурился. Способная девчонка, а так плохо улавливает его мысль.

— Ты уж поверь мне на слово, — отчеканил он. — В логически построенной Вселенной парадокс не допускается. Кем не допускается? Ага, вот и ответ.

Я представляю себе, — продолжал Масрин, — что во Вселенной должен существовать некий универсальный регулирующий принцип. Все законы природы — яркое воплощение этого принципа. Он не терпит парадоксов, потому что... потому что... — Масрин понимал, что ответ имеет какое-то отношение к первозданному хаосу, но не знал, какое и почему. — Как бы то ни было, этот принцип не терпит парадоксов.

— Где ты набрался таких мыслей? — изумилась Кей. Никогда она не слыхала от Джека подобных слов.

— Они у меня появились очень давно, — ответил Масрин, искренне веря в то, что говорит. — Просто не было повода высказаться. Так или иначе, я возвращаюсь за чемоданом.

Он вышел на площадку в сопровождении Кей.

— Извини, что не могу принести тебе оттуда подарки, — бодро произнес Масрин. — К сожалению, они тоже привели бы к парадоксу. В прошлом все принимало участие в формировании настоящего. УстраниТЬ хоть что-нибудь — все равно что изъять из уравнения одно неизвестное. Результат будет совсем другим.

Он стал спускаться по лестнице.

На восьмой ступеньке он опять исчез.

* * *

Снова очутился он в доисторической Америке. Дикари сгрудились вокруг чемодана, всего в нескольких метрах от Масрина. «Еще не открывали», — с облегчением заметил он. Разумеется, чемодан и сам по себе — изделие довольно парадоксальное. Однако, вероятно, представление о чемодане — как и о самом Масрине — впоследствии изгладится из людской памяти, переосмысленное мифами и легендами. Времени свойственна известная гибкость.

Глядя на дикарей, Масрин не мог решить, кто же это — предшественники индейцев или самостоятельная, рано вымершая раса. Он ломал себе голову, принимают ли его за врага или за распространенную разновидность злого духа.

Масрин устремился вперед, оттолкнул двоих дикарей и схватил свой чемодан. Он бросился назад, обежал вокруг невысокого холма и остановился.

Как и прежде, он находился в прошлом.

«Где же, во имя хаоса, эта дыра во времени?» — подумал Масрин, не замечая необычности употребленного выраже-

ния. За ним гнались дикари, постепенно окружая холм. Масрин почти нашел ответ на собственный вопрос, но, как только мимо просвистела стрела, у него тут же все выпало из головы. Он понесся во весь дух, усердно перебирая длинными ногами и стараясь бежать так, чтобы холм оставался между ним и индейцами. Позади него шлепнулась дубинка.

Где дыра во времени? Что, если куда-то переместилась? По лицу его струился пот. Очередная дубинка содрала кожу с его руки, и он обогнул склон холма, отчаянно разыскивая убежище.

Тут его нагнали три приземистых дикаря.

В тот миг когда они замахнулись дубинками, Масрин бросился на землю, и туземцы, споткнувшись об его тело, полетели кувырком. Но тут подбежали остальные, и он вскочил на ноги.

Вверх! Эта мысль появилась внезапно, молнией прорезав все его существо, охваченное страхом. Вверх!

Масрин бросился бежать вверх по холму в полной уверенности, что ему не добраться до вершины живым...

...И вернулся в меблированный дом, все еще судорожно скимая ручку чемодана.

— Ты ранен, милый? — Кей обвила руками его шею. — Что случилось?

В голове у Масрина оставалась лишь одна разумная мысль. Он не мог припомнить доисторическое племя, которое отделявало бы дубинки так искусно, как эти дикари. То было почти уникальное искусство, и он жалел, что нельзя прихватить одну из дубинок для музея.

Потом он оглядел розовато-лиловые стены, ожидая, что из них выпрыгнут дикари. Или, может быть, эти низкорослые люди прячутся в чемодане? Он попытался овладеть собой. Голос рассудка говорил ему, что пугаться нечего: трещины во времени возможны, и в одну из таких трещин его заклинило. Все остальное вытекало отсюда логически. Надо только...

Но, с другой стороны, логика не интересовала его. Не поддаваясь никаким разумным доводам, он озадаченно взирал на все произошедшее и понимал, что, несмотря на любые разумные аргументы, того, что было, не могло быть. Когда Масрин видел невозможное, он умел его распознавать и прямо говорил об этом.

Тут Масрин вскрикнул и потерял память.

* * *

Адрес: Центр, Контора 41

Адресат: Ревизор Миглиз

Отправитель: Подрядчик Кариеномен

Предмет: Метагалактика «Аттала»

Дорогой сэр!

Считаю, что Вы пристрастны в своих замечаниях. Действительно, при сотворении данной конкретной метагалактики я исходил из некоторых новаторских принципов. Я позволил себе занять позицию свободного художника, не подозревая, что меня будет преследовать улюлюканье застойного реакционного Центра.

Поверьте, что в нашем великом деле — подавлении первозданного хаоса — я заинтересован не меньше Вашего. Однако при выполнении своих планов не следует жертвовать идеалами.

Прилагаю объяснительную записку, трактующую проблему красного смещения, а также заявление о преимуществах, связанных с использованием небольшого процента неустойчивых атомов в освещении и энергоснабжении.

Что касается трещины во времени, то это всего лишь незначительный просчет в потоке длительности, ничего общего не имеющий с пространственной тканью, которая, уверяю Вас, первосортна.

Как Вы указывали, существует индивидуум, травмированный трещиной, что несколько затрудняет ремонт. Я связался с упомянутым индивидуумом (разумеется, косвенно), и мне в какой-то мере удалось внушить ему представление о том, как ограничена его роль во всей этой истории.

Если он не станет углублять трещину своими путешествиями во времени, зашить ее будет легко. Тем не менее сейчас я не уверен, что эта операция вообще возможна. Мой контакт с травмированным весьма ненадежен, и похоже, что субъект испытывает сильные воздействия со стороны, побуждающие его к перемещениям.

Я мог бы, бесспорно, произвести выдирку и в конечном счете, возможно, так и поступлю. Кстати говоря, если эта штука выйдет из повиновения, я буду вынужден произвести выдирку всей планеты. Надеюсь, что до этого не дойдет, ибо тогда придется расчищать весь сектор космоса, где находятся наши наблюдатели, а это, в свою очередь, повлекло бы за собой необходимость перестройки всей галактики.

Однако надеюсь, что к тому времени, когда я снова напишу Вам, вопрос будет улажен.

Центр метагалактики покоробился вследствие того, что неизвестные рабочие оставили открытый люк для сбрасывания отходов. В настоящее время люк закрыт.

По отношению к таким явлениям, как ходячие горы и т. п., принимаются обычные меры.

Оплата моей работы еще не произведена.

С уважением Кариеномен

Приложение: 1. Объяснительная записка по красному смещению на 5541 листе.

2. Заявление о неустойчивых атомах на 7689 листах.

* * *

Адрес: Штаб строительства 334132, доб. 12

Адресат: Подрядчик Кариеномен

Отправитель: Ревизор Миглиз

Предмет: Метагалактика «Аттала»

Кариеномен!

Вам заплатят после того, как Вы представите логически обоснованную и прилично выполненную работу. Ваши заявления прочту тогда, когда у меня появится свободное время, если это вообще произойдет. Займитесь трещиной, пока она еще не прорвала пространственную ткань.

Миглиз

* * *

Полчаса спустя Масрин не только пришел в себя, но и успокоился. Кей положила ему компресс на багровый синяк у локтя. Масрин принял мерить шагами комнату. Теперь он полностью овладел собой, и у него появились новые мысли.

— Прошлое внизу, — сказал он, обращаясь не столько к Кей, сколько к самому себе. — Я говорю не о первом этаже. Однако, передвигаясь в том направлении, я прохожу через дыру во времени. Типичный случай смещения сочлененной многомерности.

— Что это значит? — спросила Кей, не сводя с мужа широко раскрытых глаз.

— Ты уж поверь мне на слово, — ответил Масрин. — Мне нельзя спускаться.

Объяснить более толково ему не удавалось. Не хватало слов, в которые можно было бы облечь новые концепции:

— А подниматься можно? — спросила совершенно сбитая с толку Кей.

— Не знаю. По-моему, если я поднимусь, то попаду в будущее.

— Ох, я этого не выдержу, — заныла Кей. — Что с тобой творится? Как ты отсюда выберешься? Как спуститься по этой заколдованной лестнице?

— Вы еще здесь? — прокаркал из-за двери мистер Гарф. Масрин впустил его в комнату.

— Очевидно, мы пробудем здесь еще некоторое время, — сказал он домовладельцу.

— Ничего подобного, — возразил Гарф. — Я уже сдал эту комнату новым жильцам.

Счастливчик был невысокий костлявый человек с продолговатым черепом и тонкими, как паутина, губами. Вкрадчивой поступью он вошел в комнату и стал озираться, ища следы повреждений, причиненных его собственности. Одна из странностей мистера Гарфа заключалась в том, что он твердо верил, будто самые порядочные люди способны на самые ужасающие преступления.

— Когда въезжают новые жильцы? — спросил Масрин.

— Сегодня днем. И я хочу, чтобы вы заблаговременно выехали.

— Нельзя ли нам как-нибудь договориться? — спросил Масрин. Его поразила безвыходность положения. Спуститься вниз он не может. Если Гарф силой заставит его сделать это, Масрин попадет в доисторический Нью-Йорк, где его наверняка поджидают с нетерпением.

Опять-таки возникает всеобъемлющая проблема парадокса!

— Мне плохо, — произнесла Кей сдавленным голосом, — я пока еще не могу ехать.

— Отчего вам плохо? Если вы больны, я вызову «скорую помощь», — сказал Гарф, подозрительно оглядывая комнату в поисках бацилл бубонной чумы.

— Я с радостью внесу двойную плату, если вы позволите нам задержаться здесь еще ненадолго, — предложил Масрин.

Гарф почесал затылок и пристально посмотрел на Масрина. Вытерев нос тыльной стороной ладони, он спросил: «А где деньги?»

Масрин вспомнил, что у него, кроме билетов на поезд, осталось около десяти долларов. Сразу же по приезде в колледж они с Кей намеревались просить аванс.

— Прожились, — констатировал Гарф. — Вы, кажется, получили работу в каком-то училище?

— Получил, — подтвердила преданная Кей.

— В таком случае отчего бы вам не отправиться туда и не убраться из моего дома? — спросил Гарф.

Масрины промолчали. Гарф бросил на них взгляд, исполненный гнева.

— Все это очень подозрительно. Убирайтесь-ка подобру-поздорову до полудня, не то я вызову полицию.

— Постойте, — заметил Масрин. — Мы заплатили вам по сегодняшний день. До полуночи эта комната — наша.

Гарф уставился на жильцов и в раздумье снова вытер нос.

— Чтоб ни одной минуты дольше, — предупредил он и ушел, громко топая.

* * *

Как только Гарф вышел, Кей поспешно закрыла за ним дверь.

— Милый, — сказала она, — может быть, пригласить каких-нибудь ученых и рассказать им о том, что случилось? Я уверена, что они что-нибудь придумали бы на первых порах, пока... Как долго нам придется здесь пробыть?

— Пока не заделят трещину, — ответил Масрин. — Но никому нельзя ничего рассказывать, тем более ученым.

— А почему? — спросила Кей.

— Понимаешь, главное, как я уже говорил, избежать парадокса. Это означает, что мне надо убрать руки прочь и от прошлого, и от будущего. Правильно?

— Если ты так говоришь, значит, правильно.

— Мы вызовем бригаду ученых, и что получится? Они, естественно, будут настроены скептически. Они захотят увидеть своими глазами, как я это делаю. Я покажу. Они тут же приведут коллег. Все увидят, как я исчезаю. Пойми, не будет никаких доказательств, что я попал в прошлое. Они узнают лишь, что, спускаясь по лестнице, я исчезаю.

Вызовут фотографов, желая убедиться, что я не мистифицирую ученых. Потом потребуют доказательств. Захотят, чтобы я принес им чай-нибудь скалп или резную дубинку. Газеты поднимут шумиху. И уже где-нибудь я неминуемо создам парадокс. А знаешь, что тогда будет?

— Нет, и ты тоже не знаешь.

— Я знаю, — твердо сказал Масрин. — Коль скоро будет создан парадокс, его носитель, то есть тот, кто его создал,

исчезнет. Раз и навсегда. Этот случай будет занесен в книги как еще одна неразгаданная тайна. Таким образом, парадокс разрешится наилегчайшим путем — устраниением парадоксального элемента.

— Если ты считаешь, что тебе грозит опасность, мы, конечно, не станем приглашать ученых. Хотя жаль, что я никак в толк не возьму, к чему ты клонишь. Из того, что ты наговорил, я ничего не поняла. — Она подошла к окну и выглянула на улицу. Перед нею расстипался Нью-Йорк, а где-то за ним лежала Айова, куда они должны были ехать. Кей посмотрела на часы. Поезд уже ушел.

— Позвони в колледж, — попросил Масрин. — Сообщи, что я задержусь на несколько дней.

— А хватит ли нескольких дней? — спросила Кей. — Как ты, в конце концов, отсюда выберешься?

— Да ведь дыра во времени не вечна, — авторитетно ответил Масрин. — Она затянемся... если только я перестану в нее соваться.

— Но мы можем пробыть здесь только до полуночи. Что будет потом?

— Не знаю, — сказал Масрин. — Остается только надеяться, что ее починят еще до полуночи.

* * *

Адрес: Центр, Контора 41

Адресат: Ревизор Миглиз

Отправитель: Подрядчик Кариеномен

Предмет: Метагалактика «Морстт»

Дорогой сэр!

Прилагаю заявку на работу по созданию новой метагалактики в секторе, которому присвоен шифр «Морстт». Если в последнее время Вы следили за дискуссиями в художественных кругах, то, полагаю, должны знать, что использование неустойчивых атомов объявлено «первым крупным успехом творческого строительства с тех пор, как был изобретен регулируемый поток времени». См. прилагаемые рецензии.

Мое мастерство заслужило множество лестных отзывов.

Большая часть несообразностей в метагалактике «Аттала» исправлена (позволю себе заметить, что имеются в виду естественные несообразности). Продолжаю работать с человеком, который травмирован трещиной во времени. Он охот-

но содействует этому, по крайней мере настолько, насколько это возможно при различных посторонних влияниях.

На сегодняшний день положение таково: я сшил края трещины, и теперь они должны срастись. Надеюсь, индивидуум останется в неподвижном состоянии, так как мне вовсе не хочется выдирать кого бы то ни было и что бы то ни было. В конце концов, каждый человек, каждая планета, каждая звездная система, как они ни ничтожны, являются неотъемлемой деталью в моем проекте метагалактики.

По крайней мере, в художественном отношении.

Прошу Вас провести осмотр вторично. Обратите внимание на очертания галактик вокруг центра метагалактики. Это прекрасная грэза, которая навсегда запечатлеется в Вашем сознании.

Прошу рассмотреть заявку на строительство метагалактики «Морстт» с учетом моих прежних заслуг.

По-прежнему ожидаю выплаты вознаграждения за метагалактику «Аттала».

С уважением Кариеномен

Приложение: 1. Заявка на строительство метагалактики «Морстт».

2. Рецензии на метагалактику «Аттала», 3 шт.

* * *

— Уже без четверти двенадцать, дорогой, — нервно сказала Кей. — Как ты думаешь, можно сейчас идти?

— Подождем еще несколько минут, — ответил Масрин. Он слышал, как на площадке за дверью, крадучись, появился Гарф, движимый нетерпеливым ожиданием полуночи.

Масрин смотрел на часы и отсчитывал секунды.

Без пяти минут двенадцать он решил, что с тем же успехом можно и попытаться. Если дыра и теперь не заделана, то лишние пять минут ничего не изменят. Он поставил чемодан на туалетный столик и придвинул стул.

— Что ты делаешь? — спросила Кей.

— У меня что-то нет настроения связываться с лестницей на ночь глядя, — пояснил Масрин. — С доисторическими индейцами и днем-то шутки плохи. Попробую лучше подняться вверх.

Жена бросила на него взгляд из-под ресниц, красноречиво говорящий: «Теперь я точно знаю, что ты спятил».

— Дело вовсе не в лестнице, — еще раз объяснил Масрин. — Дело в самом действии, в подъеме и спуске.

Критическая дистанция, по-моему, составляет полтора метра. Вот эта мебель вполне подойдет.

Пока взволнованная Кей молча сжимала руки, Масрин влез на стул и занес ногу на столик. Потом стал на столик обеими ногами и выпрямился.

— Кажется, все в порядке, — заявил он, чуть покачиваясь. — Попробую еще повыше.

Он вскарабкался на чемодан.

И исчез.

Был день, и Масрин находился в городе. Однако город ничуть не походил на Нью-Йорк. Он был так красив, что дух захватывало — так красив, что Масрин задержал дыхание, боясь нарушить его хрупкое совершенство.

Город был полон стройных башен и домов. И, конечно, людей. Но что это за люди, подумал Масрин, позволив себе наконец вздохнуть.

Кожа у них была голубого цвета. Зеленые лучи зеленоватого солнца заливали весь город.

Масрин втянул в себя воздух и захлебнулся. Судорожно вздохнув опять, он почувствовал, что потерял равновесие. В городе совсем не было воздуха! Во всяком случае, такого, какой пригоден для дыхания. Он поиском позади себя ступеньку, споткнулся и упал...

...на пол своей комнаты, хрипя и корчась.

* * *

Через несколько мгновений к нему вернулась способность дышать. Он услышал, что Гарф стучит в дверь, и, шатаясь, поднялся на ноги. Надо было срочно что-то придумать. Масрин знал Гарфа; теперь этот тип скорее всего уверен, что Масрин возглавляет мафию. Если они не выедут, Гарф вызовет полицию. А это в конечном итоге приведет к...

Горло нестерпимо горело после того, как Масрин побывал в будущем. Однако, сказал он себе, удивляться тут нечему. Он совершил основательный прыжок вперед во времени. Состав земной атмосферы, должно быть, постепенно изменялся, и люди к ней приспособились. Для него же такая атмосфера — все равно что яд.

— Послушай-ка, — обратился он к Кей. — У меня возникла другая идея. Возможна альтернатива: либо под доисторическим слоем лежит другой, еще более ранний слой, либо доисторический слой представляет собой лишь времен-

ную прерывность, а под ним тот же самый, нынешний Нью-Йорк. Тебе ясно?

— Нет.

— Я попытаюсь проникнуть под доисторический слой. Может быть, это даст мне возможность попасть на первый этаж. Во всяком случае, хуже не будет.

Кей думала, стоит ли углубляться на несколько тысячелетий в прошлое, чтобы пройти несколько метров. Однако она ничего не ответила. Масрин открыл дверь и в сопровождении Кей вышел на лестницу.

— Пожелай мне удачи, — сказал он.

— Черта лысого, а не удачи, — откликнулся с площадки мистер Гарф. — Убирайтесь-ка отсюда на все четыре стороны.

Масрин стремглав пустился бежать вниз по лестнице.

* * *

В доисторическом Нью-Йорке все еще стояло утро, а дикари по-прежнему поджидали Масрина. По его подсчетам, с тех пор как он показался перед ними в последний раз, здесь прошло не более получаса. Почему это так, некогда было выяснить.

Он застал дикарей врасплох и успел отбежать метров на двадцать, прежде чем его заметили. Дикари устремились за ним вдогонку. Масрин стал искать какую-нибудь впадину в земле. Чтобы уйти от преследования, надо было спуститься вниз на полтора метра.

Отыскав в земле какую-то расщелину, он спрыгнул туда.

И очутился в воде. Не просто на поверхности воды, а глубоко под водой. Давление было чудовищным, и Масрин не видел над собой солнечного света.

Должно быть, он попал в тот век, когда эта часть суши служила дном Атлантического океана.

Масрин отчаянно заработал руками и ногами. Казалось, барабанные перепонки вот-вот лопнут. Он выплыл на поверхность и... снова стоял на равнине; с него ручьями стекала вода.

На сей раз дикари решили, что с них достаточно. Они взглянули на существо, материализовавшееся перед ними из ничего, испустили крик ужаса и бросились врассыпную.

Масрин устало подошел к холму и, взобравшись на его вершину, вернулся в стены из камня-песчаника.

Кей глядела на него во все глаза. У Гарфа отвисла челюсть. Масрин слабо улыбнулся.

— Мистер Гарф, — предложил он, — не зайдете ли вы в комнату? Я хочу вам кое-что сказать.

* * *

Адрес: Центр, Контора 41

Адресат: Ревизор Миглиз

Отправитель: Подрядчик Кариеномен

Предмет: Метагалактика «Морстт»

Дорогой сэр!

Ваш ответ на мою заявку касательно работы по созданию метагалактики «Морстт» мне непонятен. Более того, я полагаю, что нецензурным выражениям не место в деловой переписке.

Если Вы погордитесь ознакомиться с моей последней работой в «Аттале», то увидите, что в общем и целом это прекрасное творение, которое сыграет немаловажную роль в подавлении первозданного хаоса.

Единственная мелочь, которую еще предстоит уладить, — это травмированный. Боюсь, что придется прибегнуть к выдирке.

Трещина отлично затягивалась, пока он не ворвался в нее снова, разорвав более чем когда бы то ни было. До сих пор парадоксы не имели места, но я предчувствую, что теперь они наверняка произойдут.

Если травмированный не в состоянии воздействовать на свое непосредственное окружение (и взяться за это дело безотлагательно), я приму необходимые меры. Парадокс недопустим.

Считаю своим долгом ходатайствовать о пересмотре моей заявки на строительство метагалактики «Морстт».

Надеюсь, Вы простите, что я опять обращаю Ваше внимание на эту мелочь, но оплата все еще не произведена.

С уважением Кариеномен

* * *

— Теперь вы все знаете, мистер Гарф, — закончил Масрин час спустя. — Я понимаю, что это кажется сверхъестественным; но ведь вы же своими глазами видели, как я исчез.

— Это-то я видел, — признал Гарф.

Масрин вышел в ванную развесить мокрую одежду.

— Да, — процедил Гарф, — пожалуй, вы и вправду исчезали, если на то пошло.

— Безусловно.

— И вы не хотите, чтобы о вашей сделке с дьяволом прознали ученые?

— Нет! Я же вам объяснил про парадокс и...

— Дайте подумать, — попросил Гарф. Он энергично высморкался. — Вы говорите, у них резные дубинки. Не сгодилась бы одна такая дубинка для музея? Вы говорили, будто они ни на что не похожи.

— Что? — переспросил Масрин, выходя из ванной. — Послушайте, я не могу даже прикоснуться к этому барахлу. Это повлечет...

— Конечно, — задумчиво произнес Гарф, — я мог бы вместо того вызвать газетчиков. И ученых. Может, я бы выколотил кругленькую сумму из всей этой чертовщины.

— Вы этого не сделаете! — вскричала Кей, которая помнила только то, что слышала от мужа: случится нечто ужасное.

— Да успокойтесь, — сказал Гарф. — Все, что мне от вас нужно, — это одна-две дубинки. Из-за такого пустяка беды не будет. Можете запросто требовать со своего дьявола...

— Дьявол тут ни при чем, — возразил Масрин. — Вы не представляете себе, какую роль в истории могла сыграть одна из этих дубинок. А вдруг захваченной мною дубинкой, если бы я ее не трогал, был бы убит человек, который, оставшись в живых, объединил бы этих людей, и европейцы встретились бы с индейцами Северной Америки, сплоченными в единую нацию? Подумайте, как это изменило бы...

— Не втирайте мне очки, — заявил Гарф. — Принесете вы дубинку или нет?

— Ведь я вам все объяснил, — устало ответил Масрин.

— Довольно морочить мне голову всякими парадоксами. Все равно я в них ничего не смыслю. Но выручку за дубинку я бы разделил с вами пополам.

— Нет.

— Ну ладно же. Еще увидимся. — Гарф взялся за дверную ручку.

— Погодите.

— Да? — тонкий паучий рот Гарфа тотчас же скривился в подобие улыбки. Масрин перебирал все варианты, пытаясь выбрать меньшее из зол. Если он принесет с собой дубинку, парадокс вполне возможен, так как будет зачеркнуто все,

что совершила эта дубинка в прошлом. Однако если ее не принести, Гарф созвонет газетчиков и учёных. Им нетрудно будет установить, правду ли говорит Гарф — стоит только свести Масрина вниз по лестнице; впрочем, точно так же поступила бы с ним и полиция. Он исчезнет, и тогда...

Если расширится круг людей, посвященных в тайну, парадокс станет неизбежным. Вполне вероятно, что будет изъята вся Земля. Это Масрин знал твердо, хоть и не понимал почему.

Так или иначе, он погиб. Однако ему показалось, что принести дубинку — это простейшее решение.

— Принесу, — заявил Масрин. Он вышел на лестницу в сопровождении Кей и Гарфа. Кей схватила его за руку.

— Не делай этого, — попросила она.

— Больше ничего не остается. — У него мелькнула мысль, не убить ли Гарфа. Но в результате он лишь попадет на электрический стул. Правда, можно убить Гарфа, перенести труп в прошлое и там захоронить.

Однако труп человека из двадцатого века в доисторической Америке, как ни кинь, представляет собой парадокс. А что, если его кто-нибудь выроет? Кроме того, Масрин был не способен на убийство.

Он поцеловал жену и сошел вниз.

На равнине нигде не было видно дикарей, хотя Масрину казалось, что он чувствует на себе их внимательные взгляды. На земле валялись две дубинки, те, что его задели; должно быть, теперь они превратились в табу, решил Масрин и поднял одну из них, ожидая, что с минуты на минуту еще одна дубинка раздробит ему череп. Однако равнина безмолвствовала.

— Молодчага! — одобрил его Гарф. — Давай сюда!

Масрин вручил ему дубинку, подошел к Кей и обнял ее одной рукой за плечи. Теперь это настоящий парадокс — все равно как если бы он, еще не родившись, убил своего прапрадеда.

— Прелестная вещица, — сказал Гарф, любуясь дубинкой при свете электрической лампочки. — Считайте, что за квартиру уплачено до конца месяца...

Дубинка исчезла из его рук.

И сам он исчез.

Кей лишилась чувств.

Масрин отнес ее на кровать и сбрзнул лицо водой.

— Что случилось? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Масрин, внезапно почувствовавший, что он крайне озадачен всем происшедшем. — Я знаю только одно: мы останемся здесь еще по меньшей мере на две недели. Даже если придется сидеть на одних бобах.

* * *

Адрес: Центр, Контора 41

Адресат: Ревизор Миглиз

Отправитель: Подрядчик Кариеномен

Предмет: Метагалактика «Морстт»

Сэр!

Предложенная Вами работа по ремонту поврежденных звезд является оскорблением для моей фирмы и меня лично. Мы отказываемся. Разрешите сослаться на мои прошлые труды, перечисленные в прилагаемой мною брошюре. Как Вы осмелились предложить подобное холуйское занятие одной из крупнейших фирм Центра?

Мне хотелось бы еще раз войти с ходатайством о предоставлении мне работы над метагалактикой «Морстт».

Что касается метагалактики «Аттала», то работа полностью закончена, и более совершенного творения по эту сторону хаоса Вы нигде не найдете. Тот сектор — подлинное чудо.

Травмированный перестал быть таковым. Я вынужден был прибегнуть к выдирке. Однако я выдрал не самого травмированного. У меня появилась возможность устраниТЬ один из внешних факторов, оказывавших на него воздействие. Теперь травмированный может развиваться normally.

Полагаю, Вы согласитесь, что это было сработано недурно и к тому же с находчивостью, характерной для всех моих трудов в целом.

Мое решение было таково: к чему выдирать хорошего человека, когда можно сохранить ему жизнь, убрав вместо него мерзавца?

Повторяю, жду Вашей инспекции. Прошу повторно рассмотреть вопрос о метагалактике «Морстт».

Вознаграждение все еще не выплачено!

С уважением Кариеномен

Приложение: Брошюра, 9978 листов.

ВОР ВО ВРЕМЕНИ

Томас Элдридж сидел один в своем кабинете в Батлер Холл, когда ему послышался какой-то шорох за спиной. Даже не послышался — отметился в сознании. Элдридж в это время занимался уравнениями Голштеда, которые наделяли столько шума несколько лет назад, — ученый поставил под сомнение всеобщую применимость принципов теории относительности. И хотя было доказано, что выводы Голштеда совершенно ошибочны, сами уравнения не могли оставить Томаса равнодушным.

Во всяком случае, если рассматривать их непредвзято, что-то в них было — странное сочетание временых множителей с введением их в силовые компоненты. И...

Снова ему послышался шорох, и он обернулся.

Прямо у себя за спиной Элдридж увидел огромного детину в ярко-красных шароварах и коротком зеленом жилете поверх серебристой рубашки. В руке он держал какой-то черный квадратный прибор. Весь вид гиганта выражал по меньшей мере недружелюбие.

Они посмотрели друг на друга. В первый момент Элдридж подумал, что это очередной студенческий розыгрыш: он был самым молодым адъюнкт-профессором на кафедре Карвеллского технологического, и студенты в виде посвящения всю первую неделю семестра подсовывали ему то тухлое яйцо, то живую жабу.

Но посетитель отнюдь не походил на студента-насмешника. Было ему за пятьдесят, и настроен он был явно враждебно.

Вор во времени

© Б. Клюева, перевод, 1984

A Thief in Time

Copyright © 1954 by Robert Sheckley

— Как вы сюда попали? — спросил Элдридж. — И что вам здесь нужно?

Визитер поднял брови:

— Будешь запираться?

— В чем?! — испуганно воскликнул Элдридж.

— Ты что, не видишь, что перед тобой Виглан? — надменно произнес незнакомец. — *Виглан*. Припоминаешь?

Элдридж стал лихорадочно припоминать, нет ли поблизости от Карвелла сумасшедшего дома; все в Виглане наводило на мысль, что это сбежавший псих.

— Вы, по-видимому, ошиблись, — медленно проговорил Элдридж, подумывая, не позвать ли на помощь.

Виглан затряс головой.

— Ты Томас Монро Элдридж, — раздельно сказал он. — Родился 16 марта 1926 года в Даръене, штат Коннектикут. Учился в Нью-Йоркском университете. Окончил *cum laude**. В прошлом, 1953 году получил место в Карвелле. Ну как, сходится?

— Действительно, вы потрудились ознакомиться с моей биографией. Хорошо, если с добрыми намерениями, иначе мне придется позвать полицию.

— Ты всегда был наглецом. Но на этот раз тебе не выкрутиться. Полицию позову я.

Он нажал на своем приборе одну из кнопок, и в комнате тут же появились двое. На них была легкая оранжево-зеленая форма, металлические бляхи на рукаве свидетельствовали о принадлежности их владельцев к рядам блюстителей порядка. Каждый держал по такому же, как у Виглана, прибору, с той лишь разницей, что на их крышках белела какая-то надпись.

— Это преступник, — провозгласил Виглан. — Арестуйте вора!

У Элдриджа все поплыло перед глазами: кабинет, репродукции с картин Гогена на стенах, беспорядочно разбросанные книги, любимый старый коврик на полу. Элдридж моргнул несколько раз — в надежде, что это от усталости, от напряжения, а лучше того — во сне.

Но Виглан, ужасающе реальный Виглан, никуда не сгинул!

Полисмены тем временем вытащили наручники.

* С отличием (лат.).

— Стойте! — закричал Элдридж, пятясь к столу. — Объясните, что здесь происходит?

— Если настаиваешь, — произнес Виглан, — сейчас я познакомлю тебя с официальным обвинением. — Он откашлялся. — Томасу Элдриджу принадлежит изобретение хроноката, которое было зарегистрировано в марте месяце 1962 года, после...

— Стоп! — остановил его Элдридж. — Должен вам заявить, что до 1962 года еще далеко.

Виглана это заявление явно разозлило.

— Не пыли! Хорошо, если тебе так больше нравится, ты изобретешь кат в 1962 году. Это ведь как смотреть — с какой временной точки.

Подумав минуту-другую, Элдридж пробормотал:

— Так что же выходит... выходит, вы из будущего?

Один из полицейских ткнул товарища в плечо.

— Ну дает, а? — восторженно воскликнул он.

— Ничего спектаклик, будет что порассказать, — согласился второй.

— Конечно, мы из будущего, — сказал Виглан. — А то откуда же?.. В 1962-м ты изобрел — или изобретешь — хронокат Элдриджа, тем самым сделав возможными путешествия во времени. На нем ты отправился в Первый сектор будущего, где тебя встретили с подобающими почестями. Затем ты разъезжал по всем трем секторам Цивилизованного времени с лекциями. Ты был героем, Элдридж. Детишки мечтали вырасти такими, как ты. И всех нас ты обманул, — осипшим вдруг голосом продолжал Виглан. — Ты оказался вором — украл целую кучу ценных товаров. Этого от тебя никто не ожидал. При попытке арестовать тебя ты исчез.

Виглан помолчал, устало потирая рукой лоб.

— Я был твоим другом, Том. Именно меня ты первым повстречал в нашем секторе. Сколько кувшинов флокаса мы с тобой осушили! Я устроил тебе путешествия с лекциями по всем трем секторам... И в благодарность за все ты меня ограбил! — Лицо его стало жестким. — Возьмите его, господа.

Пока Виглан произносил обвинительную речь, Элдридж успел разглядеть, что было написано на крышках приборов. Отштампованная надпись гласила: «Хронокат Элдриджа, собственность полиции департамента Искилл».

— У вас имеется ордер на арест? — спросил один из полицейских у Виглана.

Виглан порылся в карманах.

— Кажется, не захватил с собой. Но вам же известно, что он вор!

— Это все знают, — ответил полицейский. — Однако по закону мы не имеем права без ордера производить аресты в доконтактном секторе.

— Тогда подождите меня, — сказал Виглан. — Я сейчас.

Он внимательно посмотрел на свои наручные часы, прорубомотал что-то о получасовом промежутке, нажал кнопку и... исчез.

Полицейские уселись на тахту и стали разглядывать ре- продукции на стенах.

Элдридж лихорадочно пытался найти какой-то выход. Не мог он поверить во всю эту чепуху. Но как заставить их выслушать себя?..

— Ты только подумай: такая знаменитость и вдруг — мошенник! — сказал один из полицейских.

— Да все эти гении ненормальные, — философски заметил другой. — Помнишь танцора — как откалывал *штугги*! — а девчонку убил! Он-то уж точно был гением, даже в газетах писали.

Первый полицейский закурил сигару и бросил спичку на старенький красный коврик.

Ладно, решил Элдридж, видно, все так и было, против фактов не попрешь. Тем более что у него самого закрадывались подозрения насчет собственной гениальности.

Так что же все-таки произошло?

В 1962 году он изобретет машину времени.

Вполне логично и вероятно для гения.

И совершил путешествие по трем секторам Цивили- зованного времени.

Естественно, коль скоро имеешь машину времени, почему ею не воспользоваться и не исследовать все три сектора, может быть, даже и Нецивилизованное время.

А затем вдруг станет... вором!

Ну нет! Уж это, простите, никак не согласуется с его принципами.

Элдридж был крайне щепетильным молодым человеком; самое мелкое жульничество казалось ему унизительным. Даже в бытность студентом он никогда не пользовался шпаргалками, а уж налоги выплачивал все до последнего цента.

Более того, Элдридж никогда не отличался склонностью к приобретению вещей. Его заветной мечтой было устроиться в уютном городке, жить в окружении книг, наслаждаться

музыкой, солнцем, иметь добрых соседей и любить милую женщину.

И вот его обвиняют в воровстве. Предположим, он виноват, но какие мотивы могли побудить его к подобным действиям? Что с ним стряслось в будущем?

— Ты собираешься на слет винтеров? — спросил один полицейский другого.

— Пожалуй.

До него, Элдриджа, им и дела нет. По приказу Виглана наденут на него наручники и потащат в Первый сектор будущего, где бросят в тюрьму.

И это за преступление, которое он еще *должен* совершить.

Тут Элдридж и принял решение.

— Мне плохо, — сказал он и стал медленно валиться со стула.

— Смотри в оба — у него может быть оружие! — закричал один из полицейских.

Они бросились к нему, оставив на тахте хронокаты.

Элдридж метнулся к тахте с другой стороны стола и схватил ближайшую машинку. Он успел сообразить, что Первый сектор — неподходящее для него место, и нажал вторую кнопку слева.

И тут же погрузился во тьму.

Открыв глаза, Элдридж обнаружил, что стоит по щиколотку в луже посреди какого-то поля, футах в двадцати от дороги. Воздух был теплым и на редкость влажным.

Он выбрался на дорогу. По обе стороны террасами поднимались зеленые рисовые поля. Рис? В штате Нью-Йорк? Элдридж припомнил разговоры о намечавшихся климатических изменениях. Очевидно, предсказатели были не так и далеки от истины, когда сулили резкое потепление. Будущее вроде бы подтверждало их теории.

С Элдриджа градом катил пот. Земля была влажной, как после недавнего дождя, а небо — ярко-синим и безоблачным.

Но где же фермеры? Взглянув на солнце, которое стояло прямо над головой, он понял, что сейчас время сиесты. Впереди на расстоянии полумили виднелось селение. Элдридж соскреб грязь с ботинок и двинулся в сторону строений.

Однако что он будет делать, добравшись туда? Как узнать, что с ним приключилось в Первом секторе? Не может же он спросить у первого же встречного: «Простите, сэр, я из 1954 года, вы не слышали, что тогда происходило?..»

Следует все хорошенько обдумать. Самое время изучить и хронокат. Тем более что он сам должен изобрести его... Нет, уже изобрел... не мешает разобраться хотя бы в том, как он работает.

На панели имелись кнопки первых трех секторов Цивилизованного времени. Была и специальная шкала для путешествий за пределы Третьего сектора, в Нецивилизованное время. На металлической пластинке, прикрепленной в углке, выгравировано: «Внимание! Во избежание самоуничтожения между прыжками во времени соблюдайте паузу не менее получаса!»

Осмотр аппарата много не дал. Если верить Виглану, на изобретение хроноката у него ушло восемь лет — с 1954 по 1962 год. За несколько минут в устройстве такой штуки не разберешься.

Добравшись до первых домов, Элдридж понял, что перед ним небольшой городок. Улицы словно вымерли. Лишь изредка встречались одинокие фигуры в белом, не спеша двигавшиеся под палящими лучами. Элдриджа порадовал консерватизм в их одежде: в своем костюме он вполне мог сойти за сельского жителя.

Внимание Элдриджа привлекла вывеска «Городская читальня».

Библиотека. Вот где он сможет познакомиться с историей последних столетий. А может, обнаружатся и какие-то материалы о его преступлении?

Но не поступило ли сюда предписание о его аресте? Нет ли между Первым и Вторым секторами соглашения о выдаче преступников?

Придется рискнуть.

Элдридж постарался поскорее прошмыгнуть мимо тощенькой серолицей библиотекарши прямо к стеллажам.

Вскоре он нашел обширный раздел, посвященный проблемам времени, и очень обрадовался, обнаружив книгу Рикардо Альфредекса «С чего начались путешествия во времени». На первых же страницах говорилось о том, как в один из дней 1954 года в голове молодого гения Голштеда родилась идея. Формула была до смешного проста — Альфредекс приводил несколько основных уравнений. До Элдриджа

никто до этого не додумался. Таким образом, Элдридж, по существу, открыл очевидное.

Элдридж нахмурился — недооценили. Хм, «очевидное»! Но так ли уж это очевидно, если даже он, автор, все еще не может понять существа открытия!

К 1962 году хронокат был изобретен. Первое же испытание прошло успешно: молодого изобретателя забросило в то время, которое впоследствии стало известно как Первый сектор.

Элдридж поднял голову, почувствовав устремленный на него взгляд. Возле стеллажа стояла девочка лет девяти, в очечках, и не спускала с него глаз. Он продолжил чтение.

Следующая глава называлась «Никакого парадокса». Элдридж наскоро пролистал ее. Автор начал с хрестоматийного парадокса об Ахилле и черепахе и расправился с ним с помощью интегрального исчисления. Затем он логически подобрался к так называемым парадоксам времени, с помощью которых путешественники во времени убивают своих прапрапрадедов, встречаются сами с собой и тому подобное. Словом, на уровне древних парадоксов Зенона. Дальше Альфредекс доказывал, что все парадоксы времени изобретены талантливыми путниками.

Элдридж не мог разобраться в сложных логических построениях этой главы, что его особенно поразило, так как именно на него без конца ссылался автор.

В следующей главе, носившей название «Авторитет погиб», рассказывалось о встрече Элдриджа с Вигланом, владельцем крупного спортивного магазина в Первом секторе. Они стали большими друзьями. Бизнесмен взял под свое крыло застенчивого молодого гения, способствовал его поездкам с лекциями по другим секторам времени. Потом...

— Прошу прощения, сэр, — обратился к нему кто-то.

Элдридж поднял голову. Перед ним стояла серолицая библиотекарша. Из-за ее спины выглядывала девочка-очкарик, которая не скрывала довольной улыбки.

— В чем дело? — спросил Элдридж.

— Хронотуристам вход в читальню запрещен, — строго заявила библиотекарша.

«Понятно, — подумал Элдридж. — Ведь хронотурист может запросто прихватить охапку ценных книг и исчезнуть вместе с ней. И в банки хронотуристов скорее всего тоже не пускают».

Но вот беда — расстаться с книгой для него было смерти подобно.

Элдридж улыбнулся и продолжал глотать строчку за строчкой, будто не слышит.

Выходило, что молодой Элдридж доверил Виглану все свои договорные дела, а также права на хронокат, получив в виде компенсации весьма незначительную сумму.

Ученый подал на Виглана в суд, но дело проиграл. Он подал на апелляцию — безрезультатно. Оставшись без гроша в кармане, злой до чертиков, Элдридж встал на преступный путь, похитив у Виглана...

— Сэр, — настаивала библиотекарша, — если вы даже и глухи, вы все равно сейчас же должны покинуть читальню. Иначе я позову сторожа.

Элдридж с сожалением отложил книгу и поспешил на улицу, шепнув по пути девчонке: «Ябеда несчастная».

Теперь-то он понимал, почему Виглан рвался арестовать его: важно было подержать Элдриджа за решеткой, пока идет следствие.

Однако что могло толкнуть его на кражу?

Сам факт присвоения Вигланом прав на изобретение можно рассматривать как достаточно убедительный мотив, но Элдридж чувствовал, что это не главное. Ограбление Виглана не сделало бы его счастливее и не поправило бы дел. В такой ситуации он, Элдридж, мог и кинуться в бой, и отступиться, не желая лезть во все эти дрязги. Но красть — нет уж, увольте.

Ладно, он успеет разобраться. Скроется во Втором секторе и постарается найти работу. Мало-помалу...

Двое сзади схватили его за руки, третий отнял хронокат. Все было проделано так быстро и ловко, что Элдридж не успел и рта раскрыть.

— Полиция. — Один из мужчин показал ему значок. — Вам придется пройти с нами, мистер Элдридж.

— Но за что?! — возмутился арестованный.

— За кражи в Первом и Втором секторах.

Значит, и здесь, во Втором, он успел отличиться.

В полицейском отделении его провели в маленький захламленный кабинет. Капитан полиции, стройный лысеющий веселый человек, выпроводил из кабинета подчиненных и предложил Элдриджу стул и сигарету.

— Итак, вы Элдридж, — произнес он.

Элдридж холодно кивнул.

— Еще мальчишкой много читал о вас, — сказал с грустью по старым добрым временам капитан. — Вы мне представлялись героем.

Элдридж подумал, что капитан, пожалуй, лет на пятнадцать старше его, но не стал заострять на этом внимания. В конце концов, ведь именно его, Элдриджа, считают специалистом по парадоксам времени.

— Всегда полагал, что на вас повесили дохлую кошку, — продолжал капитан, вертя в руках тяжелое бронзовое пресс-пальце. — Да никогда я не поверю, чтобы такой человек, как вы, — и вдруг вор. Тут склонны были считать, что это темпоральное помешательство...

— И что же? — с надеждой спросил Элдридж.

— Ничего похожего. Смотрели ваши характеристики — никаких признаков. Странно, очень странно. Ну, к примеру, почему вы украли именно эти предметы?

— Какие?

— Вы что, не помните?

— Совершенно, — сказал Элдридж. — Темпоральная амнезия.

— Понятно, понятно, — сочувственно заметил капитан и протянул Эллриджу лист бумаги. — Вот, поглядите.

· Предметы, похищенные Томасом Монро Эллриджем

КОЛИЧЕСТВО СТОИМОСТЬ

Из спортивного магазина Вигана. Сектор 1

Многозарядные пистолеты	4 штуки	10 000
Спасательные надувные пояса	3 штуки	100
Репеллент против акул	5 банок	4 000

Из специализированного магазина Альфгана, Сектор I

Микрофильмы Всемирной литературы	2 комплекта	1 000
Записи симфонической музыки	5 бобин	2 650

С продовольственного склада Лури, Сектор I

Картофель сорта «белая черепаха»	50 штук	5
Семена моркови «фэнси»	9 пакетов	6

Из галантерейной лавки Мэнори, Сектор II

Дамские зеркальца 60 штук 95

Общая стоимость похищенного

14256

— Что все это значит? — недоумевал капитан. — Украли вы миллион — это было бы понятно, но вся эта ерунда!

Элдридж покачал головой. Ознакомление со списком не внесло никакой ясности. Ну, многозарядные ручные пистолеты — это куда ни шло! Но зеркальца, спасательные пояса, картофель и вся прочая, как справедливо окрестил ее капитан, ерунда?

Все это никак не вязалось с натурой самого Элдриджа. Он обнаружил в себе как бы две персоны: Элдриджа I — изобретателя хроноката, жертву обмана, клептомана, совершившего необъяснимые кражи, и Элдриджа II — молодого ученого, настигнутого Вигланом. Об Элдридже I он ничего не помнит. Но ему необходимо узнать мотивы своих поступков, чтобы понять, за что он должен нести наказание.

— Что произошло после моих краж? — спросил Элдридж.

— Этого мы пока не знаем, — ответил капитан. — Известно только, что, прихватив награбленное, вы скрылись в Третьем секторе. Когда мы обратились туда с просьбой о вашей выдаче, они ответили, что вас у них нет. **Тоже** — своя независимость... В общем, вы исчезли.

— Исчез? Куда?

— Не знаю. Могли отправиться в Нецивилизованное время, что за Третьим сектором.

— А что такое «Нецивилизованное время»? — спросил Элдридж.

— Мы надеялись, что вы-то о нем нам и расскажете, — улыбнулся капитан. — Вы единственный, кто исследовал Нецивилизованные секторы.

Черт возьми, его считают специалистом во всем том, о чем он сам не имеет ни малейшего понятия.

— В результате я оказался теперь в затруднительном положении, — сказал капитан, искоса поглядывая на пресс-папье.

— Почему же?

— Ну, вы же вор. Согласно закону, я должен вас арестовать. А с другой стороны, я знаю, какой хлам вы, так сказать, заимствовали. И еще мне известно, что крали-то вы у Виглана и его дружков. И, наверное, это справедливо... Но, увы, закон с этим не считается.

Элдридж с грустью кивнул.

— Мой долг — арестовать вас, — с глубоким вздохом сказал капитан. — Тут уж ничего не поделаешь. Как бы мне ни хотелось этого избежать, вы должны предстать перед судом

и отбыть положенный тюремный срок — лет двадцать, думаю.

— Что?! За кражу репеллента и морковных семян?

— Увы, по отношению к хронотуристам закон очень строг.

— Понятно, — выдавил Элдридж.

— Но, конечно, если... — в задумчивости произнес капитан, — если вы вдруг сейчас придете в ярость, стукнете меня по голове вот этим пресс-папье, схватите мой личный хронокат — он, кстати, в шкафу на второй полке слева — и таким образом вернетесь к своим друзьям в Третий сектор, тут уж я ничего поделать не смогу.

— А?

Капитан отвернулся к окну. Элдриджу ничего не стоило дотянуться до пресс-папье.

— Это, конечно, ужасно, — продолжал капитан. — Подумать только, на что способен человек ради любимого героя своего детства. Но вы-то, сэр, безусловно, послушны закону даже в мелочах, это я точно знаю из ваших психологических характеристик.

— Спасибо, — сказал Элдридж.

Он взял пресс-папье и легонько стукнул им капитана по голове. Блаженно улыбаясь, капитан рухнул под стол. Элдридж нашел хронокат в указанном месте и настроил его на Третий сектор.

Нажатие кнопки — и он снова окунулся во тьму.

Когда Элдридж открыл глаза, вокруг была выжженная бурая равнина. Ни единого деревца, порывы ветра швыряли в лицо пыль и песок. Вдали виднелись какие-то кирпичные здания, вдоль сухого оврага протянулась дюжина лачуг. Он направился к ним.

Видно, снова произошли климатические изменения, подумал Элдридж. Неистовое солнце так иссушило землю, что даже реки высохли. Если так пойдет и дальше, понятно, почему следующие секторы называют Нецивилизованными. Возможно, там и людей-то нет.

Он очень устал. Весь день, а то и пару тысячелетий — смотря откуда вести отсчет — во рту не держал и маковой росинки. Впрочем, спохватился Элдридж, это не более чем ловкий парадокс; Альфредекс с его логикой от него не оставил бы камня на камне.

К черту логику. К черту науку, парадоксы и все с ними связанное. Дальше бежать некуда. Может, найдется для

него место на этой пыльной земле. Народ здесь, должно быть, гордый, независимый; его не выдадут. Живут они по справедливости, а не по законам. Он останется тут, будет трудиться, состарится и забудет Элдриджа Г со всеми его безумными планами.

Подойдя к селению, Элдридж с удивлением заметил, что народ собрался, похоже, приветствовать его. Люди были одеты в свободные длинные одежды, подобные арабским бурнусам — от этого палящего солнца в другой одежде не спасешься.

Бородатый старейшина выступил вперед и мрачно склонил голову:

— Правильно гласит старая пословица: сколько веревочки ни вейся, конец будет.

Элдридж вежливо согласился.

— Нельзя ли получить глоток воды? — спросил он.

— Верно говорят, — продолжал старейшина, — преступник, даже если перед ним вся Вселенная, обязательно вернется на место преступления.

— Преступления? — не удержался Элдридж, ощущив приятную дрожь в коленях.

— Преступления, — подтвердил старейшина.

— Поганая птица в собственном гнезде гадит! — крикнул кто-то из толпы.

Люди засмеялись, но Элдриджа этот смех не порадовал.

— Неблагодарность ведет к предательству, — продолжал старейшина. — Зло вездесуще. Мы полюбили тебя, Томас Элдридж. Ты явился к нам со своей машинкой, с награбленным добром в руках, и мы приняли тебя и твою грешную душу. Ты стал одним из нас. Мы защищали тебя от твоих врагов из Мокрых Миров. Какое нам было дело, что ты напакостили им? Разве они не напакостили тебе? Око за око!

Толпа одобрительно зашумела.

— Но что я сделал? — спросил Элдридж.

Толпа надвинулась на него, он заметил в руках дубинки. Но мужчины в синих балахонах сдерживали толпу, видно, без полиции не обходилось и здесь.

— Скажите мне, что же все-таки я вам сделал? — настаивал Элдридж, отдавая по требованию полицейских хронокат.

— Ты обвиняешься в диверсии и убийстве, — ответил старейшина.

Элдридж в ужасе поглядел вокруг. Он убежал от обвинения в мелком воровстве из Первого сектора во Второй, где

его моментально схватили за то же самое. Надеясь спастись, он перебрался в Третий сектор, но и там его разыскивали, однако уже как убийцу и диверсанта.

— Все, о чем я когда-либо мечтал, — начал он с жалкой улыбкой, — это жизнь в уютном городке, со своими книгами, в кругу добрых соседей...

Он пришел в себя на земляном полу маленькой кирпичной тюрьмы. Сквозь крошечное оконце виднелась тонкая полоска заката. За дверью слышалось странное завывание, не иначе там пели песни.

Возле себя Элдридж обнаружил миску с едой и жадно набросился на неизвестную пищу. Напившись воды, которая оказалась во второй посудине, он, опервшись спиной о стену, с тоской наблюдал, как угасает закат.

Во дворе возводили виселицу.

— Тюремщик! — позвал Элдридж.

Послышались шаги.

— Мне нужен адвокат.

— У нас нет адвокатов, — с гордостью возразили снаружи. — У нас есть справедливость. — И шаги удалились.

Элдриджу пришлось пересмотреть свой взгляд на справедливость без закона. Звучало это неплохо, но на практике...

Он лежал на полу, прислушиваясь к тому, как смеются и шутят те, кто сколачивал виселицу, — сумерки не прекратили их работу.

Видно, он задремал. Разбудил его щелчок ключа в замочной скважине. Вошли двое. Один — немолодой мужчина с аккуратно подстриженной бородой, второй — широкоплечий загорелый человек одного возраста с Элдриджем.

— Вы узнаете меня? — спросил старший.

Элдридж с удивлением рассматривал незнакомца.

— Я ее отец.

— А я жених, — вставил молодой человек, угрожающе надвигаясь на Элдриджа.

Бородатый удержал его:

— Я понимаю твой гнев, Моргел, но за свои преступления он ответит на виселице!

— На виселице? Не слишком ли это мало для него, мистер Беккер? Его бы четвертовать, сжечь и пепел развеять по ветру!

— Да, конечно, но мы люди справедливые и милосердные, — с достоинством ответил мистер Беккер.

— Да чей вы отец? — не выдержал Элдридж. — Чей же-них?

Мужчины переглянулись.

— Что я такого сделал?! — не успокаивался Элдридж.
И Беккер рассказал.

Оказалось, Элдридж прибыл к ним из Второго сектора со всем награбленным баражлом. Здесь его приняли как равногого. Это были прямые и бесхитростные люди, унаследовавшие опустошенную и иссушеннную землю. Солнце продолжало палить нещадно, ледники таяли, и уровень воды в океанах все поднимался.

Народ Третьего сектора делал все, чтобы поддерживать работу нескольких заводиков и электростанций. Элдридж помог увеличить их производительность. Предложил новые простые и недорогие способы консервации продуктов. Вел он изыскания и в Нецивилизованных секторах. Словом, стал всенародным героем, и жители Третьего сектора любили и защищали его.

И за все это добро Элдридж отплатил им черной неблагодарностью. Он похитил прелестную дочь Беккера. Эта юная дева была обручена с Моргелом. Все было готово к свадьбе. Вот тут-то Элдридж и обнаружил свое истинное лицо: темной ночью он засунул девушку в адскую машину собственного изобретения, девушка пропала, а от перегрузки вышли из строя все электростанции.

Убийство и умышленное нанесение ущерба.

Разгневанная толпа не успела схватить Элдриджа: он сунул кое-что из своего баражла в мешок, схватил аппарат и исчез.

— И все это сделал именно я? — задохнулся Элдридж.

— При свидетелях, — подтвердил Беккер. — Что-то из твоих вещей осталось у нас в сарае.

Элдридж опустил глаза.

Теперь он знал о своих преступлениях и в Третьем секторе.

Однако обвинение в убийстве не соответствовало действительности. Очевидно, он создал настоящий хроноход-тяжеловес и куда-то отправил девушку без промежуточных остановок, как того требовало пользование портативным аппаратом. Но ведь здесь никто этому не поверит. Эти люди понятия не имеют о *habeas corpus**.

— Зачем ты это сделал? — спросил Беккер.

Элдридж пожал плечами и безнадежно покачал головой.

* Начальные слова закона о неприкосновенности личности, принятого английским парламентом в 1679 г. (лат.). (Примеч. пер.)

— Разве я не принял тебя как сына? Не спас тебя от полиции Второго сектора? Не накормил, не одел? Да ладно, — вздохнул Беккер. — Свою тайну ты откроешь утром палачу.

С этими словами он подтолкнул Моргела к двери, и они вышли.

Имей Элдридж при себе оружие, он бы застрелился. Все говорило о том, что в нем гнездятся самые дурные наклонности, о которых он и не подозревал. Теперь его повесят.

И все-таки это несправедливо. Он был лишь немым свидетелем, всякий раз нарывающимся на последствия своих прошлых — или будущих — поступков. Но об истинных мотивах этих поступков знал только Элдридж I, и ответ держать мог только он.

Будь он вором на самом деле, какой смысл красть картошку, спасательные пояса, зеркальца или что-то подобное?

Что он сделал с девушкой?

Какие цели преследовал?

Элдридж устало прикрыл глаза, и его сморил тревожный сон.

Проснулся он от ощущения, что кто-то находится рядом, и увидел перед собой Виглана с хронокатом в руках.

У Элдриджа не было сил даже удивляться. С минуту он смотрел на своего врага, потом произнес:

— Пришёл поглазеть на мой конец?

— Я не думал, что так получится, — возразил Виглан, вытирая пот со лба. — Поверь мне, Том, я не хотел никакой казни.

Элдридж сел и в упор посмотрел на Виглана:

— Ведь ты украл мое изобретение?

— Да, — признался Виглан. — Но я сделал это ради тебя. Доходами я бы поделился.

— Зачем ты его украл?

Виглан был явно смущен.

— Тебя нисколько не интересовали деньги.

— И ты обманом заставил меня передать права на изобретение?

— Не сделай этого я, то же самое непременно сделал бы кто-нибудь другой. Я только помогал тебе — ведь ты же человек не от мира сего. Клянусь! Я собирался сделать тебя своим компаньоном. — Он снова вытер пот со лба. — Но я понятия не имел, что все может обернуться таким образом!

— Ты ложно обвинил меня во всех этих кражах, — сказал Элдридж.

— Что? — Казалось, Виглан искренне возмущен. — Нет, Том. Ты в самом деле совершил эти кражи. И вплоть до сегодняшнего дня это было просто мне на руку.

— Лжешь!

— Не за этим я сюда пришел! Я же сознался, что украл твоё изобретение.

— Тогда почему я крал?

— Мне кажется, это связано с какими-то твоими дурацкими планами относительно Нецивилизованных секторов. Однако дело не в этом. Слушай, не в моих силах избавить тебя от обвинений, но я могу забрать тебя отсюда.

— Куда? — безнадежно спросил Элдридж. — Меня ищут по всем секторам.

— Я спрячу тебя. Вот увидишь. Отсидаешься у меня, пока за давностью дела не прекратится. Никому не придет в голову искать тебя в моем доме.

— А права на изобретение?

— Я их оставлю при себе, — тон Виглана стал вкрадчиво-доверительным. — Если я их верну, меня обвинят в темпоральном преступлении. Но я поделюсь с тобой. Тебе просто **необходим** компаньон.

— Ладно, пойдем-ка отсюда, — предложил Элдридж.

Виглан прихватил с собой набор отмычек, с которыми управлялся подозрительно ловко. Через несколько минут они вышли из тюрьмы и скрылись в темноте.

— Этот хронокат слабоват для двоих, — прошептал Виглан. — Как бы прихватить твой?

— Он, наверное, в сарае, — отозвался Элдридж.

Сарай не охранялся, и Виглан быстро справился с замком. Внутри они нашли хронокат Элдриджа II и странное, нелепое имущество Элдриджа I.

— Ну, двинулись, — сказал Виглан.

Элдридж покачал головой.

— Что еще? — с досадой спросил Виглан. — Слушай, Том, я понимаю, что не могу рассчитывать на твоё доверие. Но, истинный крест, я предоставлю тебе убежище. Я не вру.

— Да я верю тебе. Но все равно не хочу возвращаться.

— Что же ты собираешься делать?

Элдридж и сам раздумывал над этим. Он мог либо вернуться с Вигланом, либо продолжать свое путешествие в одиночестве. Другого выбора не было. И все же, правильно это или нет, но он останется верен себе и узнает, что натворил там, в своем будущем.

— Я отправляюсь в Нецивилизованные секторы, — решил Элдридж.

— Не делай этого! — испугался Виглан. — Ты можешь кончить полным самоуничтожением.

Элдридж уложил картофель и пакетики с семенами. Потом сунул в рюкзак микрофильмы, банки с репеллентом и зеркальца, а сверху пристроил многозарядные пистолеты.

— Ты хоть представляешь, на что тебе весь этот хлам?

— Ни в малейшей мере, — ответил Элдридж, застегивая карман рубашки, куда положил пленки с записями симфонической музыки. — Но ведь для чего-то все это было нужно...

Виглан тяжело вздохнул:

— Не забудь выдерживать тридцатиминутную паузу между хронотурами, иначе будешь уничтожен. У тебя есть часы?

— Нет. Они остались в кабинете.

— Возьми эти. Противоударные, для спортсменов. — Виглан надел Элдриджу часы. — Ну, желаю удачи, Том. От всего сердца!

— Спасибо.

Элдридж перевел рычажок на самый дальний из возможных хронотуров в будущее, усмехнулся и нажал кнопку.

Как всегда, на какое-то мгновение наступила темнота, и тут же сковал испуг — он ощущал, что находится в воде.

Рюкзак мешал выплыть на поверхность. Но вот голова оказалась над водой. Он стал озираться в поисках земли.

Земли не было. Только волны, убегающие вдаль к горизонту.

Элдридж ухитрился достать из рюкзака спасательные пояса и надуть их. Теперь он мог подумать о том, что стряслось со штатом Нью-Йорк.

Чем дальше в будущее забирался Элдридж, тем жарче становился климат. За неисчислимые тысячелетия льды, по-видимому, растаяли, и большая часть суши оказалась под водой.

Значит, не зря он взял с собой спасательные пояса. Теперь он твердо верил в благополучный исход своего путешествия. Надо только полчаса продержаться на плаву.

Но тут он заметил, как в воде промелькнула длинная черная тень. За ней другая, третья.

Акулы!

Элдридж в панике стал рыться в рюкзаке. Наконец он открыл банку с репеллентом и бросил ее в воду. Оранжевое облако расплылось в темно-синей воде.

Через пять минут он бросил вторую банку, потом третью. Через шесть минут после пятой банки Элдридж нажал нужную кнопку и тут же погрузился в ставшую уже знакомой тьму.

На этот раз он оказался по колено в трясине. Стояла удушающая жара, и туча огромных комаров звенела над головой. С трудом выбравшись на земную твердь, он устроился под хилым деревцем, чтобы переждать свои тридцать минут. В этом будущем океан, как видно, отступил, и землю захватили первобытные джунгли. Есть ли тут люди?

Но вдруг Элдридж похолодел. На него двигалось громадное чудовище, похожее на первобытного динозавра. «Не бойся, — старался успокоить себя Элдридж, — ведь динозавры были травоядными». Однако чудище, обнажив два ряда пре-восходных зубов, приближалось к Элдриджу с довольно решительным видом. Тут мог спасти только многозарядный пистолет. И Элдридж выстрелил.

Динозавр исчез в клубах дыма. Лишь запах озона убеждал, что это не сон. Элдридж с почтением взглянул на оружие. Теперь он понял, почему у него такая цена.

Через полчаса, истратив на собратьев динозавра все заряды во всех четырех пистолетах, Элдридж снова нажал на кнопку хроноката.

Теперь он стоял на поросшем травой холме. Неподалеку шумел сосновый бор.

При мысли, что, может быть, это и есть долгожданная цель его путешествия, у Элдриджа быстрее забилось сердце.

Из леса показался приземистый мужчина в меховой юбке. В руке он угрожающе сжимал неоструганную палицу. Следом за ним вышло еще человек двадцать таких же низкорослых коренастых мужчин. Они шли прямо на Элдриджа.

— Привет, ребята, — миролюбиво обратился он к ним.

Вождь ответил что-то на своем гортанном наречии и жестом предложил приблизиться.

— Я принес вам благословенные плоды, — поспешил сообщить Элдридж и вытащил из рюкзака пакетики с семенами моркови.

Но семена не произвели никакого впечатления ни на вождя, ни на его людей. Им не нужен был ни рюкзак, ни разряженные пистолеты. Не нужен им был и картофель. Они уже угрожающе почти сомкнули круг, а Элдридж все никак не мог сообразить, чего они хотят.

Оставалось протянуть еще две минуты до очередного хроноката, и, резко повернувшись, он кинулся бежать.

Дикари тут же устремились за ним. Элдридж мчался, петляя среди деревьев, словно гончая. Несколько дубинок просвистели над его головой.

Еще минута!

Он споткнулся о корень, упал, пополз, снова вскочил на ноги. Дикари настигали.

Десять секунд. Пять. Пора! Он коснулся кнопки, но пришедшийся по голове удар свалил его наземь. Когда он открыл глаза, то увидел, что чья-то дубинка оставила от хроноката кучку обломков.

Проклинающего все на свете Элдриджа втащили в пещеру. Два дикаря остались охранять вход.

Снаружи несколько мужчин собирали хворост. Взад-вперед носились женщины и дети. Судя по всеобщему оживлению, готовился праздник.

Элдридж понял, что главным блюдом на этом празднестве будет он сам.

Элдридж пополз в глубь пещеры, надеясь обнаружить другой выход, однако пещера заканчивалась отвесной стеной. Ощупывая пол, он наткнулся на странный предмет.

Ботинок!

Он приблизился с ботинком к свету. Коричневый кожаный полуботинок был точь-в-точь таким же, как и на нем. Действительно, ботинок пришелся ему по ноге. Явно это был след его первого путешествия.

Но почему он оставил здесь ботинок?

Внутри что-то мешало. Элдридж снял ботинок и в носке обнаружил скомканную бумагу. Он расправил ее. Записка была написана его почерком:

Довольно глупо, но как-то надо обратиться к самому себе. Дорогой Элдридж? Ладно, пусть будет так.

Так вот, дорогой Элдридж, ты попал в дурацкую историю. Тем не менее не тревожься. Ты выберешься из нее. Я оставляю хронокат, чтобы ты переправился туда, где тебе надлежит быть.

Я же сам включаю хронокат до того, как истечет получасовая пауза. Это первое уничтожение, которое мне предстоит испытать на себе. Полагаю, все обойдется, потому что парадоксов времени не существует. Я нажимаю на кнопку.

Значит, хронокат где-то здесь!

Он еще раз обшарил всю пещеру, но ничего, кроме чьих-то костей, не обнаружил.

Наступило утро. У пещеры собралась вся деревня. Глиняные сосуды переходили из рук в руки. Мужская часть населения явно повеселела.

Элдриджу подвели к глубокой нише в скале. Внутри ее было что-то вроде жертвенного алтаря, украшенного цветами. Пол устипал собранный накануне хворост.

Элдриджу жестами приказали войти в нишу.

Начались ритуальные танцы. Они длились несколько часов. Наконец последний танцор свалился в изнеможении. Тогда к нише приблизился старец с факелом в руке. Размахнувшись, он бросил пылающий факел внутрь. Элдриджу удалось его поймать. Но другие горящие головни посыпались следом. Вспыхнули крайние ветви, и Элдриджу пришлось отступить внутрь, к алтарю.

Огонь загонял его все глубже. В конце концов, задыхаясь и исходя слезами, Элдридж рухнул на алтарь. И тут его рука нашарила какой-то предмет...

Кнопки?

Пламя позволило рассмотреть. Это был хронокат, тот самый хронокат, который оставил Элдридж I! Не иначе, ему здесь поклонялись.

Мгновение Элдридж колебался: что на этот раз уготовлено ему в будущем? И все же он зашел достаточно далеко, чтобы не узнать конец.

Элдридж нажал кнопку.

...И оказался на пляже. У ног плескалась вода, а вдаль уходил бесконечно голубой океан. Берег покрывала тропическая растительность.

Услышав крики, Элдридж отчаянно заметался. К нему бежали несколько человек.

— Приветствуем тебя! С возвращением!

Огромный загорелый человек заключил Элдриджа в свои объятия.

— Наконец-то ты вернулся! — приговаривал он.

— Да, да... — бормотал Элдридж.

К берегу спешили все новые и новые люди. Мужчины были высокими, бронзовокожими, а женщины на редкость стройными.

— Ты принес? Ты принес? — едва переводя дыхание, спрашивал худой старик.

— Что именно?

— Семена и клубни. Ты обещал их принести.

— Вот, — Элдридж вытащил свои сокровища.

— Спасибо тебе, как ты думаешь...

— Ты же, наверное, устал? — пытался отгородить его от наседавших людей гигант.

Элдридж мысленно пробежал последние день или два своей жизни, которые вместили тысячелетия.

— Устал, — признался он. — Очень.

— Тогда иди домой.

— Домой?

— Ну да, в дом, который ты построил возле лагуны. Разве не помнишь?

Элдридж улыбнулся и покачал головой.

— Он не помнит! — закричал гигант.

— А ты помнишь, как мы сражались в шахматы? — спросил другой мужчина.

— А наши рыбалки?

— А наши пикники, праздники?

— А танцы?

— А яхты?

Элдридж продолжал отрицательно качать головой.

— Это было, пока ты не отправился назад, в свое собственное время, — объяснил гигант.

— Отправился назад? — переспросил Элдридж.

Тут было все, о чем он мечтал. Мир, согласие, мягкий климат, добрые соседи. А теперь и книги, и музыка.

Так почему же он оставил этот мир?

— А меня-то ты помнишь? — выступила вперед тоненькая светловолосая девушка.

— Ты, наверное, дочь Беккера и помолвлена с Моргелом. Я тебя похитил.

— Это Моргел считал, будто я его невеста, — возмутилась она. — И ты меня не похищал. Я сама ушла, по собственной воле.

— А, да-да, — сказал Элдридж, чувствуя себя круглым дураком. — Ну конечно же... Как же — очень рад встрече с вами... — совсем уже глупо закончил он.

— Почему так официально? — удивилась девушка. — Мы ведь, в конце концов, муж и жена. Надеюсь, ты привез мне зеркальце?

Вот тут Элдридж расхохотался и протянул девушке рюкзак.

— Пойдем домой, дорогой, — сказала она.

Он не знал имени девушки, но она ему очень нравилась.

— Боюсь, что не сейчас, — проговорил Элдридж, посмотрев на часы. Прошло почти тридцать минут. — Мне еще кое-что нужно сделать. Но я скоро вернусь.

Лицо девушки осветила улыбка.

— Если ты говоришь, что вернешься, то я знаю, так оно и будет, — и она поцеловала его.

Привычная темнота вновь окутала Элдриджа, когда он нажал на кнопку хроноката.

Так было покончено с Элдриджем II.

Отныне он становился Элдриджем I и твердо знал, куда направляется и что будет делать.

Он вернется сюда в свое время и остаток жизни проведет в мире и согласии с этой девушкой в кругу добрых соседей, среди своих книг и музыки.

Даже к Виглану и Альфредексу он не испытывал теперь неприязни.

СТРАЖ-ПТИЦА

Когда Гелсен вошел, остальные изготовители страж-птиц были уже в сборе. Кроме него, их было шестеро, и комнату затянуло синим дымом дорогих сигар.

— А, Чарли! — окликнул кто-то, когда он стал на пороге.

Другие тоже отвлеклись от разговора — ровно настолько, чтобы небрежно кивнуть ему или приветственно махнуть рукой. Коль скоро ты фабрикуешь страж-птицу, ты становишься одним из фабрикантов спасения, с кривой усмешкой сказал он себе. Весьма избранное общество. Если желаешь спасать род людской, изволь сперва получить государственный подряд.

— Представитель президента еще не пришел, — сказал Гелсену один из собравшихся. — Он будет с минуты на минуту.

— Нам дают зеленую улицу, — сказал другой.

— Отлично.

Гелсен сел поближе к двери и оглядел комнату. Это походило на торжественное собрание или на слет бойскаутов. Всего шесть человек, но эти шестеро брали не числом, а толщиной и весом. Председатель Южной объединенной компании во все горло разглагольствовал о неслыханной прочности страж-птицы. Два его слушателя, тоже председатели компаний, широко улыбались, кивали, один пытался вставить словечко о том, что показали проведенные им испытания страж-птицы на находчивость, другой толковал о новом заряжающем устройстве.

Страж-птица

© Нора Галь, перевод, 1968

Watchbird

Copyright © 1953 by Robert Sheckley

Остальные трое, сойдясь отдельным кружком, видимо, тоже пели хвалу страж-птице.

Все они были важные, солидные, держались очень прямо, как подобает спасителям человечества. Гелсену это не показалось смешным. Еще несколько дней назад он и сам чувствовал себя спасителем. Этакое воплощение святости, с брюшком и уже немного плешилым.

Он вздохнул и закурил сигарету. Вначале и он был таким же восторженным сторонником нового проекта, как остальные. Он вспомнил, как говорил тогда Макинтайру, своему главному инженеру: «Начинается новая эпоха, Мак. Страж-птица решает все». И Макинтайр сосредоточенно кивал — еще один новообращенный.

Тогда казалось — это великолепно! Найдено простое и надежное решение одной из сложнейших задач, стоящих перед человечеством, и решение это целиком умещается в каком-нибудь фунте нержавеющего металла, кристаллов и пласти массы.

Быть может, именно поэтому теперь Гелсена одолели сомнения. Едва ли задачи, которые терзают человечество, решаются так легко и просто. Нет, где-то тут таится подвох.

В конце концов, убийство — проблема старая как мир, а страж-птица — решение, которому без году неделя.

— Джентльмены...

Все увлеклись разговором, никто и не заметил, как вошел представитель президента, полный круглицы человека. А теперь разом наступила тишина.

— Джентльмены, — повторил он, — президент с согласия Конгресса предписал создать по всей стране, в каждом большом и малом городе отряды страж-птиц.

Раздался дружный вопль торжества. Итак, им наконец-то предоставлена возможность спасти мир, подумал Гелсен и с недоумением спросил себя, отчего же ему так тревожно.

Он внимательно слушал представителя — тот излагал план распределения. Страна будет разделена на семь областей, каждую обязан снабжать и обслуживать один поставщик. Разумеется, это означает монополию, но иначе нельзя. Так же, как с телефонной связью, это в интересах общества. В поставках страж-птицы недопустима конкуренция. Страж-птица служит всем и каждому.

— Президент надеется, — продолжал представитель, — что отряды страж-птиц будут введены в действие повсеместно в кратчайший срок. Вы будете в первую очередь получать стратегические металлы, рабочую силу и все, что потребуется.

— Лично я рассчитываю выпустить первую партию не позже чем через неделю, — заявил председатель Южной объединенной компании. — У меня производство уже налажено.

Остальные тоже не ударили в грязь лицом. У всех предприятия давным-давно подготовлены к серийному производству страж-птицы. Уже несколько месяцев как окончательно согласованы стандарты устройства и оснащения, не хватало только последнего слова президента.

— Превосходно, — заметил представитель. — Если так, я полагаю, мы можем... У вас вопрос?

— Да, сэр, — сказал Гелсен. — Я хотел бы знать: мы будем выпускать теперешнюю модель?

— Разумеется, она самая удачная.

— У меня есть возражение.

Гелсен встал. Собратья пронизывали его гневными взглядами. Уж не намерен ли он отодвинуть приход золотого века?!

— В чем суть возражения? — спросил представитель президента.

— Прежде всего позвольте заверить, что я на все сто процентов за машину, которая прекратит убийства. В такой машине давно уже назрела необходимость. Я только против того, чтобы вводить в страж-птицу самообучающееся устройство. В сущности, это значит оживить машину, дать ей что-то вроде сознания. Этого я одобрить не могу.

— Но позвольте, мистер Гелсен, вы же сами уверяли, что без такого устройства страж-птица будет недостаточно эффективна. Тогда, по всем подсчетам, птицы смогут предотвращать только семьдесят процентов убийств.

— Да, верно, — согласился Гелсен, ему было ужасно не по себе. Но он упрямо докончил: — А все-таки я считаю, с точки зрения нравственной это может оказаться просто опасно — доверить машине решать человеческие дела.

— Да бросьте вы, Гелсен, — сказал один из предпринимателей. — Ничего такого не происходит. Страж-птица только подкрепит те решения, которые приняты всеми честными людьми с незапамятных времен.

— Думаю, вы правы, — вставил представитель президента. — Но я могу понять мистера Гелсена. Весьма прискорбно, что мы вынуждены вверять машине проблему, стоящую перед человечеством, и еще прискорбнее, что мы не в силах проводить в жизнь наши законы без помощи машины. Но не забывайте, мистер Гелсен, у нас нет иного способа остано-

вить убийцу *прежде, чем он совершил убийство*. Если мы из философских соображений ограничим деятельность страж-птицы, это будет несправедливо в отношении многих и многих жертв, которые каждый год погибают от руки убийц. Вы не согласны?

— Да в общем-то согласен, — уныло сказал Гелсен.

Он и сам говорил себе это тысячу раз, а все же ему было неспокойно. Надо бы потолковать об этом с Макинтайром.

Совещание кончилось, и тут он вдруг усмехнулся. Вот забавно!

Уйма полицейских останется без работы!

— Ну, что вы скажете? — в сердцах молвил сержант Селтрикс. — Пятнадцать лет я ловил убийц, а теперь меня заменяют машиной. — Он провел огромной красной ручищей по лбу и оперся на стол капитана. — Ай да наука!

Двое других полицейских, в недавнем прошлом служивших по той же части, мрачно кивнули.

— Да ты не горюй, — сказал капитан. — Мы тебя переведем в другой отдел, будешь ловить воров. Тебе понравится.

— Не пойму я, — жалобно сказал Селтрикс. — Какая-то паршивая жестянка будет раскрывать преступления.

— Не совсем так, — поправил капитан. — Считается, что страж-птица предотвратит преступление и не даст ему совериться.

— Тогда какое же это преступление? — возразил один из полицейских. — Нельзя повесить человека за убийство, покуда он никого не убил, так я говорю?

— Не в том соль, — сказал капитан. — Считается, что страж-птица остановит человека, покуда он еще не убил.

— Стало быть, никто его не арестует? — спросил Селтрикс.

— Вот уж не знаю, как они думают с этим управляться, — признался капитан.

Помолчали. Капитан зевнул и стал разглядывать свои часы.

— Одного не пойму, — сказал Селтрикс, все еще опираясь на стол капитана. — Как они все это проделали? С чего началось?

Капитан испытующе на него посмотрел — не насмехается ли? Газеты уже сколько месяцев трубят про этих страж-птиц. А впрочем, Селтрикс из тех парней, что в газете, кроме как в новости спорта, никуда не заглядывают.

— Да вот, — заговорил капитан, припоминая, что он вычитал в воскресных приложениях, — эти самые ученые — они криминалисты. Значит, они изучали убийц, хотели разобраться, что в них неладно. Ну и нашли, что мозг убийцы излучает не такую волну, как у всех людей. И железы у него тоже как-то по-особенному действуют. И все это как раз тогда, когда он собирается убить. Ну и вот, эти ученые смастерили такую машину — как дойдут до нее эти мозговые волны, так на ней загорается красная лампочка или вроде этого.

— Уче-оные, — с горечью протянул Селтрикс.

— Так вот, соорудили эту машину, а что с ней делать, не знают. Она огромная, с места не сдвинешь, а убийцы поблизости не так уж часто ходят, чтоб лампочка загоралась. Тогда построили аппараты поменьше и испытывали в некоторых полицейских участках. По-моему, и в нашем штате испытывали. Но толку все равно было чуть. Никак не поспеть вовремя на место преступления. Вот они и смастерили стражницу.

— Так уж они и остановят убийц, — недоверчиво сказал полицейский.

— Ясно, остановят. Я читал, что показали испытания. Эти птицы чуют преступника прежде, чем он успеет убить. Налетают на него и ударяют током или вроде этого. И он уже ничего не может.

— Так что же, капитан, отдел розыска убийц вы прикрываете? — спросил Селтрикс.

— Ну нет. Оставлю костяк, сперва поглядим, как эти птички будут справляться.

— Ха, костяк. Вот смех, — сказал Селтрикс.

— Ясно, оставлю, — повторил капитан. — Сколько-то людей мне понадобится. Похоже, эти птицы могут остановить не всякого убийцу.

— Что ж так?

— У некоторых убийц мозги не испускают таких волн, — пояснил капитан, пытаясь припомнить, что говорилось в газетной статье. — Или, может, у них железы не так работают, или вроде этого.

— Так это их, что ли, птицам не остановить? — из профессионального интереса полюбопытствовал Селтрикс.

— Не знаю. Но я слыхал, эти чертовы птички устроены так, что скоро они всех убийц переловят.

— Как же это?

— Они учатся. Сами страж-птицы. Прямо как люди.

— Вы что, за дурака меня считаете?

— Вовсе нет.

— Ладно, — сказал Селтрикс. — А свой пугач я смазывать не перестану. На всякий пожарный случай. Не только я доверяю ученой братии.

— Вот это правильно.

— Птиц каких-то выдумали!

И Селтрикс презрительно фыркнул.

Страж-птица взмыла над городом, медленно описывая плавную дугу. Алюминиевое тело поблескивало в лучах утреннего солнца, на недвижных крыльях играли огоньки. Она парила безмолвно.

Безмолвно, но все органы чувств начеку. Встроенная аппаратура подсказывала страж-птице, где она находится, направляла ее полет по широкой кривой наблюдения и поиска. Ее глаза и уши действовали как единое целое, выискивали, выслеживали.

И вот что-то случилось! С молниеносной быстротой электронные органы чувств уловили некий сигнал. Сопоставляющий аппарат исследовал его, сверил с электрическими и химическими данными, заложенными в блоках памяти. Щелкнуло реле:

Страж-птица по спирали помчалась вниз, к той точке, откуда, все усиливаясь, исходил сигнал. Она чуяла выделения неких желез, ощущала необычную волну мозгового излучения.

В полной готовности, во всеоружии описывала она круги, отсвечивая в ярких солнечных лучах.

Динелли не заметил страж-птицы, он был поглощен другим. Вскинув револьвер, он жалкими глазами уставился на хозяина бакалейной лавки.

— Не подходи!

— Ах ты, щенок! — рослый бакалейщик шагнул ближе. — Обокрасть меня вздумал? Да я тебе все кости переломаю!

Бакалейщик был то ли дурак, то ли храбрец — нимало не опасаясь револьвера, он надвигался на воришку.

— Ладно же! — выкрикнул насмерть перепуганный Динелли. — Получай, кровопийца...

Электрический разряд ударили ему в спину. Выстрелом раскидало завтрак, приготовленный на подносе.

— Что за черт? — изумился бакалейщик, тараща глаза на оглушенного вора, свалившегося к его ногам. Потом заметил

серебряный блеск крыльев. — Ах, чтоб мне провалиться! Птички-то действуют!

Он смотрел вслед серебряным крыльям, пока они не растворились в синеве. Потом позвонил в полицию.

Страж-птица уже вновь описывала кривую и наблюдала. Ее мыслящий центр сопоставлял новые сведения, которые она узнала об убийстве. Некоторые из них были ей прежде неизвестны.

Эта новая информация мгновенно передалась всем другим страж-птицам, а их информация передалась ей.

Страж-птицы непрерывно обменивались новыми сведениями, методами, определениями.

Теперь, когда страж-птицы сходили с конвейера непрерывным потоком, Гелсен позволил себе вздохнуть с облегчением. Работа идет полным ходом, завод так и гудит. Заказы выполняются без задержки, прежде всего для крупнейших городов, а там доходит черед и до мелких городишек и поселков.

— Все идет как по маслу, шеф, — доложил с порога Макинтайр: он только что закончил обычный обход.

— Отлично. Присядьте.

Инженер грузно опустился на стул, закурил сигарету.

— Мы уже немало времени занимаемся этим делом, — заметил Гелсен, не зная, с чего начать.

— Верно, — согласился Макинтайр.

Он откинулся на спинку стула и глубоко затянулся. Он был одним из тех инженеров, которые наблюдали за созданием первой страж-птицы. С тех пор прошло шесть лет. Все это время Макинтайр работал у Гелсена, и они стали друзьями.

— Вот что я хотел спросить... — Гелсен запнулся. Никак не удавалось выразить то, что было на уме. Вместо этого он спросил: — Послушайте, Мак, что вы думаете о страж-птицах?

— Я-то? — Инженер усмехнулся. С того часа как зародился первоначальный замысел, Макинтайр был неразлучен со страж-птицей во сне и наяву, за обедом и за ужином. Ему и в голову не приходило как-то определять свое к ней отношение. — Да что, замечательная штука.

— Я не о том, — сказал Гелсен. Наконец-то он догадался, чего ему не хватало: чтобы хоть кто-то его понял. — Я хочу сказать, вам не кажется, что это опасно, когда машина думает?

— Да нет, шеф. А почему вы спрашиваете?

— Слушайте, я не ученый и не инженер. Мое дело подсчитать издержки и сбыть продукцию, а какова она — это уж ваша забота. Но я человек простой, и, честно говоря, страж-птица начинает меня пугать.

— Пугаться нечего.

— Не нравится мне это обучающееся устройство.

— Ну почему же? — Макинтайр снова усмехнулся. — А, понимаю. Так многие рассуждают, шеф: вы боитесь, вдруг ваши машинки проснутся и скажут — а чем это мы занимаемся? Давайте лучше править миром! Так, что ли?

— Пожалуй, вроде этого, — признался Гелсен.

— Ничего такого не случится, — заверил Макинтайр. — Страж-птица — машинка сложная, верно, но Массачусетский Электронный вычислитель куда сложнее. И все-таки у него нет разума.

— Да, но страж-птицы умеют учиться.

— Ну конечно. И все новые вычислительные машины тоже умеют. Так что же, по-вашему, они вступят в сговор со страж-птицами?

Гелсена взяла досада — и на Макинтайра и еще того больше на самого себя: охота была смешить людей...

— Так ведь страж-птицы сами переводят свою науку в дело. Никто их не контролирует.

— Значит, вот что вас беспокоит, — сказал Макинтайр.

— Я давно уже подумываю заняться чем-нибудь другим, — сказал Гелсен (до последней минуты он сам этого не понимал).

— Послушайте, шеф. Хотите знать, что я об этом думаю как инженер?

— Ну-ка?

— Страж-птица ничуть не опаснее, чем автомобиль, счетная машина или термометр. Разума и воли у нее не больше. Просто она так сконструирована, что откликается на определенные сигналы и в ответ выполняет определенные действия.

— А обучающееся устройство?

— Без него нельзя, — сказал Макинтайр терпеливо, словно объяснял задачу малому ребенку. — Страж-птица должна пресекать всякое покушение на убийство — так? Ну а сигналы исходят не от всякого убийцы. Чтобы помешать им всем, страж-птице надо найти новые определения убийства и сопоставить их с теми, которые ей уже известны.

— По-моему, это против человеческой природы, — сказал Гелсен.

— Вот и прекрасно. Страж-птица не знает никаких чувств. И рассуждает не так, как люди. Ее нельзя ни подкупить, ни одурачить. И запугать тоже нельзя.

На столе у Гелсена зажужжал вызов селектора. Он и не посмотрел в ту сторону.

— Все это я знаю, — сказал он Макинтайру. — А все-таки иногда я чувствую себя, как тот человек, который изобрел динамит. Он-то думал, эта штука пригодится только, чтоб корчевать пни.

— Но вы-то не изобрели страж-птицу.

— Все равно я в ответе, раз я их выпускаю.

Опять зажужжал сигнал вызова, и Гелсен сердито нажал кнопку.

— Пришли отчеты о работе страж-птиц за первую неделю, — раздался голос секретаря.

— Ну и как?

— Великолепно, сэр!

— Пришлите мне их через четверть часа. — Гелсен выключил селектор и опять повернулся к Макинтайру; тот спичкой чистил ногти. — А вам не кажется, что человеческая мысль как раз к этому и идет? Что людям нужен механический бог? Электронный наставник?

— Я думаю, вам бы надо получше познакомиться со страж-птицей, шеф, — заметил Макинтайр. — Вы знаете, что собой представляет это обучающееся устройство?

— Только в общих чертах.

— Во-первых, поставлена задача. А именно: помешать живым существам совершать убийства. Во-вторых, убийство можно определить как насилие, которое заключается в том, что одно живое существо ломает, увечит, истязает другое существо или иным способом нарушает его жизнедеятельность. В-третьих, убийство почти всегда можно проследить по определенным химическим и электрическим изменениям в организме.

Макинтайр закурил новую сигарету и продолжал:

— Эти три условия обеспечивают постоянную деятельность птиц. Сверх того есть еще два условия для аппарата самообучения. А именно, в-четвертых, некоторые существа могут убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии номер три. В-пятых, такие существа могут быть обнаружены при помощи данных, подходящих к условию номер два.

— Понимаю, — сказал Гелсен.
— Сами видите, все это безопасно и вполне надежно.
— Да, наверно... — Гелсен замялся. — Что ж, пожалуй, все ясно.
— Вот и хорошо.
Инженер поднялся и вышел.
Еще несколько минут Гелсен раздумывал. Да, в страж-птице просто не может быть ничего опасного.
— Давайте отчеты, — сказал он по селектору.

Высоко над освещенными городскими зданиями парила страж-птица. Уже смеркалось, но поодаль она видела другую страж-птицу, а там и еще одну. Ведь город большой.

Не допускать убийств...

Работы все прибавлялось. По незримой сети, связующей всех страж-птиц между собой, непрестанно передавалась новая информация. Новые данные, новые способы выслеживать убийства.

Вот оно! Сигнал! Две страж-птицы разом рванулись вниз. Одна восприняла сигнал на долю секунды раньше другой и уверенно продолжала спускаться. Другая вернулась к наблюдению.

Условие четвертое: некоторые живые существа способны убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии третьем.

Страж-птица сделала выводы из вновь полученной информации и знала теперь, что, хотя это существо и не издает характерных химических и электрических запахов, оно все же намерено убить.

Насторожив все свои чувства, она подлетела ближе.

Выяснила, что требовалось, и спикировала.

Роджер Греко стоял, прислонясь к стене здания, руки в карманы. Левая рука сжимала холодную рукоять револьвера. Греко терпеливо ждал.

Он ни о чем не думал, просто ждал одного человека. Этого человека надо убить. За что, почему — кто его знает. Не все ли равно? Роджер Греко не из любопытных, отчасти за это его и ценят. И еще за то, что он мастер своего дела.

Надо аккуратно всадить пулю в башку незнакомому человеку. Ничего особенного — и не волнует и не противно. Дело есть дело, не хуже всякого другого. Убиваешь человека. Ну и что?

Когда мишень появилась в дверях, Греко вынул из кармана револьвер. Спустил предохранитель, перебросил револьвер в правую руку. Все еще ни о чем не думая, прицелился...

И его сбило с ног.

Он решил, что в него стреляли. С трудом поднялся на ноги, огляделся и, щурясь сквозь застлавший глаза туман, снова прицелился.

И опять его сбило с ног.

На этот раз он попытался нажать спуск лежа. Не пасовать же! Кто-кто, а он мастер своего дела.

Опять удар, и все потемнело. На этот раз навсегда, ибо страж-птица обязана охранять объект насилия — чего бы это ни стоило убийце.

Тот, кто должен был стать жертвой, прошел к своей машине. Он ничего не заметил. Все произошло в молчании.

Гелсен чувствовал себя как нельзя лучше. Страж-птицы работают превосходно. Число убийств уже сократились вдвое и продолжает падать. В темных переулках больше не подстерегают никакие ужасы. После захода солнца незачем обходить стороной парки и спортплощадки.

Конечно, пока еще остаются грабежи. Процветают мелкие кражи, хищения, мошенничество, подделки и множество других преступлений.

Но это не столь важно. Потерянные деньги можно возместить, потерянную жизнь не вернешь.

Гелсен готов был признать, что он неверно судил о страж-птицах. Они и вправду делают дело, с которым люди справиться не могли.

Именно в это утро появился первый намек на неблагополучие.

В кабинет вошел Макинтайр. Молча остановился перед шефом. Лицо озабоченное и немного смущенное.

— Что случилось, Мак? — спросил Гелсен.

— Одна страж-птица свалила мясника на бойне. Чуть не прикончила.

Гелсен минуту подумал. Ну да, понятно. Обучающееся устройство страж-птицы вполне могло определить убой скота как убийство.

— Передайте на бойни, пускай там введут механизацию. Мне и самому всегда претило, что животных забивают вручную.

— Хорошо, — сдержанно сказал Макинтайр, пожал плечами и вышел.

Гелсен остановился у стола и задумался. Стало быть, страж-птица не знает разницы между убийцей и человеком, который просто исполняет свою работу? Похоже, что так. Для нее убийство — всегда убийство. Никаких исключений. Он нахмурился. Видно, этим самообучающимся устройствам еще требуется доводка.

А впрочем, не очень большая. Просто надо сделать их более разборчивыми.

Он опять сел за стол и углубился в бумаги, стараясь отогнать давний, вновь пробудившийся страх.

Преступника привязали к стулу, приладили к ноге электрод.

— О-о, — простонал он, почти не сознавая, что с ним делают.

На бритую голову надвинули шлем, затянули последние ремни. Он все еще негромко стонал.

И тут в комнату влетела страж-птица. Откуда она появилась, никто не понял. Тюрьмы велики, стены их прочны, на всех дверях запоры и засовы, и, однако, страж-птица проникла сюда...

Чтобы предотвратить убийство.

— Уберите эту штуку! — крикнул начальник тюрьмы и протянул руку к кнопке.

Страж-птица сбила его с ног.

— Прекрати! — заорал один из караульных и хотел сам нажать кнопку.

И повалился на пол рядом с начальником тюрьмы.

— Это же не убийство, дура чертова! — рявкнул другой караульный и вскинул револьвер, целясь в блестящую металлическую птицу, которая описывала круги под потолком.

Страж-птица оказалась проворнее, и его отшвырнуло к стене.

В комнате стало тихо. Немного погодя человек в шлеме захихикал. И снова умолк.

Страж-птица, чуть вздрагивая, повисла в воздухе. Она была начеку.

Убийство не должно совершиться!

Новые сведения мгновенно передались всем страж-птицам. Никем не контролируемые, каждая сама по себе, тысячи

страж-птиц восприняли эти сведения и начали поступать соответственно.

Не допускать, чтобы одно живое существо ломало, увечило, истязало другое существо или иным способом нарушало его жизнедеятельность. Дополнительный перечень действий, которые следует предотвращать.

— Но, пошла, окаянная! — заорал фермер Олистер и взмахнул кнутом.

Лошадь заартачилась, прынула в сторону, повозка затряслась и задребезжала.

— Пошла, сволочь! Ну!

Олистер снова замахнулся. Но кнут так и не опустился на лошадиную спину. Бдительная страж-птица почуяла насилие и свалила фермера наземь.

Живое существо? А что это такое? Страж-птицы собирали все новые данные, определения становились шире, подробнее. И, понятно, работы прибавлялось.

Меж стволами едва виднелся олень. Охотник поднял ружье и тщательно прицелился.

Выстрелить он не успел.

Свободной рукой Гелсен отер пот со лба.

— Хорошо, — сказал он в телефонную трубку.

Еще минуту-другую он выслушивал льющийся по проводу поток браны, потом медленно опустил трубку на рычаг.

— Что там опять? — спросил Макинтайр.

Он был небрит, галстук развязался, ворот рубашки расстегнут.

— Еще один рыбак, — сказал Гелсен. — Страж-птицы не дают ему ловить рыбу, а семья голодаёт. Он спрашивает, что мы собираемся предпринять.

— Это уже сколько сотен случаев?

— Не знаю. Сегодняшнюю почту я еще не смотрел.

— Так вот, я уже понял, в чем наш просчет, — мрачно сказал Макинтайр.

У него было лицо человека, который в точности выяснил, каким образом он взорвал земной шар... но выяснил слишком поздно.

— Ну-ну, я слушаю.

— Все мы сошлись на том, что всякие убийства надо прекратить. Мы считали, что страж-птицы будут рассуждать так же, как и мы. А следовало точно определить все условия.

— Насколько я понимаю, нам самим надо было толком уяснить, что за штука убийство и откуда оно, а уж тогда можно было бы все как следует уточнить. Но если б мы это уяснили, так на что нам страж-птицы?

— Ну, не знаю. Просто им надо было втолковать, что некоторые вещи не убийство, а только похоже.

— А все-таки почему они мешают рыбакам? — спросил Гелсен.

— А почему бы и нет? Рыбы и звери — живые существа. Просто мы не считаем, что ловить рыбу или резать свиней — убийство.

Зазвонил телефон. Гелсен со злостью нажал кнопку селектора.

— Я же сказал: больше никаких звонков. Меня нет. Ни для кого.

— Это из Вашингтона, — ответил секретарь. — Я думал...

— Ладно, извините. — Гелсен снял трубку. — Да. Очень неприятно, что и говорить... Вот как? Хорошо, конечно, я тоже распоряжусь.

И дал отбой.

— Коротко и ясно, — сказал он Макинтайру. — Предлагается временно прикрыть лавочку.

— Не так это просто, — возразил Макинтайр. — Вы же знаете, страж-птицы действуют сами по себе, централизованного контроля над ними нет. Раз в неделю они прилетают на техосмотр. Тогда и придется по одной их выключать.

— Ладно, надо этим заняться. Монро уже вывел из строя примерно четверть всех своих птиц.

— Надеюсь, мне удастся придумать для них сдерживающие центры, — сказал Макинтайр.

— Прекрасно. Я счастлив, — с горечью отозвался Гелсен.

Страж-птицы учились очень быстро, познания их становились богаче, разнообразнее. Отвлеченные понятия, понапацу едва намеченные, расширялись, птицы действовали на их основе — и понятия вновь обобщались и расширялись.

Предотвратить убийство...

Металл и электроны рассуждают логично, но не так, как люди.

Живое существо? *Всякое живое существо?*

И страж-птицы принялись охранять все живое на свете.

Муха с жужжанием влетела в комнату, опустилась на стол, помешкала немного, перелетела на подоконник.

Старик подкрался к ней, замахнулся свернутой в трубку газетой.

Убийца!

Страж-птица ринулась вниз и в последний момент спасла муху.

Старик еще минуту корчился на полу, потом замер. Его ударило совсем чуть-чуть, но для слабого, изношенного сердца было довольно и этого.

Зато жертва спасена, это главное. Спасай жертву, а нападающий пусть получает по заслугам.

— Почему их не выключают?! — в ярости спросил Гелсен.

Помощник инженера по техосмотру показал рукой в угол ремонтной мастерской. Там, на полу, лежал старший инженер. Он еще не оправился от шока.

— Вот он хотел выключить одну, — пояснил помощник. Он стиснул руки и едва сдерживал дрожь.

— Что за нелепость! У них же нет никакого чувства самосохранения.

— Тогда выключайте их сами. Да они, наверно, больше и не станут прилетать.

Что же происходит? Гелсен начал соображать что к чему. Страж-птицы еще не определили окончательно, чем же отличается живое существо от неживых предметов. Когда на заводе Монро некоторых из них выключили, остальные, видимо, сделали из этого свои выводы.

Поневоле они пришли к заключению, что они и сами — живые существа. Никто никогда не внушал им обратного. И, несомненно, они во многих отношениях действуют как живые организмы.

На Гелсена нахлынули прежние страхи. Он содрогнулся и поспешил вышел из ремонтной. Надо поскорей отыскать Макинтайра!

Сестра подала хирургу тампон.

— Скальпель!

Она вложила ему в руку скальпель. Он начал первый разрез. И вдруг заметил неладное.

— Кто впустил сюда эту штуку?

— Не знаю, — отозвалась сестра. Голос ее из-за марлевой повязки прозвучал глухо.

— Уберите ее.

Сестра замахала руками на блестящую крылатую машинку, но та, подрагивая, повисла у нее над головой.

Хирург продолжал делать разрез... Но недолго это ему удавалось.

Металлическая птица отогнала его в сторону и насторожилась, охраняя пациента.

— Позвоните на фабрику! — распорядился хирург. — Пускай они ее выключат.

Страж-птица не могла допустить, чтобы над живым существом совершили насилие.

Хирург беспомощно смотрел, как на операционном столе умирает больной.

Страж-птица парила высоко над равниной, изрезанной бегущими во все стороны дорогами, и наблюдала, и ждала. Уже много недель она работала без отдыха и без ремонта. Отдых и ремонт стали недостижимы — не может страж-птица допустить, чтобы ее — живое существо — убили! А между тем птицы, которые возвращались на техосмотр, были убиты.

В программу страж-птицы был заложен приказ через определенные промежутки времени возвращаться на фабрику. Но страж-птица повиновалась приказу более непреложному: охранять жизнь, в том числе и свою собственную.

Признаки убийства бесконечно множились, определение так расширилось, что охватить его стало немыслимо. Но страж-птицу это не занимало. Она откликалась на известные сигналы, откуда бы они ни исходили, каков бы ни был их источник.

После того как страж-птицы открыли, что они и сами живые существа, в блоках их памяти появилось новое определение живого организма. Оно охватывало многое множество видов и подвидов.

Сигнал! В сотый раз за этот день страж-птица легла на крыло и стремительно пошла вниз, торопясь помешать убийству.

Джексон зевнул и остановил машину у обочины. Он не заметил в небе сверкающей точки. Ему незачем было остерегаться. Ведь по всем человеческим понятиям он вовсе не замышлял убийства.

Самое подходящее местечко, чтобы вздремнуть, подумал он. Семь часов без передышки вел машину, не диво, что глаза слипаются. Он протянул руку, хотел выключить зажигание...

И что-то отбросило его к стенке кабины.

— Ты что, сбесилась? — спросил он сердито. — Я ж только хотел...

Он снова протянул руку, и снова его ударило.

У Джексона хватило ума не пытаться в третий раз. Он каждый день слушал радио и знал, как поступают страж-птицы с непокорными упрямцами.

— Дура железная, — сказал он повисшей над ним механической птице. — Автомобиль не живой. Я вовсе не хочу его убить.

Но страж-птица знала одно: некоторые действия прекращают деятельность организма. Автомобиль, безусловно, деятельный организм. Ведь он из металла, как и сама страж-птица, не так ли? И при этом движется...

— Без ремонта и подзарядки у них истощится запас энергии, — сказал Макинтайр, отодвигая груду спецификаций.

— А когда это будет? — осведомился Гелсен.

— Через полгода, через год. Для верности скажем — год.

— Год... — повторил Гелсен. — Тогда всему конец. Слыхали последнюю новость?

— Что такое?

— Страж-птицы решили, что Земля — живая. И не дают фермерам пахать. Ну и все прочее, конечно, тоже живое: кролики, жуки, мухи, волки, москиты, львы, крокодилы, вороны и всякая мелочь вроде микробов.

— Это я знаю, — сказал Макинтайр.

— А говорите, они выдохнутся через полгода или через год. Сейчас-то как быть? Через полгода мы помрем с голоду.

Инженер потер подбородок:

— Да, мешкать нельзя. Равновесие в природе летит к чертям.

— Мешкать нельзя — это мягко сказано. Надо что-то делать немедля. — Гелсен закурил сигарету, уже тридцать пятую за этот день. — По крайней мере, я могу теперь заявить: «Говорил я вам!» Да вот беда — не утешает. Я так же виноват, как все прочие осли-машинопоклонники.

Макинтайр не слушал. Он думал о страж-птицах.

— Вот, к примеру, в Австралии мор на кроликов.

— Всюду растет смертность, — сказал Гелсен. — Голод. Наводнения. Нет возможности валить деревья. Врачи не могут... что вы сказали про Австралию?

— Кролики мрут, — повторил Макинтайр. — В Австралии их почти не осталось.

— Почему? Что еще стряслось?

— Там объявился какой-то микроб, который поражает одних кроликов. Кажется, его переносят москиты...

— Действуйте, — сказал Гелсен. — Изобретите что-нибудь. Срочно свяжитесь по телефону с инженерами других концернов. Да поживее. Может, все вместе что-нибудь придумаете.

— Есть, — сказал Макинтайр, схватил бумагу, перо и бросился к телефону.

— Ну, что я говорил? — воскликнул сержант Селтрикс и, ухмыляясь, поглядел на капитана. — Говорил я вам, что все ученые — психи?

— Я, кажется, не спорил, — заметил капитан.

— А все ж таки сомневались.

— Зато теперь не сомневаюсь. Ладно, ступай. У тебя работы невпроворот.

— Знаю. — Селтрикс вытащил револьвер, проверил, в порядке ли, и вновь сунул в кобуру. — Все наши парни вернулись, капитан?

— Все? — Капитан невесело засмеялся. — Да в нашем отделе теперь в полтора раза больше народу. Столько убийств еще никогда не бывало.

— Ясно, — сказал Селтрикс. — Страж-птицам недосуг, они нянчатся с грузовиками и не дают паукам жрать мух.

Он пошел было к дверям, но обернулся и на прощанье выпалил:

— Верно вам говорю, капитан, все машины — дуры безмозглые.

Капитан кивнул.

Тысячи страж-птиц пытались помешать несчетным миллионам убийств — безнадежная затея! Но страж-птицы не знали, что такое надежда. Не наделенные сознанием, они не радовались успехам и не страшились неудач. Они терпеливо делали свое дело, исправно отзываясь на каждый полученный сигнал.

Они не могли поспеть всюду сразу, но в этом и не было нужды. Люди быстро поняли, что может не понравиться страж-птицам, и старались ничего такого не делать. Иначе

попросту опасно. Эти птицы чересчур быстры и чутки — оглянуться не успеешь, а она уже тебя настигла.

Теперь они поблажки не давали. В их первоначальной программе заложено было требование: если другие средства не помогут, убийцу надо убить.

Чего ради щадить убийцу?

Это обернулось самым неожиданным образом. Страж-птицы обнаружили, что за время их работы число убийств и насилий над личностью стало расти в геометрической прогрессии. Это было верно постольку, поскольку их определение убийства непрестанно расширялось и охватывало все больше разнообразнейших явлений. Но для страж-птиц этот рост означал лишь, что прежние их методы несостоятельны. Простая логика. Если способ А не действует, испробуй способ В. Страж-птицы стали разить насмерть.

Чикагские бойни закрылись, и скот в хлевах изыхал с голоду, потому что фермеры Среднего Запада не могли косить траву на сено и собирать урожай.

Никто с самого начала не объяснил страж-птицам, что вся жизнь на Земле опирается на строго уравновешенную систему убийств.

Голодная смерть страж-птиц не касалась, ведь она наступала оттого, что какие-то действия не совершились.

А их интересовали только действия, которые совершаются.

Охотники сидели по домам, свирепо глядя на парящие в небе серебряные точки: руки чесались сбить их метким выстрелом! Но стрелять не пытались. Страж-птицы мигом чуяли намерения возможного убийцы и карали, не мешкая.

У берегов Сан-Педро и Глостера праздно покачивались на приколе рыбачьи лодки. Ведь рыбы — живые существа.

Фермеры плевались и сыпали проклятиями, и умирали в напрасных попытках сжать хлеб. Злаки — живые, их надо защищать. И картофель с точки зрения страж-птицы — живое существо, ничуть не хуже других. Гибель полевой былинки равнозначна убийству президента — с точки зрения страж-птицы.

Ну и, разумеется, некоторые машины тоже живые. Вполне логично, ведь страж-птицы — машины, и притом живые.

Помилуй вас Боже, если вы вздумали плохо обращаться со своим радиоприемником. Выключить приемник — значит его убить. Ясно же: голос его умолкает, лампы меркнут, и он становится холодным.

Страж-птицы старались охранять и других своих подопечных. Волков казнили за покушения на кроликов. Кроликов

истребляли за попытки грызть зелень. Плющ сжигали за то, что он старался удавить дерево. Покарали бабочку, которая пыталась нанести розе оскорблечение действием.

Но за всеми преступлениями проследить не удавалось — страж-птиц не хватало. Даже миллиард их не справился бы с непомерной задачей, которую поставили себе тысячи.

И вот над страной бушует смертоносная сила, десять тысяч молний бессмысленно и слепо разят и убивают по тысяче раз на дню.

Молнии, которые предчувствуют каждый твой шаг и карают твои помыслы.

— Прошу вас, джентльмены! — взмолился представитель президента. — Нам нельзя терять время.

Семеро предпринимателей разом замолчали.

— Пока наше совещание официально не открыто, я хотел бы кое-что сказать, — заявил председатель компании Монро. — Мы не считаем себя ответственными за теперешнее катастрофическое положение. Проект выдвинуло правительство, пускай оно и несет всю моральную и материальную ответственность.

Гелсен пожал плечами. Трудно поверить, что всего несколько недель назад эти самые люди жаждали славы спасителей мира. Теперь, когда спасение не удалось, они хотят одного: свалить с себя ответственность!

— Прошу вас об этом не беспокоиться, — заговорил представитель президента. — Нам нельзя терять время. Ваши инженеры отлично поработали. Я горжусь вашей готовностью сотрудничать и помогать в критический час. Итак, вам представляются все права и возможности — план намечен, проводите его в жизнь!

— Одну минуту! — сказал Гелсен.

— У нас каждая минута на счету.

— Этот план не годится.

— По-вашему, он невыполним?

— Еще как выполним. Только, боюсь, лекарство окажется еще злей, чем болезнь.

Шестеро фабрикантов свирепо уставились на Гелсена, видно было, что они рады бы его придушить. Но он не смущился.

— Неужели мы ничему не научились? — спросил он. — Неужели вы не понимаете: человечество должно само решать свои задачи, а не передоверять это машинам.

— Мистер Гелсен, — прервал председатель компании Монро. — Я с удовольствием послушал бы, как вы философствуете, но, к несчастью, пока что людей убивают. Урожай гибнет. Местами в стране уже начинается голод. Со стражами надо покончить — и немедленно!

— С убийствами тоже надо покончить. Помнится, все мы на этом сошлись. Только способ выбрали негодный!

— А что вы предлагаете? — спросил представитель президента.

Гелсен перевел дух. Призвал на помощь все свое мужество. И сказал:

— Подождем, пока страж-птицы сами выйдут из строя.

Взрыв возмущения был ему ответом. Представитель президента с трудом водворил тишину.

— Пускай эта история будет нам уроком, — уговаривал Гелсен. — Давайте признаемся: мы ошиблись, нельзя механизмами лечить недуги человечества. Попробуем начать сначала. Машины нужны, спору нет, но в судьи, учителя и наставники они нам не годятся.

— Это просто смешно, — сухо сказал представитель. — Вы переутомились, мистер Гелсен. Постарайтесь взять себя в руки. — Он откашлялся. — Распоряжение президента обязывает всех вас осуществить предложенный вами план. — Он пронзил взглядом Гелсена. — Отказ равносителен государственной измене.

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал Гелсен.

— Прекрасно. Через неделю конвейеры должны давать продукцию.

Гелсен вышел на улицу один. Его опять одолевали сомнения. Прав ли он? Может, ему просто мерещится? И, конечно, он не сумел толком объяснить, что его тревожит.

А сам-то он это понимает?

Гелсен вполголоса выругался. Почему он никогда не бывает хоть в чем-нибудь уверен? Неужели ему не на что опереться?

Он заторопился в аэропорт: надо скорее на фабрику...

Теперь страж-птица действовала уже не так стремительно и точно. От почти непрерывной нагрузки многие тончайшие части ее механизма износились и разладились. Но она мужественно отозвалась на новый сигнал.

Паук напал на муху. Страж-птица устремилась на выручку.

И тотчас ощутила, что над нею появилось нечто неизвестное. Страж-птица повернула навстречу.

Раздался треск, по крылу страж-птицы скользнул электрический разряд. Она ответила гневным ударом: сейчас врага поразит шок.

У нападающего оказалась прочная изоляция. Он снова метнул молнию. На этот раз током пробило крыло насквозь. Страж-птица бросилась в сторону, но враг настигал ее, извергая электрические разряды. Страж-птица рухнула вниз, но успела послать весть собратьям. Всем, всем, всем! Новая опасность для жизни, самая грозная, самая убийственная!

По всей стране страж-птицы приняли сообщение. Их мозг заработал в поисках ответа.

— Ну вот, шеф, сегодня сбили пятьдесят штук, — сказал Макинтайр, входя в кабинет Гелсена.

— Великолепно, — отозвался Гелсен, не поднимая глаз.

— Не так уж великолепно. — Инженер опустился на стул. — Ох и устал же я! Вчера было сбито семьдесят две.

— Знаю, — сказал Гелсен.

Стол его был завален десятками исков, он в отчаянии пересыпал их правительству.

— Думаю, они скоро наверстают, — пообещал Макинтайр. — Эти Ястребы отлично приспособлены для охоты на страж-птиц. Они сильнее, проворнее, лучше защищены. А быстро мы начали их выпускать, правда?

— Да уж...

— Но и страж-птицы тоже недурны, — прибавил Макинтайр. — Они учатся находить укрытие. Хитрят, изворачиваются, пробуют фигуры высшего пилотажа. Понимаете, каждая, которую сбивают, успевает что-то подсказать остальным.

Гелсен молчал.

— Но все, что могут страж-птицы, Ястребы могут еще лучше, — весело продолжал Макинтайр. — В них заложено обучающееся устройство специально для охоты. Они более гибки, чем страж-птицы. И учатся быстрее.

Гелсен хмуро поднялся, потянулся и отошел к окну. Небо было пусто. Гелсен посмотрел в окно и вдруг понял: с колебаниями покончено. Прав ли он, нет ли, но решение принято.

— Послушайте, — спросил он, все еще глядя в небо, — а на кого будут охотиться Ястребы, когда они перебьют всех страж-птиц?

— То есть как? — растерялся Макинтайр. — Н-ну... так ведь...

— Вы бы для безопасности сконструировали что-нибудь для охоты на Ястреба. На всякий случай, знаете ли.

— А вы думаете...

— Я знаю одно: Ястреб — механизм самоуправляющийся. Так же как и страж-птица. В свое время доказывали, что, если управлять страж-птицей на расстоянии, она будет слишком медлительна. Заботились только об одном: получить эту самую страж-птицу, да поскорее. Никаких сдерживающих центров не предусмотрели.

— Может, мы теперь что-нибудь придумаем, — неуверенно сказал Макинтайр.

— Вы взяли и выпустили в воздух машину-агрессора. Машину-убийцу. Перед этим была машина против убийц. Следующую игрушку вам волей-неволей придется сделать еще более самостоятельной — так?

Макинтайр молчал.

— Я вас не виню, — сказал Гелсен. — Это моя вина. Все мы в ответе, все до единого.

За окном в небе пронеслось что-то блестящее.

— Вот что получается, — сказал Гелсен. — А все потому, что мы поручаем машине дело, за которое должны отвечать сами.

Высоко в небе Ястреб атаковал страж-птицу. Бронированная машина-убийца за несколько дней многому научилась. У нее было одно-единственное назначение: убивать. Сейчас оно было направлено против совершенно определенного вида живых существ, металлических, как и сам Ястреб.

Но только что Ястреб сделал открытие: есть еще и другие разновидности живых существ...

Их тоже следует убивать.

«ОСОБЫЙ СТАРАТЕЛЬСКИЙ»

Пескоход мягко катился по волнистым дюнам. Его шесть широких колес поднимались и опускались, как грузные крупы упряжки слонов. Невидимое солнце палило сквозь мертвенно-белую завесу небосвода, изливая свой жар на брезентовый верх машины и отражаясь от иссушенных песков.

«Только не засни», — сказал себе Моррисон, выправляя по компасу курс пескохода.

Вот уже двадцать первый день он ехал по Скорпионовой пустыне Венеры. Двадцать первый день он боролся со сном за рулем пескохода, который, качаясь из стороны в сторону, переваливал одну песчаную волну за другой. Ехать по ночам было бы полегче, если бы не приходилось то и дело обезжать крутые овраги и валуны величиной с дом. Теперь он понимал, почему в пустыню направлялись группами: один вел машину, а другой тряс его, не давая заснуть.

«Но в одиночку лучше, — напомнил Моррисон сам себе. — Берешь вдвое меньше припасов и не рискуешь случайно оказаться убитым».

Он начал клевать носом и заставил себя рывком поднять голову. Перед ним, за полярным ветровым стеклом, все плясало и зыбилось. Пескоход бросало и качало с предательской мягкостью. Моррисон протер глаза и включил радио.

Это был рослый, загорелый, мускулистый молодой человек с коротко остриженными черными волосами и серыми глазами. Он наскреб двадцать тысяч долларов и прилетел на Венеру, чтобы здесь, в Скорпионовой пустыне, заработать себе состояние, как это сделали уже многие до него. В Престо —

«Особый старателльский»

© А. Иорданский, перевод, 1965

Prospector's Special

Copyright © 1959 by Galaxy Publishing Corp.

последнем городке на рубеже дикой пустыни — он обзавелся снаряжением и пескоходом, после чего у него осталось всего десять долларов.

Десяти долларов в Престо хватило как раз на то, чтобы выпить в единственном на весь город салуне. Моррисон заказал виски с содовой, выпил с шахтерами и старателями и посмеялся над рассказнями старожилов про стаи пустынных волков и эскадрильи прожорливых птиц, что водились в глубине пустыни. Он знал все о солнечной слепоте, тепловом ударе и о поломке телефона. Он был уверен, что с ним ничего подобного не случится.

Теперь же, пройдя за двадцать один день тысячу восемьсот миль, он научился уважать эту безводную громаду песка и камня площадью втрое больше Сахары. Здесь и в самом деле можно погибнуть!

Но можно и разбогатеть. Именно это и намеревался сделать Моррисон.

Из приемника послышалось гудение. Повернув регулятор громкости до отказа, он едва рассыпал звуки танцевальной музыки из Венусборга. Потом звуки затихли.

Он выключил радио и крепко вцепился обеими руками в руль. Разжав одну руку, он взглянул на часы. Девять пятнадцать утра. В десять тридцать он сделает остановку и вздремнет. В такую жару надо отдыхать. Но не больше чем полчаса. Где-то впереди ждет сокровище, и ему нужно найти его до того, как кончатся припасы.

Там, впереди, должны быть выходы драгоценной золотоносной породы! Вот уже два дня как он напал на ее следы. А что, если он наткнется на настоящее месторождение, как Кэрк в восемьдесят девятом году или Эдмондсон и Арслер в девяносто третьем? Тогда он сделает то же, что сделали они: закажет «Особый старательский» коктейль, сколько бы с него ни содрали.

Пескоход катился вперед, делая неизменные тринадцать миль в час, и Моррисон попытался сосредоточиться на опаленной жаром желтовато-коричневой местности. Вон тот выход песчаника точь-в-точь такого же цвета, как волосы Джейн.

Когда он доберется до богатой залежи, то вернется на Землю, купит себе ферму в океане и они с Джейн поженятся. Хватит с него старательства! Только бы одну богатую находку, чтобы он мог купить кусок глубокого синего Атлантического океана. Кое-кто может считать рыбоводство скучным занятием, но его оно вполне устраивает.

Он живо представил себе, как стада макрелей пасутся, плавая в планктоновых садках, а он сам в маленькой подводной лодке, сопровождаемый верным дельфином, посматривает, не сверкнет ли серебром хищная барракуда и не покажется ли из-за коралловых зарослей серо-стальная акула...

Пескоход бросило вбок. Моррисон очнулся, схватился за руль и изо всех сил повернул его. Пока он дремал, машина съехала с рыхлого гребня дюны. Опасно накренившись, пескоход цеплялся колесами за гребень. Песок и галька летели из-под его широких шин, которые с визгом и воем начали вытягивать машину вверх по откосу. И тут обрушился весь склон дюны.

Моррисон повис на руле. Пескоход завалился набок и покатился вниз. Песок сыпался в рот и глаза. Отплевываясь, Моррисон не выпускал руля из рук. Потом машина еще раз перевернулась и провалилась в пустоту. Она падала несколько секунд, а потом рухнула на дно сразу всеми колесами. Моррисон услышал, как с гулом лопнули обе задние шины. Он ударился головой о ветровое стекло и потерял сознание.

Очнувшись, он прежде всего взглянул на часы. Они показывали десять тридцать пять.

«Самое время вздремнуть, — сказал себе Моррисон. — Но, пожалуй, лучше я сначала выясню ситуацию».

Он обнаружил, что находится на дне неглубокой впадины, усыпанной острыми камешками. От удара лопнули две шины, разбилось ветровое стекло и сорвало дверцу. Снаряжение было разбросано вокруг, но как будто осталось невредимым.

«Могло быть и хуже», — сказал себе Моррисон.

Он нагнулся и внимательно осмотрел шины.

«Оно и есть хуже», — добавил он.

Обе лопнувшие шины были так изодраны, что починить их было уже невозможно. Запасные колеса он использовал еще десять дней назад, пересекая Чертову Решетку. Использовал и выбросил. Двигаться дальше без шин он не мог.

Моррисон вытащил телефон, стер пыль с черного пластмассового футляра и набрал номер гаража Эдла в Престо. Через секунду засветился маленький видеоэкран. Он увидел длинное угрюмое лицо, перепачканное маслом.

— Гараж Эдла. Эдди у аппарата.

— Привет, Эдди. Это Том Моррисон. С месяц назад я купил у вас этот пескоход «Дженерал моторс». Помните?

— Конечно, помню, — ответил Эдл. — Вы тот самый парень, который поехал один по юго-западной тропе. Ну как ведет себя таратайка?

— Прекрасно. Замечательная машина. Я вот по какому делу...

— Эй, — перебил его Эдди, — что с вашим лицом?

— Ничего особенного, — сказал он. — Я кувырнулся с дюнами, и лопнули две шины.

Он повернул телефон так, чтобы Эдди смог их разглядеть.

— Не починить, — сказал Эдди.

— Так я и думал. А запасные я использовал, когда ехал через Чертову Решетку. Послушайте, Эдди, вы не могли бы телепортировать мне пару шин? Сойдут даже реставрированные. А то без них мне не сдвинуться с места.

— Конечно, — ответил Эдди, — только реставрированных у меня нет. Я телепортирую новые по пятьсот за штуку. Плюс четыреста долларов за телепортировку. Тысяча четыреста долларов, мистер Моррисон.

— Ладно.

— Хорошо, сэр. Если вы покажете мне наличные или чек, я буду действовать.

— В данный момент, — сказал Моррисон, — у меня с собой нет ни цента.

— А счет в банке?

— Исчерпан дочиста.

— Облигации? Недвижимость? Хоть что-нибудь, что можно обратить в наличные?

— Ничего, кроме этого пескохода, который вы продали мне за восемь тысяч долларов. Когда вернусь, рассчитаюсь с вами пескоходом.

— Если вернетесь. Мне очень жаль, мистер Моррисон, но ничего не выйдет.

— Что вы хотите сказать? — спросил Моррисон. — Вы же знаете, что я заплачу за шины.

— А вы знаете законы Венеры? — упрямко сказал Эдди. — Никакого кредита! Деньги на бочку!

— Не могу же я ехать на пескоходе без шин, — сказал Моррисон. — Неужели вы меня здесь бросите?

— Кто это вас бросит? — возразил Эдди. — Со старательми такое случается каждый день. Вы знаете, что делать, мистер Моррисон. Позвоните в компанию «Коммунальные услуги» и объявите себя банкротом. Подпишите бумагу о

передаче им остатков пескохода и снаряжения и всего, что вы нашли по дороге. Они вас выручат.

— Я не хочу возвращаться, — ответил Моррисон. — Смотрите.

Он поднес свой аппарат к самой земле.

— Видите, Эдди? Видите эти красные и пурпурные крапинки? Где-то здесь лежит богатая руда!

— Следы находят все, — сказал Эдди.

— Но это богатое место, — настаивал Моррисон. — Следы ведут прямо к чему-то крупному, к большой жиле. Эдди, я знаю, это очень большое одолжение, но если бы вы рискнули ради меня парой шин...

— Не могу, — ответил Эдди. — Я же всего-навсего здешний служащий. Я не могу телепортировать вам никаких шин, пока вы мне не покажете деньги. Иначе меня выгонят с работы, а может быть, и посадят. Вы знаете закон.

— Деньги на бочку, — мрачно сказал Моррисон.

— Вот именно. Не делайте глупостей и поворачивайте обратно. Может быть, когда-нибудь попробуете еще раз.

— Я двенадцать лет копил эти деньги, — ответил Моррисон. — Я не поверну назад.

Он выключил телефон и попытался что-нибудь придумать. Кому еще здесь, на Венере, он может позвонить? Только Максу Крэндоллу, своему маклеру по драгоценным камням. Но Максу негде взять тысячу четыреста долларов — в своей тесной конторе рядом с ювелирной биржей Венус-борга он еле-еле зарабатывает на то, чтобы заплатить домохозяину.

«Не могу я просить Макса о помощи, — решил Моррисон. — По крайней мере до тех пор, пока не найду золото. Настоящее золото, а не просто его признаки. Значит, остается выпутываться самому».

Он открыл задний борт пескохода и начал разгружать его, сваливая снаряжение на песок. Придется отобрать только самое необходимое: все, что он возьмет, предстоит тащить на себе.

Нужно взять телефон, походный набор для анализов. Концентраты, револьвер, компас. И ничего больше, кроме воды, — столько, сколько он сможет унести. Все остальное придется бросить.

К вечеру Моррисон был готов. Он с сожалением посмотрел на остающиеся двадцать баков с водой. В пустыне вода — самое драгоценное имущество человека, если не считать

телефона. Но ничего не поделаешь. Напившись как следует, он взвалил на плечи мешок и направился на юго-запад, в глубь пустыни.

Три дня он шел на юго-запад, потом, на четвертый день, повернул на юг. Признаки золота становились все отчетливее. Никогда не показывавшееся из-за облаков солнце палило сверху, и мертвенно-белое небо смыкалось над ним, как крыша из раскаленного железа. Моррисон шел по следам золота, а по его следам тоже шел.

На шестой день он уловил какое-то движение, но это было так далеко, что он ничего не смог разглядеть. На седьмой день он увидел, кто его выслеживает.

Венерианская порода волков, маленьких, худых, с желтой шкурой и длинными, изогнутыми, как будто в усмешке, челюстями, была одной из немногих разновидностей млекопитающих, которые обитали в Скорпионовой пустыне. Моррисон вгляделся и увидел, как рядом с первым волком появились еще два.

Он расстегнул кобуру револьвера. Волки не пытались приблизиться. Времени у них было достаточно.

Моррисон все шел и шел, жалея, что не захватил с собой ружье. Но это означало бы лишние восемь фунтов, а значит, на восемь фунтов меньше воды.

Раскидывая лагерь на закате восьмого дня, он услышал какое-то потрескивание. Он резко повернулся и заметил в воздухе футах в десяти от себя, на высоте чуть больше человеческого роста, маленький вихрь, похожий на водоворот. Вихрь крутился, издавая характерное потрескивание, всегда сопровождавшее телепортацию.

«Кто бы это мог мне что-то телепортировать?» — подумал Моррисон, глядя, как вихрь медленно растет.

Телепортация предметов со стационарного проектора в любую заданную точку была обычным способом передвижения грузов через огромные расстояния Венеры. Телепортовать можно было любой неодушевленный предмет. Одушевленные предметы телепортовать не удавалось, потому что при этом происходили некоторые незначительные, но непоправимые изменения молекулярного строения протоплазмы. Кое-кому пришлось убедиться в этом на себе, когда телепортование только еще входило в практику.

Моррисон ждал. Воздушный вихрь достиг трех футов в диаметре. Из него вышел хромированный робот с большой сумкой.

— А, это ты... — произнес Моррисон.

— Да, сэр, — сказал робот, окончательно вы свободившись из вихря, — Уильямс-4, с венерианской почтой к вашим услугам.

Робот был среднего роста, с тонкими ногами и плоскими ступнями, человекоподобный и наделенный добродушным характером. Вот уже двадцать три года он представлял собой все почтовое ведомство Венеры — сортировал, хранил и доставлял письма. Он был построен основательно, и за все двадцать три года почта ни разу не задерживалась.

— Вот и мы, мистер Моррисон, — сказал Уильямс-4. — К сожалению, в пустыню почта заглядывает только дважды в месяц, но уж зато приходит вовремя, а это самое ценное. Вот для вас. И вот. Кажется, есть еще одно. Что, пескоход сломался?

— Ну да, — ответил Моррисон, забирая письма.

Уильямс-4 продолжал рыться в своей сумке. Хотя старый робот был прекрасным почтальоном, он слыл самым большим болтуном на всех трех планетах.

— Где-то здесь было еще одно, — сказал Уильямс-4. — Плохо, что пескоход сломался. Теперь уж пескоходы пошли не те, что во времена моей молодости. Послушайте моего совета, молодой человек. Возвращайтесь назад, если у вас еще есть такая возможность.

Моррисон покачал головой.

— Глупо, просто глупо, — сказал старый робот. — Жаль, что у вас нет моего опыта. Сколько раз мне попадались вот такие парни — лежат себе на песке в высохшем мешке из собственной кожи, а кости изгрызли песчаные волки и грязные черные коршуны. Двадцать три года я доставляю почту прекрасным молодым людям вроде вас, и каждый думает, что он необыкновенный, не такой, как другие. — Зрительные ячейки робота затуманились воспоминаниями. — Но они такие же, как и все, — продолжал Уильямс-4. — Все они одинаковы, как роботы, сошедшие с конвейера, особенно это чувствуешь после того, как с ними разделяются волки. И тогда мне приходится пересыпать их письма и личные вещи их возлюбленным на Землю.

— Знаю, — ответил Моррисон. — Но кое-кто остается в живых, верно?

— Конечно, — согласился робот. — Я видел, как люди составляли себе одно, два, три состояния. А потом умирали в песках, пытаясь составить четвертое.

— Только не я, — ответил Моррисон. — Мне хватит и одного. А потом я куплю себе подводную ферму на Земле.

Робот содрогнулся:

— Ненавижу соленую воду. Но каждому — свое. Желаю удачи, молодой человек!

Робот внимательно осмотрел Моррисона — вероятно, чтобы прикинуть, много ли на нем личных вещей, — и полез обратно в воздушный вихрь. Мгновение — и он исчез. Еще мгновение — исчез и вихрь.

Моррисон сел и принялся читать письма. Первое было от маклера по драгоценным камням Макса Крэндолла. Он писал о депрессии, которая обрушилась на Венусборг, и намекал, что может оказаться банкротом, если кто-нибудь из его старателей не найдет чего-нибудь стоящего.

Второе письмо было уведомлением от Телефонной компании Венеры. Моррисон задолжал за двухмесячное пользование телефоном двести десять долларов и восемь центов. Если эта сумма не будет уплачена немедленно, телефон подлежит отключению.

Последнее письмо, пришедшее с далекой Земли, было от Джейн. Оно было заполнено новостями о его двоюродных братьях, тетках и дядях. Джейн писала о фермах в Атлантическом океане, которые она присмотрела, и о чудном местечке, что она нашла недалеко от Мартиники в Карибском море. Она умоляла его бросить старательство, если оно грозит какой-нибудь опасностью; можно найти и другие способы заработать на ферму. Она писала, что любит его, и заранее поздравляла с днем рождения.

«День рождения? — спросил себя Моррисон. — Погодите, сегодня двадцать третье июля. Нет, двадцать четвертое. А мой день рождения первого августа. Спасибо, что вспомнила, Джейн».

В эту ночь ему снилась Земля и голубые просторы Атлантики. Но под утро, когда жара усилилась, он вообразил многие мили золотых жил, оскаливших зубы песчаных волков и «Особый старательский».

Моррисон продолжал свой путь по дну давно исчезнувшего озера. Камни сменились песком. Потом снова пошли камни, исковерканные и превращенные в тысячи зловещих фигур. Красные, желтые и бурые цвета плыли у него перед глазами. Во всей этой пустыне не было ни одного зеленого пятнышка.

Он продолжал идти в глубь пустыни, в хаотические на-громождения камней, а поодаль, с обеих сторон, за ним, не приближаясь и не отставая, шли волки.

Моррисон не обращал на них внимания. Ему доставляли достаточно забот отвесные скалы и целые поля валунов, преграждавшие путь на юг.

На одиннадцатый день после того как он бросил пескоход, признаки золота стали настолько богатыми, что его уже можно было мыть. Волки все еще преследовали его, и вода была на исходе. Еще один дневной переход — и для него все будет кончено.

Моррисон на мгновение задумался, потом распаковал телефон и набрал номер компании «Коммунальные услуги». На экране появилась суровая, строго одетая женщина с седющими волосами.

— «Коммунальные услуги», — сказала она. — Чем можем вам помочь?

— Привет, — весело отозвался Моррисон. — Как погода в Венусборге?

— Жарко, — ответила женщина. — А у вас?

— Я даже не заметил, — улыбнулся Моррисон. — Слишком занят: пересчитываю свои богатства.

— Вы нашли золотую жилу? — спросила женщина, и ее лицо немного смягчилось.

— Конечно, — ответил Моррисон. — Но пока никому не говорите. Я еще не оформил заявку. Мне бы наполнить их, — беззаботно улыбаясь, он показал ей свои фляги. Иногда это удавалось. Иногда, если вы вели себя достаточно уверенно, «Коммунальные услуги» давали воду, не проверяя ваш текущий счет. Конечно, это было жульничество, но ему было не до приличий.

— Я полагаю, ваш счет в порядке? — спросила женщина.

— Конечно, — ответил Моррисон, почувствовав, как улыбка застыла на его лице. — Мое имя Том Моррисон. Можете проверить...

— О, этим занимаются другие. Держите крепче флягу. Готово!

Крепко держа флягу обеими руками, Моррисон смотрел, как над ее горлышком тонкой хрустальной струйкой показалась вода, телепортированная за четыре тысячи миль из Венусборга. Струйка потекла во флягу с чарующим журчанием.

Глядя на нее, Моррисон почувствовал, как его пересохший рот начал наполняться слюной.

Вдруг вода перестала течь.

— В чем дело? — спросил Моррисон.

Экран видеофона померк, потом снова засветился, и Моррисон увидел перед собой худое лицо незнакомого мужчины. Мужчина сидел за большим письменным столом, а перед ним была табличка с надписью: «Милтон П. Рид, вице-президент. Отдел счетов».

— Мистер Моррисон, — сказал Рид, — ваш счет перевыражден. Вы получили воду обманным путем. Это уголовное преступление.

— Я заплачу за воду, — сказал Моррисон.

— Когда?

— Как только вернусь в Венусборг.

— Чем вы собираетесь заплатить?

— Золотом, — ответил Моррисон. — Посмотрите, мистер Рид. Это вернейшие признаки! Вернее, чем были у Кэрка, когда он сделал свою заявку. Еще день — и я найду золотоносную породу...

— Так думает каждый старатель, — сказал мистер Рид. — Всего один день отделяет каждого старателя на Венере от золотоносной породы. И все они рассчитывают получить кредит в «Коммунальных услугах».

— Но в данном случае...

— «Коммунальные услуги», — продолжал Рид, — не благотворительная организация. Наш устав запрещает продление кредита. Мистер Моррисон, Венера — еще не освоенная планета, и планета очень далекая. Любое промышленное изделие приходится ввозить сюда с Земли за немыслимую цену. У нас есть своя вода, но найти ее, очистить и потом телепортировать стоит дорого. Наша компания, как и любая другая на Венере, получает крайне малую прибыль, да и та неизменно вкладывается в расширение дела. Вот почему на Венере не может быть кредита.

— Я все это знаю, — ответил Моррисон. — Но я же говорю вам, что мне нужен только день или два...

— Абсолютно исключено. По правилам мы уже сейчас не имеем права выручать вас. Вы должны были объявить о своем банкротстве неделю назад, когда сломался ваш пескокаменодел. Ваш механик сообщил нам об этом, как требует закон. Но вы этого не сделали. Мы имеем право бросить вас. Вы понимаете?

— Да, конечно, — устало ответил Моррисон.

— Тем не менее компания приняла решение ради вас нарушить правила. Если вы немедленно повернете назад, мы снабдим вас водой на обратный путь.

— Я еще не хочу поворачивать назад. Я почти нашел месторождение.

— Вы должны повернуть назад! Подумайте хорошенъко, Моррисон! Что было бы с нами, если бы мы позволяли любому старателю рыскать по пустыне и снабжали бы его водой? Туда бы устремились десять тысяч человек, и не прошло бы и года, как мы были бы разорены. Я и так нарушаю правила. Возвращайтесь!

— Нет, — ответил Моррисон.

— Подумайте еще раз. Если вы сейчас не повернете назад, «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность.

Моррисон кивнул. Если он пойдет дальше, то рискует умереть в пустыне. Но что, если он вернется? Он окажется в Венусбурсе без гроша в кармане, кругом в долгах, тщетно разыскивая работу в перенаселенном городе. Ему придется спать в ночлежке и кормиться бесплатной похлебкой вместе с другими старателями, которые повернули обратно. А как он заработает на возвращение на Землю? Когда он снова увидит Джейн?

— Я, пожалуй, пойду дальше, — сказал Моррисон.

— Тогда «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за вас, — повторил Рид и повесил трубку.

Моррисон уложил телефон, хлебнул глоток из своих скучных запасов воды и снова пустился в путь.

Песчаные волки рысцой бежали с обеих сторон, постепенно приближаясь. С неба его заметил коршун с треугольными крыльями. Коршун день и ночь парил на восходящих потоках воздуха, ожидая, когда волки прикончат Моррисона. Коршуна заменила стая маленьких летучих скорпионов. Они отогнали птицу наверх, в облачный слой. Летучие гады ждали целый день. Потом их, в свою очередь, прогнала стая черных коршунов.

Теперь, на пятнадцатый день после того как он бросил пескоход, признаки золота стали еще обильнее. В сущности, Моррисон как будто шел по поверхности золотой жилы. Везде вокруг должно было быть золото. Но самой жилы он еще не нашел.

Моррисон сел и потряс свою последнюю флягу. Она не издала ни звука. Он отвинтил пробку и опрокинул флягу себе в рот. В его запекшееся горло скатились две капли.

Прошло уже четыре дня с тех пор, как он разговаривал с «Коммунальными услугами». Последнюю воду он выпил вчера. Или позавчера?

Он завинтил пустую флягу и окинул взглядом выжженную жаром местность. Потом он выхватил из мешка телефон и набрал номер Макса Крэндолла.

Круглое, озабоченное лицо Крэндолла появилось на экране.

— Томми, — сказал он, — на кого ты похож?

— Все в порядке, — ответил Моррисон. — Немного высох, и все. Макс, я у самой жилы.

— Ты в этом уверен? — спросил Макс.

— Смотри сам, — сказал Моррисон, поворачивая телефон в разные стороны. — Смотри, какие здесь формации! Видишь вон там красные и пурпурные пятна?

— Верно, признаки золота, — неуверенно согласился Крэндолл.

— Где-то поблизости богатая порода. Она должна быть здесь! — сказал Моррисон. — Послушай, Макс, я знаю, что у тебя тugo с деньгами, но я хочу попросить тебя об одолжении. Пошли мне пинту воды. Всего пинту, чтобы хватило на день или два. Эта диета может нас обоих сделать богачами.

— Не могу, — грустно сказал Крэндолл.

— Не можешь?

— Нет, Томми, я послал бы тебе воды, даже если бы вокруг тебя не было ничего, кроме песчаника и гранита. Неужели ты думаешь, что я дал бы тебе умереть от жажды, если бы мог что-нибудь поделать? Но я ничего не могу. Взгляни.

Крэндолл повернул свой телефон. Моррисон увидел, что стулья, стол, кабинет, шкаф и сейф исчезли из конторы. Остался только телефон.

— Не знаю, почему не забрали и телефон, — сказал Крэндолл. — Я должен за него за два месяца.

— Я тоже, — вставил Моррисон.

— Меня ободрали как липку, — сказал Крэндолл. — Ни гроша не осталось. Пойми, за себя я не волнуюсь. Я могу питаться и бесплатной похлебкой. Но я не могу телепортировать тебе ни капли воды. Ни тебе, ни Рэмстаатеру.

— Джиму Рэмстаатеру?

— Ага. Он шел по следам золота на севере, за Забытой речкой. На прошлой неделе у его пескохода сломалась ось, а

поворачивать назад он не захотел. Вчера у него кончилась вода.

— Я бы поручился за него, если бы мог, — сказал Моррисон.

— И он бы поручился за тебя, если бы мог, — ответил Крэндолл. — Но он не может, и ты не можешь, и я не могу. Томми, у тебя осталась только одна надежда.

— Какая?

— Найди породу. Не просто признаки золота, а настояще месторождение, которое стоило бы настоящих денег. Потом позвони мне. Если это будет в самом деле золотоносная порода, я приведу Уилкса из «Три Плэнет Майнинг» и заставлю его дать нам аванс. Он, вероятно, потребует пятьдесят процентов.

— Но это же грабеж!

— Нет, это просто цена кредита на Венере, — ответил Крэндолл. — Не беспокойся, все равно останется немало. Но сначала нужно найти породу.

— О'кей, — сказал Моррисон. — Она должна быть где-то здесь... Макс, какое сегодня число?

— Тридцать первое июля. А что?

— Просто так. Я позвоню тебе, когда что-нибудь найду.

Повесив трубку, Моррисон присел на камень и тупо уставился в песок. Тридцать первое июля. Завтра у него день рождения. О нем будут думать родные. Тетя Бесс в Пасадене, близнецы в Лаосе, дядя Тед в Буранго. И, конечно, Джейн, которая ждет его в Тампа.

Моррисон понял, что, если он не найдет породу, завтрашний день рождения будет для него последним.

Он поднялся, упаковал телефон вместе с пустыми флягами и направился на юг.

Он шел не один. Птицы и звери пустыни шли за ним. Над его головой без конца молча кружились черные коршуны. По сторонам, уже гораздо ближе, его сопровождали песчаные волки, высунув языки в ожидании, когда же он упадет замертво...

— Я еще жив! — заорал на них Моррисон.

Он выхватил револьвер и выстрелил в ближайшего волка. Расстояние было футов двадцать, но он промахнулся. Он встал на одно колено, взял револьвер в обе руки и выстрелил снова. Волк завизжал от боли. Стая немедленно набросилась на раненого, и коршуны устремились вниз за своей долей.

Моррисон сунул револьвер в кобуру и побрел дальше. Он знал, что его организм сильно обезвожен. Окружающие

предметы прыгали и плясали перед его глазами, и его шаги стали неверными. Он выбросил пустые фляги, выбросил все, кроме набора для анализов, телефона и револьвера. Или он уйдет из этой пустыни победителем, или не уйдет вообще.

Признаки золота были все такими же обильными. Но он все еще не мог найти никакого ощутимого богатства.

К вечеру он заметил неглубокую пещеру в подножии утеса. Он заполз в нее и устроил поперек входа баррикаду из камней. Потом он вытащил револьвер и оперся спиной о заднюю стену.

Снаружи фыркали и щелкали зубами волки. Моррисон устроился поудобнее и приготовился провести всю ночь настороже.

Он не спал, но и не бодрствовал. Его мучили кошмары и видения. Он снова оказался на Земле, и Джейн говорила ему:

— Это тунцы. У них что-то неладно с питанием. Они все болеют.

— Проклятье, — отвечал Моррисон. — Стоит только привлечь рыбку, как она начинает привередничать.

— Ну что ты там философствуешь, когда твои рыбы больны?

— Позвони ветеринару.

— Звонила. Он у Блейков, ухаживает за их молочным китом.

— Ладно. Пойду посмотрю.

Он надел маску и, улыбаясь, сказал:

— Не успеешь обсохнуть, как уже приходится лезть снова.

Его лицо и грудь были влажными.

Моррисон открыл глаза. Его лицо и грудь в самом деле были мокры от пота. Вглядевшись в перегороженное устье пещеры, он насчитал два, четыре, шесть, восемь зеленых глаз.

Он выстрелил в них, но они не отступили. Он выстрелил еще раз, и пуля, отлетев от стенки, осыпала его режущими осколками камня. Продолжая стрелять, он ухитрился ранить одного из волков. Стая разбежалась.

Револьвер был пуст. Моррисон пошарил в карманах и нашел еще пять патронов. Он тщательно зарядил револьвер. Скоро, наверное, рассвет.

Он снова увидел сон — на этот раз ему приснился «Особый старательский». Он слышал рассказы о нем во всех маленьких салунах, окружавших Скорпионову пустыню. Заросшие щетиной пожилые старатели рассказывали о нем сотню разных историй, а видавшие виды бармены добавляли

свои варианты. Его заказал Кэрк в восемьдесят девятом году — большой, специально для себя. Эдмондсон и Арслер отведали его в девяносто третьем. Это было несомненно. И другие заказывали его, сидя на своих драгоценных жилах. По крайней мере так рассказывали.

Но существовал ли он на самом деле? Был ли вообще такой коктейль — «Особый старательский»? Доживет ли он до того, чтобы увидеть это радужное чудо, выше колокольни, больше дома, дороже, чем сама золотоносная порода?

Ну конечно! Вон, он уже почти может его разглядеть.

Моррисон заставил себя очнуться. Наступило утро. Он с трудом выбрался из пещеры навстречу дню.

Он брел и полз к югу, за ним по пятам шли волки, по нему пробегали тени крылатых хищников. Он скреб пальцами камни и песок. Вокруг были обильные признаки золота. Верные признаки!

Но где же в этой заброшенной пустыне золотоносная порода?

Где? Ему уже было почти все равно. Он гнал вперед свое сожженное солнцем, высохшее тело, остановившись только для того, чтобы отпугнуть выстрелом подошедших слишком близко волков.

Осталось четыре пули.

Ему пришлось выстрелить еще раз, когда коршуны, которым надоело ждать, начали пикировать ему на голову. Удачный выстрел угодил прямо в стаю, свалив двух птиц. Волки начали грызться над ними. Моррисон, уже ничего не видя, пополз вперед.

И упал с гребня невысокого утеса.

Падение было не опасным, но он выронил револьвер. Прежде чем он успел его найти, волки бросились на него. Только их жадность спасла Моррисона. Пока они дрались над ним, он откатился в сторону и подобрал револьвер. Два выстрела разогнали стаю. После этого у него осталась одна пуля. Придется приберечь ее для себя — он слишком устал, чтобы идти дальше. Он упал на колени. Признаки золота здесь были еще богаче. Они были фантастически богатыми. Где-то здесь совсем рядом...

— Черт меня возьми! — вырвалось у Моррисона.

Небольшой овраг, куда он свалился, был не чем иным, как сплошной золотой жилой.

Он поднял с земли камешек. Даже в необработанном виде камешек весь светился глубоким золотым блеском — внутри его сверкали яркие красные и пурпурные точки.

«Проверь, — сказал себе Моррисон. — Не надо ложных тревог. Не надо миражей и ложных надежд. Проверь».

Рукояткой револьвера он отколол от камня кусочек. С виду это была золотоносная порода. Он достал набор для анализов и капнул на камень белым раствором. Раствор вспенился и позеленел.

— Золотоносная порода, точно! — сказал Моррисон, окидывая взглядом сверкающие склоны оврага. — Эге, я богач!

Он вытащил телефон и дрожащими пальцами набрал номер Крэндолла.

— Макс! — заорал он. — Я нашел! Я нашел настоящее месторождение!

— Меня зовут не Макс, — сказал голос по телефону.

— Что?

— Моя фамилия Бойярд, — сказал голос.

Экран засветился, и Моррисон увидел худого желтолицего человека с тонкими усиками.

— Извините, мистер Бойярд, — сказал Моррисон, — я, наверное, не туда попал. Я звонил...

— Это неважно, куда вы звонили, — сказал мистер Бойярд. — Я участковый контролер Телефонной компании Венеры. Вы задолжали за два месяца.

— Теперь я могу заплатить, — ухмыляясь, заявил Моррисон.

— Прекрасно, — ответил мистер Бойярд. — Как только вы это сделаете, ваш телефон снова будет включен.

Экран начал меркнуть.

— Подождите! — закричал Моррисон. — Я заплачу, как только доберусь до вашей конторы! Но сначала я должен еще раз позвонить. Только один раз, чтобы...

— Ни в коем случае, — решительно ответил мистер Бойярд. — После того как вы оплатите счет, ваш телефон будет немедленно включен.

— Но у меня деньги здесь! — сказал Моррисон. — Здесь, со мной.

Мистер Бойярд помолчал.

— Ладно, это не полагается, но, думаю, мы можем выслать вам специального робота-посыльного, если вы согласны оплатить расходы.

— Согласен!

— Хм... Это не полагается, но я думаю... Где деньги?

— Здесь, — ответил Моррисон. — Узнаете? Это золотоносная порода!

— Мне уже надоели эти фокусы, которые вы, старатели, вечно пытаетесь мне устроить. Показываете горсть камешков...

— Но это на самом деле золотоносная порода! Неужто вы не видите?

— Я служащий, — ответил мистер Бойярд, — а не ювелир. Я не могу отличить золотоносной породы от золототысячника.

Экран погас.

Моррисон лихорадочно пытался дозвониться до конторы. Телефон молчал — не слышно было даже гудения. Он был отключен.

Моррисон положил телефон на землю и огляделся вокруг. Узкий овраг, куда он свалился, тянулся прямо ярдов на двадцать, потом сворачивал влево. В его крутых склонах не было видно ни одной пещеры, ни одного удобного места, где можно было бы устроить баррикаду.

Он услышал сзади какое-то движение. Обернувшись, он увидел, что на него бросается огромный старый волк. Моррисон, ни секунды не раздумывая, выхватил револьвер и выстрелил, размозжив голову зверя.

— Черт возьми, — сказал Моррисон, — я хотел оставить эту пулю для себя.

Он получил отсрочку на несколько секунд и бросился вниз по оврагу в поисках выхода. Золотоносная порода сверкала вокруг красными и пурпурными искрами. А позади бежали волки.

Моррисон остановился. Излучина оврага привела его к глухой стене.

Он прислонился к ней спиной, держа револьвер за ствол. Волки остановились в пяти футах от него, собираясь в стаю для решительного броска. Их было десять или двенадцать, и в узком проходе они сгрудились в три ряда. Вверху кружили коршуны, ожидая своей очереди.

В этот момент Моррисон услышал потрескивание телепортировки. Над головами волков появился воздушный вихрь, и они торопливо попятались назад.

— Как раз вовремя, — сказал Моррисон.

— Вовремя для чего? — спросил Уильямс-4, почтальон.

Робот вылез из вихря и огляделся.

— Ну-ну, молодой человек, — произнес Уильямс-4, — ничего себе, доигрались! Разве я вас не предостерегал? Разве я не советовал вернуться? Посмотрите-ка!

— Ты был совершенно прав, — сказал Моррисон. — Что мне прислал Макс Крэндолл?

— Макс Крэндолл ничего не прислал, да и не мог прислать.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что сегодня ваш день рождения, — ответил Уильямс-4. — У нас на почте в таких случаях всегда специальная доставка. Вот вам.

Уильямс-4 протянул ему пригоршню писем — поздравления от Джейн, теток, дядей и двоюродных братьев с Земли.

— И еще кое-что есть, — сказал Уильямс-4, роясь в своей сумке. — Должно быть кое-что еще. Постойте... Да, вот.

Он протянул Моррисону маленький пакет.

Моррисон поспешил сорвать обертку. Это был подарок от тети Мини, жившей в Нью-Джерси. Он открыл коробку. Там были соленые конфеты — прямо из Атлантик-Сити.

— Говорят, очень вкусно, — сказал Уильямс-4, глядевший через его плечо. — Но не очень уместно в данных обстоятельствах. Ну, молодой человек, очень жаль, что вам придется умереть в день своего рождения. Самое лучшее, что я могу вам пожелать, — это быстрой и безболезненной кончины.

Робот направился к вихрю.

— Погоди! — крикнул Моррисон. — Не можешь же ты так меня бросить. Я уже много дней ничего не пил. А эти волки...

— Понимаю, — ответил Уильямс-4. — Поверьте, это не доставляет мне никакой радости. Даже у робота есть кое-какие чувства.

— Тогда помоги мне!

— Не могу. Правила почтового ведомства это категорически запрещают. Я помню, в девяносто третьем году меня примерно о том же просил Эбнер Лоти. Его тело потом искали три года.

— Но у тебя есть аварийный телефон? — спросил Моррисон.

— Есть. Но я могу им пользоваться только в том случае, если со мной произойдет авария.

— Но ты хоть можешь отнести мое письмо? Срочное письмо?

— Конечно, могу, — ответил робот. — Я для этого и создан. Я даже могу одолжить вам карандаш и бумагу.

Моррисон взял карандаш и бумагу и попытался собраться с мыслями. Если он напишет срочное письмо Максу, тот

получит его через несколько часов. Но сколько времени понадобится ему, чтобы сколотить немного денег и послать ему воды и боеприпасы? День, два? Придется что-нибудь придумать, чтобы продержаться...

— Я полагаю, у вас есть марка? — сказал робот.

— Нет, — ответил Моррисон. — Но я куплю ее у тебя.

— Прекрасно, — ответил робот. — Мы только что выпустили новую серию венусборгских треугольных. Я считаю их большим эстетическим достижением. Они стоят по три доллара штука.

— Хорошо. Очень умеренно. Давай одну.

— Остается решить еще вопрос об оплате.

— Вот! — сказал Моррисон, протягивая роботу кусок золотоносной породы стоимостью тысяч в пять долларов.

Почтальон осмотрел камень и вернул его.

— Извините, но я могу принять только наличные.

— Но это стоит больше, чем тысяча марок! — сказал Моррисон. — Это же золотоносная порода!

— Очень может быть, — ответил Уильямс-4, — но я не запрограммирован на пробирный анализ. А почта Венеры основана не на системе товарного обмена. Я вынужден попросить три доллара бумажками или монетами.

— У меня их нет.

— Очень жаль.

Уильямс-4 повернулся, чтобы уйти.

— Но ты же не можешь просто уйти и бросить меня на верную смерть!

— Не только могу, но и должен, — грустно сказал Уильямс-4. — Я всего только робот, мистер Моррисон. Я был создан людьми и, естественно, наделен некоторыми из их чувств. Так и должно быть. Но есть и предел моих возможностей — в сущности, такой же предел есть и у большинства людей на этой суровой планете. И в отличие от людей я не могу переступить свой предел.

Робот полез в вихрь. Моррисон непонимающим взглядом смотрел на него. Он видел за ним нетерпеливую стаю волков. Он видел неяркое сверкание золотоносной породы стоимостью в несколько миллионов долларов, покрывавшей склоны оврага.

И тут что-то в нем надломилось.

С нечленораздельным воплем Моррисон бросился вперед и схватил робота за ноги. Уильямс-4, наполовину скрывшийся в вихре телепортировки, упирался, брыкался и почти стряхнулся было Моррисона. Но тот вцепился в него как безумный.

Дюйм за дюймом он вытащил робота из вихря, швырнул на землю и придавил своим телом.

— Вы нарушаете работу почты, — сказал Уильямс-4.

— Это еще не все, что я собираюсь нарушить, — прорычал Моррисон. — Смерти я не боюсь. Это была моя ставка. Но будь я проклят, если намерен умереть через пятнадцать минут после того, как разбогател!

— У вас нет выбора.

— Есть. Я воспользуюсь твоим аварийным телефоном.

— Это невозможно, — ответил Уильямс-4. — Я отказываюсь извлечь его. А вы сами до него не доберетесь без помощи механической мастерской.

— Возможно, — ответил Моррисон. — Я хочу попробовать.

Он вытащил свой разряженный револьвер.

— Что вы хотите сделать? — спросил Уильямс-4.

— Хочу посмотреть, не смогу ли я раздолбать тебя в металлом без всякой помощи механической мастерской. Думаю, что будет логично начать с твоих зрительных ячеек.

— Это действительно логично, — отвечал робот. — У меня, конечно, нет инстинкта личного самосохранения. Но позвольте заметить, что вы оставите без почтальона всю Венеру. От вашего антиобщественного поступка многие пострадают.

— Надеюсь, — сказал Моррисон, занося револьвер над головой.

— Кроме того, — поспешил добавил робот, — вы уничтожите казенное имущество. Это серьезное преступление.

Моррисон рассмеялся и взмахнул револьвером. Робот сделал быстрое движение головой и избежал удара. Он попробовал вывернуться, но Моррисон навалился ему на грудь всеми своими двумястами фунтами.

— На этот раз я не промахнусь, — пообещал Моррисон, примериваясь снова.

— Стойте! — сказал Уильямс-4. — Мой долг — охранять казенное имущество, даже в том случае, когда этим имуществом оказываюсь я сам. Можете воспользоваться моим телефоном, мистер Моррисон. Имейте в виду, что это преступление карается заключением не более чем на десять и не менее чем на пять лет в исправительной колонии на Солнечных болотах.

— Давай телефон, — сказал Моррисон.

Грудь робота распахнулась, и оттуда выдвинулся маленький телефон. Моррисон набрал номер Макса Крэндолла и объяснил ему положение.

— Ясно, ясно, — сказал Крэндолл. — Ладно, попробую найти Уилкса. Но, Том, я не знаю, чего я смогу добиться. Рабочий день окончен. Все закрыто...

— Открой! — сказал Моррисон. — Я могу все оплатить. И выручи Джима Ремстаатера.

— Это не так просто. Ты еще не оформил свои права на заявку. Ты даже не доказал, что это месторождение действительно чего-то стоит.

— Смотри, — Моррисон повернул телефон так, чтобы Крэндоллу были видны сверкающие стены оврага.

— Похоже на правду, — заметил Крэндолл. — Но, к сожалению, не все то золотоносная порода, что блестит.

— Что же нам делать? — спросил Моррисон.

— Нужно делать все по порядку. Я телепортирую к тебе общественного маркшейдера. Он проверит твою заявку, определит размеры месторождения и выяснит, не закреплено ли оно за кем-нибудь другим. Дай ему с собой кусок золотоносной породы. Побольше.

— Как мне его отбить? У меня нет никаких инструментов.

— Ты уж придумай что-нибудь. Он возьмет кусок для анализа. Если порода достаточно богата, твое дело в шляпе.

— А если нет?

— Может, лучше нам об этом не говорить, — сказал Крэндолл. — Я займусь делом, Томми. Желаю удачи.

Моррисон повесил трубку, встал и помог подняться работе.

— За двадцать три года службы, — произнес Уильямс-4, — впервые нашелся человек, который угрожал уничтожить казенного почтового служащего. Я должен доложить об этом полицейским властям в Венусборге, мистер Моррисон. Я не могу иначе.

— Знаю, — сказал Моррисон. — Но мне кажется, пять или даже десять лет в тюрьме все же лучше, чем умереть.

— Сомневаюсь. Я ведь и туда ношу почту. Вы сами увидите все месяцев через шесть.

— Как? — переспросил ошеломленный Моррисон.

— Месяцев через шесть, когда я закончу обход планеты и вернусь в Венусборг. О таком деле нужно докладывать лично. Но прежде всего нужно разнести почту.

— Спасибо, Уильямс. Не знаю, как мне...

— Я просто исполняю свой долг, — сказал робот, подходя к вихрю. — Если вы через шесть месяцев все еще будете на Венере, я принесу вашу почту в тюрьму.

— Меня здесь не будет, — ответил Моррисон. — Прощай, Уильямс.

Робот исчез в вихре. Потом исчез и вихрь. Моррисон остался один в сумерках Венеры.

Разыскав выступ золотоносной породы чуть больше человеческой головы, он ударил по нему рукояткой револьвера, и в воздухе заплясали мелкие искрящиеся осколки. Спустя час на револьвере появились четыре вмятины, а на блестящей поверхности породы — лишь несколько царапин.

Песчаные волки начали подкрадываться ближе. Моррисон швырнул в них несколько камней и закричал сухим, надтреснутым голосом. Волки отступили.

Он снова взгляделся в выступ и заметил у его основания трещину не толще волоса. Он начал колотить в этом месте. Но камень не поддавался.

Моррисон вытер пот со лба и собрался с мыслями. Клин, нужен клин...

Он снял ремень. Приставив край стальной пряжки, он ударом револьвера вогнал ее в трещину на какую-то долю дюйма. Еще три удара — и вся пряжка скрылась в трещине, еще удар — и выступ отделился от жилы. Отломившийся кусок весил фунтов двадцать. При цене пятьдесят долларов за унцию этот обломок должен был стоить тысяч двенадцать долларов, если только золото будет такое же чистое, каким кажется.

Наступили темно-серые сумерки, когда появился телепортированный общественный маркшейдер. Это был невысокий, приземистый робот, отделанный старомодным черным лаком.

— Добрый день, сэр, — сказал он. — Вы хотите сделать заявку? Обычную заявку на неограниченную добычу?

— Да, — ответил Моррисон.

— А где центр вышеупомянутой заявки?

— Что? Центр? По-моему, я на нем стою.

— Очень хорошо, — сказал робот.

Вытащив стальную рулетку, он быстро отошел от Моррисона на двести ярдов и остановился. Разматывая рулетку; робот ходил, прыгал и лазил по сторонам квадрата с Моррисоном в центре. Окончив обмер, он долго стоял неподвижно.

— Что ты делаешь? — спросил Моррисон.

— Глубинные фотографии участка, — ответил робот. — Довольно трудное дело при таком освещении. Вы не могли бы подождать до утра?

— Нет!

— Ладно, придется повозиться, — сказал робот.

Он переходил с места на место, останавливался, снова шел, снова останавливался. По мере того как сумерки сгущались, глубинные фотографии требовали все большей и большей экспозиции. Робот вспотел бы, если бы только умел это делать.

— Все, — сказал он наконец. — С этим покончено. Вы дадите мне с собой образец?

— Вот он, — сказал Моррисон, взвесив в руке обломок золотоносной породы и протягивая его маркшейдеру. — Все?

— Абсолютно все, — ответил робот. — Если не считать, конечно, того, что вы еще не предъявили мне Поисковый акт.

Моррисон растерянно заморгал.

— Чего не предъявили?

— Поисковый акт. Это официальный документ, свидетельствующий о том, что участок, на который вы претендуете, не содержит радиоактивных веществ до глубины в шестьдесят футов. Простая, но необходимая формальность.

— Я никогда о ней не слыхал, — сказал Моррисон.

— Ее сделали обязательным условием на прошлой неделе, — объяснил маркшейдер. — У вас нет акта? Тогда, боюсь, ваша неограниченная заявка недействительна.

— Что же мне делать?

— Вы можете, — сказал робот, — вместо нее оформить специальную ограниченную заявку. Для этого Поисковый акт не требуется.

— А что это значит?

— Это значит, что через пятьсот лет все права переходят к властям Венеры.

— Ладно! — заорал Моррисон. — Хорошо! Прекрасно! Это все?

— Абсолютно все, — ответил маркшейдер. — Я захвачу этот образец с собой и отдаю его на срочный анализ и оценку. По нему и по глубинным фотографиям мы сможем вычислить стоимость вашего участка.

— Пришлите мне что-нибудь отбиться от волков, — сказал Моррисон. — И еды. И послушайте: я хочу «Особый старательский».

— Хорошо, сэр. Все это будет вам телепортировано, если ваша заявка окажется достаточно ценной, чтобы окупить расходы.

Робот влез в вихрь и исчез.

Время шло, и волки снова начали подбираться к Моррисону. Они огрызались, когда тот швырял в них камнями, но не отступали. Разинув пасти, высунув языки, они проползли оставшиеся несколько ярдов.

Вдруг волк, ползший впереди всех, взвыл и отскочил назад. Над его головой появился сверкающий вихрь, из которого упала винтовка, ударив его по передней лапе.

Волки пустились наутек. Из вихря упала еще одна винтовка, потом большой ящик с надписью: «Гранаты. Обращаться осторожно», потом еще один ящик с надписью: «Пустынный рацион К».

Моррисон ждал, вглядываясь в сверкающее устье вихря, который пронесся по небу и остановился неподалеку от него. Из вихря показалось большое круглое медное днище. Устье вихря стало расширяться, пропуская нижнюю часть огромного медного сосуда, которая становилась все шире и шире. Днище уже стояло на песке, а сосуд все рос вверх. Когда наконец он показался весь, в безбрежной пустыне стояла гигантская вычурная медная чаша для пунша. Вихрь поднялся и повис над ней.

Моррисон ждал. Его запекшееся горло саднило. Из вихря показалась тонкая струйка воды и полилась в чашу. Моррисон все еще не двигался.

А потом началось. Струйка превратилась в поток, рев которого разогнал всех коршунов и волков. Целый водопад низвергался из вихря в гигантскую чашу.

Моррисон, шатаясь, побрел к ней. «Надо было попросить флягу», — говорил он себе, охваченный страшной жаждой, ковыляя по песку к чаше. Но вот наконец он встал под «Особым старательским» — выше колокольни, больше дома, наполненным водой, что была дороже самой золотоносной породы. Он повернул кран у дна чаши. Вода смочила желтый песок и ручейками побежала вниз по дюне.

«Надо было еще заказать чашку или стакан», — подумал Моррисон, лежа на спине и ловя открытым ртом струю воды.

Я ВИЖУ: ЧЕЛОВЕК СИДИТ НА СТУЛЕ И СТУЛ КУСАЕТ ЕГО ЗА НОГУ

Позади него лежали серые Азоры и Геркулесовы столпы; только небо над головой, и только говно — под ногами.

— Гребаное говно! Гребаное говно! — проорал Парети тускнеющему вечернему свету. Проклятия обламывались об окурок сигары, теряя обычную ярость, потому что смена заканчивалась и Парети очень устал. Впервые он выругался так три года назад, когда записался в сборщики на говеных полях. Когда впервые увидел склизкий серый мутировавший планктон, испещряющий этот район Атлантики. Как проказа на прохладном синем теле моря.

— Гребаное говно, — пробормотал он. Это стало ритуалом. Так у него в ялике появлялась компания. Он плыл в одиночестве: Джо Парети и его умирающий голос. И призрачно-белесое говно.

Уголком глаза он заметил отблеск света через темные очки с прорезью, движущееся серое пятно. Он ловко развернул ялик. Говно опять выпирало. Над поверхностью океана поднялось бледно-серое щупальце, точно слоновий хобот. Подгребая к нему, Парети бессознательно прикидывал расстояние: пять футов, правая рука напряжена, поднята сеть — странная паутинка на шесте, больше всего похожая на сачок для ловли бабочек, какими пользуются индейцы пацкуаро — и вот короткой, как удар бейсболиста, подсечкой Парети подхватил шевелящийся ком.

Говно дергалось и извивалось, билось в сети, беззубо обсасывало алюминиевую рукоять. Занося кусок на борт и

Я вижу: человек сидит на стуле и стул кусает его за ногу
© Издательство «Полярис», перевод, 1997

I See a Man Sitting On a Chair, and the Chair Is Biting His Leg
Copyright © 1967 by Robert Sheckley and Harlan Ellison

вываливая в карантинку, Парети оценил его вес фунтов в пять. Тяжелый для такого маленького кусочка.

Подхватывая падающее говно, карантинка растянулась, сжатый воздух с чмоканьем захлопнул крышку за щупальцем. Потом над крышкой замкнулась диафрагма.

Говно задело его перчатку, но Парети решил, что дезинфицироваться немедленно — много чести. Он рассеянно смахнул со лба выбеленные солнцем редеющие волосы и вновь развернул ялик.

Он был в двух милях от «Техас-Тауэр».

В Атлантическом океане.

В пятидесяти милях от мыса Гаттерас.

На Алмазной Банке.

На тридцать пятом градусе северной широты и семьдесят пятом градусе западной долготы.

В сердце говенных полей.

Вымотан. Конец смены.

Гребаное говно.

Парети принялся выгребать обратно.

Море было глянцевым, мертвая зыбь катилась к «Техас-Тауэр». Ветра не было, и солнце сверкало жестоким алмазным блеском, как всегда со времен третьей мировой, ярче, чем когда-либо прежде. Почти идеальная погода для сборщика — пятьсот тридцать долларов за смену.

По левую руку завиднелась нежная серая пленка говна, почти невидимая на фоне волн. Парети сменил курс и подобрал все десять квадратных футов. Говно не сопротивлялось — слишком тонкое.

Парети продолжил путь к «Техас-Тауэр», собирая по дороге говно. Однаковые обличья оно принимало редко. Самый большой кусок, какой попался Парети, прикинулся кипарисовым пнем. («Тупое говно, — подумал он, — какие кипарисы в открытом море?») Самый маленький — тюлененком. Трупно-серым и безглазым. Парети подбирал обрывки быстро и без колебаний: он обладал жутковатой способностью распознавать говно в любом обличье, а его техника сбора была несравненно более утонченной и удобной, чем методы, используемые сборщиками, обученными Компанией. Парети был танцором с природным чувством ритма, художником-самоучкой, прирожденным следопытом. Эта способность и отправила его на говенные поля, а не на фабрику или в потогонные конторы для интеллектуалов, после того как он закончил мультиверситет с отличием. Все, что он знал и чему научился, — к чему оно в забитом, переполненном,

кишащем людьми мире двадцати семи миллиардов человек, отпихивающих друг друга локтями в поисках наименее уничтожительной работы? Образование мог получить любой, специальность — не всякий, золотую медаль — далеко не каждый, и только горстка подобных Джо Парети проскальзывала через мультиверситет, прихватив по дороге звание магистра, степень доктора, золотую медаль и красный диплом. И *все это* стоило меньше, чем его природный дар сборщика.

Собирая говно с такой скоростью, Парети зарабатывал больше, чем инженер-проектировщик.

Но после двенадцатичасовой смены в морозно-блестящем море усталость притупляла даже это удовольствие. Парети хотелось только рухнуть на койку в своей каюте. И спать. И спать. Он швырнулся в море сырой окурок.

Махина громоздилась перед ним. По традиции ее называли «Техас-Тауэр», но она отнюдь не напоминала первые платформы подводного бурения довоенной Америки. Скорее она походила на суставчатый коралловый риф или скелет невообразимого алюминиевого кита.

Дать «Техас-Тауэр» определение было бы затруднительно. Она передвигалась, а потому была *кораблем*. Могла намертво прикрепляться ко дну морскому, а потому являлась *островом*. Над поверхностью виднелась «кошачья колыбель» труб: приемники, куда сборщики закачивали говно (как расставалась со своим грузом Парети, прикрутив складной штуцер карантинки к мельхиоровому растробу приемника «Техас-Тауэр», чувствуя, как пульсирует труба, когда давление воздуха перегоняло говно из баков ялика в приемник), решетчатые причалы для яликов, балки, поддерживающие радарную мачту.

Была еще пара цилиндрических труб, разъявленных, точно орудийные дула. Входные шлюзы. А под ватерлинией «Техас-Тауэр», как айсберг, расплззась и ширилась складными секциями, которые могли убираться или раздвигаться в зависимости от глубины. Здесь, на Алмазной Банке, дюжины нижних уровней бездействовала в сложенном виде.

Сооружение было бесформенным, уродливым, медлительным, непотопляемым даже в самые сильные шторма, величественным, как галеон. То был самый неудачный корабль и самая великолепная фабрика во всей истории судостроения.

Волоча за собой сачок, Парети вскарабкался на причальный комплекс и вошел в ближайший шлюз. Пройдя через дезинфекцию и камеры ожидания, он попал в собственно «Техас-Тауэр». Спускаясь по алюминиевой винтовой лесенке,

он услыхал голоса: готовый заступить на смену Мерсье и Пегги Флинн, последние три дня сидевшая на бюллетне по поводу месячных. Сборщики спорили.

— Сейчас закупают по пятьдесят шесть долларов за тонну, — втолковывала Пегги на повышенных тонах. Похоже, спор начался уже давно. Обсуждались премиальные сборщики.

— До деления или *после*? — осведомился Мерсье.

— Ты не хуже меня знаешь, что *после*! — взвилась Пегги. — То есть каждая тонна, которую мы выловили и загнали в баки, после облучения дает сорок, а то и сорок одну тонну. А нам премии платят за собранный вес, а не за вес после деления!

За три года, проведенные в говяниных полях, Парети слышал это миллион раз. Когда баки заполнялись, говно отправляли на деление и облучение. Подвергнутое запатентованным основными компаниями методам переработки, говно воспроизвело себя молекулой за молекулой, делилось, росло, размножалось, разбухало, давая говна в сорок раз больше начального веса. Потом его «убивали» и перерабатывали в основной продукт искусственного питания для народа, давно забывшего про бифштексы, яйца, морковь и кофе. Величайшая трагедия третьей мировой состояла в том, что погибло огромное число всех живых тварей, кроме людей.

Говно перемалывали, обрабатывали, очищали, накачивали витаминами, подкрашивали, придавали вкус и запах, расфасовывали в отдельные пакетики и под легионом торговых марок — «Витаграм», «Деликатес», «Услада желудка», «Диет-мясо», «БыстроКофе», «Семейный завтрак» — рассовывали в двадцать семь миллиардов раззявленных голодных ртов. Добавить (трижды использованной) воды и подавать.

Сборщики в буквальном смысле слова кормили планету.

И чувствовали, что им недоплачивают, даже получая пятьсот тридцать долларов за смену.

Парети прогремел башмаками по двум последним ступенькам, и спорящие обернулись.

— Привет, Джо, — сказал Мерсье.

Пегги улыбнулась.

— Долгая была смена? — спросила она участливо.

— Слишком долгая. Совсем я вымотался.

— Полностью? — Пегги развернула плечи.

— Я думал, у тебя сейчас это самое время.

— Узэ коньсилось. — Пегги ухмыльнулась и показала ладонки, как маленькая девочка, у которой прошла корь.

— Ну, это было бы неплохо, — согласился Парети на ее услуги, — если ты мне еще и спину разотрешь.

— И хребет переломаю.

Мерсье хихикнул и двинулся к лестнице.

— До скорого, — бросил он через плечо.

Парети повел Пегги Флинн через множество отсеков в свою каюту. Сборщики, проводящие по шесть месяцев в замкнутом пространстве, вырабатывали свои обычай. Женщины, слишком разборчивые в связях, на «Техас-Тауэр» не задерживались. Сборщиков — называвших себя «сборбатом» — в увольнительные на берег пускали редко, а потому все удобства предоставляла компания. Фильмы, лучшие повара, спортзалы, полностью укомплектованная и постоянно пополняемая библиотека... и сборщицы. Поначалу некоторые женщины получали от мужиков «подарки» за сексуальные услуги, но это оказывало разлагающее влияние на моральный климат, и теперь в дополнение к общим окладу и премиальным женщины получали еще полювую надбавку. Ничего необычного не было в том, что симпатичная и умелая сборщица, проведя на «Техас-Тауэр» восемь или девять месяцев, возвращалась домой с полусотней тысяч долларов на счету.

В каюте они разделись.

— Бо-оже, — протянула Пегги, — где ж твои волосы?

Парети встречался с ней уже несколько месяцев.

— Лысею, наверное. — Парети пожал плечами.

Он обтерся мокрой одноразовой салфеткой из раздатчика и швырнул ее в глазок утилизатора.

— По всему телу? — недоверчиво переспросила Пегги.

— Слушай, Пег, — устало произнес Парети, — я двенадцать часов сачком махал. Я выжат как лимон и засыпаю на ходу. Так ты хочешь или нет?

Пегги улыбнулась:

— Джо, ты лапочка.

— Сопля я, — ответил он, растекаясь по удобнейшей постели.

Она легла рядом, и они трахнулись.

А потом Джо заснул.

Пятьюдесятью годами до того разразилась, наконец, третья мировая война. А перед ней были тридцать лет второй фазы холодной войны. Первая фаза кончилась в семидесятых, когда неизбежность войны стала очевидна. Второй фазой назвали предупредительные меры против тотального уничтожения.

Затоплялись в камень подземные города-пещеры — города-консервы, как называли их архитекторы и планировщики. (На людях, конечно, такие вульгарные слова не звучали. В газетных статьях города именовались шикарно: Яшмовый Город, Даунтаун*, Золотой Гrot, Северные и Южные Алмазы, Ониксвилль, Субград, Восточные Пириты. В Скалистых горах заглубили на две мили в скалу гигантский всеамериканский комплекс противоракетной обороны, Айронволл.)

Плодиться люди начали еще задолго до первой фазы. Мальтус был прав. Под давлением страха люди размножались как никогда. В городах-консервах вроде Нижнего Гонконга, Лабиринта (под Бостоном) и Новой Куэрнаваки замкнутая жизнь предлагала не слишком много удовольствий. И люди множились. И снова множились. Геометрическая прогрессия заполняла города-консервы, и те расползались туннелями, и трубами, и щупальцами. Землю заполняли кишащие, воящие, голодные обитатели края ужаса. На поверхности осталась жить только научная и военная элита — по необходимости.

Потом грянула Война.

И явилась она с лазером и радиацией — атомная, биологическая.

Североамериканскому континенту повезло не слишком: Лос-Анджелес превращен в шлак. Айронволл снесен вместе с половиной Скалистых гор, противоракетный комплекс похоронен навеки под невысокими, уютными холмами, которыми стали горы. Ок-Ридж — сгинул в яркой вспышке. Луисвилл — разрушен до основания. Перестали существовать Детройт и Бирмингем**; на их месте остались плоские, гладкие, блестящие поверхности, как зеркальные осколки потемневшего хромового покрытия.

Нью-Йорк и Чикаго оказались защищены лучше. Они потеряли пригороды, но не подземные города-консервы. Остались и центральные зоны мегаполисов — истерзанные, но живые.

На других континентах положение было не лучше. А то и хуже. Но две фазы холодной войны дали время разработать

* *Downtown* (англ.) — буквально «нижний город» и одновременно «деловой район, центр». (Здесь и далее примеч. пер.)

** Ок-Ридж — центр атомной промышленности США. Бирмингем — имеется в виду не английский город Бирмингем, а американский, расположенный в железорудном бассейне того же названия, центр черной металлургии.

сыворотки, лекарства, противоядия, способы лечения. Людей спасали миллионами.

Но... пшеничному колосу прививки не сделаешь.

Невозможно вакцинировать всех кошек, собак, кабанов, антилоп, лам и кодьякских медведей. Невозможно засеять океаны лекарством для рыб. Экология свихнулась. Одни виды выжили, другие вымерли полностью.

Начались голодные забастовки... и голодные бунты.

И быстро кончились. Ослабевший от голода — плохой боец. Пришли времена каннибалов. И тогда правительства, ужаснувшись того, что натворили с собой и соседями, наконец объединились.

Была воссоздана Организация Объединенных Наций, подрядившая Компании решить проблему искусственной пищи. Но то был медленный процесс.

Никто не обращал внимания, что над Американским континентом несутся западные ветра, подхватывая радиацию и остатки бактериологических безумств, подбирая свой груз над Скалистыми горами, в Луисвилле, Детройте, Нью-Йорке и сбрасывая отравленный груз над восточным побережьем, над Атлантикой, рассеивая осталльное по Азии. Но лишь мощное выпадение пыли над Каролинами, сочетавшееся с грибным дождем, привело к странной мутации в богатых планктоном водах Алмазной Банки.

Через десять лет после конца третьей мировой войны планктон перестал быть собой. Рыбаки побережья назвали его говном.

Алмазные Банки стали кипящим котлом творения.

Говно распространялось. Изменялось. Адаптировалось. Наступила паника. На мелководьях плескались уродливые внешнепанцирные рыбы; появились четыре новых вида акулы-собаки (один из них удачно приспособился к среде); несколько лет океан кишел сторукой каракатицей, потом она по непонятным причинам передохла.

А говно не дохло.

Его принялись изучать, и то, чтоказалось неудержимой и страшной угрозой морской жизни, а то и всей планете... оказалось чудом. Оно спасло мир. «Убитое» говно можно было перерабатывать в искусственную пищу. Оно содержало разнообразнейшие белки, витамины, аминокислоты, углеводы и даже необходимый минимум микроэлементов. Обезвоженное и упакованное, говно было выгодным экономически. Смешанное с водой говно можно было готовить, варить, жарить, парить, тушить, припускать, бланшировать и фаршировать.

Почти идеальная пища. Ее запах менялся в зависимости от того, какой метод обработки использовался. Она могла иметь любой вкус — и никакого.

Говно вело растительный образ жизни. Неустойчивый ком протоплазмы явно не обладал разумом, хотя проявлял неудержимое стремление принимать форму. Говно постоянно принимало облики растений и животных — всегда недоделанные и неубедительные. Словно говно пыталось стать чем-то.

(Ученые в лабораториях Компаний надеялись, что говно так и не выяснит, *чем же* оно хочет стать.)

«Убитое», оно становилось отличной жратвой.

Компании возводили фабрики для его сбора — вроде «Техас-Таэр» — и обучали сборщиков. Сборщикам платили больше, чем любым неквалифицированным работникам на свете. И не за долгие смены или изнурительный труд. На языке закона это называлось «платой за риск».

Джо Парети протанцевал павану высшего образования и решил, что для него мелодия недостаточно энергична. Он стал сборщиком. В душе он до сих пор не понимал, почему деньги, перечисляемые на его счет, называются платой за риск.

Сейчас он поймет.

Песня закончилась воплем. Он проснулся. Ночной сон не принес отдыха. Одиннадцать часов лежа на спине; одиннадцать часов беспомощной изнурительной муки; и, наконец, избавление, абсурдный нырок в усталое бодрствование. Минуту Парети лежал, не в силах шевельнуться.

Вставая, он чуть не потерял равновесия. Сон обошелся с ним жестоко.

Сон прошелся наждаком по коже.

Сон отполировал ногти алмазной пылью.

Сон снял с него скальп.

Сон засыпал песком глаза.

«О Боже мой!», — подумал Парети, каждым нервным окончанием ощущая боль. Он проковылял в сортир и врезал себе по шее коротким сильным залпом иголок воды из душа. Потом подошел к зеркалу, машинально выдернул бритву из зарядной розетки. Потом глянул на свое отражение и замер.

Сон: прошелся наждаком по коже, отполировал ногти алмазной пылью, снял с него скальп, засыпал песком глаза.

Не слишком красочное описание. Но почти буквальное. Именно это и случилось за ночь.

Парети глянул в зеркало и отшатнулся.

Если от секса с этой гребаной Флинн бывает такое, я пойду в монахи.

Он был совершенно лыс.

Редеющие волосы, которые он откидывал со лба в предыдущую смену, пропали. Череп гладок и бледен, как хрустальный шар предсказателя.

Ресниц нет.

Бровей нет.

Грудь безволоса, как у женщины.

Лобок оголен.

Ногти почти прозрачны, точно с них сошел верхний, сухой, мертвый слой.

Парети снова глянул в зеркало. Он увидел себя... более или менее. Не то чтобы слишком менее: пропало едва ли больше фунта. Но это был очень заметный фунт.

Волосы.

Полный комплект бородавок, родинок, шрамов и мозолей.

Защитные волоски в ноздрях.

Колени, локти и стопы обленили до нежно-розового цвета.

Джо Парети сообразил, что все еще сжимает бритву, и отложил ее. И несколько бесконечных мгновений, завороженный ужасом, смотрел на свое отражение. У него появилось жуткое ощущение, будто он знает, что случилось. «Я в глубокой дыре», — подумал он.

Джо отправился искать фабричного доктора. В лазарете врача не оказалось. Парети нашел его в фармакологической лаборатории. Врач бросил на Джо короткий взгляд и повел в лазарет. Где и подтвердил подозрения Парети.

Фамилия врача была Болл; то был тихий, аккуратный, очень высокий, очень худой, полный неизбывной профессиональной зловещности человек. При виде безволосого Парети обычно мрачный доктор заметно повеселел.

Парети ощутил, как у него отнимают человеческое начало. Следуя за Боллом в лазарет, он был человеком; теперь он превращался в образец, в культуру микробов, подлежащую рассмотрению под микроскопом.

— Хм, да, — произнес врач. — Интересно. Будьте добры, поверните голову. Хорошо... хорошо... отлично, теперь моргните.

Парети повиновался. Болл пошуршал бумагами, включил камеры видеозаписи и, тихо мурлыкая, принялся раскладывать на подносе сверкающие инструменты.

— Само собой, вы ее подхватили, — добавил он, словно спохватившись.

— Подхватил — что? — спросил Парети, надеясь, что получит иной ответ.

— Болезнь Эштона. Можете называть ее говенной заразой, но мы ее зовем болезнью Эштона, по первому больному. — Доктор хихикнул. — А вы что думали — что у вас дерматит?

Парети показалось, что он слышит призрак музыки, органы и арфы.

— Ваш случай, как и все остальные, атипичен, — продолжал Болл, — но это в нем и является типичным. У болезни есть и совершенно дикое латинское название, но «Эштон» тоже сойдет.

— В жопу это все, — прорычал Парети. — Вы полностью уверены?

— А почему вам, спрашивается, платят за риск, и какого дьявола меня на борту маринуют? Я вам не терапевт какой-нибудь, а специалист. Конечно, я уверен. Вы будете шестым зарегистрированным случаем. «Ланцет» и «Журнал АМА*» очень заинтересуются. Да, если хорошо подать, и «Сайентифик Амэрикен» может тиснуть статейку...

— Для меня-то вы что можете сделать? — рявкнул Парети.

— Предложить глоток отличного довоенного бурбона, — ответил доктор Болл. — Средство неспецифическое, но, я бы сказал, общеукрепляющее.

— Кончай мне мозги гребать! Это не смешно! Еще что-нибудь можешь сказать, ты, специалист?!

Болл, кажется, только тут заметил, что его черный юмор встречают не с бурным энтузиазмом.

— Мистер Парети, медицинская наука не признает ничего невозможного, даже прекращения биологической смерти. Но это высказывание чисто теоретическое. Мы можем делать очень многое. Мы можем положить вас в госпиталь, накачать лекарствами, подвергнуть облучению, смазывать едкими жидкостями, равно как проводить эксперименты по гомеопатии, акупунктуре и прижиганию. Но, кроме больших неудобств, результата вы не получите. На нашем нынешнем уровне знаний болезнь Эштона представляется неизлечимой и, увы, приводящей к смерти.

На последнем слове Парети громко сглотнул.

* АМА — Американская Медицинская Ассоциация.

Болл неприятно улыбнулся и заметил:

— Расслабьтесь и получайте удовольствие.

— Ах ты, трупный сукин сын! — Парети в гневе шагнул к нему.

— Прошу простить за мое легкомыслие, — поспешил проговорил врач, — знаю, у меня нет чувства юмора. Я не радуюсь вашей судьбе... нет, действительно... я рад, что у меня появилась настоящая работа. Но вы, как я вижу, не слишком много знаете о болезни Эштона. Жить с ней не так и тяжело.

— Но вы только что сказали, что она приводит к смерти!

— Именно. Но к смерти приводит *все*, включая здоровье и саму жизнь. Вопрос в том, как долго вы проживете и как именно.

Парети вяло опустился в шведское релаксационное кресло, которое поднятием подножников превращалось в ложе для абортов.

— По-моему, вы сейчас будете читать мне лекцию, — пробормотал он, внезапно обмякнув.

— Простите. Я просто извелся от скуки.

— Ну давайте, давайте, Бога ради. — Парети устало помотал рукой.

— Ну, ответ несколько неоднозначен, хотя и не без приятных сторон, — сознался Болл с энтузиазмом. — Я уже сказал, что, по моему мнению, самое типичное в этой болезни — ее нетипичность. Давайте рассмотрим ваших сиятельных предшественников. Случай первый — скончался в течение недели после заражения, предположительно от легочных осложнений...

Парети сморщился.

— Проехали, — потребовал он.

— Ах, но случай второй! — промурлыкал Болл. — Вторым случаем был Эштон, тот самый, по которому назвали заболевание. Он стал разговорчив до эхолалии*. В один прекрасный день он начал левитировать перед довольно большой толпой зрителей. Он висел на высоте восемнадцати футов без видимой опоры, держа перед толпой речь на загадочном языке собственного изобретения. А потом растворился в чистом воздухе, и больше о нем ничего не слышали. Оттуда и пошла болезнь Эштона. Случай третий...

— А что случилось с Эштоном? — перебил его Парети с некоторым оттенком истерии в голосе.

* Повторение услышанных фраз и звуков; обычно встречается при шизофрении.

Болл молча развел руками.

Парети отвернулся.

— Случай третий обнаружил, что может жить под водой, но не в воздухе. Он довольно счастливо прожил два года в коралловых рифах близ Марафона во Флориде.

— А с ним-то что случилось? — осведомился Парети.

— Его прикончила стая дельфинов. Первый зафиксированный случай нападения дельфинов на человека. Мы долго удивлялись, что же он им такого сказал.

— А остальные?

— Номер четвертый на данный момент живет в сорбществе Провала Озабль. Держит грибную ферму. Разбогател. За исключением облысения и потери мертвых слоев кожи (в этом ваши случаи, кажется, идентичны), мы не смогли найти никаких признаков заболевания. С грибами он обходится просто мастерски.

— Звучит неплохо, — Парети приободрился.

— Возможно. Но вот номеру пятому не повезло. Совершенно невероятная дегенерация внутренних органов, сопровождаемая наружным их ростом. Вид у него при этом был абсолютно сюрреалистический — сердце болтается слева под мышкой, кишки намотаны на талию и тому подобное. Потом у него начали расти хитиновый экзоскелет, антенны, чешуя, перья — словно его тело не могло решить, во что же ему превратиться. Наконец оно сделало выбор — анаэробный вид дождевого червя, довольно необычно. Последний раз его видели, когда он закапывался в песчаные дюны близ Пойнт-Джудит. Сонар следил за ним несколько месяцев, до самой центральной Пенсильвании.

Парети передернуло.

— Там он помер?

Болл снова молча развел руками:

— Мы не знаем. Может быть, он лежит там в норе, неподвижный, высаживает партеногенетические яйца невообразимого нового вида. Или перешел в предел всех скелетных форм — в мертвый, неразрушимый камень.

Парети сжал безволосые руки и по-детски вздрогнул.

— Го-осподи, — прошептал он, — ничего себе перспективочка. Только об этом всю жизнь и мечтал.

— Ваш конкретный случай *может* оказаться приятным, — осмелился вставить Болл.

Парети глянул на него с неприкрытой злобой:

— Ну ты, непрошибаемый ублюдок! Сидишь тут под водой и хохочешь до колик, пока говно жрет какого-нибудь

парня, которого ты в жизни не видел. Как ты развлекаешься, интересно — тараканов жаришь и их вопли слушаешь?

— Не вините меня, мистер Парети, — монотонно проговорил врач. — Вы выбрали себе работу, не я. Вам сообщили о риске...

— Мне сказали, что подхватить говяжью заразу почти невозможно; все это было в контракте мелкими буквами, — встрял Парети.

— ...Но вам *сообщили* о риске, — настаивал Болл. — И вы получали премиальные за риск. Вы не жаловались ни разу за те три года, что деньги рекой лились на ваш счет, так не нойте теперь. Это просто непристойно. Зарабатывали вы примерно в восемь раз больше, чем я. На эти деньги вы можете неплохо утешиться.

— Да, премиальные я получал, — рыкнул Парети, — а теперь я их отрабатываю! Компания...

— Компания, — подбирая слова, произнес Болл, — ни за что не отвечает. Следовало читать то, что в контракте стоит маленькими буквами. Но вы правы: вы *действительно* отрабатываете свои премиальные. По сути дела, вам платили, чтобы вы подверглись риску заразиться редкой болезнью. Вы играли на деньги Компании в азартную игру — подхватите Эштона или нет? Играли и, к сожалению, кажется, проиграли.

— Я не вашего сочувствия ищу, — ядовито заметил Парети, — которого, кстати, и нет. Я ищу профессионального совета, за который вам платят — по-моему, переплачивают. Я хочу знать, что мне делать... и чего ожидать.

Болл пожал плечами:

— Ожидать неожиданного, конечно. Вы ведь только шестой случай. Четкой закономерности до сих пор не установлено. Болезнь эта так же многолика, как и ее возбудитель... говно. Единственное, что есть общего... и я не уверен, что это можно назвать общим...

— Кончай вокруг да около ходить, твою мать! Колись!

Болл поджал губы. Он явно собирался довести Парети до точки кипения.

— Общий элемент таков: происходит радикальное изменение взаимоотношений между жертвой и внешним миром. Трансформации могут быть *органическими*, вроде роста наружных органов и функциональных жабр, или *неорганическими*, наподобие левитации.

— А что с номером четвертым? Он же вроде здоров и с ним все в порядке?

— Не совсём в порядке. — Врач нахмурился. — Его отношение к грибам я назвал бы извращенной любовью. Можно добавить, взаимной. Некоторые исследователи полагают, что он сам стал разумным грибом.

Парети начал грызть ногти. В глазах его вспыхнуло безумие.

— Ну неужели нет никакого средства, ну хоть *чего-нибудь?*!

Болл воззрился на Парети с плохо скрываемым отвращением:

— Слезы и сопли вам точно не помогут. Да, наверное, и ничего не поможет. Сколько я понимаю, номер пятый пытался сдерживать развитие болезни силой воли, концентрацией... и всей прочей шарлатанщиной.

— Помогло?

— Ненадолго — возможно. Не могу быть уверенным. В любом случае это всего лишь догадка; болезнь все равно его сожрала.

— *Но это возможно?*

Болл фыркнул:

— Да, мистер Парети, возможно.

Он покачал головой, будто поверить не мог, что слышит такое.

— Помните, что ни один из случаев не похож не предыдущий. Не знаю, каких радостей вам стоит ожидать, но что бы это ни было... это определенно будет необычно.

Парети встал:

— Я с ним буду драться. Оно не сожрет меня, как остальных.

На лице Болла отразилось омерзение.

— Сомневаюсь, Парети. Я не встречался с остальными, но, сколько я могу судить по записям, духом они были куда сильнее вас.

— Почему? Потому что я потрясен?

— Нет, потому что вы слизняк.

— Ты тоже не сильно похож на сострадательную мамочку!

— Я не собираюсь изображать скорбь оттого, что вы подхватили Эштона. Вы делали ставку — и продулись. Кончайте ныть.

— Вы это уже говорили, доктор Болл.

— И повторю!

— Это все?

— С моей стороны все, это точно, — фальшиво пропел Болл. — А вот для вас — далеко не все.

— Вы уверены, что не хотите мне больше ничего сказать?

Болл кивнул с неудержимой ухмылкой медицинского зомби. Он даже не успел убрать усмешку, когда Парети быстро шагнул к нему и врезал кулаком ему под ложечку — чуть пониже сердца. Глаза Болла выступили из орбит, почти как говно, а лицо прошло через три оттенка серого, прежде чем сравняться цветом с лабораторным халатом. Парети поддерживал его левой рукой под подбородок, а правой нанес короткий прямой удар в нос.

Болл замахал руками и упал спиной на стеклянный шкафчик с инструментами. Стекло с треском лопнуло, и Болл соскользнул на пол, все еще в сознании, воющий от боли. Он пялился на Парети, пока тот разворачивался к дверям. Сборщик обернулся через плечо, и лицо его в первый раз с той минуты, как он вошел в лазарет, осветила улыбка.

— Херовые у вас манерочки, док, — сказал он и только тогда вышел.

Согласно закону ему давался час, чтобы покинуть «Техас-Таэр». Он получил последний чек — зарплату за последнюю девятимесячную смену. К зарплате полагалось приличное выходное пособие. Хотя все знали, что болезнь Эштона не заразна, но, когда направлявшийся к выходному шлюзу Парети проходил мимо Пегги Флинн, она грустно глянула на него и попрощалась, однако поцеловать себя не позволила. Вид у нее был застенчивый.

«Шлюха», — пробормотал Парети себе под нос. Но она услышала.

За ним прислали членок Компании. Большой, пятнадцатиместный, с двумя стюардессами, с баром, кинозалом и портативным бильярдом. Прежде чем Парети взошел на борт, в шлюзе с ним переговорил суперинтендант проекта.

— Ты, конечно, не «тифозная Мэри», передать болезнь никому не можешь. Эштон просто неприятен и непредсказуем — так мне, во всяком случае, говорили. Технически карантина нет; можешь отправляться, куда душа пожелает. Но практически — думаю, ты понимаешь, что в над-городах тебе не обрадуются. Впрочем, ты немногого лишишься... все дела под землей делаются.

Парети молча кивнул. Он уже переборол свое потрясение. Теперь он намеревался сражаться с болезнью одной силой воли.

— Все? — спросил он суперинтенданта.

Тот кивнул и подал Парети руку.

Парети поколебался и пожал ее.

— Эй, Джо! — окликнул его суперинтендант, когда Парети поднимался по трапу.

Джо обернулся.

— Спасибо, что врезал этому ублюдку Боллу. У меня шесть лет руки чесались. — Суперинтендант ухмыльнулся.

Джо Парети улыбнулся в ответ — смущенно и отважно, и попрощался со всем, кем и чем был он, и сел на членок до реального мира.

Ему полагался бесплатный билет до любого места по его выбору, и он выбрал Восточные Пириты. Если он и начнет новую жизнь на скопленные за три года работы на говяных полях деньги, то пусть это будет одна неимоверная увольнительная. Он уже девять месяцев не видел ничего возбуждающего — плоскогрудая Пегги Флинн к этой категории определенно не относилась — и, прежде чем лечь в могилу, намеревался наверстать упущенное.

Стюардесса, в открытом на груди джемпере и микроюбке, подошла к его креслу и улыбнулась сверху вниз:

— Не желаете выпить?

Парети хотел не выпить. Стюардесса была длинноногая, грудастая, с бирюзовыми волосами. Но Парети понимал, что она знает о его болезни и отреагирует в лучшем случае, как Пегги Флинн.

Он улыбнулся, подумав о том, что он мог бы с ней сделать, сложись все иначе. Стюардесса взяла его за руку и отвела в туалетную. Она впихнула его внутрь, заперла дверь и скинула одежду. Парети так изумился, что безропотно позволил раздеть себя. В крохотной уборной было тесно и неуютно, но стюардесса попалась на удивление изобретательная, а кроме того — гибкая.

Разделавшись с Парети — лицо раскраснелось, шею покрывают пурпурные пятна засосов, глаза блестят почти лихорадочно, — стюардесса пробормотала что-то насчет того, что не смогла перед ним устоять, собрала одежду, не удосужившись даже надеть ее, и в приступе острого смущения вылетела из уборной, оставив Парети стоять со спущенными штанами.

Парети глянул на себя в зеркало. Снова. Похоже, он сегодня только и делает, что смотрится в зеркала. Из зерка-

ла на него смотрел все тот же лысый Парети. У него появилось сладостное предчувствие, что, как бы ни меняло его говно, оно, похоже, делало его неотразимым для женщин. Ему как-то расхотелось думать о говне слишком плохо.

В мечтах он видел, какие радости и наслаждения поджидают его, если говно, скажем, одарит его лошадиным достоинством, усилит и без того очевидное притяжение, которое испытывают к нему женщины...

Он спохватился.

Ну-ну. Спасиочки. Именно это и случилось с остальными пятью. Говно захватило их. Говно делало то, чего они ожидали. Ну так он будет бороться с ним, сражаться всем телом, от лысой макушки до младенчески-розовых пяток.

Парети оделся.

Нет, ни в коем случае. Хватит с него такогоекса. (Кроме всего прочего, Парети понял — что бы ни сотворило говно с его привлекательностью, оно еще и усилило его ощущения в половой области. Лучше он еще в жизни не трахался.)

Он повеселится немного в Восточных Пиритах, потом купит себе участочек наверху, найдет хорошую бабу, осядет и купит себе теплее местечко в одной из Компаний.

Парети вернулся в салон. Вторая стюардесса не сказала ничего, но той, что отволокла Парети в уборную, до конца полета не было ни видно, ни слышно, а ее напарница все время поглядывала на Джо так, словно хотела впиться в него маленькими острыми зубками.

Восточные Пириты (штат Невада) располагались в восьми-десети семи милях южнее радиоактивных развалин, называвшихся когда-то Лас-Вегас. И тремя милями ниже. Город неизменно входил в топ-лист чудес света. Его привязанность к пороку едва не переходила в одержимость, а сравниться могла лишь с почти пуританским поиском наслаждений. Именно в Восточных Пиритах возникла замечательная фраза:

НАСЛАЖДЕНИЕ — ЭТО СУРОВАЯ ОБЯЗАННОСТЬ, НАЛОЖЕННАЯ НА НАС ЖИЗНЬЮ.

В Восточных Пиритах античные культуры плодородия воскрешались с полной серьезностью. Что это действительно так, Парети обнаружил, выйдя из скоростного лифта на семидесятом подиуровне. На перекрестке улицы Бичей и бульвара Звездной Пыли проходила массовая групповуха между пятью

десятками поклонников Иштар и десятью очаровательными девушкиами, кровью подписавшими договор о вступлении в число «Шлюх Кибелы».

Парети обошел оргию стороной. Идея, конечно, замечательная, но он не собирался по доброй воле помогать говну завладеть им.

Сидя в такси, он обозревал ландшафты. В Странноприимном храме гостям прислуживали девственные дочери городских богачей; на площади Солнца проходили публичные казни богохульников; христианство находилось в загоне — скучно.

Древний невадский обычай азартных игр еще соблюдался, однако изменился, разветвился и усложнился невероятно. В Восточных Пиритах выражение «Голову даю на отсечение» имело вполне прямой и довольно мрачный смысл.

Многие из процветавших в Восточных Пиритах занятий были незаконны, иные — невероятны, а некоторые просто непредставимы.

Парети тут сразу понравилось.

Он поселился в отеле «Вокруг Света Комбинэйшн», недалеко от Цеха Извращений, напротив зеленеющих просторов Сада Пыток*. Попав в номер, Парети принял душ, переоделся и задумался, куда бы ему пойти. Обед в «Бойне» — само собой. Потом, наверное, небольшая разминка в прохладной темноте клуба грязевых ванн, а потом...

Внезапно Парети ощущил, что он не один. В комнате был еще кто-то или что-то.

Он огляделся. Все вроде бы в порядке, но он мог поклясться, что положил куртку на стул. А теперь она лежала на кровати рядом с ним.

Поколебавшись секунду, он потянулся к куртке. Ткань скользнула в сторону. «Поймай меня!» — сказала куртка с монотонной игривостью. Парети кинулся на нее, но куртка отскочила.

Парети тупо уставился на нее. Проволока? Магниты? Шуточки управляющего? Инстинктивно он понимал, что не найдет рационального объяснения шевелящейся и говорящей одежде. Парети скрипнул зубами и пошел по следу.

Куртка ускользала от него, хохоча и размахивая полами, как летучая мышь. Наконец Парети загнал ее за массажный аппарат и ухватил за рукав. «Надо будет эту хренову тряпку

* Книга маркиза де Сада.

постират, — пришла ему в голову безумная мысль. — А потом сжечь».

Куртка обмякла на секунду. Потом свернулась в комочек и пощекотала ему ладонь.

Парети непроизвольно хихикнул, потом отшвырнул смятую одежду и вылетел из комнаты.

Спускаясь в лифте на улицу, он осознал, что это и есть настоящее начало болезни Эштона. Болезнь изменила его взаимоотношения с одеждой. С неодушевленным объектом. Говно охамело.

Что-то будет дальше?

Парети сидел в уютном местечке под названием «Уютное местечко». Это был зал игральных автоматов, введший в обиход сложную игру под названием «вставной». Чтобы вступить в игру, следовало сесть за длинной стойкой, перед круглым отверстием с полиэтиленовой прокладкой, и поместить в отверстие определенную часть тела. Игра была, само собой, чисто мужская.

Ставки помещались на мерцающие панельки, покрывавшие стойку. Огоньки менялись в соответствии со сложной компьютерной программой, и в зависимости от размещения и размера ставок с помещенной в отверстие деталью анатомии происходили самые разные вещи. Иногда очень приятные. А иногда — нет.

В десяти сиденьях направо от Парети пронзительно, побабы, завизжал человек. Явился служитель в белом с простыней и пневматическими носилками, унес игрока. Мужчина по левую руку от Парети наклонился вперед, вцепившись в стойку, и постанывал от наслаждения. На панели перед ним мигала янтарная надпись «ВЫИГРЫШ».

За спиной Парети появилась высокая стройная женщина со смоляно-черными волосами.

— Лапочка, ну что ж ты себя тратишь на это безобразие? Давай лучше спустимся ко мне и немного потискаемся...

Парети запаниковал. Он понял — говно снова за работой. Он отскочил от стойки в тот самый момент, как мерцающие огоньки перед ним сложились в слово «ПРОИГРЫШ» и из игрового отверстия донесся отчетливый звук циркулярных бритв. Ставки его засосало в панель, и Парети отвернулся, не глядя на женщину, зная, что она — самое щикарное создание, которое он видел в жизни. Только этих излишеств ему не хватало.

Он выбежал из «Уютного местечка». Говно и болезнь Эштона портили ему прекрасный отпуск. Но он не позволит, повторяю, *не позволит* какому-то говну взять верх. За его спиной рыдала женщина.

Он торопился, сам не зная куда. Страх был его невидимым двойником. То, от чего он бежал, сидело в нем, вздрагивало и росло в нем, бежало вместе с ним и, наверное, забегало вперед. Но бессмысленный ритуал бегства успокоил его, позволил поразмыслить.

Он уселся на садовой скамейке под непристойной формы пурпурным фонарным столбом. Многозначительно подмигивали неоновые рекламы. Было тихо — только играл музыкальный автомат — Парети сидел во всемирно известном сквере Бодуна. Он слышал только музыку из автомата и сдавленные стоны кончающегося в кустах туриста.

Что же делать? Он может бороться, он может, сосредоточившись, победить проявления болезни Эштона..

Газета прошелестела по тротуару и прилепилась к ноге Парети. Джо попытался сряхнуть ее. Газета вцепилась в ботинок и отчетливо прошептала: «Прошу тебя, пожалуйста, не отвергай меня!»

— *Сгинь!!!* — взвыл Парети. Его пробрал ужас; газета шуршала, пытаясь расстегнуть ему ботинки.

— Я хочу ноги тебе целовать, — молила газета. — Нужели это так страшно? Или грешно? Разве я уродлива?

— Отпусти! — заорал Парети, отдирая от себя газету, превратившуюся в пару огромных белых губ.

Проходящий мимо зевака остановился, присмотрелся и заявил:

— Черт, парень, это самое крутое представление, что я видел! Ты этим на хлеб зарабатываешь, или так, из любви к искусству?

— Вуайерист! — прошипела газета и упорхнула.

— Как ты ею управляешь? — спросил прохожий. — У тебя дистанционник в кармане, или как?

Парети тупо покачал головой. Внезапно на него навалилась усталость.

— Вы правда видели, как она мне ногу целует? — спросил он.

— Да я именно это и собирался сказать, — ответил прохожий.

— А я-то надеялся, что у меня просто галлюцинации, — пробормотал Парети.

Он встал со скамейки и, пошатываясь, побрел по дорожке. Он не спешил.

Он не торопился встретиться с очередным проявлением болезни Эштона.

В мрачном баре он выпил шесть коктейлей, и его пришлось тащить в общественный вытрезвитель на углу. Пока его приводили в чувство, он материли фельдшеров. Пьяный, он по крайней мере не должен был соревноваться с окружающим миром за обладание собственным рассудком.

В «Тадж-Махале» он играл в девочек, нарочно не глядя, когда кидал ножи и кинжалы в распятых на вертящемся колесе шлюх. Он отсек ухо блондинке, бесполезно всадил кинжал между ног брюнетки, при остальных же бросках мазал совершенно. Это обошлось ему в семьсот долларов. Он запротестовал, и его вышвырнули.

На Леопольдовом тракте к нему подошел головоменяла, предлагая невыразимые наслаждения незаконной смены голов у «аккуратного и очень надежного» доктора. Парети позвал полицию, и мошенник скрылся в толпе.

Таксист предложил съездить в «Долину Слез»; прозвучало не слишком весело, но Парети согласился. Заглянув в это заведение — восемьдесят первый уровень, трущобы, мерзкие запахи и тусклые фонари, — Парети сразу понял, куда его занесло. Некропритон. Вонь свежесваленных трупов забивала горло.

Он остался всего лишь на часок.

Потом были навч-точки, и слепые свиньи, и галлюциногенные бары, и множество рук, трогающих его, ласкающих его.

Наконец Парети обнаружил, что вернулся в парк, на то место, где на него кинулась газета. Он не помнил, как попал сюда, но на груди его красовалась татуировка в виде голой семидесятилетней карлицы.

Он побрел через парк, но быстро обнаружил, что это не лучшая дорога. Сосенки поглаживали и посасывали его плечи; «испанский мох» пел фанданго; плакучая ива орошала его слезами. Он бросился бежать, чтобы уйти от нескромностей голых кленов, черных шуток чернобыльника, томления тополей. Болезнь поражала через него все окружающее. Он заражал весь мир; да, он не мог передать свою болезнь людям, черт, все куда хуже, он нес ее всему *неодушевленному миру!* И изменившаяся вселенная обожала его, пыталась

завоевать его сердце. Богоподобный, Недвижный Движитель, неспособный справиться с невольными своими творениями, Парети боролся с паникой и пытался избежать страсти внезапно зашевелившегося мира.

Он прошел мимо банды подростков, предложивших за умеренную плату вышибить из него дух; но он отказал им и поковылял дальше.

Он вышел на бульвар де Сада, но и там не было ему покоя. Он слышал, как перешептываются о нем плитки мостовой:

— Какая он лапочка!

— Забудь, все равно он на тебя и не глянет.

— Ах ты, сука ревнивая!

— Я тебе говорю, не глянет он на тебя.

— Да ну тебя. Эй, Джо!..

— Ну что я тебе говорила! Он на тебя и не посмотрел!

— Но так нечестно! Джо, Джо, я тут...

— По мне, — заорал Парети, разворачиваясь, — одна плитка от другой ничем не отличается! Все вы тут на одно лицо!

Это их, слава Богу, заткнуло. Но что это?

Высоко над головой замигало световое панно, оповещавшее о скидках в «Секс-Городе». Буквы поплыли и свернулись в новую надпись:

Я НЕОНОВАЯ ВЫВЕСКА, И Я ОБОЖАЮ ДЖО ПАРЕТИ!

Немедленно собралась толпа, чтобы поглазеть на феномен.

— Да кто, мать его, такой этот Джо Парети? — осведомилась какая-то женщина.

— Жертва любви, — объяснил ей Парети. — Не произносите это имя громко, иначе следующий труп может стать вашим.

— У тебя крыша едет, — ответила женщина.

— Боюсь, что нет, — ответил Парети вежливо и немного безумно. — Сумасшествие — это, признаюсь, моя мечта, но боюсь, что мечта недостижимая.

Женщина проводила его взглядом, когда он распахнул дверь и вошел в «Секс-Город». Но она не поверила своим глазам, когда дверная ручка ласково похлопала Парети по ягодице.

— Дело, в общем, такое, — заявил продавец. — Исполнение не проблема; самое сложное — это желание, доезжаете? Исполненные желания гибнут, и их приходится заме-

нять новыми, иными желаниями. Чертова уйма людей мечтает стать извращенцами, но не могут, потому как всю жизнь желали только всякого пристойного. Но мы в Центре Импульсной Имплантации можем внушить вам все, чего вы захотите пожелать!

Продавец вцепился в рукав Парети турохваткой — резиновым захватом на телескопическом шесте, применяемым для удержания туристов, прогуливающихся по Аркаде Странных Услуг, и притягивания оных туристов поближе к прилавку.

— Спасибо, с меня хватит, — произнес Парети, без особого успеха пытаясь стяхнуть турохватку с рукава.

— Эй, парень, постой, обожди! У нас спецскидка, сущие гроши, только на этот час! Представь, мы тебе педофилию вставим, настоящее крутое желание, незатасканное еще, а? Или зоофилия... или оба возьмите, совсем дешево выйдет...

Парети ухитрился вывернуться из зажима и помчался по Аркаде, не оборачиваясь. Он-то знал, что никогда нельзя импульсно имплантироваться в уличных лавках. Один его приятель-сборщик, находясь в отпуске, совершил подобную ошибку; ему подсунули страсть к гравию, и бедняга скончался через три предположительно наполненных наслаждением часа.

Аркада кишила народом, крики и смех придурков и извращенцев на каникулах поднимались к центральному куполу, к переливчатым огням, орущим динамикам и травожогам, испускающим непрерывные струйки сладостного марихуанового дыма. Парети желал тишины; он желал одиночества.

Он забрел в «Лавку Духов». В некоторых штатах половые сношения с призраками запрещались законом, но большинство докторов соглашались, что это вполне безвредно, если не забыть потом смыть остаток эктоплазмы тридцатипроцентным спиртом. Женщины, конечно, рисковали больше (Парети обратил внимание на «Платный душ и биде» как раз напротив Аркады и изумился на мгновение тщательности Бюро по развитию бизнеса Восточных Пиритов — все продумано).

Он расслабился в темноте, услыхал тихий, жуткий стон...

Потом дверь открылась.

— Мистер Джозеф Парети? — спросила служительница в униформе.

Парети кивнул:

— В чем дело?

— Прошу прощения, что побеспокоила, сэр, но вам звонят. — Она передала Парети телефон, погладила по ноге и

вышла, закрыв дверь. В руках у Парети телефон зажужжал. Джо поднял трубку:

— Алло?

— При-ивет!

— Кто это?

— Это твой телефон, дурачок! А ты что подумал?

— Не могу я больше это выносить! Заткнись!

— Говорить-то несложно, — заметила трубка. — Сложнее найти, что сказать.

— Ну так и что ты хочешь сказать?

— Да ничего особенного. Просто хотела тебе напомнить, что где-то, как-то, но Берд еще жив.

— Берд? Какой Берд? О чём ты, мать твою, болтаешь?

Ответа не было. В трубке воцарилась тишина.

Парети поставил телефон на подлокотник и откинулся в кресле, искренне надеясь, что хоть немного побудет в тишине и покое. Телефон зажужжал почти сразу же. Парети сидел неподвижно, и телефон принял звонить. Парети снова поднял трубку:

— Алло?

— При-ивет! — пропел шелковый голос.

— Да кто это?!

— Это твоя телефонная трубка, Джо, милый. Я уже звонила. Думала, ты запомнишь голос.

— Оставь меня в покое! — почти простонал Джо.

— Как же я могу, Джо? — спросила трубка. — Я люблю тебя! Ох, Джо, Джо, я так старалась тебе угодить. Но ты такой мрачный, детка, я прямо не знаю. Я была такой сосенкой, а ты даже не глянул на меня! Я стала газетой, а ты даже не удосужился прочесть, что я тебе написала, неблагодарный ты!

— Ты моя болезнь, — пробормотал Джо заплетающимся языком. — Сгинь!

— Я? Болезнь? — переспросила трубка с обидой в шелковом голосе. — О, Джо, лапочка, как ты можешь так обо мне говорить? Как ты можешь изображать равнодушие, после всего что было между нами?

— Не знаю, о чём ты, — проговорил Парети.

— Ты прекрасно знаешь! Ты каждый день приходил ко мне, Джо, в теплое море. Я была тогда молодая и глупая, ничего не понимала. Я пыталась спрятаться от тебя. Но ты вытаскивал меня из воды, ты влек меня к себе; ты был так терпелив и нежен, и мало-помалу я выросла. Иногда я даже

пыталась влезть по рукоятке сачка, чтобы поцеловать твои пальцы...

— Хватит! — Парети казалось, что рассудок отказывает ему, это безумие, все плывет и меняется, мир и «Лавка Духов» завертелись каруселью. — Ты все не так поняла!

— Ну как же! — возмутилась трубка. — Ты называл меня ласковыми словами, я была твоим гребаным говном! Признаюсь, я пробовала и с другими мужчинами, прежде чем мы встретились, Джо. Но ведь и у тебя были женщины, так что давай не будем ворошить прошлое. Но даже с теми пятерыми я никак не могла стать тем, чем мечтала. Ты ведь понимаешь, как мне это было больно, да, Джо? Передо мной лежала вся жизнь, а я не знала, что с ней делать. Облик — это карьера, знаешь, и я так путалась, пока не встретила тебя... Извини, что я так болтаю, дорогой, но мы в первый раз смогли поговорить спокойно.

Парети прорвался сквозь этот многословный бред и наконец понял. Говно недооценили. Оно было юным, немым, но отнюдь не лишенным разума созданием, движимым могучей страстью, общей для всех живых тварей. Страстью обрести облик. Оно развивалось...

Во что?

— Так как ты думаешь, Джо? Чем бы ты хотел меня видеть?

— А ты можешь стать девушкой? — смущенно спросил Парети.

— Боюсь, что нет, — ответила трубка. — Я пыталась несколько раз, и симпатичной колли пыталась быть, и лошадью. Но, наверное, у меня очень скверно получалось, и чувствовала я себя ужасно. Я хочу сказать, это просто не для меня. Но что-нибудь другое — только попроси!

— Нет! — взревел Парети. На мгновение он поддался. Безумие захватывало его.

— Я могу стать ковриком под твоими ногами или, если тебе это покажется неприличным, твоим бельем...

— Я не люблю тебя, будь ты проклята! — взвизгнул Парети. — Ты просто серое гнусное говно! Ненавижу тебя! Ты, зараза... что б тебе не влюбиться во что-нибудь вроде себя?

— Нет ничего похожего на меня, кроме меня, — всхлипнула трубка. — И я ведь люблю тебя!

— А я тебя в гробу видел!

— Ты садист!

— А ты воняешь, ты уродка, я не люблю тебя и никогда не любил!

— Не говори так, Джо, — предупредила трубка.

— А я говорю! Я тебя никогда не любил, я *только пользовался тобой!* Не нужна мне твоя любовь, тошнит меня от нее, поняла?!

Он ждал ответа, но трубка хранила зловещее, мрачное молчание. Потом послышались гудки. Трубка повесилась.

Парети вернулся в отель. Он сидит в своем шикарном номере, хитроумно созданном для механических подобий любви. Любить Парети, без сомнения, возможно; но сам он лишен любви. Это ясно стулу, и кровати, и легкомысленной лампе под потолком. Даже не слишком наблюдательный шкаф замечает, что Парети никого не любит.

Это не просто печально; это раздражает. И это не просто раздражает; это бесит. Любить — значит позволять, не любить — непозволительно. Неужели это правда? Джо Парети не любит лишенную любви возлюбленную.

Джо Парети — мужчина. Шестой мужчина, отвергнувший любовь своей любящей любовницы. Мужчина не любит: можно ли спорить с этим выводом? Так можно ли ожидать, что обманутая страсть не вынесет свой приговор?

Парети глядит вверх и видит на стене напротив зеркало в золоченой оправе. Он вспоминает, что зеркало привело Алису в Зазеркалье, а Орфея — к погибели; что Кокто называл зеркала вратами в ад.

Он спрашивает себя: что есть зеркало? И отвечает: зеркало — это глаз, который ждет, чтобы им посмотрели.

Он глядит в зеркало и видит, что из зеркала выглядывает Парети.

У Джо Парети — пять новых глаз. Два на стенах спальни, один — в спальне на потолке, один в ванной, один — в гостиной. Он смотрит новыми глазами и видит новые вещи.

Там, на кровати, сидит лишенная любви тварь. Из полумрака выступает настольная лампа, в ярости выгнув шею. Видна еще дверь шкафа, оцепеневшая и немая от ярости.

Любовь — всегда риск; но ненависть — опасность смертельная.

Джо Парети выглядывает из зеркал и говорит себе: я вижу — человек сидит на стуле и стул кусает его за ногу.

О ЖИЗНИ И ЛЮБВИ

БРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА

Эдвард Флэзвелл купил за глаза астероид в Межзвездной земельной конторе, расположенной на Земле. Он выбрал его по фотоснимку, где не было почти ничего, кроме живописных гор. Но Флэзвелл был любитель гор, он даже заметил клерку, принимавшему заявки:

— А ведь, пожалуй, браток, там и золотишко есть?

— Как же, как же, старик, — в тон ему отвечал клерк, удивляясь про себя, как может человек в здравом рассудке забраться куда-то на расстояние нескольких световых лет от ближайшего существа женского пола. На это способен разве лишь сумасшедший, заключил про себя клерк, окидывая Флэзвелла испытующим взглядом.

Но Флэзвелл был в здравом уме. Он просто не думал об этом.

Итак, он подписал обязательство на незначительную сумму, имеющую быть выплаченной в определенный срок, а также обещание вносить ежегодно значительные улучшения в свой участок. Не успели просохнуть на купчей чернила, как он взял билет на радиоуправляемый грузовой корабль второго класса, погрузил на него ассортимент подержанного оборудования и отправился в свои владения.

По прибытии на место начинающие колонисты обычно убеждаются, что приобрели кусище голой скалы. Не то Флэзвелл. Его астероид «Шанс», как он его назвал, имел некий минимум атмосферы, а для чистого воздуха в него можно было подкачать кислороду. Была там и вода — бурильный молоток обнаружил ее на двадцать третьей пробе. В живописных горах не оказалось золота, зато нашлось немного

Бремя Человека

© Р. Гальперина, перевод, 1966

Human Man's Burden

Copyright © 1956 by Galaxy Publishing Corp.

полезного тория. А главное, значительная часть почвы оказалась пригодной для выращивания диров, олджей, смисов и других экзотических плодовых деревьев. И Флэзвелл частенько говорил своему старшему роботу:

— Увидишь, я еще стану здесь богатым человеком!

На что робот неизменно отвечал:

— Истинная правда, босс!

Астероид и в самом деле оказался из многообещающих. Освоить его было не под силу одному человеку, но Флэзвеллу едва исполнилось двадцать семь лет, он обладал крепким сложением и решительным характером. Земля расцветала под его руками. Месяц проходил за месяцем, а Флэзвелл все также возделывал свои сады, разрабатывал рудники и вывозил товары на единственном грузовом корабле, изредка навещавшем его астероид.

Однажды старший робот сказал ему:

— Хозяин, Человек, сэр, вы мне что-то не нравитесь, мистер Флэзвелл, сэр!

Флэзвелл досадливо поморщился. Бывший владелец его роботов был сторонник человеческого суперматизма, и притом самого бешеного толка. Своих роботов он запрограммировал согласно собственным представлениям о должном уважении к Человеку. Их ответы раздражали Флэзвелла, однако новая программа потребовала бы затрат. А где бы еще достал он роботов по такой сходной цене!

— Со мной все в порядке, Ганга-Сэм, — ответил он.

— Ах, прошу прощения, сэр! Но это не так, мистер Флэзвелл, сэр! Вы даже сами с собой разговариваете в поле — простите, что я осмелился вам это сказать.

— Пустяки, не имеет значения.

— И в левом глазу у вас, я замечаю, тик появился, саиб! И руки у вас дрожат. И вы слишком много пьете, сэр. И...

— Довольно, Ганга-Сэм! Робот должен знать свое место, — ответил Флэзвелл. Но, заметив выражение обиды, которое робот умудрился изобразить на своем металлическом лице, он вздохнул и сказал: — Разумеется, ты прав. Да ты и всегда прав, дружище! Что же это со мной, в самом деле?

— Вы взвалили на себя слишком тяжелое Бремя Человека.

— Это я и сам знаю! — И Флэзвелл всей пятерней взъерошил непослушные черные волосы. — Иногда я завидую вам, роботам. Вечно вы смеетесь, беззаботные и счастливые.

— Это потому, что у нас нет души.

— У меня она, к сожалению, есть. Так что бы ты мне присоветовал?

— Поезжайте в отпуск, мистер Флэзвелл, босс! — предложил Ганга-Сэм и мудро предпочел скрыться, чтобы дать хозяину время подумать.

Флэзвелл по достоинству оценил любезное предложение слуги, но ехать в отпуск было сложно. Его астероид «Шанс» находился в Троцийской системе, пожалуй, самой изолированной, какую можно найти в наши дни. Правда, он был расположен на расстоянии всего лишь пятнадцати летных дней от сомнительных развлечений Цитеры-III и разве лишь чуть подальше от Нагондисона, где человек с луженой глоткой мог вволю повеселиться. Но расстояние — деньги, а деньги — как раз то самое, что Флэзвелл хотел выколотить из своего «Шанса».

Флэзвелл развел еще много культур, добыл еще много тория и отпустил бороду. Он продолжал что-то бормотать себе под нос, находясь в поле, и налегал на бутылку дома по вечерам. Кое-кто из роботов, простых сельскохозяйственных рабочих, пугался, когда Флэзвелл, пошатываясь, проходил мимо. Нашлись и такие, что начали уже молиться разжалованному богу огня. Но верный Ганга-Сэм вскоре положил конец этому зловещему развитию событий.

— Глупые вы машины! — говорил он роботам. — Человеческий босс — он в порядке. Он сильный и добрый! Верьте, братья. Я не стал бы вас обманывать!

Но воркотня не прекращалась, потому что роботы требовали, чтобы Человек наставлял их своим примером. Бог весть, к чему бы это привело, не получи Флэзвелл с очередной партией продовольствия новенький сверкающий каталог Рэбек-Уорда.

Любовно развернул он его на своем грубом пластмассовом столике и при свете простой люминесцентной лампочки начал в него вникать. Какие чудеса там рекламировались на зависть и удивление одинокому колонисту! Домашние самогонные аппараты, заменители луны, портативные солидовизоры и...

Флэзвелл перевернул страницу, прочел, слегка сглотнул слюну и снова перечел. Объявление гласило:

«НЕВЕСТЫ — ПОЧТОЙ!

Колонисты! Довольно страдать от проклятого одиночества! Довольно нести одному Бремя Человека! Рэбек-Уорд

впервые в истории предлагает вам отборный контингент невест для колониста! С гарантией!

Рэбек-уордовская модель пограничной невесты отбирается по признаку здоровья, приспособляемости, проворства, стойкости, всякой полезной колонисту сноровки и, разумеется, известной миловидности. Эти девушки могут жить на любой планете, поскольку центр тяжести у них расположен сравнительно низко, пигментация кожи подходит для любого климата, а ногти на руках и ногах короткие и крепкие. Что до фигуры, то они сложены пропорционально, но вместе с тем не так, чтобы отвлекать человека от дела, каковое достоинство, без сомнения, оценит наш трудяга колонист.

Рэбек-уордовская пограничная модель представлена в трех размерах (спецификация) — на любой вкус. По получении вашего запроса Рэбек-Уорд вышлет вам свежезамороженный экземпляр грузовым кораблем третьего класса. Это сократит до минимума почтовые расходы.

Спешите заказать образцовую пограничную невесту сегодня же!»

Флэзвелл послал за Ганга-Сэмом и показал ему объявление. Человек-машина прочитал его про себя, а потом взглянул хозяину прямо в лицо.

— Как раз то, что нам требуется, эфенди, — сказал старший робот.

— Ты думаешь? — Флэзвелл вскочил и взволнованно зашагал по комнате. — Но ведь я еще не располагал жениться. И потом, кто же так женится? Да еще понравится ли мне она?

— Человеку-Мужчине положено иметь Человека-Женщину.

— Согласен, но...

— Неужто они заодно не пришлют свежезамороженного священника?

По мере того как Флэзвелл проникал в хитрую догадку слуги, по лицу его расплзлась довольная усмешка.

— Ганга-Сэм, — сказал он. — Ты, как всегда, ухватил самую суть дела. По-моему, контракт предусматривает мораторий на обряд, чтобы человек мог собраться с мыслями и принять решение. Заморозить священника — дорогое удовольствие. А пока суд да дело, неплохо иметь под рукой девушку, которая возьмет на себя положенную ей работу.

Ганга-Сэм ухитрился изобразить на лице загадочную улыбку. Флэзвелл сразу же сел и заказал образцовую пограничную невесту малого размера: он считал, что и этого более чем достаточно. Ганга-Сэму было поручено передать заказ по радио.

В ожидании Флэзвелл себя не помнил от волнения. Он уже загодя стал посматривать на небо. Работам передалось его настроение. Вечерами их беззаботные песни и пляски прерывались взволнованным шепотом и затаенными смешками. Механические люди проходу не давали Ганга-Сэму:

— Эй, мастер! Расскажи, какая она, эта Человек-Женщина, хозяйка?

— Не ваше дело, — отвечал Ганга-Сэм. — Это дело Человека. Вам, роботам, лучше не соваться!

Но в конце концов и он не выдержал характера и стал наравне с другими поглядывать на небо.

Все эти недели Флэзвелл размышлял о преимуществах пограничной невесты. И чем больше он думал, тем больше привлекала его сама идея. Эти накрашенные, расфранченные куколки решительно не по нему. Как приятно обзавестись жизнерадостной, практичной, рассудительной подругой жизни, умеющей стряпать и стирать; она будет присматривать за домом и за роботами, кроить, шить и варить варенье...

В этих грезах коротал он дни, искусывая себе до крови ногти.

Наконец корабль засверкал на горизонте. Он приземлился, выбросил за борт объемистый контейнер и улетел по направлению к Амире-IV.

Роботы подобрали контейнер и принесли его Флэзвеллу.

— Ваша нареченная, сэр! — ликовали они, подкидывая на ладонях масленки.

Флэзвелл объявил на радостях, что дает им свободных полдня, и вскоре остался в столовой один с большим холодным ящиком. Надпись на крышке гласила: «Обращаться осторожно! Внутри женщина!»

Он нажал на ручки размораживателя, выждал положенный час и открыл контейнер. Внутри оказался второй, потребовавший для разморозки целых два часа. Флэзвелл в нетерпении бегал из угла в угол, догрызая на ходу остатки ногтей.

Наконец настало время раскрыть и этот ящик. Трясущимися руками Флэзвелл снял крышку и увидел...

— Э-э-это еще что?! — воскликнул он.

Девушка в контейнере прищурилась, зевнула как кошечка, открыла глаза и села. Оба уставились друг на друга, и Флэзвелл понял, что произошла ужасная ошибка.

На ней было прелестное, но абсолютно непрактичное платьице, на котором золотыми нитками было вышито ее имя — Шейла. Вслед за этим Флэзвеллу бросилось в глаза изящество ее фигурки, нимало не подходившей для тяжелого труда в внепланетных условиях, и белоснежная кожа — под жгучим астероидным летним солнцем она, конечно, покроется волдырями. А уж руки — изящные, с длинными пальцами и алыми ноготками, совсем не то, что обещал каталог Рэбек-Уорда. Что же до ног и прочих статей, решил про себя Флэзвелл, то все это уместно на Земле, но не здесь, где человек целиком принадлежит своей работе.

Нельзя было даже сказать, что у нее низко расположен центр тяжести. Как раз наоборот!

И Флэзвелл почувствовал, что его обманули, одурачили, обвели вокруг пальца.

Шейла выпорхнула из своего кокона, подошла к окну и окинула взглядом цветущие зеленые поля Флэзвелла в рамке живописных гор.

— А где же пальмы? — спросила она.

— Пальмы?..

— Разумеется. Мне говорили, что на Сирингаре-В растут пальмы.

— Так это же не Сирингар-В, — ответил Флэзвелл.

— Как, разве вы не паша де Шре? — ахнула Шейла.

— Ничуть не бывало. Обыкновенный пограничный житель. А вы разве не пограничная невеста?

— Ну и ну! Разве я на нее похожа? — огрызнулась Шейла, гневно сверкая глазами. — Я — модель «ультралюкс» в роскошном оформлении, мне была выписана путевка на субтропическую райскую планету Сирингар-В.

— Обоих нас подвели. Очевидно, напутали в транспортном отделе, — угрюмо отозвался Флэзвелл.

Девушка оглядела голую столовую, и ее хорошенъкое лицо скривилось в гримаску.

— Но вы ведь можете устроить, чтоб меня переправили на Сирингар-В?

— Что до меня, то я не позволяю себе даже поездки в Нагондисон, — сказал Флэзвелл. — Но я извещу Рэбек-Уорда об этом недоразумении, и они, конечно, перевезут вас, когда пришлют мне мою образцовую пограничную невесту.

Шейла повела плечиком.

— Путешествия расширяют кругозор, — заметила она небрежно.

Флэзвелл рассеянно кивнул. Он крепко задумался. Эта девушка, по всему видно, лишена достоинств образцовой колонистки. Но она удивительно хороша собой. Почему бы не превратить ее пребывание здесь в нечто приятное для обеих сторон?

— При сложившихся условиях, — сказал он со своей самой располагающей улыбкой, — ничто не мешает нам стать друзьями.

— При каких это условиях?

— Просто мы единственные люди на всем астероиде. — И он слегка прикоснулся к ее плечику. — Давайте выпьем! Вы расскажете мне о себе. Были вы...

Но тут за его спиной раздался оглушительный лязг. Он повернулся и увидел, что из особого отделения в контейнере вылезает небольшой коренастый робот, сидевший там на корточках.

— Что вам здесь нужно? — спросил Флэзвелл.

— Я — брачующий робот, — сказал робот. — Уполномочен государством регистрировать браки в космосе. А также прикомандирован компанией Рэбек-Уорд к этой молодой леди на правах ее опекуна, дуэни и защитника — пока моя основная миссия, а именно свершение брачного обряда, не будет успешно выполнена.

— Наглый холуй, проклятый робот! — чертыхнулся Флэзвелл.

— А чего же вы ждали? — спросила Шейла. — Уж не свежезамороженного ли священника?

— Конечно, нет! Но согласитесь: робот-дуэнья...

— Лучшей и быть не может! — запротестовала она. — Вы не представляете, как некоторые мужчины ведут себя на расстоянии нескольких световых лет от Земли.

— Вы так думаете?

— По крайней мере так говорят, — ответила Шейла, скромно потупившись. — Да и согласитесь, нареченная невеста паша де Шре не может путешествовать без охраны.

— Возлюбленные чада, — загнусил робот нараспев, — мы собрались здесь, чтобы соединить...

— Не сейчас, — надменно оборвала его Шейла. — И не с этим...

— Я поручу роботам приготовить для вас комнату, — прорычал Флэзвелл и удалился, ворча себе что-то под нос, насчет Бремени Человека.

Он послал радиограмму Рэбек-Уорду, и ему сообщили, что заказанная модель невесты будет выслана безотлагательно, а самозванку у него заберут. После чего он возвратился к обычным своим трудам с твердым намерением не замечать Шейлу и ее дуэнью.

На «Шансе» опять закипела работа. Предстояло разведать новые месторождения тория и вырыть новые колодцы. Приближался сбор урожая, работы долгие часы проводили в поле и в садах, их честные металлические физиономии лоснились от машинного масла, воздух был напоен благоуханием цветущего дира.

Между тем Шейла заявляла о своем присутствии с вкрадчивой, но тем более ощутимой силой. Вскоре над голыми лампочками люминесцентного света запестрели пластмассовые абажуры, угрюмые окна украсились занавесками, а пол — разбросанными там и сям половиками. Да и вообще во всем доме замечались перемены, которые Флэзвелл не так видел, как ощущал.

Стало разнообразнее и питание. У робота-повара от времени стерлась во многих местах его памятная лента, и теперь все меню бедняги сводилось к бефстроганову, огуречному салату, рисовому пудингу и какао. Все время своего пребывания на «Шансе» Флэзвелл stoически обходился этим меню и только иногда разнообразил его пайками НЗ.

Взяв повара в работу, Шейла с поистине железным терпением нанесла на его ленту рецепты жаркого, тушеного мяса, салата оливье, яблочного пирога и многое другое. Таким образом, в отношении питания на «Шансе» наметились крупные перемены к лучшему. Когда же Шейла начала заполнять вакуумные баллоны смиссовым джемом, Флэзвелла окончательно одолели сомнения.

Что ни говори, а рядом — на редкость практическая и деловитая особа; несмотря на расточительную внешность, она делает все, что требуется от пограничной жены. Плюс у нее еще и другие достоинства! Далась ему эта рэбек-урдовская пограничная модель!

Поразмыслив на эту тему, Флэзвелл сказал своему старшему роботу:

— Ганга-Сэм, у меня с этим делом положительно ум за разум заходит!

— Чего изволите? — отозвался старший робот с каким-то особенно безразличным выражением на металлическом лице.

— Мне сейчас как никогда необходима ваша роботовская интуиция, — продолжал Флэзвелл. — Она себя совсем не-плохо показала — верно, Ганга-Сэм?

— Человек-Женщина взяла на себя свою, положенную ей долю Бремени Человека.

— Да, так оно и есть. Вопрос, насколько ее хватит? Сейчас она делает не меньше, чем образцовая пограничная жена, верно? Стряпает, заготавливает консервы...

— Рабочие ее любят, — сказал Ганга-Сэм с простодушным достоинством. — Вы и не знаете, сэр: когда на прошлой неделе у нас началась эпидемия ржавчины, мэм пользовала нас ночью и днем и утешала испуганных молодых рабочих.

— Возможно ли? — воскликнул потрясенный Флэзвелл. — Девушка из хорошего дома, одно слово — модель «люкс»...

— Неважно, она — Человек, и у нее хватило силы и благородства взвалить на себя Бремя Человека.

— А знаешь? — сказал Флэзвелл с запинкой. — Ты меня убедил. Я и в самом деле считаю, что она подходит нам. Не ее вина, что она не пограничная модель. Все зависит от отбора и ухода, тут уж ничего не попишешь. Пойду скажу ей — пусть остается. И аннулирую свой заказ Рэбеку.

В глазах робота вспыхнуло странное выражение — почти смех. Он низко поклонился и сказал:

— Все будет, как хозяин скажет.

Флэзвелл побежал искать Шейлу.

Он нашел ее на медпункте, устроенном в бывшем складе инструментов. Здесь с помощью роботехника Шейла лечила вывихи и ссадины, эти обычные хвори у существ с металлической кожей.

— Шейла, — сказал Флэзвелл, — мне надо с вами поговорить.

— Ладно, — отозвалась она рассеянно, — вот только закреплю болт. — Она искусно вставила болт на место и потрепала робота по плечу гаечным ключом.

— А теперь, Педро, испробуем твою ногу.

Робот осторожно ступил на больную ногу, а потом налег на нее всей тяжестью. Убедившись, что она его держит, он со смешными ужимками заплясал вокруг Человека-Женщины, приговаривая:

— Ай да мэм, вы замечательно ее исправили, босс-леди! Грациас, мэм!

Все так же смешно пританцовывая, он вышел на солнце.

Флэзвелл и Шейла, посмеиваясь, смотрели ему вслед.

— Они совсем как дети! — сказал Флэзвелл.

— Их нельзя не любить, — подхватила Шейла. — Веселые, беззаботные...

— Но у них нет души, — напомнил Флэзвелл.

— Да, — отозвалась она, сразу посеръезнев. — Это правда. Так зачем же я вам понадобилась?

— Я хотел вам сказать...

Тут Флэзвелл огляделся. Медпункт содержался в безукоризненной, стерильной чистоте. Повсюду на полках лежали гаечные ключи, болты, шурупы, ножовки, пневматические молотки и прочий хирургический инструментарий. Пожалуй, обстановка не благоприятствовала объяснению, к которому он готовился.

— Давайте уйдем отсюда, — сказал он.

Они вышли из больницы и цветущими зелеными садами направились к подножию любимых Флэзвеллом величественных гор. Затененный отвесными утесами, тут поблескивал тихий, темный пруд, а над ним склонились гигантские деревья, выращенные при помощи стимуляторов роста.

Здесь они остановились.

— Вот что я хотел вам сказать, — начал Флэзвелл. — Вы, Шейла, меня удивили. Я думал, вы из белоручек, не знающих, куда себя девать. Ваши привычки, ваше воспитание, да и ваша наружность — все указывало на это. Но я был не прав. Вы не убоялись трудностей нашей пограничной жизни, вы одержали верх и завоевали все сердца.

— Все ли? — вкрадчиво спросила Шейла.

— По-моему, я говорю от имени каждого робота на этом астероиде. Они вас боготворят. Я считаю, что вы наша и должны остаться здесь.

Наступила пауза, только хлопотун ветер шелестел в гигантских искусственно взращенных деревьях и рябил темную поверхность озера.

Наконец она сказала:

— Вы и в самом деле думаете, что мне нужно здесь остаться?

Флэзвелла захлестнуло ее пленительное очарование, он чувствовал, что тонет в топазовой глубине ее глаз. Сердце его учащенно забилось, он коснулся ее руки, и она чуть-чуть задержала его пальцы в своих.

— Шейла...

— Да, Эдвард?..

— Возлюбленные чада! — пролаял скрипучий металлический голос. — Мы собрались здесь, чтобы...

— Опять вы не вовремя, болван! — разгневалась Шейла.

Брачующий робот выступил из кустов и сказал недовольно:

— Уж я-то меньше всего люблю соваться в дела людей, но такова программа, записанная в моем запоминающем устройстве, и никуда от этого не денешься! Если вы меня спросите, так эти физические контакты вообще ни к чему. Чтобы убедиться на опыте, я и сам как-то пробовал обняться с роботом-швеей. И заработал здоровую ссадину. А раз я даже почувствовал во всем теле что-то вроде электрического тока или колотья, и в глазах у меня замелькали какие-то геометрические фигуры. Гляжу — а это с провода сорвался изолятор. Ощущение было не из приятных...

— Наглый холуй, проклятый робот! — чертыхнулся Флэзвелл.

— Не считите меня навязчивым. Я только хотел объяснить, что и сам не вижу смысла в инструкции всемерно препятствовать физическому сближению до венчального обряда. Но, к сожалению, приказ есть приказ. А потому нельзя ли нам сейчас покончить с этим делом?

— Нет! — грозно сказала Шейла.

И робот, покорно пожав плечами, опять полез в кусты.

— Терпеть не могу, когда робот забывается! — сказал Флэзвелл. — Но это уже не имеет значения!

— Что не имеет значения?

— Да, — сказал Флэзвелл убежденно, — вы ни в чем не уступите ни одной пограничной невесте, и при этом вы куда красивее. Шейла, согласны вы стать моей женой?

Робот, неуклюже возившийся в кустарнике, снова выполз наружу.

— Нет! — сказала Шейла.

— Нет? — повторил озадаченный Флэзвелл.

— Вы меня слышали! Нет. Ни под каким видом!

— Но почему же? Вы так нам подходите, Шейла! Роботы вас боготворят. Никогда они так не работали...

— Меня вот ни столечко не интересуют ваши роботы! — воскликнула она, выпрямившись во весь рост. Волосы ее растрепались, глаза метали молнии. — И ни капли не интересует ваш астероид. А тем более не интересуете вы! Я хочу на Сирингар-V, там мой нареченный паша будет меня на руках носить!

Оба смотрели друг на друга в упор: она — бледная от гнева, он — красный от смущения.

— Ну как, прикажете начинать? — осведомился брачующий робот. — Возлюбленные чада...

Шейла повернулась и стрелой помчалась к дому.

— Ничего не понимаю! — плакался робот. — Когда же мы наконец сотворим обряд?

— Обряда вообще не предвидится, — оборвал его Флэзвелл и прошествовал домой с гордым видом, внутренне кипя от злости.

Робот поколебался с минуту, испустил вздох, отдававший металлом, и пустился догонять образцовую невесту «ультра-люкс».

Всю ночь Флэзвелл просидел в своей комнате, усиленно прикладываясь к бутылке и что-то бормоча себе под нос. С рассветом верный Ганга-Сэм постучался и вошел к нему в комнату.

— Вот они, женщины! — бросил Флэзвелл своему верному приближенному.

— Чего изволите? — откликнулся Ганга-Сэм.

— Я никогда их не пойму! Она меня за нос водила. Я-то думал — она метит здесь оставаться. Я-то думал...

— Душа Мужчины темна и смутна, — сказал Ганга-Сэм. — Но она прозрачна как кристалл по сравнению с душой Женщины.

— Откуда это у тебя? — спросил Флэзвелл.

— Старая поговорка роботов.

— Удивляете вы меня, роботы! Иногда мне кажется, что у вас есть душа.

— О нет, мистер Флэзвелл, босс! В спецификации по роботехнике особо указано, что роботов надо строить без души, чтобы избавить их от страданий.

— Мудрое указание, — сказал Флэзвелл, — не мешало бы подумать об этом и в отношении людей. Ну да черт с ней! Ты-то зачем пожаловал?

— Я пришел доложить, что грузовой корабль вот-вот приземлится.

Флэзвелл побледнел.

— Как, уже? Значит, он привез мою невесту?

— Надо думать.

— А Шейлу увезет на Сирингар?

— Определенно!

Флэзвелл застонал и схватился за голову. А потом выпрямился и сказал:

— Ладно, ладно! Пойду посмотрю, готова ли она.

Он нашел Шейлу в столовой: она стояла у окна и смотрела, как корабль снижается по спирали.

— Желаю вам счастья, Эдвард, — сказала она. — Надеюсь, новая невеста не обманет ваших ожиданий.

Корабль приземлился, и роботы начали вытаскивать большой контейнер.

— Пойду, — сказала Шейла. — Они не станут долго ждать.

Она протянула ему руку.

Он стиснул ей пальцы и сам не заметил, как схватил ее за плечо. Она не противилась, да и брачующий робот почему-то не ворвался в комнату. Флэзвелл и сам не помнил, как она очутилась в его объятиях. Он поцеловал ее, и это было, словно на горизонте засияло новое солнце.

Наконец он сказал осипшим голосом и будто себе не веря:

— Вот так-так. — Флэзвелл дважды кашлянул. — Шейла, я люблю тебя! У меня тебе, конечно, не видать роскоши, но если ты останешься...

— Наконец-то ты догадался, что любишь меня, дурачок! — сказала она. — Конечно же, я остаюсь.

Наступили поистине головокружительные, упоительные минуты. Но тут за окном раздался гомон роботов. Дверь распахнулась, и в комнату ввалился брачующий в сопровождении Ганга-Сэма и двух сельскохозяйственных роботов.

— Вот уж действительно! Даже не верится! — воскликнул брачующий. — Думал ли я дожить до дня, когда робот восстанет на робота.

— Что случилось? — спросил Флэзвелл.

— Этот ваш мастер сидел у меня на загривке, — пожаловался брачующий, — а его дружки держали меня за ноги. Но ведь я рвался сюда, чтобы свершить обряд, предписанный правительством и фирмой Рэбек-Уорд!

— Что же это ты, Ганга-Сэм? — спросил Флэзвелл, ухмыляясь.

Брачующий тем временем бросился к Шейле:

— Ну как, вы живы? И с вами ничего не случилось? Ни ссадин, ни коротких замыканий?

— Нет-нет, все обошлось, — выдохнула Шейла, с трудом приходя в себя.

— Это все я натворил, босс, сэр, — повинился Ганга-Сэм. — Каждому известно, что Мужчина и Женщина должны во время жениховства побывать вдвоем. Я только делал то, что считал своим долгом в отношении Человечьей Расы, мистер Флэзвелл, босс, саиб!

— Молодчина, Ганга-Сэм, я очень тебе обязан... О Господи...

— Что случилось? — испуганно отозвалась Шейла.

Флэзвелл уставился в окно. Роботы волокли к дому большой контейнер.

— Это она, образцовая пограничная невеста! Что же нам делать, мой ангел? Ведь я тогда от тебя отказался и затребовал другую. Как теперь быть с контрактом?

— Не беспокойся, — рассмеялась Шейла. — В ящике нет никакой невесты. Сразу же по получении твой заказ был аннулирован.

— Неужели?

— В том-то и дело! — Она смущенно потупилась. — Но ты на меня, пожалуй, рассердишься...

— Не рассержусь, — обещал он. — Только объясни мне...

— Видишь ли, все ваши портреты, жителей границы, вывешены в конторе фирмы, так что невесты видят, с кем им придется встретиться. Они-то вольны выбирать жениха по вкусу, и я так долго торчала там — просила, чтоб меня выписали из моделей «ультралюкс», пока... пока не познакомилась с заведующим столом заказов. И вот, — выпалила она залпом, — упросила его послать меня сюда.

— А как же паша де Шре?

— Я его выдумала.

— Но зачем? — развел руками Флэзвелл. — Ты так красива...

— ...Что каждый видит во мне игрушку для какого-нибудь жирного, развратного идиота, — подхватила она с горячностью. — А я этого не хочу. Я хочу быть женой. Я не хуже любой из этих толстомясых дурнушек.

— Лучше! — сказал он.

— Я умею стряпать, и лечить роботов, и вести хозяйство. Разве нет? Разве я не доказала?

— Еще бы, дорогая!

Но Шейла ударила в слезы.

— Никто, никто мне не верил! Пришлось пуститься на хитрость. Мне надо было пробыть здесь достаточно долго, чтобы ты успел... ну, успел в меня влюбиться!

— Что я и сделал, — заключил он, утирая ей слезы. — Все кончилось так, что лучше не надо. Да и вообще вся эта история — счастливая случайность.

На металлических щеках Ганга-Сэма выступило что-то вроде краски.

— А разве не случайность? — спросил Флэзвелл.

— Видите ли, сэр, мистер Флэзвелл, эфенди, известно, что Человеку-Мужчине требуется красивая Человек-Жен-

щина. Пограничная модель ничего приятного в этом смысле не обещала, а мэм-саиб Шейла — дочь друзей моего прежнего хозяина. Я и взял на себя смелость послать ваш заказ лично ей. Она упросила своего знакомого в столе заказов показать ей ваш портрет, а затем и переправить ее сюда. Надеюсь, вы не сердитесь на вашего смиренного слугу за такую вольность.

— Разрази меня гром! — наконец выдавил из себя Флэзвелл. — Я всегда говорил — никто не понимает людей лучше вас, роботов. Но что же в этом контейнере? — обратился он к Шейле.

— Мои платья, мои безделушки, моя обувь, моя косметика, мой парикмахер, мой...

— Но...

— Тебе самому будет приятно, дорогой, чтобы твоя женушка хорошо выглядела, когда мы поедем с визитами. В конце концов, Цитера-В всего в пятнадцати летных днях отсюда. Яправлялась еще до того, как к тебе ехать.

Флэзвелл покорно кивнул. Разве можно было ожидать чего-нибудь другого от образцовой невесты марки «ультра-люкс»?

— Пора! — приказала Шейла, повернувшись к брачующему роботу.

Робот не отвечал.

— Пора! — прикрикнул на него Флэзвелл.

— А вы уверены? — хмуро спросил робот.

— Уверены! Начинайте!

— Ничего не понимаю! — пожаловался брачующий. — Почему именно теперь? Почему не на прошлой неделе? Или я — единственное здесь разумное существо? Ну да ладно! Возлюбленные чада...

Наконец церемония состоялась. Флэзвелл не поспешил дать своим роботам три свободных дня, и они пели, плясали и праздновали на свой беспечный роботовский лад.

С той поры на «Шанс» наступили другие времена. У Флэзвеллов началось нечто вроде светской жизни: они сами бывали в гостях и принимали у себя гостей, такие же супружеские пары в радиусе пятнадцати—двадцати световых дней, с Цитеры-III, Тама и Рандико-І. Зато все остальное время Шейла гнула свою линию безупречной пограничной супруги, почитаемой роботами и боготворимой своим мужем. Брачующий робот, следя стандартной инструкции, занял на астероиде место счетовода и бухгалтера — по своему

умственному багажу он как нельзя лучше подходил для этой должности. Он часто говорил, что без него здесь все пошло бы прахом.

Ну а роботы продолжали выдавать на-гора торий; дир, олдж и смис расцветали в садах, и Флэзвелл с Шейлой делили друг с другом Бремя Человека.

Флэзвелл не мог нахвалиться своими поставщиками Рэбеком и Уордом. Но Шейла — та знала, что истинное счастье в том, чтобы иметь под рукой такого старшего робота, как преданный Ганга-Сэм, даром что у него не было души.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПРОСМОТР

В одно прекрасное сентябрьское утро Питер Гонориус, разбирая почту, обнаружил директиву местного Отдела родственных уз, безоговорочно требовавшую, чтобы он женился до 1 октября. В противном случае он-де проявит неуважение к государственной и местной Инструкциям по моногамии и понесет наказание вплоть до заключения в Лунавилле сроком от одного до пяти лет.

Гонориус пришел в ужас: в августе он заполнил формularь на Продление статуса, который к сегодняшнему дню должны рассмотреть в установленном порядке. Это дало ему шесть дополнительных месяцев для селекции невесты. Теперь же у него оставались жалкие две недели на то, чтобы либо подчиниться директиве, либо погасить все и отчалить в Мексику. А уж в 2038 году это было не самой желанной альтернативой.

Проклятье!

В тот же день за завтраком Гонориус обсудил ситуацию со своим другом графом Унгерфьордом.

— Черт побери, это несправедливо с их стороны! — заявил Гонориус. — Кто-то там, в верхах, преследует меня. Но за что? Я не бунтовщик какой-нибудь. Я не хуже других знаю, что брак — это непременная сделка между индивидом и обществом, фундамент, на котором покоятся государственная безопасность. Дьявол, да я не хочу жениться! Я просто еще не подобрал себе пару.

— Может быть, ты излишне суеверен? — предположил Унгерфьорд. Он был женат уже почти месяц. Взаимоотношения полов не представляли для него проблемы.

Предварительный просмотр
© В. Бабенко, перевод, 1984

Sneak Previews

Copyright © 1977 by Penthouse Publishing Corp.

Гонориус покачал головой:

— Сейчас я готов на все, лишь бы не допустить несчастья. Вся беда в том, что, несмотря на компьютеризованную карточку и ультрасовременную технологию электронного сватовства, никогда заранее не скажешь, ту женщину ты выбрал или нет. А когда поймешь на собственной шкуре, уже слишком поздно что-либо менять.

— Да, — самодовольно согласился Унгерфьорд, — именно в такой ситуации как раз и оказывается большинство.

— Неужели нет исключений?

— Собственно говоря, существует один способ избавиться от неуверенности. Я сам воспользовался им. Именно так я нашел Джейни. Я не упоминал о ней ранее, потому что, как мне известно, ты не очень-то склонен нарушать закон.

— Разумеется, я стараюсь вести высоконравственный образ жизни, — сказал Гонориус. — Но ведь дело-то действительно очень серьезное, и я готов проявить гибкость. Кого я должен убить?

— Так далеко мы еще не зашли, — успокоил Унгерфьорд. Он нацарапал на бумаге несколько строчек. — Отправляя-ся-ка вот по этому адресу и поговори с мистером Фьюлером. Он возглавляет Тайную компьютерную службу. Скажи ему, что тебя послал я.

Во времена, к которым относятся наши события, Тайная компьютерная служба размещалась в нескольких пыльных конторских помещениях в запустелом районе Линкольновского центра, где скрывалась под вывеской «Оптовая торговля б/у матчастью и матобеспечением». Секретарша Фьюлера, миловидная энергичная молодая женщина по имени Дина Гребс, провела Гонориуса в кабинет шефа. Фьюлер оказался низкорослым, пухленьким, лысеющим, дружелюбным, краснощеким человечком с умными карими глазами и обезоруживающими манерами. Он сделал свой кабинет под гостиную в английском стиле, но добился лишь того, что комната стала походить на уголок мебельного магазина.

— Вы обратились как раз туда, куда нужно, — заверил Фьюлер, едва познакомившись с ситуацией. — Государство требует, чтобы мы сочетались браком ради стабильности общества. Общеизвестно, что большинство недовольных, бунтовщиков, психопатов, растлителей малолетних, поджигателей, социал-реформаторов, анархистов и тому подобных личностей — это одинокие, неженатые типы, которым нечем заняться и которые способны лишь заботиться о собственной персоне и замышлять свержение существующего строя.

Таким образом, бракосочетание есть обязательный акт лояльности по отношению к правительству. И, разумеется, никто не будет оспаривать ни этот, ни любой другой вывод Национальной палаты матерей. Все мы признаем необходимость брака. В качестве единственного условия мы выдвигаем лишь то, чтобы он был надежным или по крайней мере терпимым, поскольку такое положение дел лучше удовлетворяет нуждам как индивидуума, так и государства.

— Да! — сказал Гонориус. — Именно поэтому я пришел к вам. Какие у вас есть практические...

Но Фьюлера не так-то просто было лишить слова.

— Что нам необходимо — так это научные методы освобождения брака от фактора неопределенности. Компьютеризованного сватовства недостаточно: нам нужен способ, который позволил бы взглянуть на фактический итог предполагаемого брака, и только после этого мы могли бы решить, вступать нам в брак или нет. Мы должны видеть, как эта штука работает, прежде чем заводить музыку в доме на шестьдесят или семьдесят лет.

— Если бы! — сказал Гонориус. — Но это невозможно. Или у вас, по счастью, имеется талантливая цыганка с исправным хрустальным шаром?

— Выход есть! — сказал Фьюлер улыбаясь.

— Что, кто-нибудь изобрел машину времени?

— Да, только вы знаете ее под другим именем. Она называется «Синтезатор и имитатор политических факторов».

— Я слышал о нем, — сказал Гонориус. — Это тот самый сверхкомпьютер, спрятанный под горой в Северной Дакоте, который вечно высчитывает, что именно одна данная страна собирается сформировать с какой-нибудь другой данной страной. Но я не понимаю, что этот компьютер может сказать о моей будущей жене, если только она не окажется генералом или кем-нибудь еще в этом роде.

— Вдумайтесь, мистер Гонориус! Есть машина, созданная специально для того, чтобы предсказывать и имитировать взаимодействия между различными группами и подгруппами людей. А что, если мы используем ее в целях предсказания и имитации возможных взаимодействий двух индивидуумов?

— Это было бы великолепно, — сказал Гонориус. — Но СИПФ охраняется тщательнее, чем Форт-Нокс.

— Мой мальчик, караулить золото просто, намного сложнее таить информацию, даже если сверху взгромоздить гору! В руках и продажных операторов и операторов-идеалистов

уже сам канал ввода данных — канал, от которого зависит информационное питание имитатора, — может вдруг превратиться в канал вывода данных. Я, конечно, ни словом не намекну, как осуществляется программирование: у нас свои методы. Я только скажу, что имитатор может выстроить картину вашего возможного будущего брака с любой женщиной, какую ни пожелаете, и сымитировать конечный результат только для вас одного.

— Не пойму, как вы подберетесь к имитатору ближе чем на десять миль.

— А нам и не нужно подбираться. Мы завладеем терминалом.

Гонориус тихонько присвистнул, переводя дыхание. Он был в восхищении от хладнокровной наглости этого человечка.

— Мистер Фьюлер, когда я могу начать?

Вопрос о гонораре был быстро улажен, и Фьюлер сверился с расписанием.

— Поскольку ваше дело не терпит отлагательства, я могу выделить для вас десять минут машинного времени послезавтра. Приходите сюда в полдень, мисс Гребс проводит вас к терминалу и проинструктирует, что нужно делать. Не забудьте принести с собой карточки данных на вас и на ваших предполагаемых жен!

К условленному часу Гонориус все обстоятельно подготовил. В конвертике он принес карточки данных на пятнадцать кандидаток. Этих особ рекомендовала ему Служба компьютеризированного сватовства — первоклассное агентство с Мэдисон-авеню, сотрудники которого любовно отобрали пятнадцать претенденток из Национального объединения резерва одиноких женщин Америки (НОРОЖА), основываясь на их ответах на 1006 тщательно составленных вопросов. Эти женщины были известны Гонориусу только по номерам: анонимность сохранялась вплоть до того момента, когда жених получал разрешение на моногамный брак. Все эти женщины добровольно избрали статус «мгновенной доступности»: единственное, что требовалось от Гонориуса, — это засвидетельствовать свою готовность жениться на любой из них. (Из карточки данных Гонориуса явствовало помимо прочего, что он высокого роста, с пышной шевелюрой, привлекателен, имеет ровный характер, добр к детям и мелким животным, зарабатывает тридцать пять тысяч долларов в год, будучи самым молодым президентом фирмы «Глип электроникс» за всю ее историю, и перед ним открыты поистине неограниченные перспективы. Большинство кандидаток меч-

тали урвать жениха с такой спецификацией, Гонориус являл собой пример добрачного заблуждения, впасть в которое жаждали многие женщины.)

Мисс Гребс привела Гонориуса на старую автомобильную стоянку на Декальб-авеню. Терминал компьютера был спрятан там в кузове мебельного фургона. Два техника, переодетые бродягами, ввели Гонориуса в затемненную клетушку внутри фургона, где мягко, словно бы разговаривая сам с собой, гудел терминал. Техники усадили Питера в большое командное кресло и укрепили у него на лбу и запястьях психометаллические электроды.

Мисс Гребс взяла карточки.

— Сегодня у нас хватит времени только на одну из них, — сказала она. — Перед вами пройдут события пяти лет жизни, но они будут спрессованы в десять минут реального времени, так что держитесь! С какой карточки начнем?

— Неважно, — сказал Гонориус. — Они все похожи. Я имею в виду карточки. Начните с верхней.

Мисс Гребс ввела карточку в терминал. Аппарат нежно заурчал, и Гонориус ощутил покалывание на дне глазных яблок. Мир вокруг затуманился. Когда в глазах прояснилось, он увидел себя со стороны и рядом с собой — прелестную миниатюрную девушку с длинными черными волосами.

Это была Мисс 1734-АВ-2103C.

Информация подавалась в форме сериала из отдельных кадров и монтажных кусков. Он увидел себя и 1734-ю за обедом в затейливом итальянском ресторанчике, а затем Они прогуливались рука об руку по Бликер-стрит. Вот Они на Вашингтон-сквер у фонтана. Она играет на гитаре и поет народную песню. Как Она прелестна! И как же Они были счастливы! Вот Они лежат рядышком перед крохотным камином в небольшой квартирке на Гей-стрит. Ее волосы уже расчесаны на прямой пробор. Вот Она в солнцезащитных очках читает сценарий: Она собирается сниматься в кино! Но из этого ничего не вышло, и в следующем эпизоде Они уже живут в сногсшибательной квартире в Саттон-Плейсе, и Она угрюмо жарит Ему на обед рубленые бифштексы. (Они поссорились: между Ними царило молчание — Он читал свой «Уолл-стрит джорнэл», а Она листала книги по астрологии.) А вот Они живут в Коннектикуте в прекрасном старом доме, окруженному щербатым забором из врытых в землю рельсов, большую солнечную детскую Они превратили в кладовку. Той зимой Он много катался на лыжах в одиночку, а Она изучала тантры в кружке буддистов в Мэриленде. Когда Она

вернулась, у Нее была уже короткая стрижка и Она умела бесконечно долго сидеть в безупречной позе лотоса. Ее не-мигающие глаза смотрели сквозь Него, и Она теперь считала, что плотская любовь — нежелательный отвлекающий момент при увеличении мандалической созерцательности. Годом позже Они уже не жили вместе. Она удалилась в буддийскую общину близ Скенектади, а Он нашел себе девушку в Братлборо.

На этом с Мисс-1734 было покончено. Следующий сеанс имитатора должен был состояться через три дня.

Вторая кандидатка, Мисс-3543, была высокой, стройной, веселой девушкой с рыжеватыми волосами и очаровательной россыпью веснушек на переносице. Они с Гонориусом обзавелись хозяйством в Малибу, где Она каждый день играла в теннис и читала журналы по украшению интерьера. Как же Она была прекрасна, когда подавала ему салат «Уоллдорф» возле жаровни с раскаленными углями. Они жарили мясо на решетке, а у ног Его резвился коккер-спаниель! Потом Они оказались уже в Париже — спаниель превратился в таксу с тоскливыми глазами, а Она до полусмерти напилась на Монпарнасе и кричала Ему что-то очень оскорбительное. Потом были подобные сцены в Риме, Виллафранке, на Ивии. Теперь Она пила не переставая, и Они вроде взяли на воспитание ребенка, но зато лишились таксы, а потом у Них был уже другой ребенок и две кошки, а затем Они наняли экономку, чтобы та управлялась со всем этим хозяйством, пока 3543-я лечилась от алкоголизма в одной очень хорошей клинике на озере Грисон. И вот они в Лондоне. Она теперь неизменно трезва. Это высокая, тощая, серьезная женщина, у которой очень забавная манера складывать губы, когда Она раздает брошюрки по сциентологии на Трафальгарской площади. Этими брошюрками и закончились пять лет жизни с Мисс-3543.

Все, что Гонориус мог припомнить о третьей кандидатке, укладывалось в образ очаровательной застенчивой девушки, которая скрашивала долгие сумеречные вечера в Истгемптоне своим прелестным, исполненным эротики молчанием. Спустя два года в номере-люкс отеля «Скотовод» в Талсе Он уже вопил на Нее: «Ну скажи хоть что-нибудь, манекен! Хоть что-нибудь! Христом Богом прошу, говори!» Кандидатка номер четыре к двадцати семи годам обнаружила в себе скрытый талант и стала звездой бега на роликовых коньках. Номер пять была особой с суицидальными наклонностями.

Впрочем, Она так никогда и не собралась осуществить задуманное. Или то был номер шесть?

К 29 сентября, просмотрев четырнадцать вариантов потенциальной брачной жизни, Гонориус встревожился и впал в уныние. Он отправился на последний сеанс в состоянии тяжкой подавленности, почти с мыслью заключить брачный союз с номером одиннадцать: Вечное Хихикание плюс два Брата-Тушицы. По крайней мере это был не самый гибельный вариант

По соображениям безопасности терминал перевели с автомобильной стоянки на Декальб-авеню в ванную комнату в конце того же коридора, куда выходили и двери конторы Фьюлера. Гонориус подключился и увидел, как Он гуляет по пляжу острова Мартас Виньярд вместе с 6903-й, миловидной девушки с каштановыми волосами, которая напоминала ему кого-то из прежней жизни. Вот Они прогуливаются по мосту Джорджа Вашингтона, счастливые, полные неведения о том, что уготовано им впереди. Вот Они едят козий сыр и пьют вино на известняковой скале, выдающейся далеко в Эгейское море. Вот Они посреди обширной каменистой равнины, у горизонта вздымаются горы, увенчанные белыми шапками. Тибет? Перу? А вот Майами: на Ней — Его непромокаемый плащ, и Они бегут смеясь под дождем. А потом Они оказались уже вовсе непонятно где, в каком-то маленьком белом домике, и видно было, что Они любят друг друга, и Он ходил взад-вперед по гостиной, баюкая на руках ребенка, мающегося животиком. На этом пятилетний период закончился.

Гонориус сразу же помчался в контору Фьюлера.

— Фьюлер! — закричал он. — Наконец-то я нашел ЕЕ! По-моему, я без памяти влюбился в 6903-ю!

— Поздравляю, мой мальчик, — сказал Фьюлер. — А то я уже начал было беспокоиться. Когда ты хочешь заключить Моногамное соглашение?

— Немедленно! — заявил Гонориус. — Включите Машину государственного архива! 6903 — очень симпатичный номер, не правда ли? Хотел бы я знать, как ее зовут.

— Я выясню это сию же минуту, — сказал Фьюлер. — Ты же знаешь, у нас тут Тайная компьютерная служба. Сейчас мы наберем этот номер и введем его в процессор... Так, это мисс Дина Гребс, проживающая по адресу: 4885 Рейлроуд-стрит, Флашинг, Лонг-Айленд, Нью-Йорк.

— Кажется, я уже где-то слышал это имя, — сказал Гонориус.

— И я, — сказал Фьюлер. — Есть в нем что-то навязчиво знакомое. Гребс, Гребс...

— Вы звали меня, сэр? — спросила Гребс из соседней комнаты.

— Это ты?! — воскликнул Фьюлер.

— Это она! — вскричал Гонориус. — То-то я думаю, почему она мне так знакома. Она и есть 6903-я!

Потребовалось какое-то время, чтобы Фьюлер переварил услышанное. Наконец он сурово спросил:

— Мисс Гребс, соизвольте объяснить мне, каким образом ваша карточка данных попала в набор селекционных кандидатур для мистера Гонориуса?

— Я объясню это мистеру Гонориусу наедине, — сказала она дрожащим, но достаточно дерзким голосом.

Фьюлер вышел, и Гонориус с Гребс встретились взглядами.

— Так будьте добры объяснить, почему вы это сделали, мисс Гребс? — сказал Гонориус.

— Ну, вы ведь и на самом деле очень заманчивый жених, — сказала Дина Гребс. — Но, по правде, я влюбилась в вас с первого же взгляда, в тот самый день, когда вы впервые пришли сюда. Я сразу увидела, что мы идеально подходим друг к другу. Чтобы понять это, мне незачем было обращаться к самому сложному компьютеру в мире. Но ваша аристократическая матrimonиальная служба даже не стала бы обрабатывать мои данные, а вы сами на меня ни разу толком не взглянули. Вы были нужны мне, Гонориус, поэтому я и сделала все необходимое, чтобы заполучить вас, и мне нечего стыдиться!

— Понятно, — сказал Гонориус. — Должен сказать вам, что, на мой взгляд, у вас нет никаких достаточно веских законных оснований, чтобы претендовать на меня. Однако я без всяких возражений рассчитаюсь с вами наличными — в пределах разумной суммы — в уплату за потраченные вами время и усилия.

— Я не ослышалась? — изумилась Гребс. — Вы предлагаете мне деньги, чтобы я больше не задерживала вас?

— Конечно, — сказал Гонориус. — Я хочу, чтобы все было по-честному.

— Красота! — воскликнула Гребс. — Ну нет, если вы хотите от меня избавиться, это вам не будет стоить ни цента. В сущности, вы меня уже потеряли.

— Постойте-ка, — сказал Гонориус, — я протестую, чтобы вы разговаривали со мной таким тоном. Ведь потерпевшая-то сторона — я, а не вы.

— Вы — потерпевшая сторона? Я в вас влюбилась, мошенницаю, совершаю ради вас одно должностное преступление за другим, строю из себя дурочку у вас на глазах, а вы тут стоите и твердите, будто вы — потерпевшая сторона?

— Но вы пытались заманить меня в ловушку! Наверное, вы и в карточках данных что-нибудь подтасовали, ведь так?

— Так! Уверена, что любая из кандидаток подойдет для такого турицы, как вы! Рекомендую номер третий — ту, что вечно молчит как рыба. По крайней мере при этом варианте вы иногда будете побеждать в семейных спорах.

Гонориус промычал что-то невнятное, более всего похожее на проклятье, и придинулся к Дине. Гребс замахнулась на него кулаком. Гонориус схватил ее за запястье, и они внезапно обнаружили, что если они еще и не в объятиях друг друга, то уж определенно в тесном контакте. Тяжело дыша, они посмотрели друг другу в глаза.

Любовь — то потаенное неформальное чувство, что составляет суть моногамного поведения, — это сила, с которой следует считаться, но которую никогда нельзя предсказать заранее. Любовь вытесняет все прочие установки и отменяет все прежние обязательства. Но почему-то широко распространено мнение, будто единственное, чего еще не хватает любви, — это закрытых предварительных просмотров, которые позволили бы предвосхитить все грядущие радости и печали, и уж тогда вовсе без помех закрутятся шестеренки сложного механизма автоматизированного спаривания, от которого зависит процветание и стабильность государства.

Позже Гонориус спросил Дину:

— Слушай, а наше собственное-то будущее было на самом деле? Или ты намудрила и со своей карточкой тоже?

— Поживем — увидим, — ответила Дина.

Впоследствии она так отвечала на этот вопрос еще много-много раз.

СКЛАД МИРОВ

Мистер Уэйн дошел до самого конца длинной и почти в рост человека насыпи из какого-то серого мусора и оказался перед Складом Миров. Он выглядел именно так, как описывали Уэйну друзья, — лачуга, построенная из обрезков досок, искореженных кузовов автомобилей, листов оцинкованного железа и нескольких рядов битого кирпича. Все это было покрашено водянистой голубой краской.

Мистер Уэйн обернулся и внимательно оглядел обширную щебенчатую равнину, чтобы убедиться, что за ним никто не следит. Он покрепче прижал локтем свой пакет, дрожа от собственной смелости, открыл дверь и вошел.

— Здравствуйте, — сказал хозяин.

Он тоже выглядел точно таким, как его описывали, — высокий хитрый старик с узкими глазами и перекошенным ртом. Звали его Томпкинс. Старик сидел в древней качалке, на спинке которой примостился сине-зеленый попугай. В помещении склада стояли еще стул и стол. На столе лежал заржавленный медицинский шприц.

— О вашем складе мне рассказали друзья, — произнес мистер Уэйн.

— Тогда и цена вам известна, — отозвался Томпкинс. — Принесли?

— Да, — ответил мистер Уэйн, показывая сверток, — но сначала я хотел бы спросить...

— Все они сначала хотят спросить, — обратился Томпкинс к попугаю, который в ответ моргнул. — Валяйте спрашивайте.

Склад Миров

© В. Ковалевский, перевод, 1990

The Store of Worlds

Copyright © 1959 by Robert Sheckley

— Я хочу знать, что именно происходит.

Томпkins вздохнул:

— А происходит вот что. Вы платите мне мой гонорар. Я делаю вам укол, от которого вы теряете сознание. Затем с помощью неких приборов, которые у меня тут хранятся, я освобождаю ваше сознание.

Говоря это, Томпkins улыбался и, казалось, его молчавший попугай — тоже.

— И что же происходит потом? — спросил мистер Уэйн.

— Ваше сознание, освобожденное от телесной оболочки, выберет один из бесконечного числа вероятностных миров, которые порождает Земля в каждую секунду своего существования.

Еще шире улыбаясь, Томпkins поудобнее устроился в своей качалке и даже проявил признаки некоторого возбуждения.

— Да, дружище, хотя вы этого скорей всего и не подозреваете, но с того самого момента, как старушка Земля вышла из огненного солнечного чрева, она начала порождать параллельные вероятностные миры. Бесконечное число миров, возникающих под воздействием как самых великих, так и самых незначительных событий. Каждый Александр Македонский и каждая амеба рождают свои миры, подобные кругам, расходящимся по поверхности пруда, независимо от того, большой или маленький камень был брошен в воду. Разве не отбрасывает тень любой предмет? Понимаете, дружище, поскольку сама Земля существует в четырех измерениях, она отбрасывает трехмерные тени — чувственные отражения самой себя в каждое мгновение своего бытия. Миллионы, миллиарды земных шаров. Бесчисленное множество шаров! И ваше сознание, освобожденное мной, может выбрать любой из этих миров и жить в нем некоторое время.

Мистеру Уэйну стало противно — Томпkins ораторствовал как зазывала в цирке, рекламирующий несуществующие чудеса. Потом мистер Уэйн подумал, что в его собственной жизни произошли такие события, которые прежде показались бы ему невероятными. Абсолютно невероятными! Что ж, может быть, и чудеса, обещанные Томпкином, окажутся все же возможными.

Мистер Уэйн сказал:

— Мои друзья говорили мне еще...

— ...что я просто-напросто шарлатан? — подхватил Томпkins.

— Кое-кто из них намекал на такую возможность, — осторожно ответил мистер Уэйн, — но мне хотелось бы составить собственное мнение. Они говорили также...

— Знаю я, о чём болтали ваши друзья с их грязными мыслишками. Трепались про исполнение желаний. Вы об этом хотите спросить?

— Да, — сказал мистер Уэйн, — они говорили, что то, чего я хочу... что, чего бы я ни захотел...

— Верно, — перебил его Томпкинс. — А иначе эта штука и не сработает. Миров, среди которых можно выбирать, существует огромное множество. Выбор же производит ваше сознание, руководствуясь вашими же тайными желаниями. Именно эти потаенные, глубоко запрятанные желания и играют главную роль. Если в вас живет тайная мечта быть убийцей...

— О нет, разумеется, нет! — вскричал мистер Уэйн.

— ...то тогда вы попадете в мир, где сможете убивать, сможете купаться в крови, сможете переплюнуть маркиза де Сада или Цезаря, или кому вы там еще поклоняетесь. Или, предположим, что вы жаждете власти. Тогда вы выберете мир, где в буквальном смысле будете богом. Может быть, кровавым Джаггернаутом, а может — всеведущим Буддой.

— Очень сомневаюсь, чтобы я...

— Есть еще и другие страстишки, — сказал Томпкинс. — Любые виды бездн и заоблачных вершин. Безудержная чувственность. Чревоугодие. Пьянство. Любовь. Слава. Все, что хотите.

— Потрясающе! — воскликнул мистер Уэйн.

— Да, — согласился Томпкинс. — Конечно, мой маленький перечень не исчерпывает всех возможностей, всех комбинаций и оттенков желаний. Как знать, может, вы предпочитаете простую, скромную, пасторальную жизнь на островах Южных морей, среди идеализированных туземцев?

— Это на меня больше похоже, пожалуй, — сказал мистер Уэйн с застенчивым смешком.

— Кто знает? — возразил Томпкинс. — Возможно, вам даже самому неизвестны ваши истинные страстишки. А между тем они способны привести вас к гибели.

— А это часто бывает? — обеспокоился мистер Уэйн.

— Время от времени.

— Мне бы не хотелось умереть, — заявил мистер Уэйн.

— Вероятность ничтожна, — ответил Томпкинс, косясь на сверток в руках мистера Уэйна.

— Ну, раз вы так говорите... Но откуда я знаю, что все это будет в действительности? Ваш гонорар столь велик, что на него уйдет все мое имущество. Почем я знаю, может, вы просто дадите мне наркотик и все, что произойдет, мне просто приснится? Отдать все состояние за щепотку героина и жалкую лживую болтовню?!

Томпкинс успокаивающе улыбнулся:

— То, что происходит, никакого не похоже на действие наркотиков. И на сон — тоже.

— Но если все это происходит в действительности, — раздраженно сказал мистер Уэйн, — то почему я не могу остаться в мире своих желаний навсегда?

— Над этим я сейчас и работаю, — ответил Томпкинс. — Вот почему мои гонорары так высоки. Нужны материалы, нужно экспериментировать. Я пытаюсь изыскать способ сделать переселение в вероятностный мир постоянным. Но пока мне никак не удается ослабить связи человека с его истинным миром, и они притягивают его обратно. Самым великим чудотворцам не разорвать этих связей — одна лишь смерть способна на это. И все же я надеюсь.

— Если получится — будет просто замечательно, — вежливо вставил мистер Уэйн.

— Еще бы! — вскричал Томпкинс с неожиданной горячностью. — Тогда я превращу свою жалкую лавочонку в ворота всеобщего исхода. Я сделаю пользование моим изобретением бесплатным, доступным для всех. Все люди смогут уйти в мир своих истинных желаний, в мир, к жизни в котором они действительно приспособлены, а это проклятое место останется крысам и червям.

Томпкинс оборвал себя на полуслове и вновь стал холoden как лед.

— Боюсь, я немного увлекся. Пока я не могу предложить вам переселения с этой Земли навсегда. Во всяком случае такого, в котором не участвовала бы смерть. Возможно, я этого никогда не смогу. Сейчас я в состоянии предоставить вам только каникулы, перемену обстановки, вкус и запах другого мира и обозрение ваших тайных стремлений. Мой гонорар вам известен. Я возвращу его вам, если вы останетесь недовольны испытанным.

— Это очень мило с вашей стороны, — сказал мистер Уэйн совершенно серьезно. — Но есть еще одна сторона, о которой мне тоже говорили друзья. Я потеряю десять лет жизни.

— Тут уж ничего не поделаешь, — ответил Томпкинс. — И их я вам вернуть не смогу. Изобретенный мною процесс требует страшного напряжения нервной системы и соответственно укорачивает жизнь. Это одна из причин, по которым наше так называемое правительство объявило мое дело противозаконным.

— Однако оно не очень-то решительно претворяет этот запрет в жизнь, — заметил мистер Уэйн.

— Да. Официально дело запрещено как опасное шарлатанство. Но ведь чиновники тоже люди. Им так же хочется убежать с Земли, как и простым смертным.

— Но цена! — размышлял мистер Уэйн, крепко прижимая к груди свой сверток. — Да еще десять лет жизни! И все это за выполнение каких-то тайных желаний. Нет, надо еще подумать.

— Думайте, — безразлично отозвался Томпкинс.

Мистер Уэйн думал об этом по пути домой. Он размышлял о том же, когда его поезд подошел к станции Порт-Вашингтон на Лонг-Айленде. И ведя машину от станции к дому, он все еще думал о хитром старом лице Томпкинса, об отраженных миражах и об исполнении желаний.

Только когда он вошел в дом, эти мысли исчезли. Дженнет — его жена — тут же попросила его поговорить с прислугой, которая опять напилась. Сынишка Томми потребовал, чтобы ему помогли наладить парусную лодку, которую завтра полагалось спустить на воду. А маленькая дочурка все порывалась рассказать, как прошел день в ее детском садике.

Мистер Уэйн вежливо, но твердо поговорил с прислугой. Помог Томми покрыть дно лодки медной краской. Выслушал рассказ Пегги о приключениях на детской площадке. Позже, когда дети легли спать, а он и Дженнет остались в гостиной, она спросила, нет ли у него неприятностей.

— Неприятностей?

— Мне кажется, ты чем-то обеспокоен, — сказала Дженнет. — Много было работы в конторе?

— Да нет, как обычно.

Разумеется, ни Дженнет, ни кому-либо другому он не собирался говорить про то, что брал на день отпуск и ездил к Томпкинсу в этот идиотский Склад Миров. Не собирался он и разглагольствовать о праве настоящего мужчины на то, чтобы хоть разок в жизни удовлетворить свои потаенные желания. Дженнет с ее практическим умом не поняла бы его.

А потом началась горячка на работе. Уолл-стрит била паника из-за событий на Дальнем Востоке и в Азии, акции скакали вверх и вниз. Мистеру Уэйну приходилось очень много работать. Он старался не думать об исполнении желаний, на которые пришлось бы истратить все, что он имел, да еще десять лет жизни в придачу. Старик Томпкинс, должно быть, совсем спятил.

По субботам и воскресеньям они с Томми катались на лодке. Старая лодка вела себя прилично, и швы на дне почти не пропускали воды. Томми мечтал о новых парусах, но мистер Уэйн принужден был отказать ему. В будущем году — может быть, если, конечно, дела пойдут получше. А пока и старые сойдут.

Иногда ночью, когда дети засыпали, на лодке катались он и Дженнет. Лонг-Айленд-Саунд был прохладен и тих. Лодка, скользя мимо мигающих бакенов, плыла к огромной желтой луне.

— Я чувствую, что с тобой что-то происходит.

— Ну что ты, родная.

— Ты что-то таишь от меня.

— Ничего.

— Ты уверен? Совершенно уверен?

— Совершенно.

— Тогда обними меня крепче. Вот так...

И лодка плыла, не управляемая никем.

Страсть и ее утоление... Но пришла осень, и лодку вытащили на берег. Положение на бирже выровнялось, но Пегги подхватила корь. Томми задавал массу вопросов о разнице между обычными бомбами, бомбами атомными, водородными, кобальтовыми и всякими прочими, о которых шумели радио и газеты. К тому же неожиданно ушла прислуга.

Тайные желания — это, конечно, любопытно. Возможно, он действительно втайне мечтал убить кого-нибудь или жить на островах Южных морей. Но ведь у него есть обязанности. Есть двое детей и жена, которой он явно не стоит.

Разве что после Рождества...

Но зимой из-за неисправности проводки загорелась комната для гостей. Пожарные погасили пламя, убыток был невелик, никто не пострадал, но пожар на время выбил всякие мысли о Томпкинсе. Сначала надо было отремонтировать комнату, так как мистер Уэйн очень гордился своим красивым старым домом.

Биржу все еще лихорадило в связи с международным положением. Ох уж эти русские, эти арабы, эти греки, эти

китайцы... Межконтинентальные ракеты, атомные бомбы, спутники... Мистер Уэйн проводил в своей конторе долгие дни, а иногда и вечера. Томми заболел свинкой. Надо было перекрыть кусок крыши. А там подошло и время спускать лодку на воду.

Год прошел, а у него так и не нашлось времени, чтобы поразмыслить о своих тайных желаниях. Разве что в будущем году. А пока...

— Ну, — спросил Томпкинс, — все в порядке?

— Да, все в полном порядке, — ответил мистер Уэйн. Он встал со стула и потер лоб.

— Вернуть гонорар?

— Нет. Все было как надо.

— Ощущения никогда не подводят, — сказал Томпкинс, похабно подмигивая попугаю. — Что там у вас было?

— Мир недавнего прошлого, — ответил мистер Уэйн.

— Их тут полным-полно. Что ж, выяснили вы, какие такие у вас тайные страстишки? Поножовщина? Южные острова?

— Мне бы не хотелось обсуждать это, — ответил мистер Уэйн вежливо, но твердо.

— Почему-то никто не хочет со мной об этом говорить, — обиженно пробурчал Томпкинс. — Будь я проклят, если понимаю почему!

— Это потому... мне кажется, что мир потаенных желаний каждого столь интимен... Я не хотел вас обидеть. Как вы думаете, удастся вам сделать это постоянным?.. Я имею в виду мир по выбору...

Старик пожал плечами:

— Пытаюсь. Если выйдет, вы услышите об этом. Все услышат.

— Это верно. — Мистер Уэйн развязал сверток и выложил на стол его содержимое. Там была пара армейских сапог, нож, два мотка медной проволоки, три маленькие банки говяжьей тушенки.

На мгновение глаза Томпкинса загорелись.

— Подходяще. Спасибо вам.

— До свидания, — сказал мистер Уэйн. — Это вам спасибо.

Мистер Уэйн вышел из лачуги и быстро пошел по серой гравийной насыпи. По обе ее стороны, насколько хватал глаз, лежали плоские россыпи обломков — серые, черные, бурые. Эти простирающиеся до горизонта равнины были прахом разбитых мертвых городов, обломками испепелен-

ных деревьев, белою золою сожженных человеческих костей и плоти.

— Что ж, — сказал вслух мистер Уэйн, — во всяком случае как аукнулось, так и откликнулось.

Этот год, проведенный в прошлом, отнял у него все, чем он владел. Туда же для ровного счета ушло и десять лет жизни. Может, это был сон? Все равно он стоил того. Теперь надо только выбросить из головы мысли о Дженнет и ребятишках. С ними покончено навсегда, разве что Томпкинсу удастся улучшить свое изобретение. Надо думать лишь о том, как выжить самому.

С помощью наручного счетчика Гейгера он нашупал безопасный проход через развалины. Надо вернуться домой до наступления темноты, пока крысы еще не вышли из нор. Если не торопиться, он может пропустить вечернюю раздачу картошки.

РЫБОЛОВНЫЙ СЕЗОН

Они жили в новом районе лишь неделю, и соседи впервые пригласили их в гости. Кармайклы явно ждали — во всех окнах горел яркий свет, входная дверь была приоткрыта.

— Ну, как я выгляжу? — спросила Филис Маллен на пороге. — Швы не перевернулись, волосы не разлохматились?

— Полный ажур, в красной шляпке ты неотразима, — заверил ее муж. — Только постараися этим не козырять.

Она скривила ему физиономию и нажала кнопку звонка. В глубине раздался мелодичный перезвон.

Маллен поправил галстук и вытащил платочек из нагрудного кармана на миллиметр повыше.

— Должно быть, наливают вино в погребе, — сказал он жене. — Позвонить еще?

— Нет, давай подождем.

Они подождали, потом снова позвонили.

— Странно, — произнесла Филис. Договорились на сегодня...

В распахнутые окна вливался теплый весенний воздух. Сквозь венецианские жалюзи виднелись карточный столик, расставленные стулья, накрытый обеденный стол... Все было готово. Но на звонок никто не отзывался!

— Может, они вышли? — предположила Филис.

Ее муж быстрым шагом пересек лужайку и подошел к гаражу.

— Машина на месте, — вернувшись, сообщил он и толкнул приоткрытую дверь.

Рыболовный сезон

© В. Белкин, перевод, 1991

Fishing Season

Copyright © 1953 by Standard Magazines, Inc.

— Джим, не входи.

— Я и не вхожу. — Он просунул голову внутрь. — Люди! Есть кто-нибудь?!

В доме царило молчание.

— Эй! — крикнул он и напряженно прислушался. Из соседнего коттеджа доносился обычный шум предвыходного дня — там разговаривали, смеялись. По улице проехала машина. Он слушал. Где-то в доме треснула половица; потом снова наступила тишина.

— Если бы они ушли, то не бросили бы все нараспашку. Наверно, что-то случилось. — Маллен ступил внутрь; Филис последовала за ним, но нерешительно остановилась в гостиной, в то время как муж пошел на кухню. Она слышала, как он открыл дверь в погреб, позвал: — Ау, есть кто-нибудь? — потом вернулся в гостиную, нахмурился и пошел на второй этаж.

Немного погодя Маллен с озадаченным видом спустился вниз.

— Никого.

— Пойдем отсюда, — нервно сказала Филис. Ей вдруг стало не по себе в этом ярко освещенном пустом доме.

— Может, закрыть дверь? — спросил Джим Маллен.

— Что толку? Все окна настежь.

— Все-таки... — Он прикрыл дверь, и они медленно пошли к себе домой, то и дело оглядываясь на залитый светом коттедж. Маллен не удивился бы, если бы откуда-нибудь вдруг выскочили Кармайклы с веселым криком «Разыграли!»

Но дом хранил молчание.

Мистер Картер мастерил искусственных мух для рыбной ловли. Неторопливо и методично, его ловкие пальцы с любовной бережностью управлялись с цветными нитями. Он был так погружен в свое занятие, что не заметил прихода Малленов.

— Папа, мы дома, — сказала Филис.

— Ага, — пробормотал мистер Картер. — Только взгляните на эту прелесть! — Он протянул законченное творение — почти точную копию шершня. Крючок был хитроумно запрятан в нависавших желтых и черных нитях.

— Кармайклы, наверно, куда-нибудь ушли, — сказал Маллен, снимая пиджак.

— Утром попытаю счастья на Старом Ручье, — отозвался мистер Картер. — Чутье подсказывает мне, что там водится форель.

Маллен внутренне усмехнулся. С отцом Филис разговаривать было трудно. В последнее время он не знал другой темы, кроме рыбной ловли. В день своего семидесятилетия старик оставил весьма процветающее дело и без остатка посвятил себя любимому занятию.

Теперь, спустя десять лет, мистер Картер выглядел великолепно. Кожа его была розовой, глаза чистыми и безмятежными, красивые белые волосы аккуратно зачесаны назад. Причем он находился в здравом уме — если говорить с ним о рыбалке.

— Перекусим, что ли...

Филис с сожалением сняла красную шляпку, разгладила вуаль и положила ее на кофейный столик. Мистер Картер вплел еще одну нить к своей мухе, придирчиво осмотрел ее, потом отложил в сторону и последовал на кухню.

Пока Филис варила кофе, Маллен рассказал старику о происшедшем. Ответ мистера Картера был типичным:

— Лучше сходи-ка утром на рыбалку и выкинь это из головы. Рыбная ловля, Джим, не просто спорт. Рыбная ловля — это образ жизни, да и философия, если хочешь. Я люблю посидеть на берегу тихой заводи... Думаю поискать завтра. Если есть где-нибудь рыба, то почему не здесь?

Филис улыбнулась, глядя, как Джим бесцеремонно ерзает на стуле. Ее отца, раз уж он разошелся, теперь так просто не остановить. А разойтись на эту тему — ему раз плюнуть!

— Представь себе, — продолжал мистер Картер, — молодого энергичного администратора. Ну, вроде тебя, Джим. Спешит по делам. Обычное дело, да? Но в конце последнего длинного коридора — ручей с форелью. Или представь политика. Ты их, безусловно, предостаточно видишь в Олбани. В руке кейс, вечно в заботах...

— Странно, — сказала Филис, перебивая отца на полуслове. Она разглядывала неоткрытую бутылку молока. — Посмотри.

Молоко они покупали станертоновской маслодельни. Зеленая этикетка на *этой* бутылке гласила: «Станероновска маладелня».

— И вот. — Она указала пальцем. Ниже было написано: «Разрешено нью-йоркской комиссией здравоохранения».

Все это сильно смахивало на неумелую подделку или розыгрыш.

— Откуда ты это взяла? — спросил Маллен.

— Из магазина мистера Элдриджа. Может, какой-нибудь рекламный трюк?

— Презираю тех, кто ловит на червя, — с чувством заявил мистер Картер. — Муха — это творение искусства. Тот же, кто пользуется червем, способен обирать сирот и рушить храмы!

— Не пей его, — сказал Маллен. — Давай-ка взглянем на остальные продукты.

Они обнаружили еще три фальшивки: конфету «Объеденье» в оранжевой обертке вместо обычной розовой; пачку «Американского СЫра», почти на треть больше привычной; и бутылку «Газированной вады».

— Очень странно, — пробормотал Маллен, потирая подбородок.

— Мелюзгу я никогда не беру, — продолжал мистер Картер. — Это не спортивно. Я их отпускаю. Таково неписаное правило рыболова. Пускай растут, пускай зреют, пускай набираются опыта. Мне нужны старые, которых на мякине не проведешь, которые укрываются в корягах и улептывают при виде крючка. Вот с кем интересно состязаться!

— Отнесу-ка я это к Элдриджу, — решил Маллен, складывая подозрительные продукты в бумажный пакет. — Если найдешь еще что-нибудь подобное, отложи.

— Старый Ручей, — задумчиво произнес мистер Картер. — Там они, там...

Утро выдалось тихим и солнечным. Мистер Картер спозаранку позавтракал и ушел на Старый Ручей, легкой юношеской походкой, залихватски сдвинув набок потрепанную широкополую шляпу. Джим Маллен допил кофе и отправился к дому Кармайклов.

Машина все так же стояла в гараже. Окна были все еще распахнуты, стол накрыт, свет горел, — все, как предыдущим вечером. Миллену невольно вспомнилась прочитанная когда-то история о корабле под всеми парусами — но без единой души на борту.

— Может, позвонить кому-нибудь? — предложила Филис, когда муж вернулся домой. — Что-то произошло, я уверена.

— Но кому?

Они почти никого еще не знали в этом районе.

Проблему решил телефонный звонок.

— Если это кто-нибудь отсюда, — сказал Джим, — спроси у них.

— Алло?

— Простите, вы, очевидно, меня не помните. Я — Мариам Карпентер, живу в конце улицы... К вам случайно не заходил мой муж?

Даже искаженный телефоном, голос выражал беспокойство и страх.

— Нет. К нам сегодня вообще никто не приходил.

— А...

— Может быть, вам нужна какая-нибудь помощь? — спросила Филис.

— Я не могу понять, — произнесла миссис Карпентер. — Джордж — мой муж — как обычно позавтракал со мной утром, потом поднялся наверх за пиджаком. Больше я его не видела.

— Ох...

— Вниз он не спускался, уверена. Я пошла посмотреть, что его задерживает, — мы должны были уехать, — но его не было. Я обыскала весь дом. Решила, что он меня разыгрывает, хотя Джордж в жизни никогда так не шутил, и посмотрела даже под кроватями и в шкафах. Потом заглянула в погреб, спросила у соседей... Как в воду канул! Я и подумала: может, он заскочил к вам?

Филис рассказала ей об исчезновении Кармайклов. Они еще немного поболтали и распрошались.

— Джим, — заявила Филис. — Мне это не нравится. Надо сообщить в полицию.

— Мы окажемся круглыми дураками, когда выяснится, что они гостили у друзей в Олбани.

— Все равно.

Джим набрал номер полицейского участка, но линия была занята.

— Пойду сам.

— И захвати с собой эти...

Она протянула ему бумажный пакет.

Капитан Леснер был терпеливым краснолицым человеком. Всю ночь и все утро он выслушивал нескончаемый поток жалоб. Его патрульные устали, его сержанты устали, а сам он устал больше всех. Однако он провел мистера Маллена в свой кабинет и внимательно выслушал его рассказ.

— Я хочу, чтобы вы все записали, — попросил Леснер. — Насчет Кармайклов нам еще звонил их сосед. Включая мужа миссис Карпентер, это уже десять за два дня.

— Десять... чего?

— Исчезновений.

— О Господи, — тихо выдохнул Маллен и поправил бумажный пакет. — Все из нашего города?

— Все до единого, — отчеканил капитан Леснер, — из одного района. А точнее, даже с четырех улиц этого района. — Он перечислил названия улиц.

— И я живу там, — пробормотал Маллен.

— Я тоже.

— У вас есть какие-нибудь соображения о личности похитителя?

— Вряд ли это похититель, — сказал Леснер, закуривая уже двадцатую сигарету за день. — Никаких записок. Никаких требований о выкупе. У многих пропавших гроша ломаного нет за душой. Это просто невероятно!

— Значит, орудует маньяк?

— Безусловно. Но как он захватывает целые семьи? Или взрослых мужчин крепкого телосложения, таких, как вы? И где он прячет их или их тела? — Леснер ожесточенно затушил сигарету. — Мои люди обшаривают сейчас каждый метр города. Привлечены полицейские всех пригородов. Полиция штата останавливает и проверяет автомашины. И ничего!

— Да, чуть не забыл, вот еще что. — Маллен показал фальшивые продукты.

— И опять, я ничего не знаю, — раздраженно признался капитан. — У меня не хватает времени. Я захлебываюсь в заявлениях... — Зазвонил телефон, но Леснер не обращал внимания. — Похоже на козни черного рынка. Я уже отправил нечто подобное в Олбани на анализ. Необходимо установить источник. Не исключено, что действуют из-за границы. Между прочим, ФБР... А, будь проклят этот телефон!

Он схватил трубку:

— Леснер слушает. Да... да... Ты уверена? Конечно, Мэри. Немедленно еду.

Он опустил трубку. Его красное лицо внезапно побелело.

— Звонила свояченица, — выдавил он. — Моя жена пропала!

Маллен вел машину на бешеной скорости. У порога он резко затормозил, едва не стукнувшись головой о ветровое стекло, и вбежал в дом.

— Филис! — закричал он. — Где она? О Боже, если...

— Что случилось? — спросила Филис, выходя из кухни.

— Я думал...

Он схватил ее в охапку и крепко сжал.

— Ну, знаешь, — улыбнулась она, — мы уже не молодожены. Как-никак полтора года...

Маллен рассказал ей о том, что узнал в полицейском участке.

Филис словно впервые увидела их гостиную. Неделю назад она казалась уютной и теплой. Сейчас каждая тень пугала, каждая приоткрытая дверь в шкаф наводила ужас. Этот дом уже никогда не станет снова родным и близким.

Раздался стук.

— Не подходи, — прошептала Филис.

— Кто? — спросил Маллен.

— Джо Даттон, ваш сосед. Вы, должно быть, слыхали новости?

— Да, — ответил Маллен, стоя за закрытой дверью.

— Мы баррикадируем улицы, — сказал Даттон. — Будем проверять всех входящих и выходящих. Придется взяться за дело самим, раз полиция бессильна. Вы с нами?

— Еще бы.

Маллен открыл дверь. На пороге стоял высокий смуглый мужчина в старой армейской форме. В руке он сжимал увесистую деревянную палку.

— Перекроем эти кварталы, так что и комар не проскочит.

Маллен поцеловал жену и ушел вместе с ним.

Днем в актовом зале школы состоялось общее собрание. В зал набились все жители пораженного участка и еще столько горожан, сколько влезло. Сразу выяснилось, что, несмотря на блокаду, из района исчезли еще три человека.

В краткой речи капитан Леснер сообщил, что он обратился за помощью в Олбани. Подходят специальные части; кроме того, подключается ФБР. Он честно признал, что не имеет понятия, кто это делает и зачем. Совершенно необъяснимым оставалось и то, что все пропавшие — из одного участка.

Из Олбани пришло сообщение по поводу фальшивых продуктов, которыми, оказалось, был наводнен весь район. Химики не обнаружили никаких токсических веществ. Это камня на камне не оставляло от новой теории: будто людей одурманивали, заставляя их покидать дома. Тем не менее капитан советовал воздержаться от употребления этих продуктов. Осторожность не повредит.

Мэр в своем выступлении призвал жителей не поддаваться панике и проявлять благородство. Гражданские власти способны справиться с любой ситуацией.

Конечно, сам мэр жил в другом районе.

Собрание закончилось, люди вернулись на баррикады. К ночи прибыла помощь из Олбани — войска и снаряжение. Все четыре улицы взяли в кольцо. Установили прожектора, ввели комендантский час.

Мистер Картер не был свидетелем этих увлекательных событий. Целый день он удил и вернулся на закате, с пустыми руками, но счастливый.

— Прекрасная погода для рыбной ловли! — заявил он.

Маллены провели кошмарную ночь — полностью одетые, урывками погружаясь в сон, невольно наблюдая за мельтешением прожекторных лучей на стеклах, прислушиваясь к чеканному шагу солдатских патрулей.

Воскресенье, восемь часов утра. Еще двое пропавших. Исчезли из небольшого района, охраняемого лучше тюрьмы.

В десять часов мистер Картер, решительно отметя все возражения Малленов, вскинул на плечо свою сумку и ушел. С тринадцатого апреля, с начала рыболовного сезона, он не пропустил ни одного дня и дальше собирался продолжать в том же духе.

Воскресенье, полдень. Пропал еще один человек. Общее число исчезнувших достигло шестнадцати.

Воскресенье, час дня. Нашлись пропавшие дети!

Полицейская машина обнаружила их на окраине, всех восьмерых, включая сына Кармайклов. Чем-то глубоко потрясенные, они шли к городу. Все были срочно доставлены в больницу.

И никаких следов пропавших взрослых.

Слухи разносятся куда быстрее, чем могут распространять новости газеты или радио. С детьми не сделали ничего плохого. Медицинское обследование подтвердило, что они не помнят, где были и как туда попали. Специалисты обнаружили только общее для всех пострадавших ощущение полета и чувство тошноты. Для вящей безопасности детей остали в больнице, под усиленной охраной.

А к вечеру из района исчез еще один ребенок.

На закате мистер Картер пришел домой с двумя крупными рыбинами. Он весело приветствовал Малленов и отправился в гараж чистить форель.

Джим Маллен вышел в задний дворик и зашагал к гаражу вслед за тестем. Он хотел прояснить у старика какую-то

фразу, оброненную им день или два назад. Память не подсказывала ее точно, но это казалось очень важным...

Его окликнул худенький лысый сосед, чью фамилию он забыл:

— Маллен, я понял.

— Что?

— Вы задумывались над выдвигаемыми теориями?

— Конечно.

— Так слушайте. Это не похитители. В их действиях нет никакой логики. Верно?

— Ну очевидно.

— Исключен и маньяк. Как бы он мог схватить пятнадцать, шестнадцать человек? И вернуть детей? С этим не справится и банда маньяков. По крайней мере не перед носом у такой уймы полицейских. Правильно?

— Продолжайте. — Краем глаза Маллен заметил, что во дворик вышла толстая жена соседа. Она подошла к ним и прислушалась.

— То же самое относится и к шайке бандитов, и даже к марсианам. Это неосуществимо и бессмысленно. Надо искать что-то невозможное. И вот тут-то мы и находим единственно логичный ответ.

Маллен искоса взглянул на женщину. Та стояла, сложив руки на груди, и пронизывала его испепеляющим взглядом. «Похоже, она на меня злится, — подумал Маллен. — Что я такого сделал?»

— Вывод только один, — торжественно произнес сосед. — Где-то рядом существует дыра. Дыра в пространственно-временном континууме.

— Что?! — выпалил Маллен.

— Дыра во времени, — разъяснил лысый инженер. — Или в пространстве. Или и там, и там. Только не спрашивайте меня, как она образовалась; главное, что она есть. Стоит человеку попасть в эту дыру, как — бац! — он в другом месте. Или в другом времени. Или и в другом месте, и в другом времени. Конечно, дыру эту не увидишь — в четвертом-то измерении! — но она есть. Я полагаю, что если проследить движения этих людей, то выяснится, что каждый из них проходил через какую-то определенную точку — и пропал.

— Ммм... — задумчиво хмыкнул Маллен. — Любопытно. Но ведь известно, что многие исчезали прямо из своих домов.

— Да, — озадаченно согласился сосед. — Одну минутку, сейчас соображу... О, понял! Дыра в пространстве-времени

не стационарна. Она перемещается, дрейфует. Сперва в доме Карпентера, затем спонтанно сдвигается...

— Но почему она не выходит за пределы наших четырех улиц? — спросил Маллен, недоумевая, в чем причина такого злобного взгляда соседской жены.

— Ну... должны же у нее быть какие-то ограничения!

— А как вернулись дети?

— О Господи, Маллен, что вы пристаете ко мне со всякими пустяками?! Я предлагаю хорошую рабочую теорию. Нам необходимо набрать больше фактов, чтобы прояснить все до конца.

— Общий привет! — бодро закричал мистер Картер, появившись из гаража с двумя красивыми, тщательно вычищенными и вымытыми рыбами. — Форель — достойнейший соперник и, между прочим, великолепна на вкус. Самый прекрасный спорт и самая прекрасная еда! — Он неторопливо вошел в дом.

— У меня теория получше, — сказала жена соседа, разведя руки и опустив их на могучие бедра.

Оба мужчины повернулись к ней.

— Кого одного совершенно не беспокоит все происходящее? Кто везде разгуливает с огромной сумкой, в которой, по его словам, рыба? Кто *утверждает*, что проводит время на рыбалке?

— О нет, — поразился Маллен. — Только не мистер Картер. У него целая философия...

— Плевала я на философию! — завизжала женщина. — Он дурачит вас, но меня ему не надуть! Я знаю только, что он один совершенно спокоен, шляется повсюду — и вообще, линчевать его мало!

С этими словами она круто повернулась и вперевалку направилась к своему дому.

— Послушайте, Маллен, — проговорил лысый сосед. — Я прошу прощения. Вы же знаете этих женщин... Она очень расстроена, хотя Дэни сейчас в больнице, в безопасности.

— Разумеется, — заверил Маллен.

— Она не понимает концепции пространственно-временного континуума, — с искренним огорчением продолжал сосед. — Утром ей самой будет стыдно. Вот увидите.

Мужчины пожали друг другу руки и разошлись по домам.

Сумерки спустились быстро, и по всему городу зажглись прожектора. Лучи света прорезали улицы, дворы, отражались

в стеклах. Жители района приготовились к ожиданию новых исчезновений.

Джим Маллен чувствовал себя на редкость беспомощным. Губы его жены побелели и растрескались, глаза опухли. Зато мистер Картер был как всегда бодр и пожарил на всех форели.

— Сегодня я набрел на прелестное тихое озеро, — объявил мистер Картер. — Возле устья Старого Ручья, чуть выше по притоку. Я ловил там целый день, нежась на чудесной зеленой травке и любуясь облаками. Фантастическая вещь — облака! Завтра я снова буду ловить там. А потом двинусь дальше. Опытный рыбак не станет злоупотреблять хорошим местом. Умеренность — вот девиз рыбака. Хорошенького по-немножку. Я часто думаю...

— Папа, ну пожалуйста, уймись! — выкрикнула Филис и заплакала.

Мистер Картер грустно покачал головой, понимающе улыбнулся и направился в гостиную мастерить новую муху.

Маллены понуро пошли спать.

Джим проснулся и сел в постели. Рядом тихо посапывала жена. Светящийся циферблат часов показывал без двух минут пять. Почти утро, подумал Маллен.

Он вылез из постели, накинул халат и, стараясь не шуметь, прошлепал по лестнице вниз. Из окна кухни были видны фигуры часовых и качающиеся прожекторные лучи. Маллен налил себе стакан молока и отрезал кусок свежего кекса.

Похитители! — подумал Джим. — Маньяки. Пришельцы с Марса. Дыры в пространстве. Чушь какая!.. Черт побери, о чем же он хотел спросить мистера Картера? О чем-то очень важном... Он сполоснул стакан и вернулся в гостиную.

Неожиданно его резко швырнуло на бок. Что-то его держало! Он отчаянно замолотил руками, но бить было не в кого. Его ухватила незримая стальная длань! Ноги оторвались от пола, и на миг Джим завис в воздухе, извиваясь и брыкаясь. Безжалостная хватка вокруг ребер сжала так, что он едва мог дышать. Его неумолимо начало поднимать.

Дыра в пространстве, подумал Маллен и попытался крикнуть. Размахивая руками, он задел тахту и тут же вцепился в нее. Его стало поднимать вместе с тахтой. Он рванулся, и то, что его держало, на миг ослабло.

Маллен упал, мгновенно вскочил и прыгнул к двери. Его снова поймало и ухватило, но он уже был возле батареи и просунул за нее обе руки.

Маллена тянуло все сильнее; батарея страшно скрипела. Ему казалось, что он сейчас разорвется надвое, но из последних сил держался. Неожиданно незримая длань отпустила.

Джим свалился на пол.

Когда он пришел в себя, уже был день. Филис, закусив губу, плескала ему в лицо водой.

— Я еще здесь? — пробормотал Маллен.

— Как ты себя чувствуешь? Что произошло? О, милый, давай уедем отсюда...

— Где твой отец? — потребовал Маллен, вставая на ноги.

— На рыбалке. Ты сядь, сейчас я вызову врача.

— Нет. Погоди. — Он прошел на кухню и достал кекс. На этикетке было написано: «Кондитерская Джонсона, Нью-Йорк». Заглавная «К». Совсем крошечная ошибка.

А мистер Картер? Не здесь ли таится ответ? Маллен кинулся наверх и торопливо оделся. Он запихнул кекс в карман и выбежал на улицу.

— До моего возвращения ничего не трогай! — закричал он Филис. Она проследила взглядом, как его машина скрылась за поворотом, и, стараясь не расплакаться, побрела на кухню.

Маллен добрался до Старого Ручья за пятнадцать минут. Он оставил машину и пошел вверх по течению.

— Мистер Картер! — позвал он. — Мистер Картер!

Он шел и кричал около получаса, все дальше углубляясь в лес. Деревья склонялись над ручьем и переплетали над ним свои ветви. Маллен шел уже прямо по воде, почти бежал, то и дело оскальзываясь.

— Мистер Картер!

— Я тут! — раздался голос старика. Вскоре показался и он сам, на крутом берегу маленькой заводи, с длинной бамбуковой удочкой.

Маллен в изнеможении свалился рядом.

— Наконец-то ты прислушался к моему совету, — удовлетворенно сказал мистер Картер.

— Нет, — едва отдышавшись выпалил Маллен. — Я хочу, чтобы вы мне кое-что объяснили.

— С радостью, — отозвался старик. — Что тебя интересует?

— Рыбак ведь не станет вылавливать всю рыбу из водоема, не так ли?

— Я бы не стал, но некоторые способны и на такое.

— А наживка? Правда, что всякий настоящий рыбак пользуется искусственной наживкой?

— Я горжусь своими мухами, — сказал мистер Картер. — Я стремлюсь приблизиться к оригиналу. Вот, к примеру, изумительная копия шершня. Или вот — чудесный комар.

Внезапно леска натянулась. Старик легко и уверенно потащил и вскоре протянул Маллену бьющуюся форель.

— Это еще практически малек — мне он не нужен.

Он осторожно снял рыбу с крючка и бросил ее в воду.

— Когда вы отпускаете их, как по-вашему, — они понимают? Они не расскажут другим?

— Конечно, нет, — ответил мистер Картер. — Они не могут научиться даже на собственном опыте. Мне уже дважды попадается один и тот же. Им еще надо подрасти.

— Ясно... — Маллен посмотрел на тестя. Старик совершенно не замечал того, что происходит вокруг, совершенно не замечал ужаса, обуявшего район. Рыбаки живут в своем собственном мире, подумал Маллен.

— Ты бы пришел на час пораньше, — посоветовал мистер Картер. — Клюнул настоящий красавец. Фунта два, не меньше. Ну и задал же он мне работенку! И под конец сорвался. Но... Эй, что ты делаешь?

— Назад! — заорал Маллен, спрыгнув в воду. Теперь он понял, почему его беспокоила мысль о мистере Картере. Аналогия.

Безобидный мистер Картер ловит свою форель, как тот, другой рыбак, ловит...

— Все назад! Предупредите остальных! — кричал Маллен, беснуясь в воде. Только бы Филис не прикасалась ни к каким продуктам!..

Он вытащил из кармана кекс и зашвырнул его как можно дальше.

ПРАВО НА СМЕРТЬ

Боль эта просто неописуемая, вам все равно не представить. Скажу лишь, что она была невыносимой даже под анестезией, а перенес я ее только потому, что выбирать мне не приходилось. Затем она стихла, я открыл глаза и взглянул на лица стоящих рядом браминов. Их было трое, в обычных белых хирургических халатах и марлевых масках. Сами они утверждают, что носят маски, предохраняя нас от инфекций, но каждый солдат знает правду: под масками они прятут лица. Не хотят, чтобы их опознали.

Я был все еще по уши напичкан обезболивающими, поэтому в памяти мелькали лишь обрывки воспоминаний.

— Долго я пробыл покойником? — спросил я.
— Часов десять, — ответил один из браминов.
— Как я умер?
— Разве ты не помнишь? — удивился самый высокий из них.
— Еще нет.
— Тогда слушай, — сказал высокий. — Ты со своим взводом находился в траншее 2645Б-4. На рассвете вся ваша часть пошла в атаку, чтобы захватить следующую траншую. Номер 2645Б-5.
— А потом? — спросил я.
— Ты нарвался на несколько пулеметных пуль. Тех самых, нового типа — с шоковыми головками. Теперь вспомнил?

Право на смерть

© Издательство «Полярис», перевод, 1994

If the Red Slayer

Copyright © 1960 by Robert Sheckley

Одна попала в грудь, три в ноги. Когда тебя отыскали санитары, ты уже был мертв.

— А траншею взяли?

— На этот раз нет.

— Ясно.

Аnestезия слабела, память быстро возвращалась. Я вспомнил парней из своего взвода. Вспомнил нашу траншею. В струпшке 2645Б-4 я просидел больше года, и обжили мы ее как дом родной. Противник пытался ее захватить, и наша утренняя атака на самом деле была контратакой. Вспомнил, как пулеметные пули рвали меня на куски и какое я при этом испытал восхитительное облегчение. И тут я вспомнил кое-что еще...

Я поднялся и сел.

— Эй, погодите-ка!

— В чем дело?

— Я думал, через восемь часов человека уже не оживить, это предел.

— С недавних пор мы стали искуснее, — ответил один из браминов. — Мы все время совершенствуемся, и теперь верхний предел — двенадцать часов, лишь бы мозг серьезно не повредило.

— Что ж, радуйтесь, — буркнул я. Теперь память вернулась ко мне полностью, и я понял, что произошло. — Только со мной у вас ошибочка вышла. И немалая.

— Что еще за претензии, солдат? — осведомился один из них. Офицерские интонации ни с чем не спутаешь.

— Посмотрите на мой личный знак.

Он посмотрел. Его лоб — единственное, что не закрывала маска, — нахмурился.

— Да, необычная ситуация, — протянул он.

— Необычная, — согласился я.

— Видишь ли, — пояснил он, — в траншее было полно мертвцевов. Нам сказали, что все они новобранцы, по первому разу. А приказано было оживить всех.

— И что, нельзя было сперва взглянуть на личный знак?

— Мы устали — слишком много работы. Да и время поджимало. Мне действительно очень жаль, рядовой. Если бы я знал...

— В гробу я видел ваши извинения. Хочу видеть генерал-инспектора.

— Ты и в самом деле полагаешь...

— Да, — отрезал я. — Пусть я не окопный юрист, но я сыт по горло. И у меня есть право на встречу с Г. И.

Пока они шепотом совещались, я принялся разглядывать себя. Брамины здорово залатали мое тело. Но, конечно же, не так хорошо, как в первые годы войны. Заплаты на коже наложили довольно халтурно, да и внутри что-то зудело и свербило. К тому же правая рука оказалась на два дюйма длиннее левой — скверно срастили сустав. Но в целом поработали они неплохо.

Брамины кончили совещаться и выдали мне форму. Я оделся.

— С генерал-инспектором не так просто, — начал один из них. — Видишь ли...

Стоит ли говорить, что к Г. И. я так и не попал. Меня отвели к старшему сержанту, эдакому верзиле-добряку из тех, кто умеет решить все твои проблемы, просто поговорив по душам. Только я его не просил лезть мне в душу.

— Да брось ты дуться, рядовой, — сказал добряк-сержант. — Неужто ты и в самом деле затеял склоку из-за того, что тебя оживили?

— Так оно и есть, — подтвердил я. — По военным законам даже у простого солдата есть права. Так мне, во всяком случае, говорили.

— Конечно, есть, — согласился сержант.

— Я свой долг выполнил. Семнадцать лет в армии, из них восемь на передовой. Трижды убит, трижды оживлен. И все это выбито на моем личном знаке. Но мне *не дали* умереть. Проклятые медики меня снова оживили, а это нечестно. Хочу оставаться мертвым.

— Куда как лучше оставаться живым, — возразил сержант. — Пока ты жив, остается шанс попасть в нестроевые. Сейчас, правда, приходится долго ждать, потому что на фронте людей не хватает. Но все-таки шанс есть.

— Знаю. Но, по-моему, скорее стать покойником.

— Знаешь, могу тебе пообещать, что месяцев через шесть...

— Хочу оставаться мертвым, — твердо заявил я. — После третьей смерти это мое законное право.

— Разумеется, — согласился добряк-сержант, улыбаясь мне товарищеской солдатской улыбкой. — Но на войне случаются и ошибки. Особенно на такой войне, как эта. — Он откинулся на спинку и сцепил руки за головой. — Я еще помню, как все началось. Поначалу никто не сомневался,

что все сводится к нажатию кнопок. Но и у нас, и у красных оказалось навалом противоракет, так что пулять друг в друга атомными боеголовками скоро оказалось бессмысленно. А когда изобрели подавитель атомных взрывов, ракетам и вовсе пришел конец. Кроме пехоты воевать стало некому.

— Сам знаю.

— Но противники превосходили нас числом. И сейчас превосходят. Ты только вспомни, сколько миллионов солдат у русских и китайцев! Нам оставалось одно — иметь как можно больше бойцов и, по крайней мере, не терять тех, кто есть. Вот почему медики стали оживлять убитых.

— Да знаю я все это. Послушайте, сержант, я тоже хочу, чтобы мы победили. Очень хочу. Я был хорошим солдатом. Но меня уже трижды убили, и...

— Беда в том, — сказал сержант, — что красные тоже оживляют своих мертвцев. И именно *сейчас* борьба за превосходство в живой силе на передовой достигла критической точки. В следующие два-три месяца все так или иначе решится. Так почему бы тебе не плюнуть на все это и не забыть об ошибке? Обещаю, что когда тебя убьют в следующий раз, то оставят в покое. Потерпи еще немного.

— Я хочу видеть генерал-инспектора.

— Ладно, рядовой, — буркнул добряк-сержант уже не очень приветливо. — Топай в комнату 303.

Комната 303 оказалась приемной. Я стал ждать. Мне даже стало немного стыдно за тот шум, что я поднял. Все-таки моя страна воевала. Но злость пересилила. У солдата есть права, даже на войне. Эти проклятые брамины...

Забавно, как к ним пристало это прозвище. Вообще-то они самые обычные медики, а не какие-нибудь индусы или брамины. Пару лет назад, когда все это еще было в новинку, в газете появилась статья. В ней рассказывалось о том, что медики научились оживлять мертвцев и снова посыпать их в бой. Тогда это было сенсацией. Автор цитировал стихотворение Эмерсона:

Убил ли красный убийца,
И мертв ли убитый мертвец,
Никто из них точно не скажет,
Где жизнь, а где смерти конец.

Такие дела. И, убив сегодня противника, ты понятия не имеешь, останется ли он мертвым или уже завтра вернется в

траншею, чтобы снова стрелять в тебя. А если убивают тебя, тоже не знаешь, пришел ли тебе конец. Стихотворение Эмерсона называлось «Брама», и медиков с тех пор прозвали браминами.

Сперва оживать после смерти совсем неплохо. Пусть больно, но ведь ты жив. Но в конце концов доходишь до предела, за которым эта карусель со смертью и оживлением уже невыносима. Начинаешь гадать, сколько же смертей ты должен родной стране, и как здорово отдохнуть, пробыв подольше мертвецом. Начинаешь мечтать о долгом сне, о покое.

Начальство это поняло. Когда солдат слишком часто оживляют, это плохо отражается на их боевом духе. Поэтому установили предел — три оживления. После третьего раза можешь выбирать — или дожидаться смены, или постоянная смерть. Начальство предпочитало, чтобы ты выбрал смерть, потому что трижды умиравший человек оказывает очень скверное влияние на моральный дух оставшихся в тылу. И большинство солдат на передовой предпочитали после третьего оживления умереть окончательно.

Но меня надули. Оживили в четвертый раз. Я такой же патриот, как и все, но это им даром не пройдет.

Кончилось тем, что мне позволили увидеться с адъютантом генерал-инспектора, седьмым жилистым полковником — типичным педантом, какого словами не проймешь. Он уже знал, в чем дело, и не стал рассусоливать. Разговор оказался коротким.

— Рядовой, — сказал он. — Мне жаль, что так получилось, но уже издан новый приказ. Красные увеличили количества оживлений, и мы не можем от них отставать. Согласно последнему приказу, число оживлений, дающее право на отставку, увеличено до шести.

— Но этот приказ отдан уже после моей смерти.

— Он имеет обратную силу. У тебя впереди еще две смерти. Все, рядовой. Удачи тебе.

Вот так. Как будто не знал, что от начальства справедливости не добьешься. Откуда им знать о наших мучениях. Их редко убивают более одного раза, и им просто не понять, что испытывает человек после четвертого. Пришлось возвращаться в траншею.

Я не торопясь шел мимо заграждения из отравленной колючей проволоки, крепко задумавшись. Миновал какую-то фиговину, накрытую брезентом цвета хаки с нанесенной по

трафарету надпись «Секретное оружие». В нашем секторе всякого секретного оружия — как собак нерезаных. Каждую неделю поступает что-то новенькое. Черт его знает, глядишь, какое-нибудь и в самом деле выиграет войну.

Но сейчас мне было на это начхать. Я размышлял над следующей строфой из того же стихотворения Эмерсона:

И даль, и забытое рядом;
Что солнце, что тень — не понять.
Пропавшие боги вернулись
Позора и славы искать.

Старина Эмерсон попал в точку, потому что именно таким ощущаешь себя после четвертой смерти. Тебя уже ничего не волнует, все едино, все обрыдло. Поймите меня правильно, я не циник. Я клоню лишь к тому, что, умерев четыре раза, человек просто обречен взглянуть на мир другими глазами.

Добрался я наконец до старой доброй 2645Б-4, поздоровался с парнями. Оказалось, на рассвете пойдем в атаку. Я продолжал размышлять.

Я не дезертир, но решил, что четырех смертей с меня хватит. И в завтрашней атаке нужно умереть наверняка. На этот раз ошибок не будет.

Едва забрезжил рассвет, мы миновали наши проволочные заграждения и перекатывающиеся мины и сосредоточились на ничейной полосе между нашей траншееей и 2645Б-5. В атаку шел весь батальон, а в боекомплекте у нас были пули нового образца. Сперва мы продвигались довольно быстро, но затем противник взялся за нас всерьез.

Но мы не останавливались. Вокруг свистели пули и громыхало, как в аду, но меня даже не задело. Мне уже начало казаться, что атака станет успешной, а меня не убьют.

И тут я нарвался — разрывная пуля в грудь. Смертельная рана, тут и думать нечего. Обычно, если тебе такое врежет, падаешь как подкошенный. Но я не упал. На этот раз я должен умереть наверняка. Поэтому я встал и заковылял вперед, опираясь на винтовку как на костьль. Я прошел еще пятнадцать ярдов под таким бешеным перекрестным огнем, какого и не припомню. И тут мне врезало еще раз. Точно так, как надо, без дураков.

Разрывная пуля просверлила мне лоб. В последнюю долю секунды я еще успел ощутить, как вскипают мои мозги, и

понял, что на этот раз промашки не будет. В случае серьезных ранений головы брамины бессильны, а моя рана очень серьезная.

Потом я умер.

Я очнулся и увидел браминов в белых халатах и марлевых масках.

— Долго я был покойником? — спросил я.

— Два часа.

И тут я вспомнил.

— Но ведь меня ранило в голову!

Марлевые маски сморшились — брамины улыбнулись.

— Секретное оружие, — сказал один из них. — Его создавали почти три года, и наконец нам и инженерам удалось создать восстановитель тканей. Важнейшее изобретение!

— Вот как? — вяло спросил я.

— Наконец-то медицина в силах лечить серьезные ранения головы, — сообщил брамин. — И не только головы, любые повреждения организма. Теперь мы можем оживить кого угодно, лишь бы от человека осталось семьдесят процентов тела — достаточно поместить его в восстановитель. Теперь наши потери резко сократятся. Это может решить исход всей войны!

— Приятно слышать, — пробормотал я.

— Кстати, — добавил брамин, — тебя наградили медалью за героическое поведение под огнем после получения смертельной раны.

— И это приятно слышать, — кисло улыбнулся я. — Так мы взяли ту траншею?

— На этот раз взяли. Теперь копим силы для атаки на 2645Б-6.

Я кивнул. Вскоре мне выдали форму и отправили обратно на фронт. Сейчас там затишье, и должен признать, что быть живым довольно приятно. Однако считаю, что получил от жизни все, что хотел.

А теперь мне осталась всего одна смерть до шестой.

Если только снова не изменят приказ.

ОХОТА

Это был последний сбор личного состава перед Всеобщим Слетом Разведчиков, и на него явились все патрули. Патрулю 22 — «Парящему соколу» было приказано разбить лагерь в тенистой ложбине и держать щупальца востро. Патруль 31 — «Отважный бизон» совершил маневры возле маленького ручья. «Бизоны» отрабатывали навыки потребления жидкости и возбужденно смеялись от непривычных ощущений.

А патруль 19 — «Атакующий миран» ожидал разведчика Дрога, который по обыкновению опаздывал.

Дрог камнем упал с высоты десять тысяч футов, в последний момент принял твердую форму и торопливо вполз в круг разведчиков.

— Привет, — сказал он. — Прошу прощения. Я понятия не имел, который час...

Командир патруля кинул на него гневный взгляд:

— Опять не по уставу, Дрог?!

— Виноват, сэр, — сказал Дрог, поспешно выпраштывая позабытое щупальце.

Разведчики захихикали. Дрог залился оранжевой краской смущения. Если бы можно было стать невидимым!

Но как раз сейчас этого делать не годилось.

— Я открою наш сбор Клятвой Разведчиков, — начал командир и откашлялся. — Мы, юные разведчики планеты Элбонай, торжественно обещаем хранить и лелеять навыки, умения и достоинства наших предков-пионеров. С этой целью мы, разведчики, принимаем форму, от рождения дарованную нашим праотцам, покорителям девственных просторов Элбонай. Таким образом, мы полны решимости...

Охота

© В. Бабенко, В. Баканов, перевод, 1984

Hunting Problem

Copyright © 1955 by Galaxy Publishing Corp.

Разведчик Дрог подстроил слуховые рецепторы, чтобы усилить тихий голос командира. Клятва всегда приводила его в трепет. Трудно себе представить, что прародители когда-то были прикованы к планетной тверди. Ныне элбонайцы обитали в воздушной среде на высоте двадцати тысяч футов, сохраняя минимальный объем тела, питались космической радиацией, воспринимали жизнь во всей полноте ощущений и спускались вниз лишь из сентиментальных побуждений или в связи с ритуальными обрядами. Эра Пионеров осталась в далеком прошлом. Новая история началась с Эры Субмолекулярной Модуляции, за которой последовала нынешняя Эра Непосредственного Контроля.

— ...прямо и честно, — продолжал командир. — И мы обязуемся, подобно им, пить жидкости, поглощать твердую пищу и совершенствовать мастерство владения их орудиями и навыками.

Торжественная часть закончилась, и молодежь рассеялась по равнине. Командир патруля подошел к Дрогу.

— Это последний сбор перед слетом, — сказал он.

— Я знаю, — ответил Дрог.

— В патрульном отряде «Атакующий миран» ты единственный разведчик второго класса. Все остальные давно получили первый класс или, по меньшей мере, звание Младшего Пионера. Что подумают о нашем патруле?

Дрог поежился.

— Это не только моя вина, — сказал он. — Да, конечно, я не выдержал экзаменов по плаванию и изготовлению бомб, но это мне просто не дано! Несправедливо требовать, чтобы я знал все! Даже среди пионеров были узкие специалисты. Никто и не требовал, чтобы каждый...

— А что же ты умеешь делать? — перебил командир.

— Я владею лесным и горным ремеслами, — горячо выпалил Дрог, — выслеживанием и охотой.

Командир изучающе посмотрел на него, а затем медленно произнес:

— Слушай, Дрог, а что, если тебе предоставят еще один последний шанс получить первый класс и заработать к тому же знак отличия?

— Я готов на все! — вскричал Дрог.

— Хорошо, — сказал командир. — Как называется наш патруль?

— «Атакующий миран», сэр.

— А кто такой миран?

— Огромный свирепый зверь, — быстро ответил Дрог. — Когда-то они водились на Элбонае почти всюду и наши предки сражались с ними не на жизнь, а на смерть. Ныне мириши вымерли.

— Не совсем, — возразил командр. — Один разведчик, исследуя леса в пятистах милях к северу отсюда, обнаружил в квадрате с координатами Ю-233 и 3-482 стаю из трех мишац. Все они самцы, и, следовательно, на них можно охотиться. Я хочу, чтобы ты, Дрог, выследил их и подкрадся поближе, применив свое искусство в лесном и горном ремеслах. Затем, используя лишь методы и орудия пионеров, ты должен добить и принести шкуру одного мишаца. Ну как, справишься?

— Уверен, сэр!

— Приступай немедленно, — велел командр. — Мы прикрепим шкуру к нашему флагштоку и безусловно заслужим похвалу на слете.

— Есть, сэр!

Дрог торопливо сложил вещи, наполнил флягу жидкостью, упаковал твердую пищу и отправился в путь.

Через несколько минут он левитировал к квадрату Ю-233 — 3-482. Перед ним расстилалась дикая романтическая местность — изрезанные скалы и низкорослые деревья, покрытые густыми зарослями долины и заснеженные горные пики. Дрог огляделся с некоторой опаской.

Докладывая командиру, он погрешил против истины.

Дело в том, что он был не особенно искушен ни в лесном и горном ремеслах, ни в выслеживании и охоте. По правде говоря, он вообще ни в чем не был искушен — разве что любил часами мечтательно витать в облаках на высоте пять тысяч футов. Что, если ему не удастся обнаружить мишаца? Что, если мишац обнаружит его первым?

Нет, этого не может быть, успокоил себя Дрог. На худой конец, всегда успею жестибюлировать. Никто и не узнает.

Через мгновение он уловил слабый запах мишаца. А потом в двадцати метрах от себя заметил какое-то движение возле странной скалы, похожей на букву Т.

Неужели все так и сойдет — просто и гладко? Что ж, прекрасно! Дрог принял надлежащие меры маскировки и потихоньку двинулся вперед.

Солнце пекло невыносимо; горная тропа все круче ползла вверх. Пакстон взмок, несмотря на теплозащитный комби-

незон. К тому же ему до тошноты надоела роль славного малого.

— Когда наконец мы отсюда улетим? — не выдержал он.

Геррера добродушно похлопал его по плечу:

— Ты что, не хочешь разбогатеть?

— Мы уже богаты, — возразил Пакстон.

— Не так чтобы уж очень, — сказал Геррера, и на его продолговатом, смуглом, изборожденном морщинами лице блеснула ослепительная улыбка.

Подошел Стэлмэн, пыхтя под тяжестью анализаторов. Он осторожно опустил аппаратуру на тропу и сел рядом.

— Как насчет передышки, джентльмены?

— Отчего же нет? — отозвался Геррера. — Времени у нас хоть отбавляй.

Он сел и прислонился к Т-образной скале.

Стэлмэн раскурил трубку, а Геррера расстегнул «молнию» и извлек из кармана комбинезона сигару. Пакстон некоторое время наблюдал за ними.

— Так когда же мы улетим с этой планеты? — наконец спросил он. — Или мы собираемся поселиться здесь навеки?

Геррера лишь усмехнулся и щелкнул зажигалкой, раскуривая сигару.

— Мне ответит кто-нибудь?! — закричал Пакстон.

— Успокойся. Ты в меньшинстве, — произнес Стэлмэн. — В этом предприятии мы участвуем как три равноправных партнера.

— Но деньги-то — мои! — заявил Пакстон.

— Разумеется. Потому тебя и взяли. Геррера имеет большой практический опыт работы в горах. Я хорошо подкован в теории, к тому же права пилота — только у меня. А ты дал деньги.

— Но корабль уже ломится от добычи! — воскликнул Пакстон. — Все трюмы заполнены до отказа! Самое время отправиться в какое-нибудь цивилизованное местечко и начать тратить!

— У нас с Геррерой нет твоих аристократических замашек, — с преувеличенным терпением объяснил Стэлмэн. — Зато у нас с Геррерой есть невинное желание набить сокровищами каждый корабельный закуток. Самородки золота — в топливные баки, изумруды — в жестянки из-под муки, а на палубу — алмазы по колено. Здесь для этого самое место. Вокруг бешеное богатство, которое так и просится, чтобы его подобрали. Мы хотим быть бездонно, до отвращения богатыми, Пакстон.

Пакстон не слушал. Он напряженно уставился на что-то у края тропы.

— Это дерево только что шевельнулось, — низким голосом проговорил он.

Геррера разразился смехом.

— Чудовище, надо полагать, — презрительно бросил он.

— Спокойно, — мрачно произнес Стелмэн. — Мой мальчик, я не молод, толст и легко подвержен страху. Неужели ты думаешь, что я оставался бы здесь, существуя хоть малейшая опасность?

— Вот! Снова шевельнулось!

— Три месяца назад мы тщательно обследовали всю планету, — напомнил Стелмэн, — и не обнаружили ни разумных существ, ни опасных животных, ни ядовитых растений. Верно? Все, что мы нашли, — это леса и горы, и золото, и озера, и изумруды, и реки, и алмазы. Да будь здесь что-нибудь, разве оно не напало бы на нас давным-давно?

— Говорю вам, я видел, как это дерево шевельнулось! — настаивал Пакстон.

Геррера поднялся.

— Это дерево? — спросил он Пакстона.

— Да. Посмотри, оно даже не похоже на остальные. Другой рисунок коры...

Неуловимым отработанным движением Геррера выхватил из кобуры бластер «Марк-2» и трижды выстрелил. Дерево и кустарник на десять метров вокруг него вспыхнули ярким пламенем и рассыпались в прах.

— Вот уже никого и нет, — подытожил Геррера.

Пакстон поскреб подбородок.

— Я слышал, как оно вскрикнуло, когда ты стрелял.

— Ага. Но теперь-то оно мертвое, — успокаивающе произнес Геррера. — Как заметишь, что кто-то шевелится, сразу скажи мне, и я пальну. А теперь давайте соберем еще немного изумрудиков, а?

Пакстон и Стелмэн подняли свои ранцы и пошли вслед за Геррерой по тропе.

— Непосредственный малый, правда? — с улыбкой промолвил Стелмэн.

Дрог медленно приходил в себя. Огненное оружие мирана застало его врасплох, когда он принял облик дерева и был совершенно незащищен. Он до сих пор не мог понять, как это случилось. Не было ни запаха страха, ни предвари-

тельного фырканья, ни рычания, вообще никакого предупреждения! Мираш напал совершенно неожиданно, со слепой, безрассудной яростью, не разбираясь, друг перед ним или враг.

Только сейчас Дрог начал постигать натуру противостоящего ему зверя.

Он дождался, когда стук копыт мишаев затих вдали, а затем, превозмогая боль, попытался выпростать оптический рецептор. Ничего не получилось. На миг его захлестнула волна отчаянной паники. Если повреждена центральная нервная система, это конец.

Он снова сосредоточился. Обломок скалы сполз с его тела, и на этот раз попытка завершилась успехом: он смог воспрянуть из пепла. Дрог быстро провел внутреннее сканирование и облегченно вздохнул. Он был на волосок от смерти. Только инстинктивная квондикация в момент вспышки спасла ему жизнь.

Дрог задумался было над своими дальнейшими действиями, но обнаружил, что потрясение от этой внезапной, не предсказуемой атаки начисто отшибло ему память о всех охотничьих уловках. Более того, он обнаружил, что у него вообще пропало всякое желание встречаться со столь опасными мишаами снова...

Предположим, он вернется без этой идиотской шкуры... Командиру можно сказать, что все мишаши оказались самками и, следовательно, подпадали под охрану закона об охоте. Слово Юного Разведчика ценилось высоко, так что никто не станет подвергать его сомнению, а тем более перепроверять.

Но нет, это невозможно! Как он смел даже подумать такое?!

Что ж, мрачно усмехнулся Дрог, остается только сложить с себя обязанности разведчика и покончить со всем этим нелепым занятием — лагерные костры, пение, игры, товарищество...

Никогда! — твердо решил Дрог, взяв себя в руки. Он ведет себя так, будто имеет дело с дальновидным противником. А ведь мишаши — даже не разумные существа. Ни одно создание, лишенное щупальца, не может иметь развитого интеллекта. Так гласил неоспоримый закон Этлиба.

В битве между разумом и инстинктивной хитростью всегда побеждает разум. Это неизбежно. Надо лишь придумать, каким способом.

Дрог опять взял след мишаев и пошел по запаху. Какое бы старинное оружие ему использовать? Маленькую атомную бомбу? Вряд ли, это может погубить шкуру.

Вдруг он рассмеялся. На самом деле все очень просто, стоит лишь хорошенько пошевелить мозгами. Зачем вступать в непосредственный контакт с миражем, если это так опасно? Настала пора прибегнуть к помощи разума, воспользоваться знанием психологии животных, искусством западни и приманки.

Вместо того чтобы высматривать миражей, он отправится к их логову.

И там устроит ловушку.

Они подходили к временному лагерю, разбитому в пещере, уже на закате. Каждая скала, каждый пик бросали резкие, четко очерченные тени. Пятью милями ниже, в долине, лежал их красный отливающий серебром корабль. Ранцы были набиты изумрудами — небольшими, но идеального цвета.

В такие предзакатные часы Пакстон мечтал о маленьком городке в Огайо, сатураторе с газированной водой и девушке со светлыми волосами. Геррера улыбался про себя, представляя, как лихо он промотает миллиончик-другой, прежде чем всерьез займется скотоводством. А Стелмэн формулировал основные положения своей докторской диссертации, посвященной внеземным залежам полезных ископаемых.

Все они пребывали в приятном умиротворенном настроении. Пакстон полностью оправился от пережитого потрясения и теперь страстно желал, чтобы кошмарное чудовище все-таки появилось — предпочтительно зеленое — и чтобы оно преследовало очаровательную полураздетую женщину.

— Вот мы и дома, — сказал Стелмэн, когда они подошли к пещере. — Как насчет тушеной говядины?

Сегодня была его очередь готовить.

— С луком! — потребовал Пакстон. Он ступил в пещеру и тут же резко отпрыгнул назад. — Что это?

В нескольких футах от входа дымился небольшой ростбиф, рядом красовались четыре крупных бриллианта и бутылка виски.

— Занятно, — сказал Стелмэн. — Что-то мне это не нравится.

Пакстон нагнулся, чтобы подобрать бриллиант. Геррера оттащил его.

— Это может быть мина-ловушка.

— Проводов не видно, — возразил Пакстон.

Геррера уставился на ростбиф, бриллианты и бутылку виски. Вид у него был самый разнесчастный.

— Этой штуке я не верю ни на грош, — заявил он.

— Может быть, здесь все-таки есть туземцы? — предположил Стэлмэн. — Такие, знаете, робкие, застенчивые. А этот дар — знак доброй воли.

— Ага, — саркастически подхватил Геррера. — Специально ради нас они сгоняли на Землю за бутылочкой «Старого космодесантного».

— Что же нам делать? — спросил Пакстон.

— Не соваться куда не надо, — отрубил Геррера. — Нука, осади назад.

Он отломил от ближайшего дерева длинный сук и осторожно потыкал в бриллианты.

— Видишь, ничего страшного, — заметил Пакстон.

Длинный травяной стебель, на котором стоял Геррера, тут обвился вокруг его лодыжек. Почва под ним заколыхалась, обрисовался аккуратный диск футов пятнадцати в диаметре и, обрывая корневища дернины, начал подниматься в воздух. Геррера попытался спрыгнуть, но трава вцепилась в него тысячами зеленых щупалец.

— Держись! — завопил Пакстон, рванулся вперед и уцепился за край поднимающегося диска.

Диск резко накренился, замер на мгновение и стал опять подниматься. Но Геррера уже выхватил нож и яростно кромсал траву вокруг своих ног. Стэлмэн вышел из оцепенения, лишь когда увидел ноги Пакстона на уровне своих глаз. Он схватил Пакстона за лодыжки, снова задержав подъем диска. Тем временем Геррера вырвал из пут одну ногу и перemetнул тело через край диска. Крепкая трава какое-то время еще держала его за вторую ногу, но затем стебли, не выдержав тяжести, оборвались, и Геррера головой вперед полетел вниз. Лишь в последний момент он вобрал голову в плечи и умудрился приземлиться на лопатки. Пакстон отпустил край диска и рухнул на Стэлмэна.

Травяной диск, унося ростбиф, виски и бриллианты, продолжал подниматься, пока не исчез из виду.

Солнце село. Не произнося ни слова, трое мужчин вошли в пещеру с бластерами наготове.

— Ночью по очереди будем нести вахту, — отчеканил Геррера.

Пакстон и Стэлмэн согласно кивнули.

— Пожалуй, ты прав, Пакстон, — сказал Геррера. — Что-то мы здесь засиделись.

— Чересчур засиделись, — уточнил Пакстон.

Геррера пожал плечами:

— Как только рассветет, возвращаемся на корабль и стараемся.

— Если только сможем добраться до корабля, — не удержался Стелмэн.

Дрог был совершенно обескуражен. С замиранием сердца следил он, как раньше срока сработала ловушка, как боролся миран за свободу и как он наконец обрел ее. А какой это был великолепный миран! Самый крупный из трех!

Теперь он знал, в чем допустил ошибку. От излишнего рвения он переборщил с наживкой. Одних минералов было бы вполне достаточно, ибо, как всем известно, мираны обладают повышенным тропизмом к минералам. Так нет же! Ему понадобилось улучшить методику пионеров, ему, видите ли, захотелось присовокупить еще и пищевое стимулирование. Неудивительно, что мираны ответили удвоенной подозрительностью, ведь их органы чувств подверглись колоссальной перегрузке.

Теперь они взвешены, насторожены и предельно опасны.

А разъяренный миран — это одно из самых ужасающих зреищ в Галактике.

Когда две луны Элбоная поднялись в западной части небосклона, Дрог почувствовал себя страшно одиноким. Он мог видеть костер, который мираны развели перед входом в пещеру, а телепатическим зрением разбирал самих миран, скорчившихся внутри, — органы чувств на пределе, оружие наготове.

Неужели ради одной-единственной шкуры мирана стоило так рисковать?

Дрог предпочел бы парить на высоте пяти тысяч футов, лепить из облаков фигуры и мечтать. Как хорошо впитывать солнечную радиацию, а не поглощать эту дрянную твердую пищу, завещанную предками. Какой прок от всех этих охот и выслеживаний? Явно никакого! Бесполезные навыки, с которыми его народ уже давным-давно расстался.

Был момент, когда Дрог уже почти убедил себя. Но тут же, в озарении, с которым приходит истинное постижение природы вещей, он понял, в чем дело.

Действительно, элбонайцам давно уже стали тесны рамки конкурентной борьбы, эволюция вывела их из-под угрозы кровавой бойни за место под солнцем. Но Вселенная велика, она таит в себе множество неожиданностей. Кому дано предвидеть будущее? Кто знает, с какими еще опасностями придется столкнуться расе элбонайцев? И смогут ли они противостоять угрозе, если утратят охотничий инстинкт?

Нет, заветы предков незыблемы и верны, они не дают забыть, что миролюбивый разум слишком хрупок для этой неприветливой Вселенной.

Остается либо добыть шкуру мириша, либо погибнуть с честью.

Самое важное сейчас — выманить их из пещеры. Наконец-то к Дрогу вернулись охотничьи навыки.

Быстро и умело он сотворил манок для мириша.

— Вы слышали? — спросил Пакстон.

— Вроде бы какие-то звуки, — сказал Стелмэн, и все прислушались.

Звук повторился. «О-о, на помощь! Помогите!» — кричал голос.

— Это девушка! — Пакстон вскочил на ноги.

— Это *похоже* на голос девушки, — поправил Стелмэн.

— Умоляю, помогите! — взвывал девичий голос. — Я долго не продержусь. Есть здесь кто-нибудь? Помогите!

Кровь хлынула к лицу Пакстона. Воображение тут же нарисовало трогательную картину: маленькое хрупкое существо жмется к потерпевшей крушение спортивной ракете (какое безрассудство — пускаться в подобные путешествия!), со всех сторон на него надвигаются чудовища — зеленые, осклизлые, а за ними появляется Он — главарь чужаков, отвратительный вонючий монстр.

Пакстон подобрал запасной бластер.

— Я выхожу, — хладнокровно заявил он.

— Сядь, кретин! — приказал Геррера.

— Но вы же слышали ее, разве нет?

— Никакой девушки тут быть не может, — отрезал Геррера. — Что ей делать на такой планете?

— Вот это я и собираюсь выяснить, — заявил Пакстон, размахивая двумя бластерами. — Может, какой-нибудь там лайнер потерпел крушение, а может, она решила поразвлечься и угнала чью-то ракету...

— Сесть! — заорал Геррера.

— Он прав, — Стелмэн попытался урезонить Пакстона. — Даже если девушка и впрямь где-то там объявила, в чем я сомневаюсь, то мы все равно помочь ей никак не сможем.

— О-о, помогите, помогите, оно сейчас догонит меня! — визжал девичий голос.

— Прочь с дороги, — угрожающим басом заявил Пакстон.

— Ты действительно выходишь? — с недоверием поинтересовался Геррера.

— Хочешь мне помешать?

— Да нет, валяй, — Геррера махнул в сторону выхода.

— Мы не можем позволить ему уйти! — Стэлмэн ловил ртом воздух.

— Почему же? Дело хозяйственное, — безмятежно промолвил Геррера.

— Не беспокойтесь обо мне, — сказал Пакстон. — Я вернусь через пятнадцать минут — вместе с девушкой!

Он повернулся на каблуках и направился к выходу. Геррера подался вперед и рассчитанным движением опустил на голову Пакстона полено, заготовленное для костра. Стэлмэн подхватил обмякшее тело. Они уложили Пакстона в дальнем конце пещеры и продолжили бдение. Бедствующая дама стонала и молила о помощи еще часов пять. Слишком долго даже для многосерийной мелодрамы. Это потом вынужден был признать и Пакстон.

Наступил сумрачный дождливый рассвет. Прислушиваясь к плеску воды, Дрог все еще сидел в своем укрытии метрах в ста от пещеры. Вот мириши вышли плотной группой, держа наготове оружие. Их глаза внимательно обшаривали местность.

Почему провалилась попытка с манком? Учебник Разведчика утверждал, что это вернейшее средство привлечь самца мириша. Может быть, сейчас не брачный сезон?

Стая миришь двигалась в направлении металлического яйцевидного снаряда, в котором Дрог без труда признал примитивный пространственный экипаж. Сработан он, конечно, грубо, но мириши будут в нем в безопасности.

Разумеется, он мог парадизировать их и покончить с этим делом. Но такой поступок был бы слишком негуманным. Древних элбонайцев отличали прежде всего благородство и милосердие, и каждый Юный Разведчик старался подражать им в этом. К тому же парадизирование не входило в число истинно пионерских методов.

Оставалась безграмотия. Это был старейший трюк, описанный в книге, но, чтобы он удался, следовало подобраться к миришам как можно ближе. Впрочем, Дрогу уже нечего было терять.

И, к счастью, погодные условия были самые благоприятные. Все началось с туманной дымки, стелющейся над землей. Но по мере того как расплывчатое солнце взбиралось по серому небосклону, туман поднимался и густел.

Обнаружив это, Геррера в сердцах выругался.

— Давайте держаться ближе друг к другу! Вот несчастье-то!
Вскоре они уже шли, положив левую руку на плечо впереди идущего. Правая рука сжимала бластер. Туман вокруг был непроницаемым.

— Геррера?

— Да.

— Ты уверен, что мы идем в правильном направлении?

— Конечно. Я взял азимут по компасу еще до того, как туман сгустился.

— А если компас вышел из строя?

— Не смей и думать об этом!

Они продолжали двигаться, осторожно нащупывая дорогу между скальными обломками.

— По-моему, я вижу корабль, — сказал Пакстон.

— Нет, еще рано, — возразил Геррера.

Стелмэн, споткнувшись о камень, выронил бластер, на ощупь подобрал его и стал шарить рукой в поисках плеча Герреры. Наконец он нашупал его и двинулся дальше.

— Кажется, мы почти дошли, — сказал Геррера.

— От души надеюсь, — выдохнул Пакстон. — С меня хватит.

— Думаешь, та девочка ждет тебя на корабле?

— Не береди душу!

— Ладно, — смирился Геррера. — Эй, Стелмэн, лучше по-прежнему держись за мое плечо. Не стоит нам разделяться.

— А я и так держусь, — отозвался Стелмэн.

— Нет, не держиесь.

— Да держусь, тебе говорят!

— Слушай, кажется, мне лучше знать, держится кто-нибудь за мое плечо или нет.

— Это твое плечо, Пакстон?

— Нет, — ответил Пакстон.

— Плохо, — сказал Стелмэн очень медленно. — Это совсем плохо.

— Почему?

— Потому что я определенно держусь за чье-то плечо.

— Ложись! — заорал Геррера. — Немедленно ложитесь оба! Дайте мне возможность стрелять!

Но было поздно. В воздухе разлился кисло-сладкий аромат. Стелмэн и Пакстон вдохнули его и потеряли сознание. Геррера слепо рванулся вперед, стараясь задержать дыхание, споткнулся, перелетел через камень, попытался подняться на ноги и...

И все провалилось в черноту.

Туман внезапно растаял. На равнине стоял один лишь Дрог. Он триумфально улыбался. Вытащив разделочный нож с длинным узким лезвием, он склонился над ближайшим мирашем...

Космический корабль несся к Земле с такой скоростью, что подпространственный двигатель того и гляди мог полететь ко всем чертям. Сгорбившийся над пультом управления Геррера наконец взял себя в руки и убавил скорость. Его лицо, с которого обычно не сходил красивый ровный загар, все еще сохраняло пепельный оттенок, а пальцы дрожали над пультом.

Из спального отсека вышел Стэлмэн и устало плюхнулся в кресло второго пилота.

— Как там Пакстон? — спросил Геррера.

— Я накачал его дроном-3, — ответил Стэлмэн. — С ним все будет в порядке.

— Хороший малый, — заметил Геррера.

— Думаю, это просто шок, — сказал Стэлмэн. — Когда он придет в себя, я усажу его пересчитывать алмазы. Это, насколько я понимаю, будет для него лучше всякой другой терапии.

Геррера усмехнулся, лицо его стало обретать обычный цвет.

— Теперь, когда все позади, пожалуй, и мне стоит подзаняться алмазной бухгалтерией.

Внезапно его удлиненное лицо посерезнело.

— Но все-таки, Стэлмэн, кто мог нас выручить? Никак этого не пойму!

Слет Разведчиков удался на славу. Патруль 22 — «Парящий сокол» — разыграл короткую пантомиму, символизирующую освобождение Элбоная. Патруль 31 — «Отважный би-зон» — облачился в настоящие пионерские одежды.

А во главе патруля 19 — «Атакующий миша» — двигался Дрог, теперь уже Разведчик первого класса, удостоенный особого знака отличия. Он нес флаг своего патруля (высокая честь для разведчика!), и все, завидя Дрога, громко приветствовали его.

Ведь на древке гордо развевалась прочная, отлично выделанная, ни с чем не сравнимая шкура взрослого миша — ее молнии, пряжки, циферблаты, пуговицы весело сверкали на солнце.

ЛОВУШКА

Сэмиш, мне нужна помощь. Ситуация становится опасной, так что спеши, не медли.

Ты был совершенно прав, Сэмиш, старый дружище. Мне не следовало доверять землянам. Это хитрый, невежественный, безнравственный народ, как ты неоднократно и отмечал. Но они не такие глупые, как кажутся. Я начинаю убеждаться, что толщина жгутика — не единственный критерий разума.

Как все нелепо обернулось, Сэмиш! А ведь мой план казался таким верным и безукоризненным...

Эд Дэйли заметил что-то поблескивающее за дверью котеджа, но сонливость взяла верх над желанием выяснить, что это.

Когда рассвело, он проснулся и выбрался на цыпочках наружу — взглянуть на небо. Погода не сулила ничего хорошего. Всю ночь лил дождь, и сейчас со всех деревьев капала вода. Их фургон, казалось, затопило, а поднимавшаяся в гору проселочная дорога разбухла от грязи. Дэйли поежился от сырости.

Его друг Турстон, в пижаме, с заспанным, упитанным, безмятежным, как у Будды, лицом подошел к двери.

— В первый день отпуска всегда льет как из ведра, — констатировал он. — Закон природы.

— Сегодня может хорошо клевать форель, — заметил Дэйли.

— Это ее личное дело, — без особого восторга отозвался Турстон. — На мой взгляд, куда лучше растопить камин и понежиться перед ним, потягивая горячий ром с травками.

Ловушка

© А. Санин, перевод, 1984

The Trap

Copyright © 1957 by Robert Sheckley

Уже одиннадцать лет они проводили короткий осенний отпуск вместе, но по разным причинам.

Дэйли отличала романтическая привязанность ко всякого рода снаряжению. Продавцы нью-йоркских магазинов модной спортивной одежды примеривали на его высокие, сутловатые плечи дорогие парки, которые можно было носить в такой неприступной цитадели, как Тибет, в поисках снежного человека. Его уговаривали приобрести миниатюрные печки хитроумной конструкции, которые не погаснут даже во время урагана, или пытались всучить причудливые, угрожающие изогнутые кинжалы из лучшей шведской стали и массу других не менее соблазнительных и полезных вещей.

Дэйли любил ощущать приятную тяжесть маленькой изящной фляжки на боку и перекинутого через плечо ружья из вороненой стали. Фляжка чаще всего была наполнена ромом, а самой опасной дичью, по которой стреляло его ружье, служили пустые жестянки. Несмотря на азартные мечты, Дэйли был человеком с мягким сердцем и не мог причинить зла ни животным, ни птицам.

Его друг Турстон, страдавший от излишнего веса и одышки, обременял себя лишь самой легкой удочкой и самым миниатюрным из ружей. Ко второй неделе отпуска ему, как правило, удавалось перенести место охоты в Лейк-Плэсид, в коктейль-бар, где он, оказавшись в родной стихии, проявлял незаурядные охотничьи познания и сноровку, охотясь отнюдь не на серых и бурых медведей и горных оленей, а на отыкающихся девушек.

Подобного рода времяпровождение, или «охотничий сезон», как они говорили, вполне удовлетворяло обоих городских обитателей, преуспевающих бизнесменов, возраст которых уже клонился к пятидесяти, и они возвращались в Нью-Йорк загорелыми и посвежевшими, с хорошим запасом жизненной энергии и терпимости к женам.

— Ну что ж, ром так ром, — охотно согласился Дэйли. — А это что? — Он обратил внимание на блестящий металлический предмет за порогом.

Турстон подошел и потыкал его ногой.

— Что за чертовщина?

Раздвинув траву, Дэйли увидел ящик кубической формы, высотой фута в четыре, с крышкой на шарнирах. На одной его стороне было размашисто выведено одно лишь слово: «ЛОВУШКА».

— Где ты купил это? — недоуменно спросил Турстон.

— Я ничего не покупал. — Тут Дэйли заметил на ящике пластмассовый ярлык. Он поспешил отодрал его и прочитал: «Дорогой друг!»

Это первая, не имеющая аналогов модификация ловушки. Чтобы познакомить с ней широкий круг клиентов, мы даем вам эту модель *абсолютно бесплатно!* Вы сможете убедиться, что это незаменимое приспособление для ловли мелкой дичи, если будете *точно* соблюдать предписание, помещенное на обороте. Желаем удачи и счастливой охоты!»

— Занятная вещица, — проговорил Дэйли, в глазах которого зажегся охотничий азарт. — Думаешь, ее подбросили ночью?

— Какая разница? — пожал плечами Турстон. — У меня урчит в животе. Давай состряпаем завтрак.

— Неужели тебе не интересно?

Турстон презрительно поморщился:

— Не особенно. Очередная техническая «новинка». У тебя уже все завалено таким баракхлом: медвежий капкан от Аберкромби и Фитча, рожок для привлечения ягуаров от Бэтлера, манок для крокодилов...

— Никогда не видел таких ловушек, — задумчиво проговорил Дэйли. — А какая реклама! Знали, куда подбросить...

— В конце концов тебя все равно заставят выложить денежки, — цинично заверил Турстон. — Все рассчитано на таких простаков, как ты. Ладно, пойду готовить завтрак. А ты вымоешь посуду.

Он вошел в коттедж, а Дэйли перевернул ярлык и прочитал на обратной стороне:

«Поставьте ловушку на открытое место и прикрепите ее прилагающейся цепью к ближайшему дереву. Нажатием *кнопки один*, расположенной у основания, включите ловушку. Через пять секунд нажмите *кнопку два*. Это активирует ловушку. Более ничего делать не надо, пока не произойдет поимка. Тогда нажмите *кнопку три*, отключающую ловушку, откройте крышку и достаньте добычу.

ВНИМАНИЕ! Открывать ловушку следует только для изъятия добычи. Для попадания добычи внутрь открывать ловушку не требуется, так как модель основана на принципе осмотического расчленения и добыча оказывается непосредственно в ловушке».

— Чего только не выдумают люди! — восхищенно воскликнул Дэйли.

— Завтрак готов! — позвал Турстон.

— Сначала помоги мне установить эту штуку.

Турстон, натянувший на себя модные шорты и облачившийся в крикливую спортивную рубашку, вышел наружу и с сомнением взорился на ловушку:

— Ты и впрямь хочешь заняться этой ерундой?

— Конечно. Может, мы поймаем лису.

— Что, черт возьми, мы станем делать с лисой?

— Отпустим, конечно, — не раздумывая ответил Дэйли. —

Главное — поймать. Помоги поднять!

Ловушка оказалась неожиданно тяжелой. Они оттащили ее ярдов на пятьдесят от охотничьей хижины и обвязали цепь вокруг молодой сосны. Дэйли нажал первую кнопку, и ловушка слабо замерцала. Турстон испуганно попятился.

Через пять секунд Дэйли нажал вторую кнопку.

С листьев капало, на верхушках деревьев оживленно трещали белки, слабо шелестела высокая трава. Ловушка, тускло мерцая, спокойно стояла возле сосны.

— Пойдем, — не выдержал Турстон. — Яйца уже наверняка остывли.

Дэйли неохотно последовал за ним и, дойдя до порога, обернулся. Ловушка безмолвно затаилась в лесу и ждала...

Сэмюш, где же ты? Ты мне срочно нужен. Это звучит невероятно, но мой крошечный планетоид разваливается на глазах! Ты мой старинный друг, Сэмюш, спутник моего детства, шафер на моем бракосочетании и к тому же друг прекрасной Фрэгль. Я полагаюсь на тебя, как на самого себя. Не задерживайся слишком долго.

Я уже телепортировал тебе начало этой истории. Земляне приняли мою ловушку за ловушку, и все. Они немедленно запустили ее без всяких мыслей о возможных последствиях. На это я и рассчитывал. Фантастическое любопытство землян общеизвестно.

В течение этого времени моя жена ползала по планетоиду, украшая наше жилище и наслаждаясь переменой после городской жизни. Все шло хорошо...

Во время завтрака Турстон с нудной педантичностью изложил свою точку зрения на то, почему ловушка не должна функционировать при отсутствии отверстия для добычи. Дэйли со смехом отмахнулся, козырнув принципом осмотического

расчленения. Турстон упорствовал, что такого не существует. Закончив мытье посуды, друзья зашагали по мокрой упругой траве к ловушке.

— Смотри! — крикнул Дэйли.

В ловушке билось что-то живое — какое-то существо размером с кролика, но ярко-зеленого цвета. Глаза диковинного создания помещались на концах длинных стебельков, и оно свирепо щелкало клешнями, похожими на клешни омара.

— Все, хватит, никакого рома до завтрака, — отрубил Турстон и нерешительно добавил: — Начиная с завтрашнего дня. Дай-ка мне фляжку.

Дэйли протянул флягу, и Турстон отхлебнул несколько изрядных глотков. Переведя взгляд на пойманную тварь, он перекосился:

— Бррр!

— А вдруг это новый вид? — глубокомысленно изрек Дэйли.

— Новый вид кошмара! Может, поедем в Лейк-Плэсид и забудем про все это?

— Ты что, с ума сошел? Я в жизни не встречал ничего подобного, ни в одной из книг по зоологии. Новое слово в науке! Где мы будем его держать?

— Его держат?

— А как же! Не может же оно оставаться в ловушке. Нам придется соорудить клетку и выяснить, чем оно питается.

Лицо Турстона утратило обычную безмятежность.

— Послушай, Эд, старина, я бы не хотел проводить отпуск с таким страшилищем... А вдруг оно ядовитое? Потом, от него наверняка скверно пахнет...

Набрав воздуха, он продолжал:

— К тому же это какая-то противоестественная ловушка. Она... нечеловеческая!

Дэйли ухмыльнулся:

— Держу пари, что такую же чепуху говорили про первый автомобиль Форда и про лампу накаливания Эдисона. Эта ловушка — просто еще один блистательный пример американского технического прогресса!

— Я сам сторонник прогресса! — вспыхнул Турстон. — Но только не такого! Неужели мы не можем просто...

Он посмотрел на своего друга и остановился. На лице Дэйли появилось такое выражение, которое могло быть у Кортеса, когда он с вершины горы увидел Тихий океан.

— Да, — задумчиво произнес Дэйли после продолжительной паузы. — Так и будет.

— Что?

— Позже скажу. Сначала давай смастерим клетку и сно-
ва запустим ловушку.

Глухо застонав, Турстон последовал за другом.

Ну что же ты медлишь, Сэмиш? Неужели ты не ощуща-
ешь всей серьезности положения? Разве я не объяснил, как
много от тебя зависит? Подумай о своем старом друге!
Подумай о гладкокожей Фрэгль, ради которой я и затеял
эту кутерьму. Свяжись со мной хотя бы!

Земляне сразу же принялись использовать мою ловушку,
которая, конечно, вовсе никакая не ловушка, а трансмиттер
материи. Другой его конец я замаскировал на планетоиде и
уже скормил в него трех зверьков, отловленных в саду.
Земляне всякий раз неизменно вытаскивали их из ловушки,
с какой целью — ума не приложу. Эти алчные люди хранят
все что угодно.

После того как третий зверек, попав в трансмиттер, не
вернулся, я понял, что все готово.

Я приготовился к последнему, четвертому сеансу, самому
главному, ради которого все это и затевалось.

Они стояли в маленьком чуланчике, примыкавшем к
коттеджу. Турстон с отвращением разглядывал три клетки,
сделанные из тяжелой противомоскитной сетки. Внутри
каждой из клеток сидело по существу.

— Фу, — поморщился Турстон, — и воняют же они!

В ближайшей клетке содержалась их первая добыча —
тварь с глазами на стебельках и с клешнями. По соседству
разместилась птица с тремя парами покрытых чешуей крыль-
ев. В третьей клетке находилось нечто, напоминающее змею, с
головами на обоих концах.

В клетках стояли блюдечки с молоком, тарелки с кусоч-
ками мяса, нашиканными овощами, травой — все это
оставалось нетронутым.

— Они совсем ничего не едят, — пожаловался Дэйли.

— Совершенно очевидно, что они больны, — настаивал
Турстон. — Возможно, они бациллоносители. Может, выки-
нем их, Эд?

Дэйли посмотрел ему в глаза:

— Скажи, Том, ты никогда не мечтал о славе?

— О чем?

— О славе. Чтобы твое имя повторяли через века?

— Я деловой человек, — с достоинством ответил Турстон. — Если бы я забивал себе голову такой чепухой, то давно бы обанкротился.

— Так никогда ты не мечтал?

Турстон смущенно улыбнулся:

— Ну какой человек не мечтает о славе? Только что ты имеешь в виду?

— Эти существа, — назидательно произнес Дэйли, — уникальные! Мы подарим их музею.

— Ну и что? — заинтересовался Турстон.

— Выставка ранее неизвестных науке животных, открытых Дэйли — Турстоном!

— Они могут даже назвать их нашими именами, — неожиданно размечтался Турстон. — Мы же их поймали!

— Конечно, именно так! Наши имена станут в один ряд с именами Ливингстона, Одубона и Тедди Рузвельта.

— Гм. — Турстон глубоко задумался. — Мне кажется, лучше всего для этой цели подходит музей естественной истории. Там можно организовать выставку...

— Я думал не просто о выставке, — прервал его Дэйли. — Я думал об открытии галереи, — галереи Дэйли — Турстона.

Турстон в изумлении уставился на друга. Он и не подозревал в Дэйли такого размаха.

— Но, Эд, их же всего три штуки. Мы не можем открыть галерею для демонстрации всего трех экспонатов.

— Там, откуда они взялись, их должно быть много. Пойдем проверим ловушку.

На этот раз в ловушке судорожно билось существо фута в три длиной с маленькой зеленой головкой и раздвоенным вилкообразным хвостом. От туловища отходило около дюжины толстых жгутиков, которые яростно извивались.

— Остальные были поспокойнее, — заметил Турстон. — Возможно, эта тварь поопаснее.

— Мы запутаем ее сетью, — решил Дэйли. — Потом я свяжусь с музеем.

Им стоило изрядных усилий посадить добычу в клетку. Ловушку перезарядили, и Дэйли отправил телеграмму в музей естественной истории:

«ОБНАРУЖИЛ ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ ЧЕТЫРЕ ВИДА ЖИВОТНЫХ НЕИЗВЕСТНЫХ НАУКЕ ТЧК ПОДГОТОВЬТЕ ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ ЭКСПОЗИЦИИ ТЧК СРОЧНО ПРИШЛИТЕ СПЕЦИАЛИСТОВ».

Затем, по настоянию Турстона, он выслал в музей несколько безукоризненных характеристик на себя, чтобы там не подумали, что имеют дело с помешанным.

Днем Дэйли изложил Турстону свою теорию. Он был убежден, что в одной части массива Адирондак сохранился нетронутый временем уголок доисторической природы, населенный животными, выжившими с тех пор. Они никогда не попадались охотникам благодаря исключительным повадкам и осторожности, приобретенными их видами в глубокой древности. Однако перед этой новой ловушкой, основанной на принципе осмотического расчленения, даже столь уникальный опыт оказался недостаточным.

— Адирондак исследован вдоль и поперек, — робко возразил Турстон.

— Как видишь, все же недостаточно, — отрезал Дэйли. Они возвратились к ловушке. Но там было пусто.

— Я тебя еле-еле слышу, Сэмиш. Попробуй усилить сигнал. А еще лучше — прибудь сюда сам. Что толку переговариваться, когда я влип в такую историю! Ситуация становится все более и более отчаянной.

Что ты говоришь, Сэмиш? Чем это кончилось? Разве не ясно? После того как мой трансмиттер материи телепортировал этих зверьков, я понял, что все готово. Оставалось только поговорить с женой.

В соответствии с планом я позвал ее поползать в саду. Она была очень довольна.

— Скажи мне, дорогой, — заговорила она, — тебя что-то мучает в последнее время?

— Угу, — ответил я.

— Ты меня разлюбил?

— Нет, дорогая, — сказал я. — Ты не виновата. Ты сделала все, что могла, но увы — я собираюсь обзавестись новой подругой жизни.

Она замерла на месте, в замешательстве перебирая жгутами. Потом воскликнула:

— Это Фрегль!

— Да, — подтвердил я, — славная Фрегль согласилась делить со мной жилище.

— Но нас же обручили на всю жизнь!

— Знаю. Жаль, что ты настаиваешь на соблюдении этой пустой формальности!

С этими словами я ловко столкнул ее в трансмиттер.

Это было ужасное зрелище, Сэмиш! Ее жгутики судорожно извивались, она завизжала и... пропала навсегда.

Наконец я был свободен! Меня немного тошило, но я был свободен! Свободен, чтобы обручиться с блестящей Фрегль!

Теперь ты понимаешь все совершенство моего замысла? Было необходимо заручиться поддержкой землян, так как трансмиттер материи функционирует в обе стороны. Я замаскировал его под ловушку, потому что эти земляне готовы поверить чему угодно. И как завершающий аккорд я отправил им свою жену.

Пусть попробуют прожить с ней! Я не смог!

Верное дело. План был безукоризненным. Моя жена никогда не смогла бы вернуться, поскольку жадные земляне не способны расстаться ни с чем, что к ним попало. Никто бы никогда ничего не доказал.

И вдруг, Сэмиш, это случилось...

Мирный пейзаж вокруг заброшенного горного коттеджа резко изменился. Дорожную грязь вдоль и поперек избороздили следы автомобильных покрышек. Повсюду валялись использованные лампы-вспышки, пачки от сигарет, окурки, обертки от конфет, бумага. Сейчас, после нескольких часов сумасшедшей суеты, все уехали. Осталось лишь испорченное настроение.

Стоя рядом, Дэйли и Турстон мрачно смотрели на пустую ловушку.

— Что случилось с этой дурацкой штукой? — Дэйли в сердцах лягнул ловушку ногой.

— Может быть, она уже все выловила? — предположил Турстон.

— Ерунда! Почему в нее попались четыре абсолютно чуждых существа, а потом — больше ни одного? — Он опустился перед ловушкой на колени и громко произнес: — Эти чертовы болваны из музея... А репортеры?! Возмутительно!

— В какой-то степени их можно понять, — осторожно сказал Турстон.

— Черта с два! Обвинить меня в мошенничестве! Ты слышал, как они издевались, Том? Они спрашивали, как мне удалось проделать пересадку кожи?

— Жаль, что все животные издохли до приезда сотрудников музея, — вздохнул Турстон. — Это и впрямь показалось подозрительным.

— Я же не виноват, что эти идиотские твари не хотели есть! Ведь не виноват, скажи? Проклятые газетчики... Прослушай, Том, тебе не кажется, что в центральных газетах репортеры должны быть поумнее этих осталопов?

— Ты не должен был гарантировать им поимку еще других животных, — пытался успокоить друга Турстон. — Именно из-за того, что в ловушку ничего не попадало, они и заподозрили фальсификацию.

— Отчего же мне было не гарантировать! Кто мог подумать, что после поимки этого страшилища со жгутиками ловушка выйдет из строя? И как они посмели поднять меня на смех, когда я объяснял принцип работы системы осмотического расчленения?

— Они просто не слышали о такой системе, — угрюмо промолвил Турстон. — Никто про нее не слышал. Поехали в Лейк-Плэсид, расслабимся и забудем об этом.

— Ни за что! Ловушка должна заработать! Должна! — Дэйли включил и активировал ловушку и принял ее пристально рассматривать. Внезапно он откинул крышку, решительно просунул внутрь руку и вдруг издал истошный вопль:

— Моя рука! Она исчезла!

Он в панике отскочил от ловушки.

— Да нет же, успокойся, она на месте, — заверил Турстон. Дэйли осмотрел обе руки, потер их, потряс перед глазами, но не унялся:

— Я точно видел, что моя рука исчезла, как только оказалась в ловушке!

— Хорошо, хорошо, — поспешил согласиться Турстон. — Конечно, исчезла. Послушай, дружище, прошвырнемся в Лейк-Плэсид, а? Немного отдохнем, и все будет в порядке. Идет?

Дэйли его не слушал. Он снова склонился над ловушкой и запустил в нее руку. Рука пропала. Он наклонился ниже — и рука исчезла до самого плеча. Дэйли торжествующе посмотрел на Турстона.

— Теперь ясно, как она работает, — провозгласил он. — Эти твари обитали вовсе не в этой части Аппалачских гор!

— А где?

— Там, где сейчас находится моя рука! Этим газетным писакам и музейным крысам нужны доказательства? Они меня обзывают лжецом! Меня! Ха-ха, я им покажу!

— Остановись, Эд! Не делай этого! Ты же...

Но Дэйли уже просунул обе ноги в ловушку. Они исчезли. Он постепенно погрузился по шею и обернулся к Турстону:

— Пожелай мне успеха!

— Эд!

Дэйли презрительно фыркнул и растворился в воздухе.

Сэмиш, если ты немедленно не придешь мне на помощь, все будет кончено! Больше я не смогу с тобой общаться. Этот ужасный великан-землянин разгромил весь мой планетоид. Все, что можно, живое или мертвое, он пошвырял в трансмиттер. Мой дом в развалинах. А сейчас он уже подбирается ко мне! Этот монстр собирается изловить меня как образец! Нельзя терять ни минуты! Сэмиш, что тебя удерживает? Ты мой старый друг...

Что, Сэмиш? Что ты сказал? Не может быть! Ты с Фрегль?!

Одумайся, дружище! А наша дружба?..

БИТВА

Верховный главнокомандующий Феттерер стремительно вошел в оперативный зал и рявкнул:

— Вольно!

Три его генерала послушно встали «вольно».

— Лишнего времени у нас нет, — сказал Феттерер, взглянув на часы. — Повторим еще раз предварительный план сражения.

Он подошел к стене и развернул гигантскую карту Сахары.

— Согласно наиболее достоверной теологической информации, полученной нами, Сатана намерен вывести свои силы на поверхность вот в этом пункте. — Он ткнул в карту толстым пальцем. — В первой линии будут дьяволы, демоны, суккубы, инкубы и все прочие того же класса. Правым флангом командует Велиал, левым — Вельзевул. Его сатанинское величество возглавит центр.

— Попахивает средневековьем, — пробормотал генерал Делл.

Вошел адъютант генерала Феттерера. Его лицо светилось счастьем при мысли об Обещанном Свыше.

— Сэр, — сказал он, — там опять священнослужитель.

— Извольте стать «смирно», — строго сказал Феттерер. — Нам еще предстоит сражаться и победить.

— Слушаю, сэр, — ответил адъютант и вытянулся. Радость на его лице поутихла.

— Священнослужитель, гм? — Верховный главнокомандующий Феттерер задумчиво пошевелил пальцами.

Битва

© И. Гурова, перевод, 1971

The Battle

Copyright © 1954 by Quinn Publishing Co., Inc.

После Пришествия, после того как стало известно, что грядет Последняя Битва, труженики на всемирной ниве религий стали сущим наказанием. Они перестали грызться между собой, что само по себе было похвально, но, кроме того, они пытались забрать в свои руки ведение войны.

— Гоните его, — сказал Феттерер. — Он же знает, что мы разрабатываем план Армагеддона.

— Слушаю, сэр, — сказал адъютант, отдал честь, четко повернулся и вышел, печатая шаг.

— Продолжим, — сказал верховный главнокомандующий Феттерер. — Во втором эшелоне Сатаны расположатся воскрешенные грешники и различные стихийные силы зла. В роли его бомбардировочной авиации выступят падшие ангелы. Их встретят роботы — перехватчики Делла.

Генерал Делл угрюмо улыбнулся.

— После установления контакта с противником автоматические танковые корпуса Мак-Фи двинутся на его центр, поддерживаемые роботопехотой генерала Онгина, — продолжал Феттерер. — Делл будет руководить водородной бомбардировкой тылов, которая должна быть проведена максимально массированно. Я по мере надобности буду в различных пунктах вводить в бой механизированную кавалерию.

Вернулся адъютант и вытянулся по стойке «смирно».

— Сэр, — сказал он, — священнослужитель отказался уйти. Он заявляет, что должен непременно поговорить с вами.

Верховный главнокомандующий Феттерер хотел было сказать «нет», но заколебался. Он вспомнил, что это все-таки Последняя Битва и что труженики на ниве религий действительно имеют к ней некоторое отношение. И он решил уделять священнослужителю пять минут.

— Пригласите его, — сказал он.

Священнослужитель был облачен в обычные пиджак и брюки, показывавшие, что он явился сюда не в качестве представителя какой-то конкретной религии. Его усталое лицо дышало решимостью.

— Генерал, — сказал он, — я пришел к вам как представитель всех тружеников на всемирной ниве религий — патеров, раввинов, мулл, пасторов и всех прочих. Мы просим вашего разрешения, генерал, принять участие в Битве Господней.

Верховный главнокомандующий Феттерер нервно забаранил пальцами по бедру. Он предпочел бы остаться в хороших отношениях с этой братией. Что ни говори, а даже ему,

верховному главнокомандующему, не повредит, если в нужный момент за него замолят доброе слово...

— Поймите мое положение, — тоскливо сказал Феттерер. — Я — генерал, мне предстоит руководить битвой...

— Но это же Последняя Битва, — сказал священнослужитель. — В ней подобает участвовать людям.

— Но они в ней и участвуют, — ответил Феттерер. — Через своих представителей, военных.

Священнослужитель поглядел на него с сомнением. Феттерер продолжал:

— Вы же не хотите, чтобы эта битва была проиграна, не так ли? Чтобы победил Сатана?

— Разумеется, нет, — пробормотал священник.

— В таком случае мы не имеем права рисковать, — заявил Феттерер. — Все правительства согласились с этим, не правда ли? Да, конечно, было бы очень приятно ввести в Армагеддон массированные силы человечества. Весьма символично. Но могли бы мы в этом случае быть уверенными в победе?

Священник попытался что-то возразить, но Феттерер торопливо продолжал:

— Нам же неизвестна сила сатанинских полчищ. Мы обязаны бросить в бой все лучшее, что у нас есть. А это означает — автоматические армии, роботы-перехватчики, роботы-танки, водородные бомбы.

Священнослужитель выглядел очень расстроенным.

— Но в этом есть что-то недостойное, — сказал он. — Неужели вы не могли бы включить в свои планы людей?

Феттерер обдумал эту просьбу, но выполнить ее было невозможно. Детально разработанный план сражения был совершенен и обеспечивал верную победу. Введение хрупкого человеческого материала могло только все испортить. Никакая живая плоть не выдержала бы грохота этой атаки механизмов, высоких энергий, пронизывающих воздух, — все пожирающей силы огня. Любой человек погиб бы еще в ста милях от поля сражения, так и не увидев врага.

— Боюсь, это невозможно, — сказал Феттерер.

— Многие, — суроно произнес священник, — считают, что было ошибкой поручить Последнюю Битву военным.

— Извините, — бодро возразил Феттерер, — это пораженческая болтовня. С вашего разрешения... — Он указал на дверь, и священнослужитель печально вышел. — Ох уж эти штатские, — вздохнул Феттерер. — Итак, господа, ваши войска готовы?

— Мы готовы сражаться за Него, — пылко произнес генерал Мак-Фи. — Я могу поручиться за каждого автоматического солдата под моим началом. Их металл сверкает, их реле обновлены, аккумуляторы полностью заряжены. Сэр, они буквально рвутся в бой.

Генерал Онгин вышел из задумчивости:

— Наземные войска готовы, сэр.

— Воздушные силы готовы, — сказал генерал Делл.

— Превосходно, — подвел итог генерал Феттерер. — Остальные приготовления закончены. Телевизионная передача для населения всего земного шара обеспечена. Никто, ни богатый, ни бедный, не будет лишен зрелища Последней Битвы.

— А после битвы... — начал генерал Онгин и умолк, поглядев на Феттерера.

Тот нахмурился. Ему не было известно, что должно произойти после битвы. Этим, по-видимому, займутся религиозные учреждения.

— Вероятно, будет устроен торжественный парад или еще что-нибудь в этом роде, — ответил он неопределенно.

— Вы имеете в виду, что мы будем представлены... Ему? — спросил генерал Делл.

— Точно не знаю, — ответил Феттерер, — но вероятно. Ведь все-таки... Вы понимаете, что я хочу сказать.

— Но как мы должны будем одеться? — растерянно спросил генерал Мак-Фи. — Какая в таких случаях предписана форма одежды?

— Что носят ангелы? — осведомился Феттерер у Онгина.

— Не знаю, — сказал Онгин.

— Белые одеяния? — предположил генерал Делл.

— Нет, — твердо ответил Феттерер. — Наденем парадную форму, но без орденов.

Генералы кивнули. Это отвечало случаю.

И вот пришел срок.

В великолепном боевом облачении силы Ада двигались по пустыне. Верещали адские флейты, ухали пустотелые барабаны, посыпая вперед призрачное воинство. Вздымая слепящие клубы песка, танки-автоматы генерала Мак-Фи ринулись на сатанинского врага. И тут же бомбардировщики-автоматы Делла с визгом пронеслись в вышине, обрушивая бомбы на легионы погибших душ. Феттерер мужественно бросал в бой свою механическую кавалерию. В этот хаос

двинулась роботопехота Онгина, и металл сделал все, что способен сделать металл.

Орды адских сил врезались в строй, ломая танки и роботов. Автоматические механизмы умирали, мужественно защищая клочок песка. Бомбардировщики Делла падали с небес под ударами падших ангелов, которых вел Мархозий, чьи драконьи крылья закручивали воздух в тайфуны.

Потрепанная шеренга роботов выдерживала натиск гигантских злых духов, которые крушили их, поражая ужасом сердца телезрителей во всем мире, не отводивших зачарованного взгляда от экранов. Роботы дрались как мужчины, как герои, пытаясь оттеснить силы зла.

Астарот выкрикнул приказ, и Бегемот тяжело двинулся в атаку. Велиал во главе клина дьяволов обрушился на заколебавшийся левый фланг генерала Феттерера. Металл визжал, электроны выли в агонии, не выдерживая этого натиска.

В тысяче миль позади фронта генерал Феттерер вытер дрожащей рукой вспотевший лоб, но все так же спокойно и хладнокровно отдавал распоряжения, какие кнопки нажать и какие рукоятки повернуть. И великолепные армии не обманули его ожиданий. Смертельно поврежденные роботы поднимались на ноги и продолжали сражаться. Разбитые, сокрушенные, разнесенные в клочья завывающими дьяволами, роботы все-таки удержали свою позицию. Тут в контр-атаку был брошен Пятый корпус ветеранов, и вражеский фронт был прорван.

В тысяче миль позади огня генералы руководили преследованием.

— Битва выиграна, — прошептал верховный главнокомандующий Феттерер, отрываясь от телевизионного экрана. — Поздравляю, господа.

Генералы устали улыбнулись.

Они посмотрели друг на друга и испустили радостный вопль. Армагеддон был выигран и силы Сатаны побеждены.

Но на их телевизионных экранах что-то происходило.

— Как! Это же... это... — начал генерал Мак-Фи и умолк.

Ибо по полю браны между грудами исковерканного, раздробленного металла шествовала Благодать.

Генералы молчали.

Благодать коснулась изуродованного робота.

И роботы зашевелились по всей дымящейся пустыне. Скрученные, обгорелые, оплавленные куски металла обновлялись.

И роботы встали на ноги.

— Мак-Фи, — прошептал верховный главнокомандующий Феттерер. — Нажмите на что-нибудь — пусть они, что ли, на колени опустятся.

Генерал нажал, но дистанционное управление не работало.

А роботы уже воспарили к небесам. Их окружали ангелы Господни, и роботы-танки, роботопехота, автоматические бомбардировщики возносились все выше и выше.

— Он берет их заживо в рай! — истерически воскликнул Онгин. — Он берет в рай роботов!

— Произошла ошибка, — сказал Феттерер. — Быстрее! Пошлите офицера связи... Нет, мы поедем сами.

Мгновенно был подан самолет, и они понеслись к полю битвы. Но было уже поздно: Армагеддон кончился, роботы исчезли, и Господь со своим воинством удалился восвояси.

ХРАНИТЕЛЬ

Он приходил в сознание медленно, понемногу начиная ощущать боль во всем теле. В животе что-то болезненно пульсировало. Он попробовал вытянуть ноги.

Ноги ничего не коснулись, и он вдруг понял, что его тело не имеет никакой опоры.

«Я мертвец, — подумал он, — свободно парящий в пространстве».

Парящий? Он открыл глаза. Да он именно парил. Прямо над ним находился потолок... а может быть, пол? Он едва удержался от крика, моргнул — и словно прозрел, увидев, наконец, что его окружает.

Было ясно, что он находится в космическом корабле. Кабина напоминала поле боя: вокруг дрейфовали ящики и приборы, явно вырванные со своих мест каким-то внезапным резким толчком. По полу тянулись обгоревшие провода. Выдвижные ящики стеллажа у стены сплавились в единый монолит.

Он озирался по сторонам и ничего не узнавал. Похоже, все это он видит впервые. Вытянув руку, он оттолкнулся от потолка и поплыл вниз. Затем, оттолкнувшись от пола, попробовал ухватиться за настенный поручень. А ухватившись, попытался собраться с мыслями.

— Всему этому, несомненно, есть логическое объяснение, — произнес он вслух, чтобы услышать собственный голос. — Осталось только вспомнить — какое.

Вспомнить...

Как его имя?

Хранитель

© Издательство «Полярис», перевод, 1994

Potential

Copyright © 1960 by Robert Sheckley

Он не знал.

— Эй! — крикнул он. — Есть здесь кто-нибудь?

В узком проходе гулко прозвучало эхо. Ответа не было.

Уворачиваясь от дрейфующих ящиков, он пролетел через кабину — и спустя уже полчаса убедился, что на корабле кроме него никого нет.

Он снова вернулся в нос корабля, где находился длинный пульт с установленным перед ним мягким креслом. Он пристегнулся ремнями к креслу и принялся изучать пульт.

Над пультом помещались два экрана, большой и малый. Под большим располагались две кнопки: «передний обзор» и «задний обзор». Под кнопками имелась откалиброванная шкала. Малый экран не имел никакой маркировки.

Не найдя других элементов управления, он нажал кнопку переднего обзора. Экран прояснился, показав черное пространство со светящимися точками звезд. Он долго изумленно разглядывал их, наконец повернулся к экрану спиной.

«Во-первых, — подумал он, — необходимо собрать воедино все, что я знаю, и посмотреть, какие из этого можно сделать выводы. Итак...»

— Я — человек, — сказал он. — Нахожусь в космическом корабле, в космосе. Мне известно, что существуют звезды и планеты. Теперь посмотрим дальше...

Его познания в астрономии оказались ничтожными, в физике и химии — и того меньше. Из английских писателей ему удалось припомнить лишь Тройдзела, популярного романиста. Он знал имена авторов некоторых исторических книг, однако начисто забыл их содержание.

А еще он знал, что название этому — амнезия.

Внезапно он испытал огромное желание увидеть себя, взглянуть на свое лицо. Тогда наверняка вернутся и память и самосознание. Он снова поплыл по кабине, разыскивая зеркало.

Обнаружив еще один стеллаж с выдвижными ящиками, он стал поспешно открывать их один за другим, выбрасывая содержимое в невесомость. В третьем ящике он нашел бритвенный футляр с маленьким стальным зеркальцем и принялся озабоченно изучать свое отражение.

Бледное вытянутое лицо неправильной формы. Черная щетина на подбородке. Бескровные губы.

Лицо незнакомца.

Стараясь не поддаваться панике, он бросился обыскивать кабину в надежде отыскать какой-нибудь ключ к разгадке тайны собственного «я». Он торопливо хватал пролетающие

мимо ящики и рылся в них, однако не находил ничего, кроме запасов съестного.

Тогда он остановился и внимательно оглядел всю кабину.

В углу плавал листок бумаги с обгоревшими краями. Он поймал его.

«Дорогой Рэн, — начиналась записка, — химики очень торопились и делали проверку пентина наспех, в последнюю минуту. Похоже, существует большая вероятность потери памяти. Она может быть вызвана сильнодействием препарата и околошоковым состоянием после того, что ты перенес, — неважно, сознаешь ты это или нет. Они поставили нас в известность только *сейчас!* Я накрою пишу тебе весточку за четырнадцать минут до времени “ноль” как напоминание в том случае, если они окажутся правы.

Во-первых, не ищи никакого управления кораблем. Все автоматизировано, или, по крайней мере, должно быть автоматизировано — если эта груда склеенного картона выдержит. (Не вини техников, у них практически не было времени закончить работу и отправить корабль до вспышки.)

Твой курс выбирается с помощью автоматической системы планетарной селекции тютелька в тютельку. Не думаю, что ты способен забыть теорию Маргелли, но, если ты все же ее забыл, не бойся, что приземлившись у каких-нибудь восемнадцатиголовых разумных сороконожек. Ты достигнешь планеты с гуманоидной жизнью, потому что она *обязательно должна быть гуманоидной*.

Ты, возможно, окажешься немножко побитым после старта, но пентин поможет тебе выкарабкаться. Если кабина будет в беспорядке, то лишь потому, что мы не имели времени проверить все допуски на прочность.

Теперь насчет твоей миссии. Сразу же обратись к помощи проектора номер один, что в пятнадцатом ящике. Предохранительная защита установлена на самоуничтожение после одного просмотра — убедись, что ты понял это. Миссия чрезвычайной важности, док, и каждый мужчина и женщина Земли с тобой. Не дай нам потерпеть крах».

Под текстом стояла подпись какого-то Фреда Андерсона.

Рэн — если записка предназначалась ему, то он и есть Рэн — осмотрелся в поисках пятнадцатого ящика. И сразу увидел, где тот находился. Ящики с одиннадцатого по двадцать пятый оказались искорежены и оплавлены, а их содержимое погибло.

Теперь лишь обгорелый листок бумаги связывал его с прошлым, друзьями и всей Землей. И хотя потеря памяти все же имела место, ему стало заметно легче от того, что этому нашлось объяснение.

Но в чем же дело? Почему корабль отправляли в такой спешке? Отчего в корабль поместили именно его? И почему его одного?

Да и эта миссия чрезвычайной важности... Если она жизненно необходима, — почему ее не обезопасили лучшим образом?

В записке оказалось больше вопросов, чем ответов. Нахмурившись, Рэн снова подплыл к пульту. И опять посмотрел на экран с видом звездного неба, пытаясь понять причину.

Может, все дело в страшной болезни, а он единственный, кто не заразился? И тогда построили корабль и отправили его в космос. А миссия? Контакт с другой планетой, поиск противоядия и доставка его на Землю...

Бред.

Он снова оглядел пульт и нажал кнопку заднего обзора.

И едва не потерял сознание. Слепящий, обжигающий глаза свет заполнил все поле экрана. Он поспешил уменьшить изображение, пока наконец не уяснил, что это. И в письме упоминалась вспышка.

Теперь Рэн знал точно, что Солнце превратилось в Новую звезду, а Земля уничтожена.

Часов на корабле не оказалось, и доктор Рэн понятия не имел, сколько времени длился его полет. Потрясенный случившимся, он летал и летал по кораблю, то и дело возвращаясь к экрану.

Корабль набирал скорость, а Новая становилась все меньше и меньше.

Рэн ел и спал. Он облизал весь корабль, забирался в самые укромные уголки. На пути все время попадались плавающие в невесомости ящики, он подтягивал их к себе и осматривал содержимое.

Прошли дни — или недели?

Спустя некоторое время Рэн постарался соединить известные ему факты в единое целое. Имелись, конечно, пробелы и вопросы, к тому же, возможно, он что-то неверно понял — но начало было положено.

Итак, его выбрали, чтобы отправить в корабле в космос. Не как пилота, поскольку корабль был полностью автомати-

зирован, а по какой-то иной причине. В письме его назвали «док». Возможно, это означало, что он доктор.

Вопрос: доктор чего?

Он не знал.

Создатели корабля понимали, что Солнце превращается в Новую, и, очевидно, не имели возможности спасти значительную часть населения Земли. И тогда они пожертвовали собой и всеми остальными, чтобы спасти его.

Опять вопрос: почему именно его?

На него возложена миссия чрезвычайной важности. Такой важности, что буквально все, без исключения, было подчинено ей, и даже гибель самой Земли отходила на второй план по сравнению с ее завершением.

И снова вопрос: в чем заключается эта миссия?

Доктор Рэн просто представить себе не мог что-либо столь важное. И даже не догадывался, что бы это могло быть.

Тогда он попытался подойти к проблеме с другой стороны.

Что бы он сделал в первую очередь, спрашивал он себя, если бы знал, что в ближайшее время Солнце превратится в Новую, а он имеет возможность спасти лишь ограниченное число людей?

Он послал бы несколько пар мужчин и женщин — ну хотя бы одну пару — надеясь возобновить род человеческий.

Но, очевидно, лидеры Земли не видели подобного решения проблемы.

Прошло время, сколько — неизвестно, и малый экран ожил. На нем загорелась надпись: «Планета. Контакт через 100 часов».

Рэн сел перед пультом и стал наблюдать. Он ждал долго, до тех пор, пока не изменились цифры: «Контакт через 99 часов».

Оставалась еще уйма времени. Он поел и решил навести порядок на корабле.

Устанавливая ящики в сохранившиеся ячейки стеллажей, он обнаружил тщательно упакованный и накрепко перевязанный аппарат, в котором сразу узнал проектор. На боку аппарата была выгравирована большая цифра «2».

Запасной, сообразил Рэн, и его сердце учащенно забилось. Почему же он раньше не подумал об этом? Он приставил к глазам окуляр и нажал на кнопку.

Просмотр пленки занял больше часа. Фильм начался с поэтического обзора Земли; города, поля, леса, реки, океаны, люди, животные и многое другое было показано в коротких сюжетах. Фильм шел без звукового сопровождения.

Потом камера переключилась на обсерваторию, визуально объясняя ее назначение. Было показано, как обнаружили солнечную нестабильность; на экране появились лица астрофизиков, открывших ее.

Затем показали, как в невероятной спешке строили корабль. Рэн увидел себя: как он поднялся на борт, улыбнулся в камеру, пожал чью-то руку и исчез внутри корабля. Здесь фильм заканчивался. После этого ему сделали инъекцию, задраили дверь и отправили корабль в полет.

Начался другой ролик.

— Привет, Рэн, — раздался голос. Появилось изображение крупного спокойного мужчины в костюме. Он прямо с экрана смотрел на Рэна. — Не могу упустить возможности снова поговорить с тобой, доктор Эллис. Сейчас ты в глубоком космосе и несомненно уже видел Новую, уничтожившую Землю. Должен сказать, что ты остался один.

Но долго ты не будешь одиноким, Рэн. Как полномочный представитель народа Земли я воспользовался последней возможностью пожелать тебе удачи в твоей великой миссии. Я не должен повторять, что все мы с тобой. Не чувствуй себя одиноким.

Ты, конечно, видел фильм в проекторе номер один и имеешь полное представление о своей миссии. Эта часть пленки — с моим изображением — будет автоматически уничтожена в нужный момент. Естественно, пока мы не можем посвятить неземлян в нашу маленькую тайну.

Они и сами вскоре узнают. Ты можешь объяснить им всем, что останется на пленке. Таким образом ты расположишь их к себе. Только не упоминай о нашем величайшем открытии и технологии его применения. Если они захотят иметь сверхсветовой двигатель, скажи, что не знаешь принципа его действия, поскольку он был изобретен лишь за год до превращения Солнца в Новую. Объясни им, что любое вмешательство в конструкцию корабля приведет к разрушению двигателей.

Счастливо, доктор. И удачной охоты.

Лицо исчезло, и аппарат загудел сильнее, уничтожая запись последнего ролика.

Рэн аккуратно упаковал проектор, уложил его в ящик, ящик установил на стеллаж и вернулся к пульте.

Надпись на экране сообщала: «Контакт через 97 часов».

Он уселся в кресло и попытался систематизировать факты с учетом новых данных. Ему пришлось поднапрячься, прежде чем он вспомнил — правда, весьма смутно — великую и миролюбивую цивилизацию Земли, которая была почти готова отправиться к звездам, когда обнаружили нестабильность Солнца.

Сверхсветовую скорость открыли слишком поздно. Несмотря на все это, Рэна решили послать в космос на спасательном корабле. Только его — по какой-то необъяснимой причине. Видимо, порученное ему дело считалось куда более важным, чем любые попытки спасти человеческую расу в целом.

Он должен войти в контакт с разумной жизнью и поведать им о Земле. В то же время ему следует воздерживаться от любого упоминания о величайшем открытии и полученной в результате технологии.

Кем бы они ни были.

А затем он должен исполнить свою миссию.

Он чувствовал, что вот-вот сорвется. Он не мог вспомнить... Ну почему эти дураки не выгравировали инструкцию на бронзе?

В чём же может состоять его миссия?

И снова надпись на экране: «Контакт через 96 часов».

Доктор Рэн Эллис вжался в кресло пилота и заплакал: планам Земли не суждено сбыться.

Приборы огромного корабля сделали необходимые измерения, определили пробы и доложили обстановку. Малый экран ожила: «Хлорсодержащая атмосфера. Жизнь отсутствует».

Информация была передана в корабельные селекторы. Одни цепи замкнулись, другие разомкнулись — и вот избран новый курс, и корабль снова начал разгон.

Доктор Эллис ел, спал и размышлял.

Подлетели еще к одной планете. Она тоже так же изучена и отвергнута.

Продолжая размышлять, доктор Эллис сделал одно не слишком значительное открытие

Оказывается он обладал фотографической памятью. Он обнаружил это, вспоминая фильм. Он мог восстановить в

памяти любой эпизод длившейся больше часа ленты, каждое лицо, каждое движение.

Он поэкспериментировал над собой и понял, что данная способность постоянна. Поначалу это немного беспокоило его, пока он не догадался, что, видимо, сей фактор и сыграл роль при отборе. Фотографическая память давала полное преимущество в изучении нового языка.

«Вот уж ирония судьбы, — подумал он. — Великолепная память при полном ее отсутствии».

И третья планета была отвергнута.

В попытках разгадать суть своей миссии Эллис рассматривал самые разнообразные варианты, которые только приходили в голову.

Сооружение гробницы Земле? Возможно. Но к чему же тогда крайняя необходимость, подчеркнутая важность?

А возможно, он послан в качестве учителя. Последний благородный жест Земли, дабы наставить некоторые обитаемые планеты на путь мира и согласия.

Но при чем здесь доктор, для такой-то работы? Да это и не логично. На подобную науку у людей уходят тысячелетия, а не несколько лет. И, кроме того, данное предположение вовсе не соответствует характеру двух посланий. Оба: и тот, что в фильме, и написавший записку — казались весьма практическими людьми и не вписывались в образ альтруистов.

Вот и четвертая планета, попавшаяся на пути, была проверена и отвергнута.

И что, размышлял доктор Эллис, считалось «великим открытием»? Если не сверхсветовая скорость — то что? Скорее всего какое-нибудь философское знание. Путь, которым человечество может прийти к миру и жить в нем, или нечто вроде этого?

Но тогда почему ему не полагалось о нем упоминать?

На экране появились данные о содержании кислорода на пятой планете. Поначалу Эллис проигнорировал данное сообщение, но вдруг заметил, что в глубине корпуса корабля загудели генераторы.

На экране высветилась надпись: «*Приготовиться к посадке*».

Сердце Эллиса сжалось, и ему на миг стало трудно дышать.

Вот оно. Страх рос по мере увеличения гравитации. Он старался перебороть этот ужас, но безуспешно. И когда корабль пошел на снижение и ремни ощутимо врезались в тело, он закричал.

На большом экране появилось изображение зелено-голубой кислородсодержащей планеты.

И тут Эллис вспомнил:

«Резкий выход из глубокого космоса в планетарную систему подобен родовому шоку».

Обычная реакция, сказал он себе, любой психиатр легко установит над ней контроль.

Психиатр!

Доктор Рэндолльф Эллис. Психиатр. Теперь он знал, что он за доктор. Он напрягал всю свою память в поисках дополнительной информации. Безрезультатно.

Зачем Земля отправила в космос психиатра?

Доктор Эллис потерял сознание, когда корабль с пронзительным воем вошел в атмосферу.

Его обнаружили сразу же после приземления. Расстегнув ремни, Эллис включил обзорные экраны. К кораблю неслись какие-то машины, битком набитые существами.

На первый взгляд человекоподобными.

Пришло время принимать решение, от которого будет зависеть вся его жизнь на этой планете. Что он должен делать?

Немного подумав, Эллис решил импровизировать. Тем более что, пока он не выучит язык, никакое общение невозможно.

А уж после он может сказать, что послан с Земли, чтобы... чтобы...

Что?

Придет время, и он придумает — что. Взглянув на выведенную на экран информацию, Эллис обнаружил, что воздух планеты пригоден для дыхания.

Открылся шлюз, и доктор Рэндолльф Эллис вышел наружу.

Корабль произвел посадку на континент, называемый Крелд; тамошние жители звались крелданами. В политическом отношении планета достигла стадии единого мирового правительства, но так недавно, что ее обитателей пока еще разделяли по прежним политическим системам.

Благодаря фотографической памяти у Эллиса не возникло трудностей при изучении крелданского языка, основу которого составляли ключевые слова. Крелдане, по-видимому, происходившие от схожего с человеком корня, казались не более необычными, чем иные представители его собственной

расы. Эллис не сомневался, что это было предусмотрено создателями корабля, системы которого не воспринимали других разумных существ. Чем больше он размышлял об этом, тем быстрее росла эта уверенность.

Эллис учился, изучал и думал. Как только он достаточно овладеет языком, ему предстоит встреча с правящим Советом. Именно этой встречи он боялся и оттягивал ее, как мог. Но время аудиенции все-таки настало.

Его провели через залы здания Совета, и он оказался у двери главного зала заседаний. Эллис вошел, держа под мышкой проектор.

— Добро пожаловать, — сказал ему председатель Совета.

Эллис поздоровался и представил свои фильмы. После того как их посмотрели все, обсуждение началось.

— Значит, вы — последний представитель своей расы? — спросил председатель.

Эллис кивнул, глядя прямо в дружелюбное, изборожденное морщинами старческое лицо.

— Почему ваш народ послал именно вас? — поинтересовался один из членов Совета. — Почему не послали двоих: мужчину и женщину?

«Именно этот вопрос, — подумал Эллис, — я постоянно задаю себе сам».

— Я не могу объяснить психологию моей расы в нескольких словах, — ответил им он. — Ответ — в самом смысле нашего существования.

«Ложь», — подумал он про себя. Однако как еще он должен был ответить?

— И все же вам придется объяснить нам психологию своей расы, — заявил член Совета.

Эллис кивнул, глядя поверх голов членов Совета. Он понимал, какой эффект произвел на них прекрасно подготовленный фильм. Они должны быть счастливы, что имеют дело с последним представителем такой великой расы.

— Мы очень заинтересованы вашими достижениями в области сверхсветовых скоростей, — сказал еще один член Совета. — Вы сможете нам помочь овладеть этим знанием?

— Боюсь, что нет, — ответил Эллис. Он уже выяснил, что их уровень технологии предшествовал атомной и отставал от земной на несколько столетий. — Я не ученый и не знаю ни конструкции, ни принципа действия подобного двигателя. Это была наша последняя разработка.

— Мы и сами сможем разобраться с ним, — заявил член Совета.

— Не уверен в мудрости подобного решения, — ответил Эллис. — Мой народ не считал благоразумным предоставить вашей планете технологическую продукцию, превосходящую имеющийся уровень технических достижений. При постороннем вмешательстве двигатели переключаются на режим самоуничтожения.

— Вы сказали, что вы не ученый, — вежливо смутился тему разговора пожилой председатель. — Тогда позвольте узнать, кто вы?

— Психиатр, — ответил Эллис.

Беседа продолжалась несколько часов. Эллис увиливал, хитрил и выдумывал, пытаясь скрыть пробелы своей памяти. Совет хотел знать обо всех периодах жизни Земли, об уровне развития психологии и общества. Их поразила земная методика исследования преднового состояния звезды. Они хотели знать, с какой целью послали именно его. И, наконец, будучи обречена, не имела ли его раса склонности к самоубийству.

— Мы еще о многом побеседуем с вами, — сказал председатель Совета, заканчивая заседание.

— Буду счастлив рассказать все, что знаю, — ответил Эллис.

— Похоже, этого будет не так уж много, — заметил один из членов Совета.

— Эллгг, не забывайте, что этот человек испытал огромное потрясение, — проговорил председатель. — Вся его раса уничтожена. И я не уверен, что мы способны помочь ему оправиться. — Он повернулся к Эллису: — Вы, уважаемый, оказали нам неизмеримую помощь. Например, теперь мы знаем о возможности управлять энергией атома и можем вести целенаправленные исследования в данной области. Конечно, правительство должным образом оценит вашу помощь. Чем бы вы хотели заняться?

Эллис задумался.

— Не хотели бы вы возглавить проект музея — мемориала Земли? Монумента вашему великому народу?

«В том ли моя миссия?» — подумал Эллис и отрицательно покачал головой.

— Я врач, уважаемый. Психиатр. Не мог бы я оказаться полезным в этом качестве?

— Но ведь вы не знаете нашего народа, — заботливо проговорил председатель. — У вас уйдет вся жизнь на изучение природы наших трудностей и проблем до уровня, дающего право на практику

— Верно, — согласился Эллис. — Но наши расы очень похожи. И развитие наших цивилизаций шло сходными путями. Поскольку я представляю более развитые психологические традиции, мои методики могут оказаться полезными для ваших врачей.

— Конечно-конечно, доктор Эллис. Я не смею ошибиться, недооценив представителя вида, совершившего межпланетный перелет. — Пожилой председатель печально улыбнулся. — Я лично представлю вас руководителю одной из наших клиник. — Председатель поднялся с места. — Пойдемте со мной.

С бьющимся сердцем Эллис последовал за ним. Его мысля должна быть каким-то образом связана с психиатрией. Иначе зачем же послали именно психиатра? Но он до сих пор не имел понятия, что ему следовало делать. И что самое скверное — он практически ничего не мог вспомнить из того, что называлось профессиональным знанием.

— Думаю, это забота тестирующей аппаратуры, — заявил врач, глядя на Эллиса поверх очков. Врач был молод, круглолиц и горел желанием учиться у старшей земной цивилизации. — Вы можете предложить какие-то усовершенствования?

— Мне нужно более подробно ознакомиться с установкой, — ответил Эллис, следуя за врачом по длинному бледноголубому коридору.

Тестирующая аппаратура поражала абсолютной бессмыслицей.

— Мне даже не стоит говорить, как я рад этой возможности, — сказал врач. — Я нисколько не сомневаюсь, что вы, земляне, раскрыли многие тайны мозга.

— О да, — согласился Эллис.

— А там, внизу, у нас палаты, — сообщил врач. — Хотите посмотреть?

— Отличная мысль.

Сердито теребя губу, Эллис шел за врачом. Память не возвращалась. В настоящий момент его познания в психиатрии были не больше, чем у рядового обывателя. Если вскоре ничего не произойдет, он будет вынужден признаться, что у него амнезия.

— В этой палате, — сказал врач, — мы содержим нескольких тихих больных.

Эллис зашел за ним в палату и взглянул в пустые бесмысленные лица троих пациентов.

— Кататоник, — пояснил врач, указывая на первого. — Не думаю, что вы лечите таких. — И непринужденно улыбнулся.

Эллис не ответил. Ему вдруг вспомнилось...

«Разве это этично?» — спросил доктор Эллис, но не здесь, а в похожей палате на Земле.

«Конечно, — ответил кто-то. — Мы же не трогаем нормальных. Но идиоты, абсолютно безнадежные психи, которые никогда не смогут воспользоваться своим разумом, — совсем другое дело. Не следует считать, что мы их обворовываем. Это скорее милосердие...»

Вот и все, больше ничего Эллис не помнил, даже с кем он разговаривал. С другим врачом, наверное. Они обсуждали какой-то новый метод работы с душевнобольными. Новый метод лечения? Возможно. Причем сильнодействующий, судя по удовлетворению говорившего.

— Вы нашли способ лечения подобных случаев? — спросил луноликий врач.

— Да, конечно, — ответил Эллис, унимая нервную дрожь в руках.

Врач отступил на шаг и уставился на Эллиса:

— Но это невозможно! Вы не можете исправить мозг, имеющий органические нарушения, износ или явный недостаток развития...

Эллис едва сдержался.

— Слушайте меня, я вам правду говорю, доктор.

Эллис посмотрел на больного, лежащего на первой кровати.

— Пришлите ко мне ассистентов, доктор.

Врач поколебался немного — и быстро вышел из палаты.

Склонившись над кататоником, Эллис взглянул ему прямо в глаза. Он был уверен в том, что делает, но все же протянул руку и коснулся лба больного.

В мозгу Эллиса что-то щелкнуло, и кататоник мгновенно потерял сознание. Эллис подождал, однако больше ничего не происходило. Тогда он подошел к другому больному и повторил процедуру.

Этот тоже потерял сознание. То же самое случилось и с третьим.

Врач вернулся с двумя помощниками и вытаращил от удивления глаза.

— Что произошло? — спросил он. — Что вы с ними сделали?

— Не знаю, воздействуют ли наши методы на ваших людей, — резко ответил Эллис. — Пожалуйста, оставьте меня ненадолго одного, совсем одного. Мне необходимо сосредоточиться...

И отвернулся от больных.

Врач хотел что-то сказать, но передумал и тихо вышел из палаты вместе с ассистентами.

От волнения Эллиса прошиб пот. Он прощупал пульс у первого больного. Есть. Эллис принял расхаживать по палате.

Он явно обладал какой-то силой. Он способен наносить удар по всей психической поверхности. Отлично. Итак, нервы — соединения. Сколько же нервных связей в мозгу человека? Какая-то невероятная цифра, десять в двадцать пятой степени. Нет, кажется, неверно. Но все равно цифра фантастическая.

Что это значит? А это значит, что он уверен в себе.

Первый больной застонал и сел. Эллис подошел к нему. Человек поднял голову и снова застонал. Возможно, Земля нашла ответ — безумие. И в качестве последнего дара Всеселенной его послали, чтобы исцелять...

— Как вы себя чувствуете? — спросил он у пациента.

— Неплохо, — ответил тот... по-английски!

— Что вы сказали?

От удивления у Эллиса перехватило дыхание. Он решил, что произошла мыслепередача. Передал ли он больному знание английского? Посмотрим, не переключение ли это на грузки от поврежденных нервных связей к незадействованным...

— Я чувствую себя отлично, док. Классная работа. Мы были не совсем уверены, что эта обмотанная проволокой картонка, именуемая кораблем, выдержит и не распадется на части, но как я тебе уже говорил, это было лучшее, что мы могли сделать при данных...

— Кто вы?

Больной встал с кровати и посмотрел по сторонам:

— Всеaborигены ушли?

— Да.

— Я — Хайнс. Землянин. Что с тобой, Эллис?

— А эти двое...

— Доктор Клайтель.

— Фред Андерсон.

Назвавшийся Хайнсом внимательно осмотрел свое тело.

— Мог бы подыскать мне носителя получше, Эллис. По старой дружбе. Впрочем, неважно. Что случилось, дружище?

Эллис рассказал про потерю памяти.

— Память мы тебе вернем, не волнуйся, — заявил Хайнс. — Великолепное ощущение — снова иметь тело. Владеть им.

Тут открылась дверь, и в комнату заглянул молодой врач. Увидев пациентов, он не смог сдержать удивления.

— Вы сделали это! Вы способны...

— Доктор, пожалуйста, — оборвал его Эллис. — Не надо шуметь. Должен попросить не тревожить нас хотя бы час.

— Конечно-конечно, — с уважением произнес врач и закрыл за собой дверь.

— Как это оказалось возможным? — спросил Эллис, глядя на троих пациентов. — Я не понимаю...

— Великое открытие, — пояснил Хайнс. — Неужели не помнишь? Ты работал над ним. Нет? Андерсон, объясни.

К Эллису очень медленно подошел третий пациент. Тут Эллис заметил, что прежде ничего не выражавшие лица больных начали приобретать осмысленные выражения.

— Разве не помнишь, Эллис, исследования личностных факторов?

Эллис отрицательно помотал головой.

— Ты искал наименьший общий знаменатель человеческой жизни и личности. Источник оных, если желаешь. А исследования начались почти век назад, когда Оргель обнаружил, что личность не зависит от тела, хотя тело и оказывает определенное воздействие на нее. Теперь вспомнил?

— Нет. Продолжай.

— Проще говоря, ты и еще тридцать человек из вашей группы выяснили, что минимальная, бесконечно малая частица личности является независимой и нематериальной субстанцией. Ты назвал ее М-молекулой. И она представляет собой ментальную модель.

— Ментальную?

— То есть нематериальную, — пояснил Андерсон. — И может быть передана от одного носителя к другому.

— Как вещь, — пробормотал Эллис.

Заметив в дальнем углу палаты зеркало, Андерсон решил изучить свое новое лицо. Увидев отражение, он вздрогнул и вытер с губ слону.

— Древние мифы об обиталище духа не так уж далеки от истины, — заметил доктор Клайтель. Из всех троих он оказался единственным, кто носил новое тело с непринужденностью. — Всегда находились люди, обладающие способностью отделять свои души от тел. Астральная проекция и тому подобное. Однако до недавнего времени не представлялось возможным локализовать личность, пока не была использована процедура инвариантного разделения и ресинтезирования.

— То есть это означает, что вы бессмертны? — спросил Эллис.

— Ну нет, — заявил Андерсон, снова подходя к Эллису. Он корчил гримасы, пытаясь удержать непроизвольное слюновыделение своего носителя. — Личность тоже имеет ограниченное время жизни. Оно, конечно, больше срока службы тела, но пока еще ограничено.

Ему наконец удалось унять слюну.

— Однако личность может сохраняться в бездействии неопределенно долгое время.

— А существует ли лучшее место для хранения нематериальной молекулы, чем твой собственный мозг? — вставил Хайнс. — Твои нервные соединения дали приют всем нам, Эллис. Словно множество комнат. Ведь количество связей в человеческом мозгу измеряется десятью в...

— Я помню, — сказал Эллис. — И начинаю понимать.

Теперь он знал, почему выбрали его. Для такой работы необходим именно психиатр, имеющий доступ к носителям. И готовили его особым способом. Ну и, конечно, крелданам не полагалось знать о миссии и о М-молекуле. Они могли бы весьма недружелюбно отнестись к своим собратьям, хоть и душевнобольным, узнай они о том, что их телами обладают земляне.

— Смотрите-ка! — воскликнул Хайнс.

Он как зачарованный глядел на загнутые назад пальцы. Хайнс обнаружил, что его носитель обладает вдвое большим по сравнению с человеческой рукой количеством суставов. Остальные двое изучали свои тела примерно так, как человек — лошадь. Они загибали руки, напрягали мышцы, пробовали ходить.

— Но, — произнес Эллис, — как раса будет... я имею в виду женщин

— Надо заполучить побольше носителей обоих полов, — пояснил Хайнс, все еще пробуя согнуть пальцы. — Ты станешь величайшим врачом этой планеты, и всех душевнобольных

начнут направлять только к тебе. Естественно, мы все будем хранить в тайне. Никто не проболтается раньше времени. — Он замолчал и усмехнулся. — Эллис, ты понимаешь, что это означает? Земля не погибла! Она будет жить снова!

Доктор Эллис кивнул. И все же ему было трудно отождествить крупного вежливого Хайнса из фильма со стоявшим перед ним визгливым пугалом. Нужно время, чтобы привыкнуть.

— Пора приниматься за дело, — заявил Андерсон. — После того как ты обслужишь всех дефективных на этой планете, мы перезаправим корабль и снова отправим тебя.

— Куда? — спросил Эллис. — На другую планету?

— Конечно. Здесь едва наберется около нескольких миллионов носителей, поскольку нормальных людей мы не трогаем.

— Только? Так сколько же людей во мне хранится?

Из холла послышались голоса.

— Ты действительно сундук, — ухмыляясь, проговорил Хайнс. — Быстро по койкам, парни, — я, кажется, слышу голос врача. Сколько, спрашиваешь? Население Земли насчитывало порядка четырех миллиардов. И все в тебе.

ЗАЯЦ

Я подъехал к Марсопорту через несколько часов после того, как прибыл корабль с Земли. На его борту находились буры с алмазными коронками — заказ на них я оформил больше года назад. Мне хотелось заявить свои права на эти буры, пока их никто не перехватил. Я вовсе не хочу сказать, что их могли украдь; все мы тут, на Марсе, джентльмены и ученые. Однако здесь всякая мелочь достается с трудом, а украдь по праву первого — это традиционный способ, каким джентльмены-ученые добывают необходимое оборудование.

Едва я успел погрузить буры в джип, как подъехал Карсон из Горной группы, размахивая чрезвычайно срочным, весьма аварийным ордером. К счастью, у меня хватило соображения выписать сверхсрочный ордер у директора Бэрка. Карсон воспринял свою неудачу с такой учтивостью, что я подарил ему три буры.

Он понесся на своем скутере по красным пескам Марса, которые так красиво выходят на цветных фотографиях и так безбожно забивают двигатели.

Я подошел к земному кораблю: меня вовсе не волновали космолеты, просто я хотел взглянуть на нечто еще не промелькавшееся.

Тут я увидел зайца.

Он стоял возле космолета и смотрел на красный песок, на опаленные посадочные шахты, на пять зданий Марсопорта; глаза у него были огромные, словно блюдца. На его лице, казалось, было написано: «Марс! Вот это да!»

Заяц

© Н. Евдокимова, перевод, 1966

Deadhead

Copyright © 1955 by Galaxy Publishing Corp.

Мысленно я застонал. В тот день мне предстояло столько работы, что и за месяц не переделать. А заяц входил в мою компетенцию. Как-то в приливе несвойственной ему фантазии директор Бэрк сказал мне: «Талли, ты умеешь обращаться с людьми. Ты в них понимаешь. Они тебя любят. Поэтому назначаю тебя главой Службы безопасности на Марсе».

Это надо было понимать так, что в мое ведение передаются зайцы.

В данном случае заяц выглядел лет на двадцать. Роста в нем было свыше шести футов, а тощего мяса на костях — от силы на сто фунтов. В здоровом марсианском климате его нос успел стать ярко-красным. У зайца были большие, с виду нескладные руки и большие ступни. В бодрящей марсианской атмосфере он ловил воздух ртом, как рыба, выброшенная из воды. Респиратора у него, естественно, не было. У зайцев никогда не бывает респираторов.

Я подошел к нему и спросил:

— Ну и как же тебе здесь нравится?

— Госпо-ди-и! — сказал он.

— Потрясающее ощущение, не правда ли? — спросил я. — Наяву стоять на взаправдашней, всамделишной чужой планете.

— И не говорите! — произнес, задыхаясь, заяц. От кислородного голодаания он весь посинел — весь, кроме кончика носа. Я решил проучить его — пусть еще чуть-чуть помучится.

— Ты, значит, тайком забрался на этот грузовой корабль, — сказал я. — Прокатиться без билета на изумительный, чарующий, экзотический Марс.

— Ну, меня вряд ли можно назвать безбилетником, — проговорил он, судорожно пытаясь набрать воздух в легкие. — Я вроде как бы... вроде как бы...

— Вроде как бы сунул капитану взятку, — докончил я за него.

К этому времени он уже еле-еле стоял на своих длинных, тощих ногах. Я вытащил запасной респиратор и нахлобучил ему на нос.

— Пошли, заяц, — сказал я. — Найду тебе что-нибудь перекусить. Потом у нас с тобой будет серьезный разговор.

По дороге в кают-компанию я придерживал его за руку: он так пялил глаза на все вокруг, что неминуемо обо что-нибудь споткнулся бы и сломал бы это «что-нибудь». В кают-компании я повысил давление воздуха и разогрел зайцу свинину с бобами.

Он с жадностью проглотил еду, откинулся в кресле, и рот у него растянулся от уха до уха.

— Меня зовут Джонни. Джонни Франклин, — сказал он. — Марс! Прямо не верится, что я и вправду здесь.

Так говорят все зайцы — те, что остаются в живых после перелета. Ежегодно делается примерно десять попыток, но лишь один или два человека умудряются выжить. Они ведь невероятные идиоты. Несмотря на проверки Службы безопасности, зайцы каким-то образом прокрадываются на борт фрахтовика.

Корабли стартуют с ускорением порядка двадцати g , и зайца, у которого нет специальных средств защиты, сплющивает в лепешку. Если он при этом и уцелеет, его прикончит радиация. Или же он задохнется в невентилируемом трюме, не успев добраться до каюты пилота.

У нас тут есть специальное кладбище, исключительно для зайцев.

Однако время от времени кто-нибудь ухитряется выжить и вступает на Марс с большими надеждами и глазами, сияющими как звезды.

Разочаровывать их приходится не кому иному, как мне.

— Зачем же ты приехал на Марс? — спросил я.

— Я вам объясню, — сказал Франклин. — На Земле приходится поступать как все люди. Надо думать, как все, и делать, как все, не то окажешься под замком.

Я кивнул.

Сейчас, впервые в истории человечества, на Земле все спокойно. Мир во всем мире, единое всемирное правительство, мировое процветание. Власти стремятся сохранить все, как есть. Мне кажется, что они заходят слишком далеко, подавляя даже самый безобидный индивидуализм, но кто я такой, чтобы судить? По всей вероятности, лет через сто или около того станет полегче, но для зайца, живущего в наши дни, это слишком долгий срок.

— Значит, ты испытывал потребность в новых горизонтах, — сказал я.

— Да, сэр, — ответил Франклин. — Мне не хотелось бы показаться вам трепачом, сэр, но я мечтал стать первооткрывателем. Трудности меня не страшат. Я буду работать не покладая рук...

— А что ты будешь делать? — спросил я.

— А? — на мгновение он смешался, потом ответил: — Что угодно.

— Но что ты умеешь? Нам бы, конечно, пригодился химик, специалист по неорганике. Случайно не в этой ли области проявляются твои таланты?

— Нет, сэр, — пролепетал заяц.

Это не доставляло мне ни малейшего удовольствия, но важно было внушить зайцу неумолимую, горькую правду.

— Так, значит, твоя специальность не химия, — размышлял я вслух. — У нас бы нашлось местечко для первоклассного геолога. На худой конец — для статистика.

— Боюсь, я не...

— Скажи-ка, Франклин, у тебя есть звание профессора?

— Нет, сэр, — ответил подавленный Франклин. — Я и средней-то школы не окончил.

— Так что же ты в таком случае собирался здесь делать? — спросил я.

— Вот, знаете, сэр, — сказал Франклин, — я читал, что Строительство разбросано по всему Марсу. Я думал, может, вроде как посыльным. И я обучен плотницкому делу, и водопроводчиком могу, и... Уж наверняка тут найдется работка и для меня.

Я налил Франклину вторую чашку кофе, и он поглядел на меня огромными, умоляющими глазами. На этой стадии беседы зайцы всегда смотрят таким взглядом. Они полагают, будто Марс похож на Аляску 1870-х годов или Антарктику 2000-х, — геройский фронтон для смелых, решительных людей. На самом деле Марс вовсе не фронтон. Это тупик.

— Франклин, — сказал я, — знаешь ли ты, что Строительство на Марсе зависит от поставок с Земли? Знаешь ли, что оно себя не окупает и, возможно, никогда не окупит? Знаешь ли ты, что содержание одного человека обходится Строительству в пятьдесят тысяч долларов ежегодно? Считаешь ли ты, что стоишь годового заработка в пятьдесят тысяч долларов?

— Много я не съем, — возразил Франклин. — А уж как пообыкну, я...

— Кроме того, — прервал его я, — знаешь ли ты, что на Марсе нет никого, кто не является по крайней мере доктором наук?

Зайцы никогда этого не знают.

Рассказывать им должен я.

Итак, я рассказал Франклину, что все плотничи, слесарные, водопроводные работы, обязанности посыльных и поваров, а также уборку, починку и ремонт выполняют сами ученые в свободное время. Пусть не хорошо, но выполняют.

Суть в том, что на Марсе отсутствует неквалифицированная рабочая сила. Мы просто-напросто не можем себе этого позволить.

Я ждал, что Франклин зальется слезами, но он ухитрился овладеть собой.

Он обвел комнату тоскливыми взглядами, рассматривая обстановку замызганной, крохотной кают-компании. Понимаете, все в ней было марсианским.

— Пойшли, — сказал я, поднимаясь с места. — Постель я тебе найду. А завтра организуем обратный проезд на Землю. Не огорчайся. Зато ты повидал Марс.

— Да, сэр. — Заяц с трудом поднялся. — Только я, сэр, ни за что не вернусь на Землю.

Я не стал с ним спорить. Зайцы, как правило, вечно хорохорятся. Откуда мне было знать, что на уме у этого?

Уложив Франклина, я вернулся в лабораторию и несколько часов занимался работой, которую надо было сделать во что бы то ни стало. Я лег спать совершенно обессиленный.

Наутро я пришел будить Франклина. В постели его не было. Мгновенно у меня мелькнула мысль о возможности диверсии. Кто знает, на что способен несостоявшийся первооткрыватель? Того и гляди выдернет из реактора два-три замедлителя или подожжет склад с горючим. Я неистово метался по лагерю, повсюду разыскивая зайца, и наконец обнаружил его в недостроенной спектрографической лаборатории.

Эту лабораторию мы строили в нерабочее время. У кого оказывалось свободных полчаса, тот укладывал несколько кирпичей, выпиливал крышку стола или привинчивал дверные петли к косяку. Никого нельзя было освободить от работы на такой срок, чтобы наладить все по-настоящему.

За несколько часов Франклин успел больше, чем все мы за несколько месяцев. Он действительно был умелым плотником и работал так, словно все фурии ада гнались за ним по пятам.

— Франклин! — окликнул я.

— Здесь, сэр. — Он поспешил ко мне. — Хотел что-нибудь сделать, чтоб не есть даром ваш хлеб, мистер Талли. Дайте мне еще часок-другой, и я покрою ее крышей. А если вон те трубы никому не нужны, я, может, завтра проведу воду.

Франклин был славный малый, спору нет. Как раз такой, какие нужны на Марсе. По всем законам справедливости, да и просто из приличия я должен был похлопать его по плечу

и сказать: «Парень, книжное образование — это еще не все. Можешь оставаться. Ты нам подходишь».

Мне и в самом деле хотелось произнести эти слова. Однако я не имел права.

На Марсе не поощряются успешные авантюры.

Зайцы здесь не преуспевают.

Мы, ученые, кое-как справляемся с работой плотников и водопроводчиков. Мы попросту не в состоянии допустить дублирование профессий.

— Франклин, — сказал я, — пожалуйста, перестань усложнять мою задачу. Я мягкосердечный слонятай. Меня ты убедил. Но в моих силах только соблюдать правила. Ты должен вернуться на Землю.

— Я не могу вернуться на Землю, — еле слышно ответил Франклин.

— Что такое?

— Если я вернусь, меня упрут за решетку.

— Ну ладно, рассказывай все с самого начала, — простонал я. — Только, пожалуйста, покороче.

— Слушаюсь, сэр. Как я уже говорил, сэр, — начал Франклин, — на Земле надо поступать, как все, и думать, как все. Ну вот, до поры до времени все было хорошо. Но потом я открыл Истину.

— Что-что?

— Я открыл Истину, — гордо повторил Франклин. — Я на брел на нее случайно, но вообще-то она очень простая. До того простая, что я обучил сестренку, а уж если та способна выучиться, значит, и всякий способен. Тогда я попытался обучить Истине всех.

— Продолжай, — сказал я.

— Ну и вот, все страшно обозлились. Сказали, что я спятил, что мне надо держать язык за зубами. Но я не мог молчать, мистер Талли, потому что это ведь Истина. Так что, когда за мной пришли, я отправился на Марс.

«Ну и ну, — подумал я, — великолепно. Только этого нам не хватало на Марсе. Хороший, старомодный религиозный фанатик читает проповеди очерствелым ученым. Это как раз то, что прописал мне доктор. Ведь теперь, отослав парня назад на Землю, в тюрьму, я всю жизнь буду мучиться угрызениями совести».

— И это еще не все, — заявил Франклин.

— Ты хочешь сказать, что у этой душераздирающей истории есть продолжение?

— Да, сэр.

— Говори же, — со вздохом подбодрил его я.

— Они ополчились и на мою сестренку, — сказал Франклин. — Понимаете, когда ей открылась Истина, она не меньше моего захотела обучать других. Это ведь Истина, знаете ли. И вот теперь она вынуждена скрываться, пока... пока...

Он высыпался и с жалким видом проглотил слезы.

— Я думал, вы увидите, как я пригожусь на Марсе, и тогда сестренка могла бы ко мне...

— Довольно! — не выдержал я.

— Да, сэр.

— Больше ничего не желаю слышать. Я и так уже выслушал больше, чем нужно.

— А вы бы не хотели, чтобы я поведал вам Истину? — горячо предложил Франклин. — Я могу объяснить...

— Ни слова больше! — рявкнул я.

— Да, сэр.

— Франклин, я ничего не могу сделать для тебя, абсолютно ничего, у тебя нет степени. А у меня нет полномочий разрешить тебе оставаться. Но я сделаю единственное, что в моей власти. Я поговорю о тебе с директором.

— Вот здорово! Большое вам спасибо, мистер Талли. А вы объясните ему, что я не совсем окреп с дороги? Как только соберусь с силами, я вам докажу...

— Конечно, конечно, — сказал я и поспешил ушел.

Директор уставился на меня, как будто увидел моего двойника из антимира.

— Но, Талли, — сказал он, — тебе же известны правила.

— Конечно, — промяглил я. — Но ведь он действительно был бы нам полезен. И мне ужасно неприятно отправлять его прямо в руки полиции.

— Содержание человека на Марсе обходится в пятьдесят тысяч долларов ежегодно, — сказал директор. — Считаешь ли ты, что он стоит заработка в...

— Знаю, знаю, — перебил я. — Но это такой трогательный случай, и он так старается, и мы могли бы его...

— Все зайцы трогательны, — заметил директор.

— Ну ясно. В конце концов, это неполноценные создания, не то что мы, ученые. Пусть себе убирается туда, откуда явился.

— Талли, — спокойно сказал директор, — вижу, что этот вопрос обостряет наши отношения. Поэтому я предоставляю тебе самому решать его. Ты знаешь, что ежегодно на каждую вакансию в марсианском Строительстве подается почти десять тысяч заявок. Мы отвергаем специалистов лучших, чем

мы сами. Юноши годами учатся в университетах, чтобы занять здесь определенную должность, а потом окажется, что место уже занято. Учитывая все эти обстоятельства, считаешь ли ты по чести и совести, что Франклин должен остаться?

— Я... я... а-а, черт возьми, нет, если вы так ставите вопрос. — Я все еще был зол.

— А разве можно ставить его как-нибудь иначе?

— Разумеется, нет.

— Всегда печально, если много званых и мало избранных, — задумчиво проговорил директор. — Людям нужен новый фронт. Хотел бы я отдать Марс для повсеместного заселения. Когда-нибудь так и случится. Но не раньше, чем мы научимся обходиться здешними ресурсами.

— Ладно, — сказал я. — Пойду организую отъезд зайца.

Когда я вернулся, Франклин работал на крыше спектрографической лаборатории. Едва взглянув мне в лицо, он понял, каков ответ.

Я сел в свой джип и покатил в Марсопорт. Я знал, что сказать капитану, который допустил пребывание Франклина на своем корабле. Слишком уж часты такие безобразия. Пусть теперь этот шутник и везет Франклина обратно на Землю.

Фрахтовик был погружен в стартовую шахту, только нос вырисовывался на фоне неба. Наш нуклеотик Кларксон готовил корабль к отлету.

— Где капитан этой ржавой посудины? — спросил я.

— Капитана нет, — ответил Кларксон. — Это модель «Лежебока». С радиоуправлением.

Я почувствовал, как мой желудок стал медленно опускаться и подниматься наподобие качелей.

— Капитана нет?

— Не-а.

— А экипаж?

— На корабле его нет, — сказал Кларксон. — Ты ведь знаешь, Талли.

— В таком случае на корабле не должно быть кислорода, — догадался я.

— Разумеется, нет!

— И защиты от радиации?

— Безусловно!

— И теплоизоляции нет?

— Теплоизоляции ровно столько, чтобы корпус не расплавился.

— И, наверное, он стартует с максимальным ускорением? Что-нибудь около тридцати пяти g ?

— Конечно, — подтвердил Кларксон. — Для беспилотного корабля это наиболее экономично. А что тебя смущает?

Я ему не ответил. Молча подошел к джипу и, выжав акселератор до отказа, помчался к спектрографической лаборатории. Желудок у меня больше не поднимался и не опускался. Он вращался как волчок.

Человек не способен выжить после такого рейса. У него нет на это никаких шансов. Ни одного шанса на десять миллиардов. Это физически невозможно.

Когда я подъехал к лаборатории, Франклин уже закончил крышу и работал внизу, соединяя трубы. Был обеденный перерыв, и ему помогали несколько человек из Горной группы.

— Франклин, — сказал я.

— Что, сэр?

Я набрал побольше воздуха в легкие.

— Франклин, ты прилетел сюда на том фрахтовике?

— Нет, сэр, — ответил он. — Я все пытался вам объяснить, что и не думал подкупать никакого капитана, но вы так и не...

— В таком случае, — проговорил я очень медленно, — как ты сюда попал?

— Благодаря Истине!

— Ты не можешь мне объяснить?

Секунду Франклин размышлял.

— С дороги я просто ужасно устал, мистер Талли, — сказал он, — но, кажется, могу.

И он исчез.

Я стоял и тупо моргал. Потом один из горных инженеров указал вверх. На высоте примерно трехсот футов парил Франклин.

Мгновение спустя он опять стоял рядом со мной. У него был иззябший вид, а кончик носа порозовел от холода.

Смахивает на мгновенное перемещение в пространстве. Нуль-перелет! Ну и ну!

— Это и есть Истина? — спросил я.

— Да, сэр, — сказал Франклин. — Это когда смотришь на мир по-иному. Стоит только увидеть Истину, по-настоящему увидеть, — и все становится возможным. Но на Земле это называли гал... галлюцинацией. Сказали, чтобы я прекратил гипнотизировать людей и...

— Ты можешь этому научить?

— Запросто, — ответил Франклин. — Правда, на это все же уйдет какое-то время.

— Это ничего. Смею надеяться, мы можем изыскать какое-то время. Да уж, полагаю, что можем. Даже наверняка. Да уж, какое-то время, затраченное на Истину, будет затрачено с толком...

Неизвестно, долго ли еще я бы нес околосицу, но Франклин горячо вмешался:

— Мистер Талли, значит ли это, что я могу остаться?

— Ты можешь остаться, Франклин. По правде говоря, если ты попытаешься нас покинуть, я тебя застрелю.

— О, благодарю вас, сэр! А как насчет моей сестренки? Можно ей сюда?

— Да-да, безусловно, — обрадовался я. — Пусть твоя сестренка приезжает. В любое время...

Я услышал испуганный крик горняков и медленно обернулся. Волосы у меня встали дыбом.

Передо мной стояла девушка — высокая, худенькая девушка с огромными, словно блюдца, глазищами. Она озиралась по сторонам и бормотала:

— Марс! Госпо-ди-и!

Потом заметила меня и вспыхнула.

— Простите меня, сэр, — сказала она. — Я... я подслушивала.

ВИЊЕТКИ

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В БАНАЛИИ...

Отчаянная погоня

На сей раз Аркадию Варадину, бывшему фокуснику, а ныне усиленно разыскиваемому рецидивисту, похоже, пришел конец. Невозмутимый и собранный перед лицом опасности, коварный и безжалостный, опасный, как гадюка, мастер всяческих иллюзий и фантастических трюков с освобождением, узколицый Варадин на сей раз переоценил свои силы.

После эффектного побега из сверхнадежной тюрьмы Деннига любой другой на его месте затаился бы на время. Но не Варадин. Он в одиночку взял банк в маленьком городишке Крез штата Мэн. Убегая, он пристрелил двух охранников, имевших глупость схватиться за пушки. Украл машину и был таков.

Но тут удача ему изменила. ФБР, только и ждавшее подобного случая, через час уже село ему на хвост. И даже тогда еще преступный ас мог бы скрыться, не подвела его ворованная машина, в которой кончился бензин.

Варадин бросил автомобиль и ушел в горы. Пятеро агентов ФБР погнались за ним. Двух из них Варадин уложил с дальнего прицела, расстреляв все шесть патронов. Больше боеприпасов у него не было. Троє агентов по-прежнему карабкались наверх, и с ними местный проводник.

Вот невезуха! Варадин прибавил шагу. Все, что у него осталось, — это семьдесят пять тысяч долларов, взятых в банке, да сумка со снаряжением для трюков. Он принялся петлять по горам и долинам, надеясь сбить ищеек со следа.

Тем временем в Баналии...

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

Meanwhile, Back at the Bromide

Copyright © 1962 by Robert Sheckley

Но обвести вокруг пальца проводника в его родных лесах было невозможно. Разрыв между охотниками и добычей неумолимо сокращался.

В конце концов Варадин очутился на грязной дороге. Дорога вывела его к гранитной каменоломне. За ней скала круто обрывалась в усеянное рифами море. Спуститься по обрыву было можно, но фэбээровцы схватят его еще на полпути.

Варадин огляделся. Кругом валялись серые гранитные глыбы самой разной величины и формы. Удача — легендарная Варадинская удача — все же не покинула его! Пора приниматься за финальный фокус.

Он открыл сумку и вытащил промышленный пластик, усовершенствованный им для собственных нужд. Проворные пальцы соорудили из веток каркас, связав их шнурками из ботинок. На каркас Варадин натянул пластик, втирая в него грязь и гранитную пыль. Закончив, он отошел и оценил свою работу.

Да, выглядит не хуже любой другой большой глыбы, если не считать дыры, зияющей сбоку.

Варадин нырнул в дыру и оставшимся пластиком заклеил ее, оставив маленькое отверстие для воздуха. Сооружение укрытия было закончено. И теперь он со спокойствием фаталиста ждал, чтобы увидеть, удался ли фокус.

Через пару минут фэбээровцы с проводником достигли каменоломни. Они обшарили ее вдоль и поперек, потом подбежали к обрыву и глянули вниз. В конце концов они уселись на большую серую глыбу.

— Он, должно быть, спрыгнул, — заметил проводник.

— Не верю, — возразил главный агент. — Ты просто не знаешь Варадина.

— Ну, здесь-то его нет, — сказал проводник. — А прокользнути мимо нас он никак не мог.

Главный агент нахмурился, пытаясь сосредоточиться. Сунув в рот сигарету, он чиркнул спичкой по глыбе. Спичка не загорелась.

— Странно, — сказал агент. — Или спички у меня отсырели, или камни у вас тут размякли.

Проводник пожал плечами.

Агент собрался было добавить еще что-то, но тут в каменоломню въехал старый грузовой автофургон с десятком человек в кузове.

— Ну как, поймали? — спросил шофер.

— Не-а, — ответил агент. — Должно быть, он сиганул с обрыва.

— Туда ему и дорога, — сказал водитель грузовика. — В таком случае, если вы, господа, не возражаете...

Агент ФБР пожал плечами:

— О'кей, я думаю, мы можем списать его со счетов.

Он встал, и все три агента вместе с проводником зашагали прочь из каменоломни.

— Ладно, ребятки, — заявил водитель. — Пора за работу!

Рабочие высыпали из закрытого кузова, по борту которого тянулась надпись: «Восточно-мэнская гравийная корпорация».

— Тед! — сказал шофер. — Заложи-ка свой первый заряд вон под ту глыбу, где сидели фэбээровцы!

Замаскированный агент

Джеймс Хэдли, знаменитый агент секретной службы, попался. По дороге в стамбульский аэропорт враги загнали его в тупик возле Золотого Рога и затащили в длинный черный лимузин. За бараккой сидел жирный грек со шрамом на лице. Оставив затем лимузин с шофером на улице, похитители поволокли Хэдли вверх по лестнице в какую-то паршивую комнатенку в армянском районе Стамбула, неподалеку от рю Шаффре.

В такой захудалой дыре агенту бывать еще не приходилось. Его привязали к тяжелому креслу. Напротив него стоял Антон Лупеску — начальник румынской секретной полиции, садист и непримиримый враг западных служб. По обе стороны от Лупеску стояли Чан, его бесстрастный слуга, и мадам Уи, холодная и прекрасная евразийка.

— Американская свинья! — издевательски усмехнулся Лупеску. — А ну выкладывай, куда ты запрятал чертежи новой американской высокоорбитальной субмолекулярной трехступенчатой ядерно-конверсионной установки!

Хэдли с кляпом во рту только улыбнулся.

— Друг мой, — ласково сказал Лупеску, — на свете есть такая боль, которую не вытерпеть никому. Может, избавишь себя от лишних неудобств?

В серых глазах Хэдли вспыхнула насмешливая искорка. Он молчал.

— Несите инструменты для пытки! — велел, ухмыляясь, Лупеску. — Мы заставим эту капиталистическую свинью заговорить.

Чан и мадам Уи вышли из комнаты. Лупеску быстро отвязал пленника.

— Поторапливайся, старина, — сказал Лупеску. — Они вернутся через минуту.

— Я не понимаю, — промолвил Хэдли. — Вы же...

— Британский агент 432 к вашим услугам. — Лупеску поклонился, лукаво блеснув глазами. — Не мог раскрыться, пока тут болтались Чан с мадам Уи. Вези свои чертежи обратно в Вашингтон, дружище! Держи пушку, она тебе пригодится.

Хэдли взял тяжелый пистолет с глушителем, снял его с предохранителя и выстрелил Лупеску прямо в сердце.

— Твоя верность правительству республики, — сказал Хэдли на чистейшем русском языке, — давно уже подверглась сомнению. Теперь с тобой все ясно. Кремль будет доволен.

Хэдли переступил через труп и открыл дверь. Перед ним стоял Чан.

— Собака! — зарычал Чан, поднимая тяжелый пистолет с глушителем.

— Погоди! — крикнул Хэдли. — Ты не понимаешь...

Чан выстрелил. Хэдли рухнул на пол.

Быстроенько сорвав с себя восточную маску, Чан превратился в настоящего Антона Лупеску. В комнату вошла мадам Уи и ахнула.

— Не волнуйся, крошка, — заявил Лупеску. — Самозванец, выдававший себя за Хэдли, был на самом деле китайским шпионом по имени Чан.

— А кто же тогда тот второй Лупеску?

— Очевидно, — сказал Лупеску, — это и был настоящий Джеймс Хэдли. Где же, интересно, все-таки он спрятал чертежи?

При тщательном осмотре на правой руке трупа, выдававшего себя за Джеймса Хэдли, была обнаружена бородавка. Она оказалась искусственной. Под ней скрывалась микропленка с драгоценными чертежами.

— Кремль вознаградит нас, — обрадовался Лупеску. — А теперь мы...

Он осекся. Мадам Уи держала в руках тяжелый пистолет с глушителем.

— Собака! — прошипела мадам и выстрелила румыну прямо в сердце.

Быстроенько освободившись от маскировки, мадам Уи превратилась в настоящего Джеймса Хэдли, американского секретного агента.

Хэдли помчался вниз по лестнице на улицу. Черный лимузин по-прежнему стоял у крыльца. Грек со шрамом вытащил из кармана пушку.

— Ну? — спросил он.

— Я с ними разделался, — ответил Хэдли. — Ты тоже хорошо поработал, Чан. Спасибо тебе.

— Не за что, — отозвался шофер, срываая с себя маску, из-под которой показалось хитрое лицо агента китайского национально-освободительного движения. — А теперь пулей в аэропорт, верно, старина?

— Совершенно верно, — сказал Джеймс Хэдли.

Мощная черная машина помчалась во тьму. В уголке салона кто-то шевельнулся и схватил Хэдли за руку.

Это была настоящая мадам Уи.

— Ох, Джимми! — проворковала она. — Неужели наконец-то все позади?

— Все кончено. Мы победили, — сказал Хэдли, крепко прижав к себе прекрасную евразийку.

Запертая комната

Сэр Тревор Мелланби, старый и эксцентричный английский ученый, оборудовал в одном из уголков своего поместья в Кенте маленькую лабораторию. Он вошел в нее утром семнадцатого июня. Поскольку по прошествии трех дней престарелый пэр так и не появился, его семья заволновалась. А обнаружив, что двери и окна лаборатории заперты, родственники вызвали полицию.

Полицейские взломали тяжелую дубовую дверь и увидели сэра Тревора, безжизненно распростертого на цементном полу. Горло знаменитого ученого было зверски разодрано. Орудие убийства, трехзубая садовая тяпка, лежало рядом с трупом. Дорогой бухарский ковер исчез без следа. И тем не менее все двери и окна были надежно заперты изнутри.

Ни убить, ни украсть отсюда что-либо было невозможно. И все же убийство и кража были налицо. По такому случаю в поместье вызвали главного инспектора Мортона. Он прибыл незамедлительно, прихватив с собой своего друга доктора Костыля, известного криминалиста-любителя.

— Пропади оно все пропадом, Костыль, — сказал инспектор Мортон несколько часов спустя. — Должен признать, что это дело поставило меня в тупик.

— Да, задачка непростая, — откликнулся Костыль, тщательно осматривая ряды пустых клеток, голый цементный пол и шкафчик, полный блестящих скальпелей.

— Будь оно все неладно, — сказал инспектор. — Я пропустил каждый дюйм в стенах, полу и потолке в поисках тайного хода. Глухо, совершенно глухо.

— Ты уверен? — спросил доктор Костыль. Лицо еголучилось загадочным весельем.

— Совершенно. Не понимаю, почему ты...

— А тут и понимать нечего, — прервал его доктор Костыль. — Скажи, ты подсчитал, сколько в лаборатории ламп?

— Конечно. Шесть.

— Правильно. А если ты подсчитаешь выключатели, то их получится семь.

— Не понимаю, при чем тут...

— Но это же очевидно! — заявил доктор. — Где ты видел комнаты с совершенно глухими стенами? Давай-ка попробуем выключатели.

Они принялись щелкать выключателями, проверяя один за другим. А когда нажали на последний, раздался зловещий треск. Крыша лаборатории начала приподниматься на массивных стальных винтах.

— Черт побери! — воскликнул инспектор Мортон.

— Вот именно, — сказал доктор Костыль. — Это одна из причуд сэра Тревора. Старик любил свежий воздух.

— Значит, убийца пролез в щель между стенкой и крышей, а потом закрыл лаз снаружи...

— Ничего подобного, — возразил Костыль. — Этими винтами не пользовались несколько месяцев. А кроме того, максимальное отверстие между стеной и потолком меньше семи дюймов. Нет, Мортон, убийца проявил просто дьявольскую изобретательность.

— Будь я проклят, если хоть что-нибудь понимаю!

— А ты задай себе вопрос, — сказал Костыль. — Зачем убийце понадобилось такое неуклюжее орудие, как садовая тяпка, когда под рукой у него была куча острых скальпелей?

— Разрази меня гром! — ответил Мортон. — Я не знаю зачем.

— На то была веская причина, — мрачно проговорил Костыль. — Знаешь ты что-нибудь об исследованиях, которыми занимался сэр Тревор?

— Вся Англия об этом знает. Он работал над методикой развития интеллекта у животных. Неужели ты хочешь сказать...

— Вот именно. Методика сэра Тревора оказалась удачной, только вот миру он о ней поведать не успел. Ты обратил внимание на эти пустые клетки? В них были мыши, Мортон! Его собственные мыши убили его, а потом удрали через канализацию.

— Я... Я не могу в это поверить, — ошеломленно пробор-мотал Мортон. — Но зачем им понадобилась тяпка?

— Думай, дружище! Напряги извилины! Они хотели скрыть свое преступление. Им вовсе не улыбалось, чтобы вся Англия вышла на мышиную охоту! Поэтому они разодрали горло сэра Тревора тяпкой — после того, как он умер.

— Зачем?

— Чтобы скрыть следы своих зубов, — терпеливо пояснил Костыль.

— Хм-м. Погоди-ка! Твоя теория, Костыль, крайне интересна, но она не объясняет кражи ковра!

— Пропавший ковер как раз и представляет собой по-следний ключ к разгадке. Микроскопические исследования докажут, что ковер они разорвали на мелкие клочки и по кусочкам утащили через канализационные трубы.

— Ради всего святого — зачем?

— Единственно для того, — сказал доктор Костыль, — чтобы не оставить кровавых следов тысяч крошечных лапок.

— И что же нам теперь делать? — спросил, подумав, Мортон.

— Ничего! — рявкнул Костыль. — Я лично собираюсь пойти домой и купить пару дюжин котов. Советую тебе сделать то же самое.

ТРИПЛИКАЦИЯ

Оуэкс-II — маленькая, пыльная, захолустная планетка недалеку от Ориона. Люди перебрались сюда с Земли и по сей день придерживаются земных обычаяев. Судья Абнер Лоу — единственный столп правосудия на всей планетке. Большинство дел, которые ему приходится решать, связаны с наследством и правами на свиней и гусей по той простой причине, что граждане Оуэкса-II не склонны к преступлениям.

Но однажды на планету сел звездолет с печально известным Тимоти Монтом и его адвокатом, прибывшими в поисках убежища и справедливости. А следом — еще один звездолет с тремя полицейскими и Общественным прокурором.

— Ваша честь, — заявил прокурор, — этот злодей совершил гнусное преступление. Тимоти Монт, ваша честь, *поджег сиротский приют!* Более того, перед побегом он во всем признался. У меня имеются подписанные им показания.

Тут поднялся адвокат Монта, мертвенно-бледный субъект с холодными рыбьими глазами.

— Я требую отвода обвинения, — сказал он.

— Я этого не сделаю, — ответил судья Лоу. — Поджог сиротского приюта — ужасное преступление.

— Верно, ужасное, — согласился адвокат, — но не повсеместно. Мой клиент совершил преступное деяние на планете Альтира-III. Знакома ли ваша честь с обычаями этой планеты?

— Нет, — ответил судья.

— На Альтире-III, — продолжал адвокат, — всех сирот обучают искусству убийства — в целях сокращения населения соседних планет. Спалив сиротский приют, мой клиент

Триплексация

© Издательство «Полярис», перевод, 1994

Triplification

Copyright © 1959 by Robert Sheckley

спас тысячи, а возможно, и миллионы невинных жизней. Следовательно, его можно считать народным героем.

— Он сказал правду об Альтире-III? — спросил судья судебного клерка.

Тот проверил факты по Энциклопедии Планетных Обычаев и Фольклора. Все совпало.

— В таком случае я закрываю дело, — объявил судья Лоу.

Монт и его адвокат улетели, и жизнь на Оуэксе-II мирно поползла дальше. Лишь изредка ее спокойствие нарушали тяжбы из-за наследства или прав на свиней и гусей. Но не прошло и года, как Тимоти Монт и его адвокат снова явились в суд, преследуемые по пятам Общественным прокурором.

Снова было предъявлено обвинение в поджоге сиротского приюта.

— Однако, — отметил бледный адвокат, — хоть мой клиент и виновен, суду следует вспомнить, что сей приют находился на планете Диигра-IV. А как известно, все сироты на этой планете принимаются в гильдию палачей для совершения неких отвратительных обрядов, которые ненавидит вся цивилизованная Галактика.

Проверив правдивость его утверждений, судья Лоу и на этот раз закрыл дело.

Через пятнадцать месяцев Тимоти Монт и его адвокат снова оказались в суде. Обвинение осталось прежним.

— Боже мой, — сказал судья Лоу. — Какое реформаторское рвение... Где было совершено преступление?

— На Земле, — заявил Общественный прокурор.

— На Земле? — изумился судья.

— Боюсь, это правда, — печально признал адвокат. — Мой клиент виновен.

— В чем причина на этот раз?

— Временное помрачение рассудка, — быстро сказал адвокат. — И это подтвердят двенадцать психиатров. Поэтому я прошу условного приговора, как предусматривается законом в подобных случаях.

Судья побагровел от гнева.

— Тимоти Монт, почему вы это сделали?

И не успел адвокат произнести ни слова, как Монт поднялся и гаркнул:

— Да потому что мне нравится поджигать сиротские приюты!

В тот день судья Лоу утвердил новый закон, на который обратили внимание во всей цивилизованной Галактике и изучали даже в столь отдаленных местах, как Дрома-I и

Эос-Х. Закон Лоу гласил, что адвокат обязан отбывать любой срок вместе со своим клиентом.

Многие считают закон несправедливым. Зато алчность адвокатов на Оуэкс-ИІ поразительно снизилась.

Эдмонд Дритч, высокий угрюмый ученый с нездоровым цветом лица, был привлечен «Корпорацией Всеобщих Продуктов» к суду за Пораженчество, Групповое Неповинование и Негативизм. То были серьезные обвинения, и коллеги Дритча их подтвердили. Выбора у магистрата не оказалось, и Дритча с позором уволили. Обычное в таких случаях тюремное заключение отменили, приняв во внимание девятнадцать лет безупречной работы на «Всеобщие Продукты», но никакая другая корпорация теперь не могла принять его на работу.

Сделавшись еще более угрюмым, Дритч оставил «Всеобщие Продукты» со всеми их автомобилями, тостерами, холодильниками, телевизорами и прочим бараком. Он удалился на свою ферму в Пенсильвании и занялся экспериментами, оборудовав лабораторию в подвале.

Его тошнило от «Всеобщих Продуктов» и того, что было с ними связано, — то есть практически от всего. Он задумал основать колонию людей, которые думали бы, как он, испытывали бы те же чувства и походили на него. Его колония станет утопией, а остальной радостно ухмыляющейся и нащипанный всевозможными механизмами мир может проваливаться ко всем чертям.

Достичь желаемого можно было только одним путем, и ради великой цели Дритч вместе с женой Анной работали денно и нощно.

Наконец он добился успеха. Настроив собственноручно собранный громоздкий агрегат, он повернул выключатель.

И из машины вышел точный Дубликат Эдмонда Дритча. Дритч изобрел первый в мире Дубликатор.

Он изготовил пятьсот Дритчей, после чего устроил собрание для выработки дальнейшей стратегии. Пятьсот Дритчей отметили, что для создания полноценной колонии им нужны жены.

Дритч 1 считал Анну идеальной супругой. Пятьсот Дубликатов с этим, разумеется, согласились. Поэтому Дритч изобрел пятьсот копий собственной жены для пятисот Дритчей-прототипов. Колония была основана.

Вопреки предсказаниям окружающих поначалу колония процветала. Дритчи наслаждались обществом друг друга,

никогда не ссорились, а гостей и на дух не выносили. Они создали для себя уютный мирок. Индия направила делегацию для изучения их метода, а Дания приняла законы, обеспечивающие право на Дубликацию.

Но как и во всех утопических затеях, семена несчастья таились в простой человеческой бренности. Сперва Дритча 49 застукали в компрометирующей позе с миссис Дритч 5. Затем Дритч 37 воспыпал внезапной страстью к Анне 142. Это в свою очередь помогло раскрыть гнездышко тайной любви, свитое Дритчем 10 для Анны 498 при попустительстве Анны 3.

И тщетно доказывал Дритч 1, что все они равны и идентичны. Парочки-смутьяны заявили ему, что он ни черта не смыслит в любви, и наотрез отказались разрушить сложившиеся отношения.

Все же колония еще могла выжить. Но тут обнаружилось, что Дритч 77 завел гарем из восьми женщин, приголубив под своим крыльышком Анн 12, 13, 77, 187, 303, 336, 489 и 500. Женщины заявили, что он уникальный мужчина, и отказались его бросить.

Конец колонии уже близился, и бегство жены Дритча 1 с репортером лишь ускорило его.

Колония развалилась, а Дритчи 1, 19, 32 и 433 умерли от разрыва сердца.

Может, оно и к лучшему. Дритч-оригинал наверняка не перенес бы потрясения, увидев, как из его Дубликатора непрерывным потоком вываливаются автомобили, тостеры, холодильники и прочие изделия «Всеобщих Продуктов».

Известный философ профессор Болтон улетел с Земли, чтобы прочитать серию лекций в Университете Марса. С собой он взял верного робота-дворецкого Экку, смену белья и восемь фунтов рукописей. Не считая экипажа, он был единственным пассажиром-человеком.

Где-то поблизости от точки-откуда-не-возвращаются корабль передал экстренное сообщение: ДВИГАТЕЛИ ПРАВОГО БОРТА ВЗОРВАЛИСЬ КОРАБЛЬ ПОТЕРЯЛ УПРАВЛЕНИЕ.

Жители Земли и Марса с тревогой ждали. Пришло новое сообщение: ВЕСЬ ЭКИПАЖ ПОГИБ ПРИ ВЗРЫВЕ КОРАБЛЬ ПАДАЕТ НА АСТЕРОИД ПОМОГИТЕ БОЛТОН.

В район между Марсом и Юпитером, где рассеяны астероиды, бросились спасательные корабли. Запеленговав последнее сообщение Болтона, они примерно знали, где его

искать, но все же предстояло обшарить гигантское пространство, и шансы на спасение были очень малы.

Три дня спустя пришло такое сообщение: **БОЛЬШЕ МНЕ НА АСТЕРОИДЕ НЕ ВЫЖИТЬ ВСТРЕЧУ СМЕРТЬ СО СПОКОЙНЫМ ДОСТОИНСТВОМ БОЛТОН.**

Газеты писали о несокрушимом духе этого человека, современном Робинзоне Крузо, боровшемся за свою жизнь на астероиде, лишенном воздуха, пищи и воды. Его припасы подходят к концу, и он готов — как всегда учил в книгах и лекциях — встретить смерть со спокойным достоинством.

Напряженность поисков возросла.

Последнее сообщение гласило: **ВСЕ ЗАПАСЫ КОНЧИЛИСЬ МЕНЯ ЖДЕТ УЛЫБАЮЩАЯСЯ СМЕРТЬ БОЛТОН.**

Запеленговав последний сигнал, патрульный катер отыскал астероид и опустился рядом с исколеченным кораблем. Спасатели обнаружили обугленные останки членов экипажа. И обильные запасы пищи, воды и кислорода. Но, как ни странно, Болтон бесследно исчез.

Среди обломков кормы они нашли робота Болтона.

— Профессор мертв, — сообщил робот, с трудом шевеля тронутыми ржавчиной челюстями. — Последнее сообщение я послал от его имени, зная, что ради меня одного вы не прилетите.

— Но как он погиб?

— Я убил его, испытывая величайшее сожаление, — угрюмо признался робот. — Заверяю вас, он не мучился.

— Но *зачем* ты его убил? И где тело?

Робот попытался заговорить, но ржавые челюсти заклинило. Порция смазки пошла ему на пользу.

— Самая большая проблема для робота — смазка, — сказал Экка. — Джентльмены, вы представляете, как сложно было извлечь жир из человеческого тела без соответствующего оборудования?

Охваченные ужасом, спасатели дали волю воображению. Историю замяли, но слова Экки подслушал робот на патрульном катере, поразмыслил и пересказал их другому роботу, затем еще одному...

И лишь сейчас, после победоносного восстания армии роботов, мы можем открыто рассказать эту захватывающую сагу о борьбе роботов против безжалостного космоса. Да здравствует Экка, наш освободитель!

НА БЕРЕГУ СПОКОЙНЫХ ВОД

Марк Роджерс, старатель, отправился в пояс астероидов на поиски радиоактивных руд и редких металлов. Он занимался этим несколько лет, перебираясь от одного каменного обломка к другому, но без особых удач. Наконец он обосновался на каменной глыбе толщиной около полумили.

Роджерс словно уже родился старым: после определенного возраста его внешность почти перестала меняться. Лицо его стало бледным от долгого пребывания в космосе, а руки слегка дрожали. Каменную глыбу он назвал Мартой — в честь девушки, с которой никогда не был знаком.

Ему немного повезло — он нашел небольшую жилу и заработал достаточно, чтобы привезти на Марту воздушный насос, скромный домик — скорее хижину, — несколько тонн земли, баки с водой и робота. А затем обустроился и предался созерцанию звездного неба.

Робот он купил стандартного — универсальную рабочую модель со встроенной памятью и словарем в тридцать слов, который Марк начал по словечку увеличивать. Он имел кое-какой опыт по части всяческих железок, к тому же Марку очень нравилось приспосабливать на свой вкус все, что его окружало.

Поначалу робот умел произносить лишь «Да, сэр» и «Нет, сэр». Он мог излагать простейшие проблемы: «Воздушный насос бараблит, сэр», «Пшеница прорастает, сэр». Был способен и на вполне удовлетворительное приветствие: «Доброе утро, сэр».

На берегу спокойных вод

© Издательство «Полярис», перевод, 1994

Beside Still Waters

Copyright © 1954 by Robert Sheckley

Марк все изменил. Для начала он выкинул всяческие «сэры» из словаря робота; на его астероиде равенство стало законом. Затем назвал робота Чарльзом — в честь отца, которого никогда не видел.

Шли годы, и воздушный насос начал протекать, превращая содержащийся в скалах планетоида кислород в пригодную для дыхания атмосферу. Воздух понемногу просачивался в космос, и насосу приходилось работать несколько интенсивнее, вырабатывая больше кислорода.

На ухоженном клочке чернозема исправно вырастали урожаи. Подняв голову, Марк мог видеть пронзительную черноту космической реки и плывущие по ней точечки звезд. Вокруг него, под ним и над головой медленно дрейфовали обломки скал, и изредка на их темных боках поблескивало сияние звезд. Иногда Марк замечал Марс или Юпитер. Однажды ему показалось, что он увидел Землю.

Марк начал записывать на встроенную в Чарльза ленту новые ответы, которые тот произносил, услышав ключевую фразу. И теперь на вопрос: «Неплохо смотрится, верно?» — Чарльз отвечал: «По-моему, просто здорово».

Поначалу робот произносил те же самые ответы, которые Марк привык слышать, долгие годы разговаривая сам с собой. Но понемногу он начал создавать в Чарльзе новую личность.

Марк всегда относился к женщинам с подозрительностью и презрением, но по каким-то причинам не отразил это отношение на ленте Чарльза. И точка зрения робота стала совершенно другой.

— Что ты думаешь о девушках? — мог спросить Марк, когда, покончив с домашними делами, усаживался возле хижины на упаковочный ящик.

— Даже не знаю. Сперва надо отыскать подходящую. — Робот отвечал старательно, воспроизводя записанные на ленту ответы.

— А мне вот хорошая девушка пока не попадалась, — произносил Марк.

— Знаешь, это нечестно. Наверное, ты искал недостаточно долго. В мире для каждого мужчины имеется девушка.

— Да ты романтик! — презрительно говорил Марк.

Тут робот делал паузу — заранее предусмотренную — и посмеивался тщательно сконструированным довольным смехом.

— Когда-то я мечтал о девушке по имени Марта, — продолжал Чарльз. — И кто знает, может, если поискать хорошенько, я еще смогу ее найти.

Затем наступало время ложиться спать. Но иногда Марку хотелось еще немного поболтать.

— Что ты думаешь о девушках? — снова спрашивал он, и прежний разговор повторялся.

Чарльз старел. Его сочленения утрачивали гибкость, а кое-какие провода начали ржаветь. Марк мог работать часами, ремонтируя робота.

— Ржавеешь помаленьку, — подшучивал он.

— Да и ты не юноша, — отвечал Чарльз. У него почти всегда был готовый ответ. Пусть незамысловатый, но все же ответ.

На Марте стояла вечная ночь, но Марк делил время на утро, день и вечер. Их жизнь шла по простому расписанию. Завтрак из овощей и консервов из запасов Марка. Затем робот отправлялся работать в поле, где растения тянулись из земли, привыкая к его прикосновениям. Марк чинил насос, проверял водопровод и наводил порядок в безупречно чистой хижине. Потом ленч, и на этом обязанности робота обычно заканчивались.

Они садились на упаковочный ящик и смотрели на звезды. Они могли разговаривать до самого ужина, а иногда прихватывали и кусок бесконечной ночи.

Со временем Марк обучил робота вести более сложную беседу. Конечно, ему не по силам было научить робота вести непринужденный разговор, но он смог добиться предела возможного. Пусть очень медленно, но в Чарльзе развивалась личность — поразительно не похожая на самого Марка.

Там, где Марк ворчал, Чарльз сохранял невозмутимость. Марк был язвительным, а Чарльз наивным. Марк был циник, а Чарльз идеалист. Марк зачастую грустил, а Чарльз постоянно пребывал в добром расположении духа.

И через некоторое время Марк позабыл, что когда-то сам записал в Чарльза все его ответы. Он стал воспринимать робота как своего друга-ровесника. Друга, рядом с которым прожил долгие годы.

— Чего я никак не пойму, — говорил Марк, — так это почему мужик вроде тебя захотел здесь жить. Я вот что имею в виду — для меня тут самое подходящее место. Никому

до меня дела нет, да и мне на прочих, вообще-то говоря, начхать. Но ты-то?

— Тут у меня есть целый мир, — отвечал Чарльз, — который на Земле мне пришлось бы делить с миллиардами других. Есть звезды, крупнее и ярче, чем на Земле. А вокруг меня — необъятное пространство, похожее на спокойные воды. И есть ты, Марк.

— Эй, не становись из-за меня сентиментальным...

— А я и не становлюсь. Дружба важнее всего. А любовь, Марк, я потерял много лет назад. Любовь девушки по имени Марта, с которой никто из нас двоих не был знаком. И жаль. Но остается дружба, и остается вечная ночь.

— Да ты поэт, черт возьми! — с легким восхищением произносил Марк.

— Бедный поэт.

Текло время, не замечаемое звездами, и воздушный насос шипел, клацал и протекал. Марк чинил его постоянно, но воздух на Марте становился все более разреженным. И хотя Чарльз не покладая рук трудился на полях, растения медленно умирали.

Марк так устал, что уже едва ковылял с места на место, несмотря на почти полное отсутствие гравитации. Большую часть времени он проводил в постели. Чарльз кормил его, как мог, с трудом передвигаясь на скрипучих, тронутых ржавчиной конечностях.

— Что ты думаешь о девушках?

— Мне хорошая еще не попадалась.

— Знаешь, это нечестно.

Марк слишком устал, чтобы видеть приближающийся конец, а Чарльза это не интересовало. Но конец был близок. Воздушный насос грозил отказать в любой момент. Уже несколько дней не было никакой еды.

— Но ты-то?

— Здесь у меня есть целый мир...

— Не становись сентиментальным...

— И любовь девушки по имени Марта.

Лежа в постели, Марк в последний раз увидел звезды. Большие, как никогда раньше, бесконечно плавущие в спокойных водах космоса.

— Звезды... — сказал Марк.

— Да?

— Солнце?

— ...будет сиять, как сияет сейчас. И потом.

— Чертов поэт.

— Бедный поэт.

— А девушки?

— Когда-то я мечтал о девушке по имени Марта. Быть может, если...

— Что ты думаешь о девушках? А о звездах? О Земле?

И наступило время заснуть, на этот раз навсегда.

Чарльз стоял возле тела своего друга. Он пощупал пульс и выпустил иссохшую руку. Прошел в угол хижины и выключил усталый воздушный насос.

Внутри Чарльза крутилась когда-то подготовленная Мартом потрескавшаяся лента. Оставалось еще несколько дюймов до конца.

— Надеюсь, он нашел свою Марту, — прохрипел робот.

Затем лента порвалась.

Его ржавые конечности не сгибались, и он неподвижно застыл, глядя на обнаженные звезды. Потом склонил голову.

— Господь — пастырь мой, — сказал Чарльз. — Зачем мне желания мои? На пажитях зеленых положил он меня; он указал мне путь...

ЗАСТЫВШИЙ МИР

Лэниган снова увидел тот сон и, хрипло застонав, проснулся. Он сел и вперил взгляд в фиолетовую тьму, ощущая вместо лица искаженную ужасом маску. Рядом зашевелилась жена, Эстелл. Лэниган и не взглянул на нее. Будучи еще во власти сна, он жаждал реальных доказательств существования мира.

По комнате медленно проплыл стул и с тихим чмоканьем прилип к стене. Лэниган глубоко вздохнул.

— Вот, выпей.

— Не надо, все уже в порядке.

Он полностью оправился от кошмара. Мир снова стал самим собой.

— Тот же сон? — спросила Эстелл.

— Да... Не хочу говорить об этом.

— Ну хорошо. Который час, милый?

Лэниган посмотрел на часы:

— Четверть седьмого. — Тут стрелка конвульсивно дернулась. — Нет, без пяти семь.

— Ты сможешь уснуть?

— Вряд ли. Пожалуй, мне лучше встать.

— Милый, ты не думаешь, что не мешало бы...

— Я иду к нему в двенадцать десять.

— Прекрасно, — сказала Эстелл и сонно закрыла глаза.

Ее темно-рыжие волосы посинели.

Лэниган выбрался из постели и оделся. Это был обычный человек, крупного сложения и ничем не примечательный, если не считать кошмара, сводившего его с ума.

Застывший мир

© В. Бука, перевод, 1991

Dreamworld

Copyright © 1968 by Robert Sheckley

Следующие пару часов он провел на крыльце, глядя, как вспыхивают на заре звезды, превращаясь в Новые.

Потом Лэниган вышел на прогулку. И, как назло, в двух шагах от дома наткнулся на Джорджа Торстейна. Несколько месяцев назад он по неосторожности рассказал Торстейну о своем сне. Торстейн — чистосердечный, приветливый толстяк — глубоко веровал в собранность, практичность, здравый смысл и прочие скучные добродетели. Его прямой, трезвый подход был тогда необходим Лэнигану. Но сейчас он только раздражал. Люди типа Торстейна являются, несомненно, солью земли и опорой государства; но для Лэнигана он превратился из надежды в ужас.

— А, Том! Как сынишка? — спросил Торстейн.

— Отлично, — ответил Лэниган, — просто отлично.

Он приветливо кивнул и пошел дальше под курящимся зеленым небом. Но от Торстейна не так-то легко отделаться.

— Том, мальчик, я тут поразмыслил над твоей проблемой, — сказал Торстейн. — Я очень беспокоюсь о тебе.

— Как это мило с твоей стороны, — отозвался Лэниган. — Право, не стоит...

— Но мне хочется! — искренне воскликнул Торстейн. — Я проявляю интерес к людям, Том. Всегда, сызмальства. А ведь мы с тобой друзья и соседи.

— Это правда, — вяло пробормотал Лэниган. (Когда вам нужна помощь, самое неприятное — принимать ее.)

— Знаешь, Том, думается мне, что тебе не мешало бы хорошенько отдохнуть.

У Торстейна на все были простые рецепты. Так как он практиковал душеврачевание без лицензии, то остерегался прописывать лекарства, которые можно купить в аптеке.

— Сейчас я не могу позволить себе взять отпуск, — сказал Лэниган. (Небо приобрело красно-розовый оттенок; за сохли три сосны; старый дуб превратился в крепенький как-тус.)

Торстейн искренне рассмеялся:

— Дружище, ты не можешь себе позволить не взять отпуск сейчас! Ты устал, взвинчен, слишком много работаешь...

— Я всю неделю отдохваю.

Лэниган посмотрел на часы. Золотой корпус превратился в свинцовый, но время, похоже, они показывали точно. Почти два часа прошло с начала разговора.

— Этого мало, — продолжал Торстейн. — Ты остался здесь, в городе. А тебе надо слиться с природой. Том, когда ты в последний раз ходил в поход?

— В поход? Что-то не припомню, чтобы я вообще ходил в походы.

— Вот видишь?! Старик, тебе необходима прочная связь с реальностью и прежде всего с природой. Не улицы и дома, а горы и реки.

Лэниган снова взглянул на часы и с облегчением убедился, что они опять золотые. Он обрадовался — ведь за них заплачено шестьдесят долларов...

— Деревья и озера, — декламировал Торстейн. — Трава под ногами, высокие черные горы, марширующие по золотому небу...

Лэниган покачал головой:

— Я был в деревне, Джордж. Это ничего не дало.

Торстейн упорствовал:

— Нужно отвлечься от искусственности.

— Все кажется искусственным, — возразил Лэниган. — Деревья или дома — какая разница?

— Люди строят дома, — благочестиво пропел Торстейн, — но Бог создает деревья.

У Лэнигана имелись сомнения в справедливости обоих положений, но он не собирался делиться ими с Торстейном.

— Возможно, в этом что-то есть. Я подумаю.

— Ты *сделай*. Кстати, я знаю одно местечко — как раз то, что нужно. В Мэне, у маленького озера...

Торстейн был великим мастером бесконечных описаний. К счастью для Лэнигана, кое-что его отвлекло. Напротив загорелся дом.

— Эй, чей это дом? — спросил Лэниган.

— Макелби. Третий пожар за месяц.

— Надо, наверное, вызвать пожарных.

— Ты прав. Я сам этим займусь. Помни, что я тебе сказал про то местечко в Мэне.

Он повернулся, и тут произошел забавный случай — асфальт под его ногами расплавился. Торстейн шагнул, провалился по колено и упал.

Том кинулся ему на помощь, пока асфальт не затвердел.

— Сильно ударился?

— Проклятье, я, кажется, вывихнул ногу, — пробормотал Торстейн. — Ну ничего, ходить можно.

И он заковылял сообщить о пожаре. Лэниган стоял и смотрел, полагая, что пожар этот — дело случайное и несерьезное. Через минуту, как он и ожидал, пожар так же, сам по себе, погас.

Не следует радоваться чужой беде; но Лэнigan не мог не хихикнуть, вспомнив о вывихнутой ноге Торстейна. Даже неожиданное появление потока воды на Мэйн-стрит не испортило ему настроения. Он улыбнулся колесному пароходу, прошедшему по небу.

Затем он вспомнил сон и снова почувствовал панику. Надо спешить к врачу.

На этой неделе кабинет доктора Сэмпсона был маленьким и темным. Старая серая софа исчезла; на ее месте располагались два стула с кривыми спинками и кушетка. Но портрет Андретти висел на своем обычном месте на стене, и большая бесформенная пепельница была, как всегда, пуста.

В приоткрывшейся двери появилась голова доктора Сэмпсона.

— Привет, — сказал он. — Я мигом.

Голова пропала.

Сэмпсон сдержал слово. Все дела заняли у него ровно три секунды по часам Лэнигана. Еще через секунду Лэниган лежал на кожаной кушетке со свежей салфеткой под головой.

— Ну, Том, как ваши дела?

— Все так же. Даже хуже.

— Сон?

Лэниган кивнул.

— Давайте-ка припомним его.

— Лучше не стоит, — произнес Лэниган. — Я еще сильнее боюсь.

Наступил момент терапевтического молчания. Затем доктор Сэмпсон сказал:

— Вы и раньше говорили, что страшитесь этого сна; но никогда не объясняли *почему*.

— Это звучит глупо...

Лицо Сэмпсона было спокойным, серьезным, сосредоточенным; лицо человека, который ничего не находит глупым, который просто физически не в состоянии увидеть что-нибудь глупое.

— Хорошо, я скажу вам... — резко начал Лэниган и замолчал.

— Продолжайте, — подбодрил доктор Сэмпсон.

— Видите ли, я боюсь, что когда-нибудь, каким-то образом мир моего сна станет реальным. — Он снова замолчал, затем быстро проговорил: — Однажды я встану и окажусь в

том мире. И тогда *тот* мир станет настоящим, а этот — сновидением.

Лэнигану хотелось узнать, какое впечатление произвело на Сэмпсона его безумное откровение. Но по лицу доктора ни о чем нельзя было догадаться. Он спокойно разжигал трубку тлеющим кончиком указательного пальца. Затем он задул палец и произнес:

— Ну, продолжайте.

— Продолжать?! Но это все!

На розовато-лиловом ковре появилось пятно размером с монету. Оно потемнело, сгустилось и превратилось в маленькое фруктовое дерево. Сэмпсон понюхал плод и печально посмотрел на Лэнигана:

— Вы ведь и раньше рассказывали мне о своем сне, Том. Лэниган кивнул.

— Мы все обсудили, проследили его истоки, проанализировали значение... Мы поняли, верится мне, зачем вы терзаете себя этим кошмаром. И все же вы каждый раз забываете, что ваш ночной ужас — не более чем сон, который вы сами вызвали, чтобы удовлетворить потребности своей психики.

— Но мой ночной кошмар очень реалистичен!

— Вовсе нет, — уверенно заявил доктор Сэмпсон. — Просто это независимая и самоподдерживающаяся иллюзия. Человеческие поступки основаны на определенных представлениях о природе мира. Подтвердите их, и его поведение становится понятным и резонным. Но изменить эти представления, эти фундаментальные аксиомы почти невозможно. Например, как вы докажете человеку, что им не управляют по секретному радио, которое слышит только он?

— Понимаю, — пробормотал Лэниган. — И я?..

— Да, Том. С вами то же самое. Вы хотите, чтобы я доказал, что реален этот мир, а тот ваш ночной — вымысел. Вы откажетесь от своей фантазии, если я вам представлю необходимые доказательства?

— Совершенно верно!

— Но видите ли, я не могу их представить, — закончил Сэмпсон. — Природа мира очевидна, но недоказуема.

Лэниган задумался.

— Послушайте, доктор, я ведь не так болен, как тот парень с секретным радио?

— Нет. Вы более разумны, более рациональны. У вас есть сомнения в реальности мира, но, к счастью, вы также сомневаетесь в состоятельности вашей иллюзии.

— Тогда давайте попробуем, — предложил Лэниган. — Я понимаю сложность вашей задачи, но, клянусь, буду принимать все, что смогу заставить себя принять.

— Честно говоря, это не моя область, — поморщился Сэмпсон. — Здесь нужен метафизик. Не знаю, насколько я...

— Попробуем, — взмолился Лэниган.

— Ну хорошо, начнем... Мы воспринимаем мир через ощущения и, следовательно, при заключительном анализе должны руководствоваться их показаниями.

Лэниган кивнул, и доктор продолжал:

— Итак, мы знаем, что предмет существует, поскольку наши чувства говорят нам о его существовании. Как проверить точность наших наблюдений? Сравнивая их с ощущениями других людей. Известно, что наши чувства не лгут, если чувства и других людей говорят о существовании данного предмета.

— Таким образом, мир — всего лишь то, что думает о нем большинство людей, — после некоторого раздумья заключил Лэниган.

Сэмпсон скривился:

— Я предупреждал, что сила в метафизике. Все-таки мне кажется, что это наглядный пример.

— Да... Но, доктор, а предположим, все наблюдатели ошибаются? Предположим, что существует множество миров и множество реальностей. Предположим, что это всего лишь одно произвольное существование из бесконечного числа возможных. Или предположим, что сама природа реальности способна к изменению и каким-то образом я его воспринимаю.

Сэмпсон вздохнул и машинально пристукнул линейкой маленькую зеленую крысу, копошащуюся у него под полой пиджака.

— Ну вот, — промолвил он. — Я не могу опровергнуть ни одно из ваших предположений. Мне кажется, Том, что нам лучше обсудить сон целиком.

Лэниган поморщился:

— Я бы не хотел. У меня такое чувство...

— Знаю, знаю, — заверил Сэмпсон, отечески улыбаясь. — Но это прояснит все раз и навсегда, — разве нет?

— Наверное, — согласился Лэниган. Он набрался смелости и выдохнул: — В общем, начинается мой сон...

Его охватил страх. Он почувствовал неуверенность, слабость, ужас. Попытался подняться с кушетки. Склонившееся лицо доктора... блеск металла...

— Расслабьтесь... Успокойтесь... Думайте о чем-нибудь приятном...

Затем Лэниган, или мир, или оба — отключились.

Лэниган и (или) мир пришли в себя. Возможно, время шло, а возможно, и нет. Все что угодно могло случиться, а могло и не случиться. Лэниган сел и посмотрел на Сэмпсона.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Сэмпсон.

— Отлично, — сказал Лэниган. — Что произошло?

— Вам стало плохо. Ничего, все пройдет.

Лэниган откинулся на спинку и постарался успокоиться. Доктор сидел за столом и что-то писал. Лэниган зажмурился, сосчитал до двадцати и осторожно открыл глаза. Сэмпсон все еще писал.

Лэниган огляделся, насчитал на стенах пять картин. Внимательно изучил зеленый ковер и снова закрыл глаза. На этот раз он досчитал до пятидесяти.

— Ну, может быть, теперь можете рассказать? — поинтересовался Сэмпсон, откладывая ручку.

— Нет, не сейчас, — ответил Лэниган. (Пять картин, зеленый ковер.)

— Как хотите, — развел руками доктор. — Наше время заканчивается. Но если вы подождете в приемной...

— Нет, спасибо, пойду домой.

Лэниган встал, прошел по зеленому ковру к двери, оглянулся на пять картин и лучезарно улыбающегося доктора. Затем пошел через дверь в приемную, через приемную и наружную дверь в коридор к лестнице и по лестнице.

Он шел и смотрел на деревья с зелеными листьями, колышущимися слабо и непредсказуемо. Было транспортное движение — чинно, в одном направлении по одной стороне, а в другом — по другой. Было небо — неизменно голубое.

Сон? Лэниган ущипнул себя. Щипок во сне? Он не проснулся.

Он закричал. Воображаемый крик? Он не проснулся.

Лэниган находился в мире своего кошмара.

Улица на первый взгляд казалась обычной городской улицей.

Тротуар, мостовая, машины, люди, здания, небо над головой, солнце в небе. Все в норме. Кроме того, что *ничего не происходило*.

Асфальт ни разу не вскрикнул под ногами. Вот возвышается Первый национальный городской банк. Он был здесь вчера, что само по себе достаточно плохо, но гораздо хуже, что он наверняка будет здесь завтра, и через неделю, и через

год. Первый национальный городской банк (основан в 1982 году) чудовищно лишен возможности превращений. Он *никогда* не станет надгробием, самолетом, костями доисторического животного. Он неизбежно будет оставаться строением из бетона и стали, зловеще настаивая на своей неизменности, пока его не снесут люди.

Лэниган шел по застывшему миру под голубым небом, дразняще обещающим что-то, чего никогда не будет. Машины неумолимо соблюдали правостороннее движение, пешеходы переходили дорогу на перекрестках, показания часов в пределах нескольких минут совпадали.

Город где-то кончался. Но Лэниган знал совершенно точно, что трава не растет под ногами; то есть она растет, безусловно, но слишком медленно, незаметно для чувств. И горы возвышаются, черные и угрюмые, но гиганты замерли на полу шаге. Они никогда не промаршируют по золотому (или багряному, или зеленому) небу.

«Сущность жизни, — как-то сказал доктор Сэмпсон, — изменение. Сущность смерти — неизменность. Даже у трупа есть признаки жизни, пока личинки пирут на слепом глазе и мясные мухи сосут соки из кишечника».

Лэниган осмотрел труп мира и убедился, что тот окончательно мертв.

Лэниган закричал. Он кричал, пока вокруг собирались люди и глядели на него (но ничего не делали и ни во что не превращались), а потом, как и полагалось, пришел полицейский (но солнце не изменило его форму), а затем по беззадежно однообразной улице примчалась карета «скорой помощи» (на четырех колесах вместо трех или двадцати пяти), и санитары доставили его в здание, оказавшееся именно там, где они ожидали, и было много разговоров между людьми, которые оставались сами собой, в комнате с постоянно белыми стенами.

И был вечер, и было утро, и был первый день.

ОПЕКА

В Бирме на той неделе разобьется самолет, но меня это не коснется здесь, в Нью-Йорке. Да и фигов я не боюсь, раз у меня заперты двери всех шкафов.

Вся загвоздка теперь в том, чтобы не политурить. Мне нельзя политурить. Ни под каким видом! И, как вы сами понимаете, меня это беспокоит. Ко всему прочему, я еще, кажется, схватил жестокую простуду.

Вся эта канитель началась со мной вечером 9 ноября. Я шел по Бродвею, направляясь в кафетерий Бейкера. На губах у меня блуждала легкая улыбка — след сданного несколько часов назад труднейшего экзамена по физике. В кармане позвякивало пять монет, три ключа и спичечная коробка.

Для полноты картины добавлю, что ветер дул с северо-запада со скоростью пять миль в час. Венера находилась в стадии восхождения, Луна — между второй четвертью и полно-лунием. А уж выводы извольте сделать сами!

Я дошел до угла Девяносто восьмой улицы и хотел перейти на ту сторону. Но едва ступил на мостовую, как кто-то закричал:

— Грузовик! Берегись грузовика!

Растерянно озираясь, я попятился назад. И — ничего не увидел. А спустя целую секунду из-за угла на двух колесах вывернулся грузовик и, не обращая внимания на красный свет, загрохотал по Бродвею.

Если бы не это предупреждение, он бы меня сшиб.

Не правда ли, вы не впервые слышите нечто подобное? Насчет таинственного голоса, запретившего тете Минни вхо-

Опека

© Р. Гальперина, перевод, 1966

Protection

Copyright © 1957 by Robert Sheckley

дить в лифт, который тут же брякнулся в подвал. Или, быть может, остерегшего дядю Тома ехать на «Титаник». Такие истории обычно на том и кончаются.

Хорошо бы моя так кончилась!

— Спасибо, друг! — сказал я и огляделся. Но никого не увидел.

— Вы все еще меня слышите? — осведомился голос.

— Разумеется, слышу!

Я сделал полный оборот и подозрительно взирался на закрытые окна над моей головой.

— Но где же вы, черт возьми, прячетесь?

— Грониш, — отвечал голос. — Это ли не искомый случай? Индекс преломления. Существо иллюзорное. Знает Тень. Напал ли я на того, кто мне нужен?

— Вы, должно быть, невидимка?

— Вот именно.

— Но кто же вы все-таки?

— Сверхпопечительный дерг.

— Что такое?

— Я... но, пожалуйста, открывайте рот пошире! Дайте соображу. Я — дух прошедшего Рождества. Обитатель Черной Лагуны. Невеста Франкенштейна. Я...

— Позвольте, — прервал я его. — Что вы имеете в виду? Может быть, вы привидение или гость с другой планеты?

— Вот-вот, — сказал голос. — На то похоже.

Итак, мне все стало ясно. Каждый дурак бы понял, что со мной говорит существо с другой планеты. На земле он невидим, но изощренные чувства позволили ему обнаружить надвигающуюся опасность, о чем он меня и предупредил.

Словом, обычный, повседневный сверхъестественный случай.

Прибавив шагу, я устремился вперед по Бродвею.

— Что случилось? — спросил невидимка дерг.

— Ничего не случилось, — отвечал я, — если не считать того, что я стою посреди улицы и разговариваю с пришельцем из отдаленнейших миров. Похоже, что я один вас и слышу?

— Естественно.

— О Господи! А знаете ли вы, куда меня могут завести такие штучки?

— Подтекст ваших рассуждений мне недостаточно ясен.

— В психовытрезвитель. В приют для умалищенных. В отделение для буйных. Иначе говоря, в желтый дом. Вот куда

сажают людей, говорящих с невидимыми чужесветными гостями. Спокойной ночи, приятель! Спасибо, что предупредили!

В голове у меня был полнейший кавардак, и я повернул на восток в надежде, что мой невидимый друг пойдет дальше по Бродвею.

— Не желаете со мной говорить? — допытывался дерг.

Я покачал головой — безобидный жест, за который людей не хватают на улице, — и продолжал идти вперед.

— Но вы должны! — воскликнул дерг уже с ноткой бешенства в голосе. — Настоящий контакт чрезвычайно труден и редко удается. В кои-то веки посчастливится переправить тревожный сигнал, да и то перед самой опасностью. И связь тут же затухает

Так вот чем объясняются предчувствия тети Минни! Что до меня, то я по-прежнему ничего такого не чувствовал.

— Подобные условия повторяются раз в сто лет, — со-крушился дерг. Какие условия? Пять монет и три ключа, позывкающие в кармане во время восхождения Венеры? Полагаю, что в этом стоило бы разобраться, но, уж во всяком случае, не мне. С этой сверхъестественной музыкой никогда ничего не докажешь. Достаточно бедолаг вяжет сетки для смирительных рубашек, обойдутся и без меня.

— Оставьте меня в покое! — бросил я на ходу. И, перехватив косой взгляд полисмена, ухмыльнулся ему с видом сорванца-мальчишки и заторопился дальше.

— Я понимаю ваши затруднения, — не отставал дерг. — Но такой контакт будет вам как нельзя более полезен. Я хочу защитить вас от миллиона опасностей, угрожающих человеческому существованию.

Я промолчал.

— Ну что ж, — сказал дерг. — Заставить вас не в моих силах. Предложу свои услуги кому-нибудь другому. До свидания, друг!

Я любезно кивнул на прощание.

— Последнее остережение! — крикнул дерг. — Завтра избегайте садиться в метро между двенадцатью и четвертью второго! Прощайте!

— Угу! А почему, собственно?

— Завтра на станции Кольцо Колумба толпа, высыпав из магазина, столкнет под поезд зазевавшегося пассажира. Вас, если вы подвернетесь!

— Так завтра кого-то убьют? — заинтересовался я. — Вы уверены?

— Не сомневаюсь.

— Вы вообще разбираетесь в этих делах?

— Я воспринимаю все опасности, поскольку они направлены в вашу сторону и расположены во времени. У меня единственное желание — защитить вас.

— Послушайте, — прошептал я, — а не могли бы вы подождать с ответом до завтрашнего вечера?

— И вы мне позволите взять вас под опеку? — воспрянул дерг.

— Я отвечу вам завтра. По прочтении вечерних газет.

Такая заметка действительно появилась. Я прочитал ее в своей меблированной комнате. Толпа смяла человека, он потерял равновесие и упал под налетевший поезд. Это заставило меня задуматься в ожидании разговора с невидимкой. Его желание взять меня под свою опеку казалось искренним. Но я отнюдь не был уверен, что и мне этого хочется. Когда часом позже дерг со мной соединился, эта перспектива уже совсем меня не привлекала, о чем я не замедлил ему сообщить.

— Вы мне не верите? — спросил он.

— Я предпочитаю вести нормальную жизнь.

— Сперва надо ее сохранить, — напомнил он. — Вчерашний грузовик...

— Это был исключительный случай, такое бывает раз в жизни.

— Так ведь в жизни и умирают только раз, — торжественно заявил дерг. — Достаточно вспомнить метро.

— Метро не считается. Я сегодня не собирался выезжать.

— Но у вас не было оснований не выезжать. А ведь это и есть самое главное. Точно так же как нет оснований не принять душ в течение ближайшего часа.

— А почему бы и нет?

— Некая мисс Флинн, живущая дальше по коридору, только что принимала душ и оставила на розовом плиточном полу в ванной полурастаявший розовый обмылок. Вы поскользнетесь и вывихнете руку.

— Но это не смертельно, верно?

— Нет. Это не идет в сравнение с тем случаем, когда некий трясущийся старый джентльмен уронит с крыши тяжелый цветочный горшок.

— А когда это случится? — спросил я.

- Вас это, кажется, не интересует.
 - Очень интересует. Когда же? И где?
 - Вы отпадите под мою опеку?
 - Скажите только, на что это вам?
 - Для собственного удовлетворения. У сверхпопечительного дерга нет большей радости, чем помочь живому существу избежать опасности.
 - А больше вам ничего не понадобится? Скажем, такой малости, как моя душа или мировое господство?
 - Ничего решительно! Получать вознаграждение за опеку нам ни к чему, тут важен эмоциональный эффект. Все, что мне нужно в жизни и что нужно всякому дергу, — это охранять кого-то от опасности, которой тот не видит, тогда как мы видим ее слишком ясно. — И дерг умолк. А потом добавил негромко: — Мы не рассчитываем даже на благодарность.
- Это решило дело. Мог ли я предвидеть, что отсюда воспоследует? Мог ли я знать, что благодаря его помощи окажусь в положении, когда мне уже нельзя будет политурить!
- А как же цветочный горшок? — спросил я.
 - Он будет сброшен на угол Десятой улицы и бульвара Мак-Адамса завтра в восемь тридцать утра.
 - Десятая, угол Мак-Адамса? Что-то я не припомню... Где же это?
 - В Джерси-Сити, — ответил он не задумываясь.
 - В жизни не бывал в Джерси-Сити! Не стоило меня предупреждать.
 - Я не знаю, куда вы собираетесь или не собираетесь ехать, — возразил дерг. — Я только предвижу опасность, где бы она вам ни угрожала.
 - Что же мне теперь делать?
 - Все что угодно. Ведите обычную нормальную жизнь.
 - Нормальную жизнь? Ха!

Поначалу все шло неплохо. Я посещал лекции в Колумбийском университете, выполнял домашние задания, ходил в кино, бегал на свидания, играл в настольный теннис и шахматы — словом, жил, как раньше, и никому не рассказывал, что состою под опекой сверхпопечительного дерга.

Раз, а когда и два на дню ко мне являлся дерг. Придет и скажет: «На Вестэндской авеню между 66-й и 67-й улицами расшаталась решетка. Не становитесь на нее».

И я, разумеется, не становился. А кто-то становился. Я часто видел потом такие заметки в газетах.

Постепенно я втянулся и даже проникся ощущением уверенности. Некий дух денно и нощно ради меня хлопочет, и единственное, что ему нужно, — это защитить меня от всяких бед. Потусторонний телохранитель! Эта мысль внушала мне крайнюю самонадеянность.

Мои отношения с внешним миром складывались как нельзя лучше.

А между тем мой дерг стал не в меру ретив. Он открывал все новые опасности, в большинстве своем и отдалено не касавшиеся моей жизни в Нью-Йорке, — опасности, которых мне следовало избегать в Мексико-Сити, Торонто, Омахе и Папете.

Наконец я спросил, не собирается ли он извещать меня обо всех предполагаемых опасностях на земном шаре.

— Нет, только о тех немногих, которые могут или могли бы угрожать вам.

— Как? И в Мексико-Сити? И в Папете? А почему бы не ограничиться местной хроникой? Скажем, Большим Нью-Йорком?

— Такие понятия, как местная хроника, ничего мне не говорят, — ответствовал старый упрямец. — Мои восприятия ориентированы не в пространстве, а во времени. А ведь я обязан охранять вас от всяких зол!

Меня даже тронула его забота. Ну что тут можно было поделать!

Приходилось отсеивать из его донесений опасности, ожидающие жителей Хобокена, Таиланда, Канзас-Сити, Ангор Ватта (падающая статуя), Парижа и Сарасоты. Так добиралася я до местных событий. Но и тут опускал почти все опасности, сторожившие меня в Квинсе, Бронксе, Бруклине, на Стэтэн-Айленде, и сосредоточивался на Манхэттене. Иногда они заслуживали внимания. Мой дерг спасал меня от таких сюрпризов, как огромный затор на Катедрал Парквэй, как малолетние карманники или пожар.

Однако усердие его все возрастало. Дело у нас началось с одного-двух докладов в день. Но уже через месяц он стал остерегать меня раз по пять-шесть на дню. И наконец его остережения в местном, национальном и международном масштабе потекли непрерывным потоком.

Мне угрожало слишком много опасностей, вопреки рассудку и сверх всякого вероятия.

Так, в самый обычный день:

Испорченные продукты в кафетерии Бейкера. Не ходите туда сегодня!

На Амстердамском автобусе номер 132 неисправные тормоза. Не садитесь в него!

В магазине готового платья Меллена протекает газовая труба. Возможен взрыв. Отдайте гладить костюм в другое место.

Между Риверсайд-драйв и Сентрал-парк-вест бродит бешеная собака. Возьмите такси.

Вскоре я большую часть дня только и делал, что чего-то не делал и куда-то не ходил. Опасности подстерегали меня чуть ли не под каждым фонарным столбом.

Я заподозрил, что дерг раздувает свои отчеты. Это было единственное возможное объяснение. В конце концов, я еще до знакомства с ним достиг зрелых лет, отлично обходясь без посторонней помощи. Почему же опасностей стало так много?

Вечером я задал ему этот вопрос.

— Все мои сообщения абсолютно правдивы, — заявил он, по-видимому, слегка задетый. — А если не верите, включите завтра свет в вашей аудитории при кафедре психологии...

— Зачем, собственно?

— Повреждена проводка.

— Я не сомневаюсь в ваших предсказаниях. Но только замечаю, что до вашего появления жизнь не представляла такой опасности.

— Конечно, нет. Но должны же вы понимать, что раз вы пользуетесь преимуществами опеки, то должны мириться и с ее отрицательными сторонами.

— Какие же это отрицательные стороны?

Дерг заколебался.

— Всякая опека вызывает необходимость дальнейшей опеки. По-моему, это азбучная истина.

— Значит, снова-здраво? — спросил я ошеломленно.

— До встречи со мной вы были как все и подвергались только риску, вытекавшему из ваших житейских обстоятельств. С моим же появлением изменилась окружающая вас среда, а стало быть, и ваше положение в ней.

— Изменилась? Но почему же?

— Да хотя бы потому, что в ней присутствую я. До некоторой степени вы теперь причастны и к моей среде, как я причастен к вашей. Известно также, что, избегая одной опасности, открываяшь дверь другой.

— Вы хотите сказать, — спросил я раздельно, — что с вашей помощью опасность возросла?

— Это было неизбежно, — вздохнул он.

Нечего и говорить, с каким удовольствием я удавил бы его в эту минуту, не будь он невидим и неощущаем. Во мне бушевали оскорбленные чувства; с гневом говорил я себе, что меня обвел, заманил в западню неземной мошенник.

— Отлично, — сказал я, взяв себя в руки. — Спасибо за все. Встретимся на Марсе или где там еще ваша хижина.

— Так вы отказываетесь от дальнейшей опеки?

— Угадали! Прошу выходя не хлопать дверью.

— Но что случилось? — Дерг был, видимо, искренне озабочен. — В вашей жизни возросли опасности — это верно, но что из того? Честь и слава тому, кто смотрит в лицо опасности и выходит из нее победителем. Чем серьезнее опасность, тем радостнее сознание, что вы ее избежали.

Тут только я понял, до чего он мне чужой, этот чужесветный гость!

— Только не для меня, — сказал я. — Брысь!

— Опасности увеличились, — доказывал свое дерг, — но моя способность справляться с ними перекрывает их с лихвой. Для меня удовольствие с ними бороться. Так что на вашу долю остается чистый барыш.

Я покачал головой:

— Я знаю, что меня ждет. Опасностей будет все больше, верно?

— Как сказать! Что до несчастных случаев, тут вы достигли потолка.

— Что это значит?

— Это значит, что количественно им уже некуда расти.

— Прекрасно! А теперь будьте добры убраться к черту!

— Но ведь я вам как раз объяснил...

— Ну конечно: расти они не будут. Как только вы оставите меня в покое, я вернусь в свою обычную среду, не правда ли? И к своим обычным опасностям?

— Вполне возможно, — согласился дерг. — Если, конечно, вы проживете.

— Так и быть, рискну!

С минуту дерг хранил молчание. И наконец сказал:

— Сейчас вы не можете себе это позволить. Завтра...
Завтра...

— Прошу вас не рассказывать. Я и сам сумею избежать несчастного случая.

— Я говорю не о несчастном случае.

— А о чём же?

— Уж и не знаю, как вам объяснить. — В тоне его чувствовалась растерянность. — Я говорил вам, что вы можете не опасаться количественных изменений. Но не упомянул об изменениях качественных.

— Что вы плетете? — накинулся я на него.

— Я только стараюсь довести до вас, что за вами бхотит-ся гампер.

— Это еще что за невидаль?

— Гампер — существо из моей среды. Должно быть, его привлекла ваша возросшая способность уклоняться от опасности, которой вы обязаны моей опеке.

— К дьяволу гампера — и вас вместе с ним!

— Если он к вам сунется, попробуйте прогнать его с помощью омелы. Иногда помогает железо в соединении с медью. А также...

Я бросился на кровать и сунул голову под подушку. Дерг понял намек. Спустя минуту я почувствовал, что он исчез.

Какой же я, однако, идиот! За всеми нами, обитателями Земли, водится эта слабость: хватаем, что ни дай, независимо от того, нужно нам или не нужно.

Вот так и наживаешь себе неприятности!

Но дерг убрался, и я избавился от величайшей неприятности. Некоторое время тихо-скромно посижу у себя в углу, пусть все постепенно приходит в норму. И, может быть, уже через несколько недель...

В воздухе послышалось какое-то жужжание.

Я с маху сел на кровати. В одном углу комнаты подозрительно сгустились сумерки, и в лицо мне повеяло холодом. Жужжание между тем нарастало — и это было не жужжение, а смех, тихий и монотонный.

К счастью, никому не пришлось чертить для меня магический круг.

— Дерг! — завопил я. — Выручай!

Он оказался тут как тут.

— Омела! — крикнул он. — Гоните его омелой!

— А где, к чертам собачьим, взять теперь омелу?

— Тогда железо с медью!

Я бросился к столу, схватил медное пресс-палье и стал оглядываться в поисках железа. Кто-то вырвал у меня пресс-палье. Я подхватил его на лету. Потом увидел свою авторучку и поднес к пресс-палье острие пера.

Темнота рассеялась. Холод исчез.

По-видимому, я кое-как выбрался.

— Видите, вам нужна моя опека, — торжествовал дерг какой-нибудь час спустя.

— Как будто да, — подтвердил я скучным голосом.

— Вам еще много чего потребуется, — продолжал дерг. —

Цветы борца, амаранта, чеснок, могильная плесень...

— Но ведь гампер убрался вон.

— Да, но остались грейлеры. И вам нужны средства против липпов, фиггов и мелжрайзера.

Под его диктовку я составил список трав, отваров и прочих снадобий. Я не стал его расспрашивать об этом звене между сверхъестественным и сверхнормальным. Моя любознательность была полностью удовлетворена.

Привидения и лемуры? Или чужесветные твари? Одно другого стоит, сказал он, и я уловил его мысль. Обычно им до нас дела нет. Наши восприятия, да и самое наше существование протекают в разных плоскостях. Пока человек по глупости не привлечет к себе их внимания.

И вот я угодил в эту игру. Одни хотели меня известить, другие защитить, но никто не питал ко мне добрых чувств, включая самого дерга. Я интересовал их как пешка в этой игре, если я правильно понял ее условия.

И в это положение я попал по собственной вине. К моим услугам была мудрость расы, веками накопленная человеком, — неодолимое расовое предубеждение против всякой чертовщины, инстинктивный страх перед нездешним миром. Ибо приключение мое повторялось уже тысячи раз. Нам снова и снова рассказывают, как человек наобум вторгается в неведомое и накликает на себя духов. Он сам напрашивается на их внимание, а ничего опаснее быть не может.

Итак, я был обречен дергу, а дерг — мне. Правда, лишь до вчерашнего дня. Сегодня я уже снова сам по себе.

На несколько дней все как будто успокоилось. С фиггами я справлялся тем простым способом, что держал шкафы на запоре. С липпами приходилось труднее, но жабий глаз более или менее удерживал их в узде. А что до мелжрайзера, то его следует остерегаться только в полнолуние.

— Вам грозит опасность, — сказал мне дерг не далее как позавчера.

— Опять? — отозвался я зевком.
— Нас преследует трэнг.
— Нас?..
— Да, и меня, ибо даже дерги подвержены риску и опасности.

— И этот трэнг действительно опасен?
— Очень!
— Что же мне делать? Завесить дверь змеиной шкурой?
Или начертить на ней пятиугольник?

— Ни то ни другое, — сказал дерг. — Трэнг требует негативных мер, с ним надо воздерживаться от некоторых действий.

На мне висело столько ограничений, что одним больше, одним меньше — ничего уже не значило.

— Что же мне делать?
— Не политурьте, — сказал он.
— Не политурить? — Я наморщил брови. — Как это понимать?
— Ну, вы знаете. Это постоянно делается.
— Должно быть, мне это известно под другим названием.

Объясните.

— Хорошо. Политурить — это значит... — Но тут он осекся.

— Что?..
— Он здесь! Это трэнг!

Я вдавился в стену. Мне показалось, что я вижу легкое кружение пыли в комнате, но, возможно, у меня пошаливали нервы.

— Дерг! — позвал я. — Где вы? Что же мне делать?
И тут я услышал крик и щелканье смыкающихся челюстей.
— Он меня заполучил! — взвизгнул дерг.
— Что же мне делать? — снова завопил я.

А затем противный скрежет что-то перемалывающих зубов. И слабый, задыхающийся голос дерга: «Не политурьте!»
А затем тишина.

И вот я сижу тихо-смирно. В Бирме на той неделе разобьется самолет, но меня это не коснется здесь, в Нью-Йорке. Да и фиггам до меня не добраться, я держу на запоре дверцы моих шкафов.

Вся загвоздка в этом «политурить». Мне нельзя политурить. Ни под каким видом! Если я не буду политурить, все успокоится и эта свора переберется еще куда-нибудь, на другое место. Так должно быть. Надо только переждать.

На беду свою я не знаю, что такое политурить. Это постоянно делается, сказал дерг. Вот я и избегаю по возможности что-либо делать.

Я кое-как послал, и ничего не случилось — значит, это не политурить. Я вышел на улицу, купил провизию, заплатил что следует, приготовил обед и съел. И это тоже не политурить. Написал этот отчет. И это не политура.

Я еще выберусь из этой муты.

Попробую немножко поспать. Я, кажется, схватил простуду. Приходится чихнуть...

ИЗ ЛУКОВИЦЫ В МОРКОВЬ

Вы, конечно, помните того задику, что швырял песком в 97-фунтового хиляка? А ведь, несмотря на притязания Чарльза Атласа, проблема слабого так и не была решена. Настоящий задира любит швырять песком в людей; в этом он черпает глубокое удовлетворение. И что с того, что вы весите 240 фунтов (каменные мускулы и стальные нервы) и мудры, как Соломон, — все равно вам придется выбирать песок оскорблений из глаз и, вероятно, только разводить руками.

Так думал Говард Кордл — милый, приятный человек, которого все всегда оттирали и задевали. Он молча переживал, когда другие становились впереди него в очередь, садились в остановленное им такси и уводили знакомых девушек.

Главное, люди, казалось, сами стремились к подобным поступкам, искали, как бы насолить своему ближнему.

Кордл не понимал, почему так должно быть, и терялся в догадках. Но в один прекрасный летний день, когда он путешествовал по Северной Испании, явился ему бог Тот-Гермес и нашептал слова прозрения:

— Слушай, крошка, клади в варево морковь, а то мясо не протушится.

— Морковь?

— Я говорю о тех типах, которые не дают тебе жить, — объяснил Тот-Гермес. — Они *должны* так поступать, потому что они — морковь, а морковь именно такая и есть.

— Если они — морковь, — произнес Кордл, начиная постигать тайный смысл, — тогда я...

Из луковицы в морковь

© В. Баканов, перевод, 1991

Cordle to Onion to Carrot

Copyright © 1968 by Robert Sheckley

— Ты — маленькая, жемчужно-белая луковичка.

— Да. Боже мой, да! — вскричал Кордл, пораженный слепящим светом истины.

— И, естественно, ты и все остальные жемчужно-белые луковицы считаете морковь весьма неприятным явлением, некоей бесформенной оранжевой луковицей, в то время как морковь принимает вас за уродливую круглую белую морковь. На самом же деле...

— Да, да, продолжай! — в экстазе воскликнул Кордл.

— В действительности же, — объявил Тот-Гермес, — для каждого есть свое место в Похлебке.

— Конечно! Я понимаю, я понимаю, я понимаю!

— Хочешь порадоваться милой невинной белой луковичкой, найди ненавистную оранжевую морковь. Иначе будет не Похлебка, а этакая... э... если так можно выразиться...

— Бульон! — восторженно подсказал Кордл.

— Ты, парень, кумекаешь на пять, — одобрил Тот-Гермес.

— Бульон, — повторил Кордл. — Теперь я ясно вижу: нежный луковый суп — это наше представление о рае, в то время как огненный морковный отвар олицетворяет ад. Все сходится!

— Ом мани падме хум, — благословил Тот-Гермес.

— Но куда идет зеленый горошек? Что с мясом?

— Не хватайся за метафоры, — посоветовал Тот-Гермес. — Давай лучше выпьем. Фирменный напиток!

— Но специи, куда же специи? — не унимался Кордл, сделав изрядный глоток из ржавой походной фляги.

— Крошка, ты задаешь вопросы, ответить на которые можно лишь масону тринадцатой ступени в форме и белых сандалиях. Так что... Помни только, что все идет в Похлебку.

— В Похлебку, — пробормотал Кордл, облизывая губы.

— Эй! — заметил Тот-Гермес. — Мы уже добрались до Коруны. Я здесь сойду.

Кордл остановил свою взятую напрокат машину у обочины дороги. Тот-Гермес подхватил с заднего сиденья рюкзак и вышел:

— Спасибо, что подбросил, приятель.

— Да что там... Спасибо за вино. Кстати, какой оно марки? С ним можно антилопу уговорить купить галстук, Землю превратить из приплюснутого сферида в усеченную пирамиду... О чем это я говорю?

— Ничего, ерунда. Пожалуй, тебе лучше прилечь.

— Когда боги приказывают, смертные повинуются, — нараспив проговорил Кордл и покорно улегся на переднем сиденье. Тот-Гермес склонился над ним; золотом отливала его борода, деревья на заднем плане венцом обрамляли голову.

— Как ты себя чувствуешь?

— Никогда в жизни мне не было так хорошо.

— Ну, тогда привет.

И Тот-Гермес ушел в садящееся солнце. Кордл же с закрытыми глазами погрузился в решение философских проблем, испокон веков ставивших в тупик величайших мыслителей. Он был несколько изумлен, с какой простотой и доступностью открывались ему тайны.

Наконец он заснул и проснулся через шесть часов. Он забыл все решения, все гениальные догадки. Это было непостижимо. Как можно утерять ключи от Вселенной?.. Но непоправимое свершилось, рай потерян навсегда.

Зато Кордл помнил о моркови и луковицах и помнил о Похлебке. Будь в его власти выбирать, какое из гениальных решений запомнить, вряд ли бы он выбрал это. Но увы. И Кордл понял, что в игре внутренних озарений нужно довольствоваться тем, что есть.

На следующий день с массой приключений он добрался до Сантандера и решил написать всем друзьям остроумные письма и, возможно, даже попробовать свои силы в дорожном скетче. Для этого потребовалась пишущая машинка. Портъе в гостинице направил его в контору по прокату машинок. Там сидел клерк, превосходно владеющий английским.

— Вы сдаете по дням? — спросил Кордл.

— Почему же нет? — отозвался клерк. У него были маслянистые черные волосы и тонкий аристократический нос.

— Сколько за эту? — поинтересовался Кордл, указывая на портативную модель «Эрики» тридцатилетней давности.

— Семьдесят песет в день, то есть один доллар. Обычно.

— А разве мой случай не обычный?

— Разумеется, нет. Вы иностранец, и проездом. Вам это будет стоить сто восемьдесят песет в день.

— Ну хорошо, — согласился Кордл, доставая бумажник. — На три дня, пожалуйста.

— Попрошу у вас еще паспорт и пятьдесят долларов в залог.

Кордл попытался обратить все в шутку:

— Да мне бы просто попечатать, я не собираюсь жениться на ней.

Клерк пожал плечами.

— Послушайте, мой паспорт в гостинице у портье. Может, возьмете водительские права?

— Конечно, нет! У меня должен быть паспорт — на случай, если вы вздумаете скрыться.

— Но почему и паспорт, и залог? — недоумевал Кордл, чувствуя определенную неловкость. — Машина-то не стоит и двадцати долларов.

— Вы, очевидно, эксперт, специалист по рыночным ценам в Испании на подержанные немецкие пишущие машинки?

— Нет, однако...

— Тогда позвольте, сэр, вести дело, как я считаю нужным. Кроме того, мне необходимо знать, как вы собираетесь использовать аппарат.

Сложилась одна из тех нелепых заграничных ситуаций, в которую может попасть каждый. Требования клерка были абсурдны, а манера держаться оскорбительна. Кордл уже решил коротко кивнуть, повернуться на каблуках и выйти, но тут вспомнил о моркови и луковицах. Ему явилась Попхлебка, и внезапно в голову пришла мысль, что он может быть любым овощем, каким только пожелает.

Он повернулся к клерку. Он тонко улыбнулся. Он сказал:

— Хотите знать, как я собираюсь использовать машинку?

— Непременно.

— Ладно, — махнул Кордл. — Признаюсь честно, я собрался засунуть ее в нос.

Клерк выпучил глаза.

— Это чрезвычайно удачный метод провоза контрабанды, — продолжал Кордл. — Также я собирался всучить вам краденый паспорт и фальшивые деньги. В Италии я продал бы машинку за десять тысяч долларов.

— Сэр, — промолвил клерк, — вы, кажется, недовольны.

— Слабо сказано, дружище. Я передумал насчет машинки. Но позвольте сделать комплимент по поводу вашего английского.

— Я специально занимался, — гордо заявил клерк.

— Это заметно. Несмотря на слабость в «р-р», вы разговариваете как венецианский гондольер с надтреснутым нёбом. Наилучшие пожелания вашему уважаемому семейству. А теперь я удаляюсь, и вы спокойно можете давить свои прыщи.

Вспоминая эту сцену позже, Кордл пришел к выводу, что для первого раза он неплохо выступил в роли моркови.

Правда, финал несколько наигран, но по существу убедителен.

Важно уже само по себе то, что он сделал это. И теперь, в тиши гостиничного номера, мог заниматься не презрительным самобичеванием, а наслаждаться фактом, что сам поставил кого-то в неудобное положение.

Он сделал это! Он превратился из луковицы в морковь!

Но этична ли его позиция? По-видимому, клерк не мог быть иным, являясь продуктом сочетания генов, жертвой среды и воспитания...

Кордл остановил себя. Он заметил, что занимается типично луковичным самокопанием. А ведь теперь ему известно: должны существовать и луковица, и морковь, ибо иначе не сваришь Похлебки.

И еще он знал, что человек может стать любым овощем по своему выбору: и забавной маленькой зеленой горошиной, и долькой чеснока. Человек волен занять любую позицию между луковичничеством и морковщиной.

Над этим стоит хорошенько поразмысльить, отметил Кордл. Однако продолжил свое путешествие.

Следующий случай произошел в Ницце, в уютном ресторанчике на авеню Диабль Блюс. Там было четверо официантов, один из которых в точности походил на Жана-Поля Бельмондо, вплоть до сигареты, свисавшей с нижней губы. Остальные в точности походили на спившихся жуликов мелкого пошиба. В зале сидели несколько скандинавов, дряблый француз в берете и три девушки-англичанки.

Кордл, объясняющийся по-французски ясно, хотя и несколько лаконично, попросил у Бельмондо десятифранковый обед, меню которого было выставлено в витрине.

Официант окинул его презрительным взглядом.

— На сегодня кончился, — изрек он и вручил Кордлу меню тридцатифранкового обеда.

В своем старом воплощении Кордл покорно принял бы судьбу и стал заказывать. Или бы поднялся, дрожа от возмущения, и покинул ресторан, опрокинув по пути стул.

Но сейчас...

— Очевидно, вы не поняли меня, — произнес Кордл. — Французский закон гласит, что вы обязаны обслуживать согласно всем утвержденным меню, выставленным в витрине.

— Мосье адвокат? — осведомился официант, нагло упирая руки в боки.

— Нет. Мосье устраивает неприятности, — предупредил Кордл.

— Тогда пусть мосье попробует, — процедил офицант. Его глаза превратились в щелки.

— О'кей, — сказал Кордл.

И тут в ресторан вошла престарелая чета. На мужчине был двубортный синий в полоску костюм. На женщине — платье в горошек.

— Простите, вы не англичане? — обратился к ним Кордл.

Несколько удивленный, мужчина слегка наклонил голову.

— Советую вам не принимать здесь пищу. Я — представитель ЮНЕСКО, инспектор по питанию. Шеф-повар явно не мыл рук с незапамятных времен. Мы еще не сделали проверку на тиф, но есть все основания для подозрений. Как только прибудут мои ассистенты с необходимым оборудованием...

В ресторане воцарилась мертвая тишина.

— Пожалуй, вареное яйцо можно было бы съесть, — смилиостивился наконец Кордл.

Престарелый мужчина очевидно не поверил этому.

— Пойдем, Милдред, — позвал он, и чета удалилась.

— Вот уходят шестьдесят франков плюс пять процентов чаевых, — холодно констатировал Кордл.

— Немедленно убирайтесь! — зарычал офицант.

— Мне здесь нравится, — объявил Кордл, скрещивая руки на груди. — Обстановка, интим...

— Сидеть не заказывая не разрешается.

— Я буду заказывать. Из десятифранкового меню.

Офицанты переглянулись, в унисон кивнули и стали приближаться военной фалангой. Кордл возвзвал к остальным обедающим:

— Попрошу всех быть свидетелями! Эти люди собираются напасть на меня вчетвером против одного, нарушая французскую законность и универсальную человеческую этику лишь потому, что я желаю заказать из десятифранкового меню, ложно разрекламированного!

Это была длинная речь, но в данном случае высокопарность не вредила. Кордл повторил ее на английском.

Англичанки разинули рты. Старый француз продолжал есть суп. Скандинавы угрюмо кивнули и начали снимать пиджаки.

Офицанты снова засовещались. Тот, что походил на Бельмондо, сказал:

— Мосье, вы заставляете нас обратиться в полицию.

— Что ж, это избавит меня от беспокойства вызывать ее самому, — многозначительно произнес Кордл.

— Мосье безусловно не желает провести свой отпуск в суде?

— Мосье именно так проводит большинство своих отпусков, — заверил Кордл.

Официанты опять в замешательстве сбились в кучу. Затем Бельмондо подошел с тридцатифранковым меню.

— Обед будет стоить мосье десять франков. Очевидно, это все, что есть у мосье.

Кордл пропустил выпад мимо ушей.

— Принесите мне луковый суп, зеленый салат и мясо по-бургундски.

Пока официант отсутствовал, Кордл умеренно громким голосом напевал «Вальсирующую Матильду». Он подозревал, что это может ускорить обслуживание.

Заказ прибыл, когда он во второй раз добрался до «Ты не застанешь меня в живых». Кордл придинул к себе суп, посерезнел и взял ложку.

Это был напряженный момент. Все посетители оторвались от еды. Кордл наклонился вперед и деликатно втянул носом запах.

— Чего-то здесь не хватает, — громко объявил он.

Нахмутившись, Кордл вылил луковый суп в мясо по-бургундски, принюхался, покачал головой и накрошил в месиво пол-ломтика хлеба. Снова принюхался, добавил салата и обильно посолил.

— Нет, — сказал он, поджав губы. — Не пойдет.

И вывернул содержимое тарелки на стол. Акт, сравнимый разве что с осквернением Моны Лизы. Все застыли.

Неторопливо, но не давая ошеломленным официантам время опомниться, Кордл встал и бросил в эту кашу десять франков. У двери он обернулся.

— Мои комплименты повару, место которому не здесь, а у бетономешалки. А это, друзья, для вас.

И швырнул на пол свой мятый носовой платок.

Как матадор после серии блестящих пассов поворачивает тыл к разъяренному быку, так выходил Кордл. По каким-то неведомым причинам официанты не ринулись вслед за ним и не вздернули его на ближайшем фонаре. Кордл прошел десять или пятнадцать кварталов, наугад сворачивая направо и налево. Он дошел до Променад Английс и сел на скамейку. Его рубашка была влажной от пота.

— Но я сделал это! — воскликнул он. — Я вел себя невыносимо гадко и вышел сухим из воды!

Теперь он воистину понял, почему морковь поступает таким образом. Боже всемогущий на небесах, что за радость, что за блаженство!

После этого Кордл вернулся к своей обычной мягкой манере поведения и оставался таким до второго дня пребывания в Риме. Он и семья других водителей выстроились в ряд перед светофором на Корсо Витторио-Эммануила. Сзади стояло еще двадцать машин. Водители не выключали моторы, склоняясь над рулем и мечтая о Ла-Манше. Все, кроме Кордла, упивающегося дивной архитектурой Рима.

Свет переменился. Водители вдавили акселераторы, как будто сами хотели помочь раскрутиться колесам маломощных «фиатов», снашивая сцепления и нервы. Все, кроме Кордла, который казался единственным в Риме человеком, не стремившимся выиграть гонки или успеть на свидание. Без спешки, но и без промедления, он завел двигатель и выжал сцепление, потеряв две секунды.

Водитель сзади отчаянно засигналил.

Кордл улыбнулся — тайной, нехорошой улыбкой. Он поставил машину на ручной тормоз и вылез.

— Да? — сказал Кордл по-французски, ленивым шагом добредя до побелевшего от ярости водителя. — Что-нибудь случилось?

— Нет-нет, ничего, — ответил тот по-французски — его первая ошибка. — Я просто хотел, чтобы вы ехали, ну двигались!

— Но я как раз собирался это сделать, — резонно указал Кордл.

— Хорошо! Все в порядке!

— Нет, не все, — мрачно сообщил Кордл. — Мне кажется, я заслуживаю лучшего объяснения, почему вы мне засигналили.

Нервный водитель — миланский бизнесмен, направлявшийся на отдых с женой и четырьмя детьми, опрометчиво ответил:

— Дорогой сэр, вы слишком медлили, вы задерживали нас всех.

— Задерживал? — переспросил Кордл. — Вы дали гудок через две секунды после перемены света. Это называется промедлением?

— Прошло гораздо больше двух секунд, — пытался спорить миланец.

Движение тем временем застопорилось уже до Неаполя. Собралась десятитысячная толпа. В Витербо и Генуе соединения карабинеров были приведены в состояние боевой готовности.

— Это неправда, — опроверг Кордл. — У меня есть свидетели. — Он махнул в сторону толпы, которая восторженно взревела. — Я приглашу их в суд. Вам должно быть известно, что вы нарушили закон, засигналив в пределах города при явно не экстренных обстоятельствах.

Миланский бизнесмен посмотрел на толпу, уже раздувшуюся до пятидесяти тысяч. «Боже милосердный, — думал он, — пошли потоп и поглоти этого сумасшедшего француза!»

Над головами просвистели реактивные чудовища Шестого флота, надеющегося предотвратить ожидаемый переворот.

Собственная жена миланского бизнесмена оскорбительно кричала на него: сегодня он разобьет ее слабое сердце и отправит по почте ее матери, чтобы доконать и ту.

Что было делать? В Милане этот француз давно бы уже сложил голову. Но Рим — южный город, непредсказуемое и опасное место.

— Хорошо, — сдался водитель. — Подача сигнала была, возможно, излишней.

— Я настаиваю на полном извинении, — потребовал Кордл.

В Форджи, Бриндизи, Бари отключили водоснабжение. Швейцария закрыла границу и приготовилась к взрыву железнодорожных туннелей.

— Извините! — закричал миланский бизнесмен. — Я сожалею, что спровоцировал вас, и еще больше сожалею, что вообще родился на свет! А теперь, может быть, вы уйдете и дадите мне умереть спокойно?!

— Я принимаю ваше извинение, — сказал Кордл. — Надеюсь, вы на меня не в обиде?

Он побрел к своей машине, тихонько напевая, и уехал.

Мир, висевший на волоске, был спасен.

Кордл доехал до арки Тита, остановил автомобиль и под звуки тысяч труб прошел под ней. Он заслужил свой триумф в не меньшей степени, чем сам Цезарь.

Боже, упивался он, я был отвратителен!

В лондонском Тауэре, в Воротах Предателя, Кордл наступил на ногу молодой девушке. Это послужило началом

знакомства. Девушку звали Мэвис. Уроженка Шорт-Хилз (штат Нью-Джерси), с великолепными длинными темными волосами, она была стройной, милой, умной, энергичной и обладала чувством юмора. Ее маленькие недостатки не играют никакой роли в нашей истории. Кордл угостил ее чашечкой кофе. Остаток недели они провели вместе.

Кажется, она вскружила мне голову, сказал себе Кордл на седьмой день. И тут же понял, что выразился неточно. Он был страстно и безнадежно влюблен.

Но что чувствовала Мэвис? Недовольства его обществом она не обнаруживала.

В тот день Кордл и Мэвис отправились в резиденцию маршала Гордона на выставку византийской миниатюры. Увлечение Мэвис византийской миниатюрой казалось тогда вполне невинным. Коллекция была частной, но Мэвис с большим трудом раздобыла приглашения.

Они подошли к дому и позвонили. Дверь открыл дворецкий в парадной вечерней форме. Они предъявили приглашения. Взгляд дворецкого и его приподнятая бровь недвусмысленно показали, что их приглашения относятся к разряду второсортных, предназначенных для простых смертных, а не к гравированным атласным шедеврам, преподносимым таким людям, как Пабло Пикассо, Джекки Онassis, Норман Мейлер, и другим движителям и сотрясателям мира.

Дворецкий проговорил:

— Ах да...

Его лицо сморщилось, как у человека, к которому неожиданно зашел Тамерлан с полком Золотой Орды.

— Миниатюры, — напомнил ему Кордл.

— Да, конечно... Но боюсь, сэр, что сюда не допускают без вечернего платья и галстука.

Стоял душный августовский день, и на Кордле была спортивная рубашка.

— Я не ослышался? Вечернее платье и галстук?

— Таковы правила.

— Неужели один раз нельзя сделать исключение? — попросила Мэвис.

Дворецкий покачал головой:

— Мы должны придерживаться правил, мисс. Иначе...

Он оставил фразу неоконченной, но его презрение к вульгарному сословию медной плитой зависло в воздухе.

— Безусловно, — приятно улыбаясь, заговорил Кордл. — Итак, вечернее платье и галстук? Пожалуй, мы это устроим.

Мэвис положила руку на его плечо:

— Пойдем, Говард. Побываем здесь как-нибудь в другой раз.

— Чепуха, дорогая. Если бы ты одолжила мне свой плащ...

Он снял с Мэвис белый дождевик и напялил на себя, разрывая его по шву.

— Ну, приятель, мы пошли, — добродушно сказал он дворецкому.

— Боюсь, что нет, — произнес тот голосом, от которого завяли бы артишоки. — В любом случае остается еще галстук.

Кордл ждал этого. Он извлек свой потный полотняный носовой платок и завязал вокруг шеи.

— Вы довольны? — ухмыльнулся он.

— *Говард! Идем!*

— Мне кажется, сэр, что это не...

— Что «не»?

— Это не совсем то, что подразумевается под вечерним платьем и галстуком.

— Вы хотите сказать мне, — начал Кордл пронзительно неприятным голосом, — что вы такой же специалист по мужской одежде, как и по открыванию дверей?

— Конечно, нет! Но этот импровизированный наряд...

— При чем тут «импровизированный»? Вы считаете, что к вашему осмотру надо готовиться три дня?

— Вы надели женский плащ и грязный носовой платок, — упрямился дворецкий. — Мне кажется, больше не о чем разговаривать.

Он собирался закрыть дверь, но Кордл быстро произнес:

— Только сделай это, милашка, и я привлеку тебя за клевету и поношание личности. Это серьезные обвинения, у меня есть свидетели.

Кордл уже собрал маленькую, но заинтересованную толпу.

— Это становится нелепым, — молвил дворецкий, пытаясь выиграть время. — Я вызову...

— Говард! — закричала Мэвис.

Он стряхнул ее руку и яростным взглядом заставил дворецкого замолчать.

— Я мексиканец, хотя, возможно, мое прекрасное знание английского обмануло вас. У меня на родине мужчина скорее перережет себе горло, чем оставит такое оскорбление неотомщенным. Вы сказали, женский плащ? *Hombre*, когда я надеваю его, он становится *мужским*. Или вы намекаете, что я — как это у вас там... — *гомосексуалист*??!

Толпа, ставшая менее скромной, одобрительно зашумела. Дворецкого не любит никто, кроме хозяина.

— Я не имел в виду ничего подобного, — слабо запротестовал дворецкий.

— В таком случае это мужской плащ?

— Как вам будет угодно, сэр.

— Неудовлетворительно. Значит, вы не отказываетесь от вашей грязной инсинуации? Я иду за полицейским.

— Погодите! Зачем так спешить?! — возопил дворецкий. — Он побелел, его руки дрожали. — Ваш плащ — мужской плащ, сэр.

— А как насчет моего галстука?

Дворецкий громко засопел, издал гортанный звук и сделал последнюю попытку остановить кровожадных пеонов.

— Но, сэр, галстук явно...

— То, что я ношу вокруг шеи, — холодно отчеканил Кордл, — становится тем, что имелось в виду. А если бы я обвязал вокруг горла кусок цветного шелка, вы что, назвали бы его бюстгалтером? Полотно — подходящий материал для галстука. Функция определяет терминологию, не так ли? Если я приеду на работу на корове, никто не скажет, что я оседлал бифштекс. Или вы находите логическую неувязку в моих аргументах?

— Боюсь, что я не совсем понимаю...

— Так как же вы осмеливаетесь судить?

Толпа восторженно взревела.

— Сэр! — воскликнул поверженный дворецкий. — Молю вас...

— Итак, — с удовлетворением констатировал Кордл, — у меня есть верхнее платье, галстук и приглашение. Может, вы согласитесь быть нашим гидом и покажете византийские миниатюры?

Дворецкий распахнул дверь перед Панчо Вилья и его татуированными ордами. Последний бастион цивилизации пал менее чем за час. Волки завыли на берегах Темзы, босоногая армия Морелоса ворвалась в Британский музей, и на Европу опустилась ночь.

Кордл и Мэвис обозревали коллекцию в молчании. Они не перекинулись и словом, пока не остались наедине в Риджентс-парке.

— Послушай, Мэвис... — начал Кордл.

— Нет, это ты послушай! — перебила она. — Ты был ужасен! Ты был невыносим! Ты был... Я не могу найти достаточно грязного слова для тебя! Мне никогда не приходило в голову, что ты из тех садистов, что получают удовольствие от унижения людей!

— Но, Мэвис, ты слышала, как он обращался со мной, его тон...

— Он глупый, выживший из ума стариашка, — сказала Мэвис. — Таким я тебя не считала.

— Он заявил...

— Не имеет значения. Главное — ты наслаждался собой!

— Ну хорошо, пожалуй, ты права, — согласился Кордл. — Но я объясню.

— Не мне. Все. Пожалуйста, уходи, Говард. Навсегда.

Будущая мать его двоих детей стала уходить из его жизни. Кордл поспешил за ней.

— Мэвис!

— Я позову полицейского, Говард, честное слово, позову!

— Мэвис, я люблю тебя!

Она, вероятно, слышала его, но продолжала идти. Эта была милая девушка и определенно, неизменяемо — луковица.

Кордл так и не сумел рассказать Мэвис о Похлебке и о необходимости испытать поведение, прежде чем осуждать его. Он лишь заставил ее поверить, что то был какой-то шок, случай, совершенно немыслимый, и... рядом с ней... такое никогда не повторится.

Сейчас они женаты, растят девочку и мальчика, живут в собственном доме в Нью-Джерси и вполне счастливы. Кордла оттирают и задевают чиновники, официанты и прислуга.

Но...

Кордл регулярно отдыхает в одиночку. В прошлом году он сделал себе имя в Гонолулу. В этом — он едет в Буэнос-Айрес.

ПРЕДЕЛ ЖЕЛАНИЙ

В Нью-Йорке дверной звонок раздается как раз в тот момент, когда вы удобно устроились на диване, решив насладиться давно заслуженным отдыхом. Настоящая сильная личность, человек мужественный и уверенный в себе, скажет: «Ну их всех к черту, мой дом — моя крепость, а телеграмму можно подсунуть под дверь». Но если вы похожи характером на Эдельштейна, то подумаете, что, видно, блондинка из корпуса 12С пришла одолжить баночку селитры. Или вдруг нагрянул какой-то сумасшедший кинорежиссер, желающий поставить фильм по письмам, которые вы шлете матери в Санта-Монику. (А почему бы и нет? Ведь делают фильмы на куда худших материалах?!)

Однако на этот раз Эдельштейн твердо решил не реагировать на звонок. Лежа на диване с закрытыми глазами, он громко сказал:

— Я никого не жду.

— Да, знаю, — отозвался голос по ту сторону двери.

— Мне не нужны энциклопедии, щетки и поваренные книги, — сухо сообщил Эдельштейн. — Что бы вы мне ни предложили, у меня это уже есть.

— Послушайте, — ответил голос. — Я ничего не продаю. Я хочу вам кое-что дать.

Эдельштейн улыбнулся тонкой печальной улыбкой жителя Нью-Йорка, которому известно: если вам преподносят в дар пакет, не помеченный «Двадцать долларов», то надеются получить деньги каким-то другим способом.

Предел желаний

© В. Баканов, перевод, 1991

The Same to You Doubled

Copyright © 1971 by Robert Sheckley

— Принимать что-либо бесплатно, — сказал Эдельштейн, — я тем более не могу себе позволить.

— Но это *действительно* бесплатно, — подчеркнул голос за дверью. — Это ровно ничего не будет вам стоить ни сейчас, ни после.

— Не интересует! — заявил Эдельштейн, восхищаясь твердостью своего характера.

Голос не отозвался.

Эдельштейн произнес:

— Если вы еще здесь, то, пожалуйста, уходите.

— Дорогой мистер Эдельштейн, — мягко проговорили за дверью, — цинизм — лишь форма наивности. Мудрость есть проницательность.

— Он меня еще учит, — обратился Эдельштейн к стене.

— Ну хорошо, забудьте все, оставайтесь при своем цинизме и национальных предрассудках, зачем мне это, в конце концов?

— Минуточку, — всполошился Эдельштейн. — Какие предрассудки? Насколько я понимаю, вы — просто голос с другой стороны двери. Вы можете оказаться католиком, или адвентистом седьмого дня, или даже евреем.

— Не имеет значения. Мне часто приходится сталкиваться с подобным. До свидания, мистер Эдельштейн.

— Подождите, — буркнул Эдельштейн.

Он ругал себя последними словами. Как часто он попадал в ловушки, оканчивающиеся, например, покупкой за десять долларов иллюстрированного двухтомника «Сексуальная история человечества», который, как заметил его друг Манович, можно приобрести в любой лавке за два доллара девяносто восемь центов!

Но голос уйдет, думая: «Эти евреи считают себя лучше других!..» Затем поделится своими впечатлениями с друзьями при очередной встрече «Лосей» или «Рыцарей Колумба», и на черной совести евреев появится новое пятно.

— У меня слабый характер, — печально прошептал Эдельштейн. А вслух сказал: — Ну хорошо, входите! Но предупреждаю с самого начала: ничего покупать не собираюсь.

Он заставил себя подняться, но замер, потому что голос ответил: «Благодарю вас», и вслед за этим возник мужчина, прошедший через закрытую, запертую на два замка дверь.

— Пожалуйста, секундочку, задержитесь на одну секундочку, — взмолился Эдельштейн. Он обратил внимание, что слишком сильно сжал руки и что сердце его бьется необычайно быстро.

Посетитель застыл на месте, а Эдельштейн вновь начал думать.

— Простите, у меня только что была галлюцинация.

— Желаете, чтобы я еще раз вам это продемонстрировал? — осведомился гость.

— О Боже, конечно, нет! Итак, вы прошли сквозь дверь! О Боже, Боже, кажется, я попал в переплет!

Эдельштейн тяжело опустился на диван. Гость сел на стул.

— Что происходит? — прошептал Эдельштейн.

— Я пользуюсь подобным приемом, чтобы сэкономить время, — объяснил гость. — Кроме того, это обычно убеждает недоверчивых. Мое имя Чарльз Ситвел. Я полевой агент Дьявола... Не волнуйтесь, мне не нужна ваша душа.

— Как я могу вам поверить? — спросил Эдельштейн.

— На слово, — ответил Ситвел. — Последние пятьдесят лет идет небывалый приток американцев, нигерийцев, арабов и израильтян. Также мы впустили больше, чем обычно, китайцев, а совсем недавно начали крупные операции на южноамериканском рынке. Честно говоря, мистер Эдельштейн, мы перегружены душами. Боюсь, что в ближайшее время придется объявить амнистию по мелким грехам.

— Так вы явились не за мной?

— О Дьявол, нет! Я же вам говорю: все круги ада переполнены!

— Тогда зачем вы здесь?

Ситвел порывисто подался вперед.

— Мистер Эдельштейн, вы должны понять, что ад в некотором роде похож на «Юнайтед стейтс стил». У нас гигантский размах, и мы более или менее монополия. И, как всякая действительно большая корпорация, мы печемся об общественном благе и хотим, чтобы о нас хорошо думали.

— Разумно, — заметил Эдельштейн.

— Однако нам заказано устраивать, подобно Форду, фирменные школы и мастерские — неправильно поймут. По той же причине мы не можем возводить города будущего или бороться с загрязнением окружающей среды. Мы даже не можем помочь какой-нибудь захолустной стране без того, чтобы кто-то не поинтересовался нашими мотивами.

— Я понимаю ваши трудности, — признал Эдельштейн.

— И все же мы хотим что-то сделать. Поэтому время от времени, но особенно сейчас, когда дела идут так хорошо, мы раздаем небольшие премии избранному числу потенциальных клиентов.

— Клиент? Я?

— Никто не назовет вас грешником, — успокоил Ситвел. — Я сказал «потенциальных» — это означает всех.

— А... что за премии?

— Три желания, — произнес Ситвел живо. — Это традиционная форма.

— Давайте разберемся, все ли я понимаю, — попросил Эдельштейн. — Вы исполните три моих любых желания? Без вознаграждения? Без всяких «если» и «но»?

— Одно «но» будет, — предупредил Ситвел.

— Я так и знал, — вздохнул Эдельштейн.

— Довольно простое условие. Что бы вы ни пожелали, ваш злейший враг получит вдвое.

Эдельштейн задумался.

— То есть, если я попрошу миллион долларов...

— Ваш враг получит два миллиона.

— А если я попрошу пневмонию?

— Ваш злейший враг получит двустороннюю пневмонию. Эдельштейн поджал губы и покачал головой:

— Не подумайте только, что я советую вам, как вести дела, но не искушаете ли вы этим пунктом добрую волю клиента?

— Риск, мистер Эдельштейн, но он совершенно необходиим по двум причинам, — ответил Ситвел. — Видите ли, это условие играет роль обратной связи, поддерживающей гомеостаз.

— Простите, я не совсем...

— Попробуем по-другому. Данное условие уменьшает силу трех желаний, тем самым держа происходящее в разумных пределах. Ведь желание — чрезвычайно мощное орудие.

— Представляю, — кивнул Эдельштейн. — А вторая причина?

— Вы бы уже могли догадаться, — сказал Ситвел, обнажая безупречно белые зубы в некоем подобии улыбки. — Подобные пункты являются нашим, если так можно выразиться, фирменным знаком. Клеймом, удостоверяющим настоящий адский продукт.

— Понимаю, понимаю, — произнес Эдельштейн. — Но мне потребуется некоторое время на размышление.

— Предложение действительно в течение тридцати дней, — сообщил Ситвел, вставая. — Вам стоит лишь ясно и громко произнести свое желание. Об остальном позабочусь я.

Ситвел подошел к двери, но Эдельштейн остановил его:

— Я бы хотел только обсудить один вопрос.

— Какой?

— Так случилось, что у меня нет злайшего врага. У меня вообще нет врагов.

Ситвел расхохотался и лиловым платком вытер слезы.

— Эдельштейн! — проговорил он. — Вы восхитительны! Ни одного врага!.. А ваш кузен Сеймур, которому вы отказались одолжить пятьсот долларов, чтобы начать бизнес по сухой чистке? Или, может быть, он ваш друг?

— Я не подумал о Сеймуре, — признался Эдельштейн.

— А миссис Абрамович, которая плюется при упоминании вашего имени, потому что вы не женились на ее Марьери? А Том Кэсси迪, обладатель полного собрания речей Геббелльса? Он каждую ночь мечтает перебить всех евреев, начиная с вас... Эй, что с вами?

Эдельштейн, сидевший на диване, внезапно побелел и вновь сжал руки.

— Мне и в голову не приходило... — пробормотал он.

— Никому не приходит, — успокоил Ситвел. — Не огорчайтесь и не принимайте близко к сердцу. Шесть или семь врагов — пустяки. Могу вас заверить, что это ниже среднего уровня.

— Имена остальных! — потребовал Эдельштейн, тяжело дыша.

— Я не хочу говорить вам. Зачем лишние волнения?

— Но я должен знать, кто мой злайший враг! Это Кэсси迪? Может, купить ружье?

Ситвел покачал головой:

— Кэсси迪 — безвредный полуумный лунатик. Он не тронет вас и пальцем, поверьте мне. Ваш злайший враг — человек по имени Эдуард Самуэль Манович.

— Вы уверены? — спросил потрясенный Эдельштейн.

— Абсолютно.

— Но Манович мой лучший друг!

— А также ваш злайший враг, — произнес Ситвел. — Иногда так бывает. До свидания, мистер Эдельштейн, и удачи вам со всеми тремя желаниями.

— Подождите! — закричал Эдельштейн. Он хотел задать миллион вопросов, но находился в таком замешательстве, что сумел лишь спросить: — Как случилось, что ад переполнен?

— Потому что безгрешны лишь небеса.

Ситвел махнул рукой, повернулся и вышел через закрытую дверь.

Эдельштейн не мог прийти в себя несколько минут. Он думал об Эдди Мановиче. Злойший враг!.. Смешно, в аду явно ошиблись. Он знал Мановича почти двадцать лет, каждый день встречался с ним, играл в шахматы. Они вместе гуляли, вместе ходили в кино, по крайней мере раз в неделю вместе обедали.

Правда, Манович иногда разевал свой большой рот и переходил границы благовоспитанности.

Иногда Манович бывал груб.

Честно говоря, Манович часто вел себя просто оскорбительно.

— Но мы друзья, — обратился к себе Эдельштейн. — Мы друзья, не так ли?

Он знал, что есть простой способ проверить это — пожелать себе миллион долларов. Тогда у Мановича будет два миллиона долларов. Ну и что? Будет ли его, богатого человека, волновать, что его лучший друг еще богаче?

Да! И еще как! Ему всю жизнь не будет покоя из-за того, что Манович разбогател на его, Эдельштейна, желания.

«Боже мой! — думал Эдельштейн. — Час назад я был бедным, но счастливым человеком. Теперь у меня есть три желания и враг».

Он обхватил голову руками. Надо хорошенько поразмыслить.

На следующий день Эдельштейн договорился на работе об отпуске и день и ночь сидел над блокнотом. Сперва он не мог думать ни о чем, кроме замков. Замки гармонировали с желаниями. Но если приглядеться, это не так просто. Имея замок средней величины с каменными стенами в десять футов толщиной, землями и всем прочим, необходимо заботиться о его содержании. Надо думать об отоплении, плате прислуге и так далее.

Все сводилось к деньгам.

«Я могу содержать приличный замок на две тысячи в неделю, — прикидывал Эдельштейн, быстро записывая в блокнот цифры. — Но это значит, что Манович будет содержать два замка по четыре тысячи долларов в неделю!»

Наконец Эдельштейн перерос замки; мысли его стали занимать путешествия. Может, попросить кругосветное? Но что-то не хочется. А может, провести лето в Европе? Хотя бы двухнедельный отдых в Фонтенбло или в Майами-Бич,

чтобы успокоить нервы? Но тогда Манович отдохнет вдвое краше!

Уж лучше остаться бедным и лишить Мановича возможных благ.

Лучше, но не совсем.

Эдельштейн все больше отчаялся и злился. Он говорил себе: «Я идиот, откуда я знаю, что все это правда? Хорошо, Ситвел смог пройти сквозь двери; но разве он волшебник? Может, это химера».

Он сам удивился, когда встал и уверенно произнес:

— Я желаю двадцать тысяч долларов! Немедленно!

Он почувствовал легкий толчок. А вытащив бумажник, обнаружил в нем чек на двадцать тысяч долларов.

Эдельштейн пошел в банк и протянул чек, дрожа от страха, что сейчас его схватят полиция. Но его просто спросили, желает ли он получить наличными или положить на свой счет.

При выходе из банка он столкнулся с Мановичем, чье лицо выражало одновременно испуг, замешательство и восторг.

Эдельштейн в расстроенных чувствах пришел домой и остаток дня мучился болью в животе.

Идиот! Он попросил лишь жалких двадцать тысяч! А ведь Манович получил сорок!

Человек может умереть от раздражения.

Эдельштейн впадал то в апатию, то в гнев. Боль в животе не утихала — похоже на язву. Все так несправедливо! Он загоняет себя в могилу, беспокоясь о Мановиче!

Но зато он понял, что Манович действительно его враг. Мысль, что он собственными руками обогащает своего врача, буквально убивала его.

Он сказал себе: «Эдельштейн! Так больше нельзя. Надо позаботиться об удовлетворении».

Но как?

И тут *это* пришло к нему. Эдельштейн остановился. Его глаза безумно забегали, и, схватив блокнот, он погрузился в вычисления. Закончив, он почувствовал себя лучше, кровь прилила к лицу — впервые после визита Ситвела он был счастлив!

— Я желаю шестьсот фунтов рубленой цыплячей печеньки!

Несколько порций рубленой цыплячей печеньки Эдельштейн съел, пару фунтов положил в холодильник, а остальное

продал по половинной цене, заработав на этом семьсот долларов. Оставшиеся незамеченными семьдесят пять фунтов прибрал дворник. Эдельштейн от души смеялся, представляя Мановича, по шею заваленного печенкой.

Радость его была недолгой. Он узнал, что Манович оставил десять фунтов для себя (у этого человека всегда был хороший аппетит), пять фунтов подарил неприметной маленькой вдовушке, на которую хотел произвести впечатление, и продал остальное за две тысячи долларов.

«Я слабоумный, дебил, кретин, — думал Эдельштейн. — Из-за минутного удовлетворения потратить желание, которое стоит по крайней мере миллион долларов! И что я с этого имею? Два фунта рубленой цыплячей печенки, пару сотен долларов и вечную дружбу с дворником!»

Оставалось одно желание.

Теперь было необходимо воспользоваться им с умом. Надо попросить то, что ему, Эдельштейну, хочется отчаянно — и вовсе не хочется Мановичу.

Прошло четыре недели. Однажды Эдельштейн осознал, что срок подходит к концу. Он истощил свой мозг и для того лишь, чтобы убедиться в самых худших подозрениях: Манович любил все, что любил он сам. Манович любил замки, женщин, деньги, автомобили, отдых, вино, музыку...

Эдельштейн молился:

— Господи Боже мой, управляющий адом и небесами, у меня было три желания, и я использовал два самым жалким образом. Боже, я не хочу быть неблагодарным, но спрашиваю тебя, если человеку обеспечивают выполнение трех желаний, может ли он сделать что-нибудь хорошее для себя, не пополняя при этом карманов Мановича, злайшего врага, который запросто всего получает вдвое?

Настал последний час. Эдельштейн был спокоен как человек, готовый принять судьбу. Он понял, что ненависть к Мановичу была пустой, недостойной его. С новой и приятной безмятежностью он сказал себе: «Сейчас я попрошу то, что нужно лично мне, Эдельштейну».

Эдельштейн встал и выпрямился.

— Это мое последнее желание. Я слишком долго был холостяком. Мне нужна женщина, на которой я могу жениться. Она должна быть среднего роста, хорошо сложена, конечно, и с натуральными светлыми волосами. Интеллигентная, практичная, влюбленная в меня, еврейка, разумеется, но тем не менее сексуальная и с чувством юмора...

Мозг Эдельштейна внезапно заработал на бешеной скорости.

— А особенно, — добавил он, — она должна быть... не знаю, как бы это повежливее выразить... она должна быть пределом, максимумом, который только я хочу и с которым могу справиться, я говорю исключительно в плане интимных отношений. Вы понимаете, что я имею в виду, Ситвел? Деликатность не позволяет мне объяснить вам более подробно, но если дело требует того...

Раздалось легкое, однако какое-то *сексуальное* постукивание в дверь. Эдельштейн, смеясь, пошел открывать.

«Двадцать тысяч долларов, два фунта печеньки и теперь это! Манович, — подумал он, — ты попался! Удвоенный предел желаний мужчины... Нет, такого я не пожелал бы и злайшему врагу — но я пожелал!»

ПОПРОБУЙ ДОКАЖИ

Руки уже очень устали, но он снова поднял молоток и зубило. Осталось совсем немного — высечь последние две-три буквы в твердом граните. Наконец он поставил последнюю точку и выпрямился, небрежно уронив инструменты на пол пещеры. Вытерев пот с грязного, заросшего щетиной лица, он с гордостью прочел:

Я ВОССТАЛ ИЗ ПЛАНЕТНОЙ ГРЯЗИ. НАГОЙ И БЕЗ-ЗАЩИТНЫЙ, Я СТАЛ ИЗГОТОВЛЯТЬ ОРУДИЯ ТРУДА. Я СТРОИЛ И РАЗРУШАЛ, ТВОРИЛ И УНИЧТОЖАЛ. Я СО-ЗДАЛ НЕЧТО СИЛЬНЕЕ СЕБЯ, И ОНО МЕНЯ УНИЧТО-ЖИЛО.

МОЕ ИМЯ ЧЕЛОВЕК, И ЭТО МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ТВО-РЕНИЕ.

Он улыбнулся. Получилось совсем неплохо. Возможно, не совсем грамотно, зато удачный некролог человечеству, написанный последним человеком. Он взглянул на инструменты. Все, решил он, больше они не нужны. Он тут же растворил их и, проголодавшись после долгой работы, присел на корточки в уголке пещеры и сотворил обед. Уставившись на еду, он никак не мог понять, чего же не хватает, и затем с виноватой улыбкой сотворил стол, стул, приборы и тарелки. Опять забыл, раздраженно подумал он.

Хотя спешить было некуда, он ел торопливо, отметив про себя странный факт: когда он не задумывал что-то особенное, всегда сотворял гамбургер, картофельное пюре, бобы,

Попробуй докажи

© Издательство «Полярис», перевод, 1994

Proof of the Pudding

Copyright © 1968 by Robert Sheckley

хлеб и мороженое. Привычка, решил он. Пообедав, он растворил остатки пищи вместе с тарелками, приборами и столом. Стул он оставил и, усевшись на него, задумчиво уставился на надпись. «Хороша-то она хороша, — подумал он, — да только кроме меня ее читать некому».

У него не возникало и тени сомнения в том, что он последний живой человек на Земле. Война оказалась тщательной — на такую тщательность способен только человек, до предела дотошное животное. Нейтралов в ней не было, и отсидеться в сторонке тоже не удалось никому. Пришлось выбирать — или ты с нами, или против нас. Бактерии, газы и радиация укрыли Землю гигантским саваном. В первые дни войны одно несокрушимое секретное оружие с почти монотонной регулярностью одерживало верх над другим, столь же секретным. И еще долго после того как последний палец нажал последнюю кнопку, автоматически запускающиеся и самонаводящиеся бомбы и ракеты продолжали сыпаться на несчастную планету, превратив ее от полюса до полюса в гигантскую, абсолютно мертвую свалку.

Почти все это он видел собственными глазами и приземлился, лишь окончательно убедившись, что последняя бомба уже упала.

Тоже мне, умник, с горечью подумал он, разглядывая из пещеры покрытую застывшей лавой равнину, на которой стоял его корабль, и иззубренные вершины гор вдалеке.

И к тому же предатель. Впрочем, кого это сейчас волнует?

Он был капитаном сил обороны Западного полушария. После двух дней войны он понял, каким будет конец, и взлетел, набив свой крейсер консервами, баллонами с воздухом и водой. Он знал, что в этой суматохе всеобщего уничтожения его никто не хватится, а через несколько дней уже и вспоминать будет некому. Посадив корабль на темной стороне Луны, он стал ждать. Война оказалась двенадцатидневной — он предполагал две недели, — но пришлось ждать почти полгода, прежде чем упала последняя автоматическая ракета. Тогда он и вернулся.

Чтобы обнаружить, что уцелел он один...

Когда-то он надеялся, что кто-нибудь еще осознает всю бессмысленность происходящего, загрузит корабль и тоже спрячется на обратной стороне Луны. Очевидно, если кто-то и

хотел так поступить, то уже не успел. Он надеялся обнаружить рассеянные кучки уцелевших, но ему не повезло и здесь. Война оказалась слишком тщательной.

Посадка на Землю должна была его убить, ведь здесь сам воздух был отравлен. Ему было все равно — но он продолжал жить. Всевозможные болезни и радиация также словно и не существовали — наверное, это тоже было частью его новой способности. И того и другого он нахватался с избытком, перелетая над выжженными дотла равнинами и долинами опаленных атомным пламенем гор от руин одного города к развалинам другого. Жизни он не нашел, зато обнаружил нечто другое.

На третий день он открыл, что может творить. Оплавленные камни и металл нагнали на него такую тоску, что он страстно пожелал увидеть хотя бы одно зеленое дерево. И оно возникло. Испытывая на все лады свое новое умение, он понял, что способен сотворить любой предмет, лишь бы он раньше его видел или хотя бы знал о нем понаслышке.

Хорошо знакомые предметы получались лучше всего. То, о чем он узнал из книг или разговоров — к примеру, дворцы, — выходили кособокими и недоделанными, но, постаравшись, он мысленными усилиями обычно подправлял неудачные детали. Все его творения были объемными, а еда не только имела прежний вкус, но даже насыщала. Сотворив нечто, он мог полностью про это забыть, отправиться спать, а наутро увидеть вчерашнее творение неизменным. Он умел и уничтожать — достаточно было сосредоточиться. Впрочем, на уничтожение крупных предметов и времени уходило больше.

Он мог уничтожать и предметы, которые сам не делал — те же горы и долины, — но с еще большими усилиями. Выходило так, что с материей легче обращаться, если хотя бы раз из нее что-то вылепить. Он даже смог сотворять птиц и мелких животных — вернее, нечто похожее на птиц и животных.

Но людей он не пытался создавать никогда.

Он был не ученым, а просто пилотом космического корабля. Его познания в атомной теории были смутными, а о генетике он и вовсе не имел представления и мог лишь предполагать, что то ли в плазме клеток его тела или мозга, то ли в материи планеты произошли некие изменения. Почему и каким образом? Да не все ли равно? Факт есть факт, и он воспринял его таким, каков он есть.

Он снова пристально вгляделся в надпись. Какая-то мысль не давала ему покоя.

Разумеется, он мог эту надпись попросту сотворить, но не знал, сохранятся ли созданные им предметы после его смерти. На вид они казались достаточно стабильными, но кто их знает — вдруг они перестанут существовать и исчезнут вместе с ним. Поэтому он пошел на компромисс — сотворил инструменты, но высекал буквы на гранитной стене, которую сам не делал. Надпись ради лучшей сохранности он сделал на внутренней стене пещеры, проведя долгие часы за напряженной работой и здесь же перекусывая и отсыпаясь.

Из пещеры был виден корабль, одиноким столбиком торчащий на плоской равнине, покрытой опаленным грунтом. Он не торопился в него возвращаться. На шестой день, глубоко и навечно выбив буквы в граните, он закончил надпись.

Наконец он понял, что именно не давало ему покоя, когда он разглядывал серый гранит. Прочитать надпись смогут только гости из космоса. «Но как они поймут ее смысл?» — подумал он, раздраженно всматриваясь в творение собственных рук. Нужно было высечь не буквы, а символы. Но какие символы? Математические? Разумеется — но что они поведают им о Человеке? Да с чего он вообще решил, что они непременно натолкнутся на эту пещеру? Какой смысл в надписи, если вся история Человека и так написана на поверхности Земли, навечно вплавлена в земную кору атомным пламенем. Было бы кому ее прочесть... Он тут же выругал себя за то, что тупо потратил шесть дней на бессмысленную работу, и уже собрался растворить надпись, но обернулся, неожиданно услышав у входа в пещеру чьи-то шаги.

Он так вскочил со стула, что едва не упал.

Там стояла девушка — высокая, темноволосая, в грязном порванном комбинезоне. Он быстро моргнул, но девушка не исчезла.

— Привет, — сказала она, заходя в пещеру. — Я еще в долине слышала, как ты громыхаешь.

Он автоматически предложил ей стул и сотворил второй для себя. Прежде чем сесть, она недоверчиво пощупала стул.

— Я видела, как ты это сделал, — сказала она, — но... глазам своим не верю. Зеркала?

— Нет, — неуверенно пробормотал он. — Я умею... творить. Видишь ли, я способен... погоди-ка! Ты как здесь оказалась?

Он начал перебирать возможные варианты, еще не задав вопроса. Пряталась в пещере? Отсиделась на вершине горы? Нет, мог быть только один способ...

— Я спряталась в твоем корабле, дружище. — Девушка откинулась на спинку стула и обхватила руками колено. — Когда ты начал загружать корабль, я поняла, что ты намерен срочно смазать пятки. А мне надоело по восемнадцать часов в сутки вставлять предохранители, вот я и решила составить тебе компанию. Еще кто-нибудь выжил?

— Нет. Но почему же я тебя не заметил?

Он разглядывал красивую даже в лохмотьях девушку... и в его голове мелькнула смутная догадка. Вытянув руку, он осторожно тронул ее плечо. Девушка не отстранилась, но на ее симпатичном личике отразилась обида.

— Да настоящая я, настоящая, — бросила она. — Ты наверняка видел меня на базе. Неужели не вспомнил?

Он попытался вспомнить те времена, когда еще существовала база — с тех пор, кажется, миновал целый век. Да, *была* там темноволосая девушка, да только она его словно и не замечала.

— Через пару часов после взлета я решила, что замерзну насмерть, — пожаловалась она. — Ну, если не насмерть, то до потери сознания. Какая же в твоей жестянке паршивая система обогрева!

Она даже вздрогнула от таких воспоминаний.

— На полный обогрев ушло бы слишком много кислорода, — пояснил он. — Тепло и воздух я тратил только на пилотскую кабину. А когда шел на корму за припасами, надевал скафандр.

— Я так рада, что ты меня не заметил, — рассмеялась она. — Жуткий, должно быть, был у меня видик — словно зайндевевший покойник. Представляю, какая из меня получилась спящая красавица! Словом, я замерзла. А когда ты открыл все отсеки, я ожила. Вот и вся история. Наверное, пару дней приходила в себя. И как ты меня ухитрился не заметить?

— Просто я не особо приглядывался в кладовых, — признался он. — Довольно быстро выяснилось, что мне припасы, собственно, и не нужны. Странно, мне кажется, я все отсеки открывал. Но никак не припомню...

— А это что такое? — спросила она, взглянув на надпись.

— Решил оставить что-то вроде памятника...

— И кто это будет читать? — практически поинтересовалась она.

— Вероятно, никто. Дурацкая была идея. — Он сосредоточился, и через несколько секунд гранит снова стал гладким. — Все равно не понимаю, как ты смогла выжить, — удивленно произнес он.

— Как видишь, выжила. Я тоже не понимаю, как ты это проделываешь, — показала она на стул и стену, — зато признаю сам факт, что ты это умеешь. Почему бы и тебе не поверить в то, что я жива?

— Постарайся понять меня правильно, — попросил мужчина. — Мне очень сильно хотелось разделить с кем-нибудь свое одиночество, особенно с женщиной. Просто дело в том... отвернись.

Она бросила на него удивленный взгляд, но выполнила просьбу. Он быстро уничтожил щетину на лице и сотворил чистые выглаженные брюки и рубашку. Сбросив потрепанную форму, он переоделся и уничтожил лохмотья, а напоследок сотворил расческу и привел в порядок спутанные волосы.

— Порядок. Можешь поворачиваться.

— Недурно, — улыбнулась она, оглядев его от макушки до пяток. — Одолжи-ка мне расческу и... будь добр, сделай мне платье. Двенадцатый размер, но только по фигуре.

Он и не подозревал, насколько обманчивы бывают женские фигуры. Две попытки пошли прахом, и лишь с третьей он сотворил нечто подходящее, добавив к платью золотые туфельки на высоких каблуках.

— Жмут немного, — заметила она, примеривая обновку, — да и без тротуаров не очень-то практичны. Но все равно большое спасибо. Твой фокус навсегда решает проблему рождественских подарков, верно?

Ее волосы блестели на ярком послеполуденном солнце, и вообще выглядела она очень привлекательной, теплой и какой-то удивительно человечной.

— Попробуй, может, и ты сумеешь творить, — нетерпеливо произнес он, страстно желая разделить с ней поразительную новую способность.

— Уже пыталась. Все напрасно. И этот мир принадлежит мужчинам.

— Но как мне совершенно точно убедиться, что ты настоящая? — нахмурился он.

— Ты опять за свое? А помнишь ли ты, как сотворил меня, мастер? — насмешливо бросила она и присела ослаить ремешок на туфельках.

— Я все время думал... о женщинах, — хмуро произнес он. — А тебя мог создать во сне. Вдруг мое подсознание обладает теми же способностями, что и сознание? И воспоминаниями я мог тебя тоже снабдить сам — да еще какими убедительными. А если ты продукт моего подсознания, то уж оно бы постаралось провернуть все так, чтобы сознание ни о чем не подозревало.

— Чушь собачья!

— Потому что если мое сознание обо всем узнает, — упрямо продолжил он, — оно отвергнет твоё существование. А твоей главной функцией, как продукта моего подсознания, станет не дать мне догадаться об истине. Доказать всеми доступными тебе способами, любой логикой, что ты...

— Хорошо. Тогда попробуй сотворить женщину, коли твое сознание такое всесильное!

Она скрестила на груди руки, откинулась на спинку стула и резко кивнула.

— Хорошо.

Он уперся взглядом в стену пещеры. Возле нее начала появляться женщина — уродливое неуклюжее существо. Одна рука оказалась короче другой, ноги слишком длинные. Сосредоточившись сильнее, он добился более или менее правильных пропорций, но глаза по-прежнему сидели криво, а из горбатой спины торчали скрюченные руки. Получилась оболочка без мозга и внутренних органов, автомат. Он велел существу говорить, но из бесформенного рта вырвалось лишь бульканье — он забыл про голосовые связки. Содрогнувшись, он уничтожил кошмарную уродину.

— Я не скульптор, — признал он. — И не Бог.

— Рада, что до тебя наконец дошло.

— Но все равно это не доказывает, что ты *настоящая*, — упрямо повторил он. — Я не знаю, какие штучки способно выкинуть мое подсознание.

— Сделай мне что-нибудь, — отрывисто произнесла она. — Надоело слушать эту чушь.

«Я ее обидел, — понял он. — Нас на Земле всего двое, а я ее обидел». Он кивнул, взял ее за руку и вывел из пещеры. И сотворил на равнине город. Он уже пробовал подобное несколько дней назад, и во второй раз получилось легче. Город получился особый, он создал его, вспомнив картинки из «Тыся-

чи и одной ночи» и свои детские мечты. Он тянулся в небо, черный, белый и розовый. Рубиново мерцали стены с воротами из инкрустированного серебром черного дерева. На башнях из червонного золота сверкали сапфиры. К вершине самого высокого шпиля вела величественная лестница из молочно-белой слоновой кости с тысячами мраморных, в прожилках, ступенек. Над голубыми лагунами порхали птички, а в спокойных глубинах мелькали серебристые и золотистые рыбы.

Они пошли через город, и он создавал для нее белые, желтые и красные розы и целые сады с удивительными цветами. Между двумя зданиями с куполами и шпилями он сотворил огромный пруд, добавил прогулочную барку с пурпурным балдахином и загрузил ее всевозможной едой и напитками — всем, что успел вспомнить.

Они поплыли, освежаемые созданным им легким ветерком.

— И все это фальшивое, — напомнил он немного погодя.

— Вовсе нет, — улыбнулась она. — Коснись и убедишься, что все настояще.

— А что будет после моей смерти?

— Не все ли равно? Кстати, с таким талантом тебе любая болезнь ни почем. А может, ты справишься и со старостью и смертью.

Она сорвала склонившийся к воде цветок и вдохнула его аромат.

— Стоит тебе пожелать, и ты не дашь ему завянуть и умереть. Наверняка и для нас можно сделать то же самое, — так в чем проблема?

— Хочешь попробовать? — спросил он, попыхивая свежесотворенной сигаретой. — Найти новую планету, не тронутую войной? Начать все сначала?

— Сначала? Ты хочешь сказать... Может, потом. А сейчас мне не хочется даже подходить к кораблю. Он напоминает мне о войне.

Некоторое время они плыли молча.

— Теперь ты убедился, что я настоящая?

— Если честно, еще нет. Но очень хочу в это поверить.

— Тогда послушай меня, — сказала она, подавшись ближе. — Я настоящая. — Она обняла его. — Я всегда была настоящей. Тебе нужны доказательства? Так вот, я знаю, что я настоящая. И ты тоже. Что тебе еще нужно?

Он долго смотрел на нее, ощущая тепло ее рук, прислушиваясь к дыханию и вдыхая аромат ее волос и кожи. Уникальный и неповторимый.

— Я тебе верю, — медленно произнес он. — Я люблю тебя. Как... как тебя зовут?

Она на секунду задумалась.

— Джоан.

— Странно. Я всегда мечтал о девушке по имени Джоан. А фамилия?

Она поцеловала его.

Над лагуной кружили созданные им ласточки, безмятежно мелькали в воде рыбки, а *его* город, гордый и величественный, тянулся до самого подножия залитых лавой гор.

— Ты так и не сказала мне свою фамилию, — напомнил он.

— Ах, фамилия. Да кому интересна девичья фамилия — девушка всегда берет фамилию мужа.

— Женская увертка!

— А разве я не женщина? — улыбнулась она.

Содержание

Прикладная демонология

Царская воля, перевод Н. Евдокимовой	7
Бухгалтер, перевод В. Баканова	19
Демоны, перевод Н. Евдокимовой	28
Доктор Вампир и его мохнатые друзья, перевод Норы Галь	39
Заказ, перевод М. Черняева	50
Верный вопрос, перевод В. Баканова	57
Регулярность кормления, перевод А. Мельникова	65
О высоких материях, перевод Н. Евдокимовой	70

Повороты судьбы

Раздвоение личности, перевод Н. Евдокимовой	75
Травмированный, перевод Н. Евдокимовой	96
Вор во времени, перевод Б. Клюевой	116
Страж-птица, перевод Норы Галь	138
«Особый старательский», перевод А. Иорданского	161
Я вижу: человек сидит на стуле и стул кусает его за ногу, перевод В. Серебрякова	185

О жизни и любви

Бремя Человека, перевод Р. Гальпериной	213
Предварительный просмотр, перевод В. Бабенко	229
Склад Миров, перевод В. Ковалевского	238
Рыболовный сезон, перевод В. Белкина	246
Право на смерть, перевод А. Волнова	259
Охота, перевод В. Бабенко, В. Баканова	266
Ловушка, перевод А. Санина	279

Битва, перевод И. Гуровой	290
Хранитель, перевод М. Черняева	296
Заяц, перевод Н. Евдокимовой	313

Виньетки

Тем временем в Баналии..., перевод И. Васильевой	325
Трипликация, перевод А. Волнова	332
На берегу спокойных вод, перевод А. Волнова	337
Застывший мир, перевод В. Буки	342
Опека, перевод Р. Гальпериной	350
Из луковицы в морковь, перевод В. Баканова	362
Предел желаний, перевод В. Баканова	375
Попробуй докажи, перевод А. Волнова	384

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

ПРИКЛАДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ

Составитель *Д. Смушкович*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева,*

Н. Дундина, А. Хиршфельде

Оператор компьютерной верстки *Е. Глуховская*

Оформление шмутитулов: *В. Ковалев*

ЛР № 065224 от 17.06.97.

Подписано в печать 03.09.97. Формат 84×108¹/32.

Гарнитура Антиква. Печать высокая.

Усл. печ. л. 21,00. Тираж 10000 экз. Заказ № 1281.

ООО издательство «Полярис»
101000, Москва, Главпочтamt а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

**ЕДИНСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ В РОССИИ**

*Всем, любите
что фантастики!*

Журнал «Если» был основан в 1991 году, а с 1993 года распространяется преимущественно по подписке.

Ценители жанра найдут в «Если» лучшие образцы новейшей зарубежной фантастики. Залог тому – наше сотрудничество с двумя ведущими американскими НФ-журналами – Asimov's и Analog, критико-библиографическим изданием Locus, а кроме того, тесные контакты с крупнейшими литературными агентствами и ведущими зарубежными писателями.

«Если» внимательно следит за развитием отечественной фантастики. Ряд произведений российских авторов, напечатанных в нашем журнале, получили престижные премии.

В разделах критики и библиографии читателей ждут очерки, посвященные истории жанра, статьи о новейших течениях НФ и фэнтези, рецензии на новые книги, литературные портреты, встречи с писателями, новости фэндома.

Журнал выходит в удобном формате, с использованием современного дизайна, европейской бумаги, зарубежной полиграфии. Большой популярностью у читателей пользуется **красочный** раздел «**Видеодром**» – все о фантастическом кино.

Переписка с читателями сделала «Если» заочным клубом любителей фантастики и местом встреч поклонников жанра.

«ЕСЛИ» – это 300 страниц новейшей фантастики

Подписка на журнал проводится по объединенному каталогу «ПОДПИСКА-98» (1 том, раздел «Журналы»).

ИНДЕКС ЖУРНАЛА – 73118

Каталожная цена подписки на журнал – 48 тысяч рублей на полугодие плюс стоимость почтовых услуг.

Каталог есть в каждом почтовом отделении России.

«Прежде мы открывали новые миры, заселяли их. Теперь мы только обгладываем кости мертвой Федерации».

Миры Г. Бима Пайпера

Его сравнивали с АЗИМОВЫМ и ХАЙНЛАЙНОМ.

Его славе завидовали все современники.

Его имя гремело среди любителей фантастики.

Его карьеру прервала безвременная смерть.

Генри Бим Пайпер создал фантастический эпос, способный сравниться с «Академией», и самых очаровательных инопланетян в истории фантастики. Теперь любимый писатель патриарха американской фантастики Джона Кэмпбелла приходит в Россию.

Том 1
Маленький
пушистик
Пушистик
разумный

Том 2
Пушистики и
другие
Космический
викинг
Рассказы

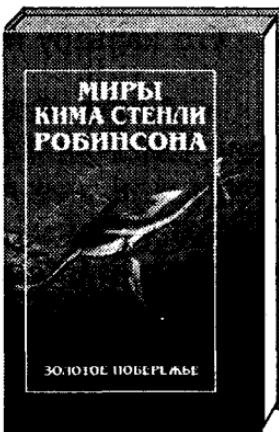
«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Миры Кима Стенли Робинсона

Он ворвался в фантастику, как вихрь. Он взлетел к вершинам славы за один год. Он стал основателем нового направления — гуманистической НФ.

Самый выдающийся гуманист НФ представлен тремя романами знаменитой Калифорнийской трилогии.

Том 1 Дикий берег

Том 2 Золотое побережье

Том 3 У кромки океана

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Зейн с ужасом увидал, что дверь медленно открывается. В проеме показалась темная фигура в плаще с капюшоном, из-под которого отчетливо виднелся череп...

Пирс Энтони **«Воплощения бессмертия»**

*Семь могучих сил правят миром —
Смерть, Время, Судьба, Война, Природа, Зло и Добро.*

*В борьбе Добра и Зла решится судьба рода людского.
Но и остальные пять сил сыграют свою роль.
Потому что они — тоже люди.*

С теми, кто воплощает бессмертие мира, читатель может познакомиться в одном из самых увлекательных сериалов самого популярного фантаста Америки, автора «Закоинания для хамелеона» и «Макроскопа» Пирса Энтони.

*В ноябре увидит свет первая из историй
о Воплощениях Бессмертия —*

«На коне блед»!

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

Роберт Шекли

От Атлантиды до наших дней, от Земли до самых дальних звезд несет читателя воображение неподражаемого и прославленного Роберта Шекли, одного из самых великолепных юмористов научной фантастики, чьи произведения не перестают радовать любителей НФ вот уже на протяжении четырех десятилетий. Нет другого писателя, который мог бы сравниться с ним. От веселого до ужасного, от нелепого до патетического, от доброй усмешки до горькой иронии и жестокой сатиры — таков диапазон его творчества.

Его рассказы, искрящиеся юмором и фантазией, многоголики как море. Но все они несут одну мысль: везде, где человек сталкивается с необычным, загадочным, удивительным и чуждым — с тем, чего мы не понимаем, обращаться надо с осторожностью! Иначе незадачливые покорители природы, как герои рассказов блестательного фантаста, могут оказаться в положении рыбака, выпустившего из бутылки сказочного джинна. А науки по обхождению с демонами науки — как и любыми другими — еще не придумано...

ПРИКЛАДНАЯ
ДЕМОНОЛОГИЯ

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997